

Террор и память

Эта книга опубликована в серии *Lettres* под руководством
Кинги Каллебат и Любы Юргенсон

Rédaction :
Stéphanie Cirac
Tél. : 01 43 26 66 03
stephanie.cirac@paris-sorbonne.fr

Diffusion :
Institut d'études slaves
9 rue Michelet, 75006 Paris
Tél. : 01 42 02 27 54
07 72 28 61 13
ies.commandes@orange.fr

En ligne
OpenEdition
<https://eurorbem.sorbonne-universite.fr>

Paris, 24.02.2025

Террор и память

Политический неомедиевализм и рестаилинизация в путинской России

Дина Хапаева
Georgia Institute of Technology (Atlanta)

Перевел на русский язык
Дмитрий Прокофьев

ЕОЕ поддерживает свободные & многоязычные
публикации

Эта книга опубликована под грифом «Тамиздат».

Под редакционной и научной ответственностью
Стефани Сирак и Ирины Черневой,
Тамиздат поддерживает публикацию на русском, украинском и
белорусском языках произведений, издание которых оказалось
невозможным в Украине из-за военной агрессии России, и с другой
стороны в России и Беларуси из-за политического подавления
свободы слова.

Книга издана при финансовой поддержке:

Georgia Institute of Technology

CNRS

EOE supports free & plurilingual publishing.

This book is published with the Tamizdat label.

Under the editorial and scientific responsibility of
Stéphanie Cirac and Irina Tcherneva,
the Tamizdat label supports the publication of books in the original
Ukrainian, Russian and Belarusian languages, whose publication is hindered
in Ukraine by Russian military aggression, and in Russia and Belarus
by authoritarian political regimes.

It was published with the financial support of

Georgia Institute of Technology

CNRS

Редакторы
Stéphanie Cirac, Olena Savchuk

Содержание

Предисловие к русскому переводу	9
Предисловие и благодарности	13
◉	
Введение	23
I. Политический неомедиевализм, память палачей и мобмемори	49
II. Неомедиевальная политика Путина	77
III. Постсоветские историки и религиозные активисты об опричнине Ивана Грозного	129
IV. Российские ультраправые в ожидании новой опричнины	179
V. Опричнина и крепостное право в популярной культуре и общественных дебатах.....	209
VI. Ресталинизация в путинской России.....	257
VII. Проработка прошлого по-русски: мобмемори в прозе Владимира Шарова.....	309
VIII. Заключение: апокалипсис как практика.....	353
◉	
Библиография	425
Bibliography	455

«В “Терроре и памяти” Дина Хапаева излагает оригинальный взгляд на российского президента и его апокалиптическое, реакционное мировоззрение, доказывая, что оно носит не только неосталинистский, но и неомедиевалистский характер. Ясно написанная, глубоко проработанная и наводящая на размышления книга.»

Энн Эпплбаум, *The Atlantic*, США

«В этой увлекательной новаторской работе Дина Хапаева предлагает новую точку зрения на путинский режим как часть более широкого культурного феномена — неомедиевализма в тоталитарном политическом воображении. Эту книгу необходимо прочитать всем тем, кто хочет понять войну Путина против Украины и его политику памяти.»

Сергей Екельчик, Университет Виктории, Канада

«Поучительное расследование, необходимая книга для понимания природы путинизма — сочетания ресталинизации с многогранным неомедиевализмом. Безжалостное вскрытие террористического режима.»

Франсуа Артог, Высшая школа социальных наук, Франция

«“Террор и память” — поразительно своевременный вклад в изучение российской истории, памяти и политики. До 24 февраля 2022 года еще было возможно считать феномены, описанные в этой книге, — неомедиевализм, неоевразийство, прославление Ивана Грозного и Сталина и т. д. — явлениями любопытными, но маргинальными. Как убедительно показывает Хапаева, на самом деле они представляются собою жизненно важные, центральные черты нынешнего российского общества — симптомы явного антимодернистского мировоззрения, обретшего необычайное пагубное могущество.»

Кевин М. Ф. Платт, Университет штата Пенсильвания, США

За два десятилетия до войны с Украиной Кремль начал «специальную» против российской исторической памяти, агрессивно переформулировав понимание страной ее собственной истории и идентичности. Если роль пропаганды Второй мировой войны в подготовке России к войне против Украины хорошо изучена, то прославление русского средневекового общества и его властителей в качестве важного источника поддержки путинизма все еще остается неисследованным. В этой книге впервые проводится сравнение путинского политического неомедиевализма и ресталинизации, и предлагаются понятия *памяти палачей* и *мобмемори* для изучения тех новых способов пропаганды террора, к которым прибегает правый популизм. Автор показывает, что прославление опричнины (режима государственного террора Ивана Грозного, 1565–1572) шло параллельно с реабилитацией сталинизма. Целью этой мемориальной политики была и остается реставрация Российской империи. Постсоветская ситуация позволяет предположить, что всемирная одержимость средневековьем — не чисто эстетическое движение, а потенциальное оружие для борьбы против демократии.

Книга предназначена для студентов, исследователей и неспециалистов, стремящихся понять политику России и поддержку террора, развязанного в Украине, со стороны российских граждан.

Дина Хапаева — профессор Технологического института Джорджии, США. В число ее последних книг входят *Crimes sans châtiment* и *The Celebration of Death in Contemporary Culture* (Хапаева, 2023; 2017). До 2009 года она была директором по научной работе Смольного института свободных искусств и наук и преподавателем Санкт-Петербургского государственного университета.

Моей маме

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

В химической лаборатории памяти, где, по словам Марселя Пруста, хранятся и лекарства, и смертельные яды, Кремль со своими подручными двадцать лет ставил опыты. Эти опыты увенчались немалым успехом: белые пятна отрицания советских преступлений окрасились красно-коричневой жаждой войны и террора. Катализатором этого процесса стала отечественная история. Для этого потребовалось представить ее самые мрачные страницы — опричнину и сталинизм — в качестве лучшего, что есть в национальном наследии. Раздувая миф о «Великой победе» и о доблестях средневековых вояк, путинские пропагандисты объявили войну и разбой главным достоинством и главной силой русских.

Я начала писать эту книгу еще до войны, но она отчасти показывает, что война была неизбежным итогом путинской политики памяти и того понимания истории России, с помощью которого сегодняшний преступный режим пытается обосновать свою легитимность. Путинизм дает классический пример того, как происходит отмирание идеологии и ей на смену приходит политика памяти.

Эта книга о том, почему государственный террор опять стал популярной народной идеей и предметом гордости россиян. Она о том, какие силы формировали исторический нарратив, согласно которому русские имеют право и должны вновь завоевать своих соседей, загнать под пяту народы, которые освободились от их гнета тридцать лет и три года назад. И почему идея новой опричнины, произросшая из самых замшелых углов правого популизма, вдруг предстала «единственным спасением России» от коррупции и «тридцати миллионов деградантов», и даже ее особой «традицией гражданского общества». Ибо рецидив имперской болезни русских неизбежно влечет за собой всплеск всех остальных антидемократических симптомов — тягу к сословному порабощению, монархии и православному фундаментализму.

Но сколь бы специфичной ни была русская история, сколь бы самобытными ни казались происходящие в ней процессы, сколь бы яростно она ни пыталась отрицать внешние влияния, надо помнить, что Россия — лишь незначительная часть огромного мира. Что вовсе не значит, конечно, что «Запад в ответе за путинизм». И что кремлевская коррупция западных политиков и интеллектуалов не сыграла важную роль в поддержке путинского режима и не внесла свою лепту в разложение демократии на Западе. Мировые тренды — кризис демократии, распад веры в прогресс и кризис будущего — породили моду на ужасы средневековья и презрение к человеческой жизни и достоинству. Все это помогло путинизму стать тем, чем он является сегодня. Без этого глобального контекста он никогда не смог бы превратиться в столь несообразный нарост на теле геополитики. Россия была и остается Парком Юрского периода для разнообразных вирусов, которым приходится туго в других обществах, а в ней они приобретают гипертрофированные, уродливые формы.

Многие весьма уважаемые мной люди верят в то, что путинизм не опирается на «поддержку масс». И что нужно совсем немного, чтобы он рухнул, и в России восторжествовала демократия и власть закона. И что «народ безмолвствует» не потому,

что он давно и прочно вступил в преступный сговор с властью, провозгласившей грабеж, насилие и воровство своими главными ценностями под именем «восстановления империи», а потому, что он подавлен репрессивным режимом. И что среди миллиона солдат, оплаченных нефtedолларами, большинство шли и продолжают идти убивать украинцев не ради того, чтобы поучаствовать в грабеже и разбое, а лишь «повинуясь грубому насилию». Мне в это верится с трудом.

И тем не менее, мне очень хотелось, чтобы эта книга вышла на русском языке и стала доступна русскоязычным читателям. При Путине переформатирование памяти россиян шло долго и неуклонно, постоянно создавая уверенность в том, что память палачей всегда торжествует. А эксплуатация средневековой истории и истории сталинизма бесперебойно поставляла обитателям путинского режима «неопровержимые доказательства» верности этого правила.

Поэтому когда у меня случаются — редкие — приливы оптимизма, мне хочется надеется, что задокументировав историю формирования путинской памяти палачей, указав ее конкретные источники и вскрыв механизмы ее нечистой работы можно пошатнуть уверенность тех, кто привык считать прокремлевскую версию памяти о терроре своей исторической памятью, а кремлевский коллаж по мотивам русской истории — своей родной историей.

Надежда умирает последней, особенно в России.

Мой приятный долг — выразить признательность тем, кто сделал возможным появление этой книги на русском языке. Моя самая глубокая благодарность — моему переводчику, Дмитрию Прокофьеву, работать с которым было большим удовольствием. Дмитрий не только сделал замечательный, точный и элегантный перевод моего текста, но и закончил его исключительно быстро. Его внимание и помощь способствовали улуч-

шению книги и переадресации ее русскому читателю.

Я очень благодарна Любе Юргенсон за предложение опубликовать перевод в открытом доступе в издательстве Eur'Orbem Editions (Sorbonne Université-CNRS) под грифом с замечательным названием — «Тамиздат». Так подтвердилось мое давнее предчувствие, что мои книги рано или поздно будут издаваться в тамиздате. Стефани Сирак проделала огромную издательскую работу, и за это ей тоже большое спасибо.

Меня обрадовало, что моя Школа современных языков Технологического института Джорджии, ее директор, Джон Лайон, и Комитет школы приняли решение спонсировать этот перевод и я признательна за их поддержку.

Я работала над переводом в Институте перспективных исследований Страсбургского университета (USIAS), где я была приглашенным исследователем. Это было прекрасное время, и я искренне благодарна Рифке Вейюйзен за теплую, дружескую и творческую атмосферу, которую ей удалось создать в USIAS.

Издательство Рутледж и его редактор, Роберт Лангхем, отдали мне права на перевод моей книги на русский, и спасибо им за это.

Мне хочется поблагодарить моих друзей и коллег, отношениями с которыми я очень дорожу — Франсуа Артога, Джефа Брукса, Бориса Вишневого, Татьяну Вольтскую, Дмитрия Дубровского, Сергея Екельчика, Тамару Кондратьеву, Эмилию Кустову, Кевина Платта, Кэрил Эмерсон, Ричарда Утца, а также друзей, которые остались в России и кого я не могу здесь назвать. Но они знают, что они дороги мне.

Николай Копосов, замечательный историк, мой муж и самый строгий критик, а также наша кошка Варька окружали меня своим теплом, за что я очень признательна им обоим.

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Польско-украинские силы были буквально раздавлены, к тому же перед русскими войсками была поставлена задача уничтожить максимальное количество живой силы, зданий и сооружений. В результате к 5 октября — это дата окончания русско-польско-украинской войны — было убито более 600 тысяч человек, из них более двух третей — гражданское население, потери же русских составили не более 11 тысяч. Такие древние города, как Варшава и Краков, и многие другие были сильно разрушены, а Львов буквально стерт с лица земли, причем, судя по всему, вполне сознательно.

Юрьев, 2007, С. 102.

Так завершается восстановление Российской империи в романе «Третья Империя. Россия, которая должна быть» (Юрьев, 2007). Его автор, бывший вице-спикер российской Государственной думы и успешный бизнесмен Михаил Юрьев (1959–2019), был членом политсовета ультранационалистического Международного евразийского движения¹. Прославивша-

1. Та высокая оценка, которую дал книге Юрьева Путин, была хорошо известна российским журналистам (*Ведомости*, 2014, <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/03/02/stroiteli-tretej-imperii> ; *Republic.ru*, 2014, <https://republic.ru/authors/41541>). У Юрьева были тесные связи с несколькими членами ближнего окружения Путина. Он инвестировал средства в компанию American Ethane вместе с Романом Абрамовичем и Александром Волошиным, который возглавлял путинскую Администрацию президента с 1999 по 2003 год. В 2013 году наперсник Путина, бывший агент КГБ Игорь

яся в среде российских ультраправых утопия Юрьева — один из многих текстов, сформировавших политическую программу Путина. Зверства, творящиеся в Украине, — уничтожение гражданского населения, опустошение городов и разорение мирной соседней страны — служат иллюстрацией того, насколько «Третья Империя» предвосхитила российскую военную стратегию. Этот роман, который выглядит почти что геополитическим учебником Путина, с поразительной точностью предсказал наступательные военные операции России: войну с Грузией (2008 год), аннексию Крыма (2014), вторжение в Донецк и Луганск (2014) и развязанную в 2022 году войну с Украиной. Высказывания российских милитаристских ястребов вроде экс-президента России Дмитрия Медведева, недвусмысленно заявлявшего, что Польша «не должна существовать для нас, пока у власти находятся одни русофобы»², а Украина «не нужна никому на планете. Именно поэтому её не будет»³, точно отражают мировоззрение Юрьева. Роман Юрьева, как и многие другие публикации ультраправого толка, полон фантазиями о российском завоевании Европы и Соединенных Штатов (Украину и Польшу создатели таких произведений считают лишь побочными целями).

Но главное внимание в этих текстах сосредоточено на будущей социальной структуре и системе управления самой Россией. Российские ультраправые ратуют за возврат к Средним векам, к самодержавию и религиозному фундаментализму, занимающим столь важное место в утопии Юрьева. Юрьев описывает Россию будущего авторитарической империей, построенной на основе сословного общества и управляемой «опричниками» — новейшей реинкарнацией личной гвардии Ивана Грозного, которая терроризировала Россию с 1565 по 1572 год, подчиняясь непосредственным приказам царя:

Сечин назначил Михаила Леонтьева, протеже Юрьева и его партнера по проекту аналитической телепрограммы и медиа-ресурса «Однако», вице-президентом компании «Роснефть».

2. <https://twitter.com/MedvedevRussiaE/status/1652288155918188545>

3. https://vk.com/dm?w=wall53083705_54704

[Е]сли бы сейчас, в 2053 году, имеющуюся Конституцию России вынести на референдум с участием всех граждан, то ее не поддержала бы и четверть. Но в том-то и дело, что никто, кроме опричников, не может участвовать в референдумах. [...] Так что я считаю российскую политическую систему, построенную на сословности, абсолютно стабильной в обозримой перспективе [...] Будут, конечно, кризисы и даже восстания — они, собственно, уже имели место [...] — но опричники любые бунты утопят в крови, причем с удовольствием, потому что для них [...] это будет поединок с дьяволом. Я не могу представить, кто и что может поколебать, а тем более смести опричную власть — к слову, вопреки тому, что у нас думают, вовсе не кровавую и вообще не репрессивную.

Юрьев, 2007, С. 199, 203.

В отличие от агрессивной внешней политики Кремля, его милитаристского культа Второй мировой войны и его дискурса ксенофобии и гендерной нетерпимости, ультраправые проекты восстановления средневековых порядков до сих пор не привлекали большого внимания исследователей. Однако они принципиально важны для понимания путинизма.

Я утверждаю, что еще до «специальной военной операции» — как Кремль официально называет свою катастрофическую войну против Украины — была осуществлена другая «специальная операция» над исторической памятью россиян: операция по агрессивному перекраиванию самосознания страны и существующего у нее понимания собственной истории. Среди разнообразных исторических манипуляций Кремля с 2000 года есть одна принципиально важная составляющая — политический неомедиевализм, то есть направление исторической политики, использующее аллюзии на средневековье в антидемократических целях. Прославляя средневековое прошлое России, что напоминает преклонение перед германским средневековьем у нацистов и их предшественников [О влиянии средневековой мифологии на нацизм] (Goodrick-Clarke, 1985), Кремль пытается убедить российских граждан, что теократическая монархия, крайние проявления социального неравенства и государствен-

ный террор составляют предмет национальной гордости россиян и есть ни что иное, как традиционный российский способ управления страной, а восстановление империи – законная цель России. Эта полномасштабная политика памяти проводится повсюду, от государственных мероприятий и низовых инициатив, законов, памятников, мемориалов, музеев, политических памфлетов и исторических сочинений до писаний религиозных и сектантских активистов, популярных фильмов и художественной литературы.

Важно подчеркнуть, что политический неомедиевализм слит воедино с ресталинизацией. За «подспудной ресталинизацией» позднесоветских 1960-х и 1970-х годов последовала радикальная десталинизация конца 1980-х и 1990-х годов при Михаиле Горбачеве и Борисе Ельцине. Затем, уже при Путине, ресталинизация вернулась на сцену в качестве полноценной политики памяти. Поэтому два главных эпизода государственного террора в истории России — опричнина Ивана Грозного и сталинские репрессии — столь же важны для моего исследования, сколь и для исторической памяти и общественных дискуссий постсоветского времени.

Эта книга доказывает существование организованной неомедиевальной политики памяти, которое еще не стало общепризнанным фактом, потому что проявления этой политики обычно представляются единичными, несвязанными между собой событиями. Впервые систематически сравнивая постсоветский неомедиевализм и ресталинизацию 2000–2023 годов, я показываю, что эти тенденции постсоветской политики памяти пропагандируют сходные ценности и идеи. Они сыграли решающую роль в милитаризации российского общественного мнения, в консолидации общественной поддержки оккупации Крыма и в представлении вторжения в Украину в качестве элемента векового — длящегося со Средних веков по сей день — конфликта России с «агрессивным Западом».

Мой подход основывается на предпосылке, что понимание истории, памяти и культуры России невозможно вне глобаль-

ного контекста — не в последнюю очередь потому, что Запад играет центральную роль в русском национальном самосознании. Поразительная одержимость России Западом — будь то в форме идеализации или ненависти, — сохраняющаяся на протяжении всей ее истории, составляет единственную по-настоящему уникальную черту «русскости», ядро русского национального самосознания.

Конечно, политический неомедиевализм — явление не исключительно постсоветское. Хотя США отстают от России по части государственной эксплуатации неомедиевализма, усиление неомедиевализма при Дональде Трампе — от марша ультраправых в Шарлотсвилле до штурма Капитолия, в котором весьма явно присутствовала неомедиевальная символика, — стало новой американской реальностью. Кракен, гигантское морское чудовище из древнескандинавского фольклора, фигурировал в вымыслах трампистов об «украденных выборах» (*CNN*, 2021). Среди сторонников Трампа по-прежнему широко распространена теория заговора QAnon, согласно которой он борется против тайной клики сатанистов (*BBC News*, 2022). Трамп и его союзники часто описывают свои действия, прибегая к средневековым аллюзиям: к примеру, ему, по-видимому, нравилось, что его проект пограничной стены называли «средневековым»⁴. А бывший главный стратег Белого дома Стив Бэннон заявлял: «Мне, собственно, хотелось бы вернуться в старые времена тюдоровской Англии: я бы понасаживал головы на пики [...]» (*Huffington Post*, 2020). (Поклонникам политического неомедиевализма, где бы они ни находились географически, вообще свойственна апология террора⁵.) Подражая Трампу, Бэннон тоже одобрительно высказывался о Путине и в особенности об основателе Международного евразийского движения

4. См.: *The Washington Post* (2019). Его сына, Дональда Трампа-младшего, сфотографировали с оружием, на котором красовались средневековые эмблемы (*CNN*, 2020).

5. О тесных связях между российскими и западными ультраправыми см.: Shekhovtsov (2017).

Александре Дугине (Hawk, 2019), скандально известном своими неофашистскими взглядами и призывами покорить Украину⁶. Правда, следует отметить, что и критики Трампа — как и противники Путина в России — также нередко прибегают к нелестным средневековым метафорам.

Поскольку Путин видит в демократии угрозу своей власти, прокремлевские новостные издания восторженно представляли события, произошедшие на Капитолии 6 января 2020 года, всплеском средневекового хаоса. Одно из ведущих СМИ радостно снабдило свое сообщение заголовком «На штурм Капитолия шли шаманы и викинги» (*vesti.ru*, 2021-б), а в другом, воспользовавшись самокритикой Запада, процитировало журналистку CNN Джилл Догерти, которая сказала, что США никогда больше не смогут претендовать на роль образца демократии (*vesti.ru*, 2021-а).

Глобальное увлечение «всеми средневековыми» часто ошибочно принимают за чисто эстетическое явление. Однако в постсоветском контексте ясно виден его антидемократический потенциал. Анализ путинизма помогает проследить родственные факторы, которые могут приводить к сходным политическим результатам даже в странах с более прочными демократическими традициями. Как предупреждает Энн Эпплбаум, «при наличии соответствующих условий любое общество может обратиться против демократии» (Applebaum, 2020).

Мое исследование выявляет два общих фактора, которые лежат в основе расцвета политического неомедиевализма в России и на Западе. Во-первых, кризис будущего — отсутствие уверенности в том, что будущее будет лучше настоящего, и неверие в общественный прогресс — породил веру в то, что

6. «Евразийство работает на нескольких разных уровнях [...] Это и интеллектуальная идея, и политическая программа, и [...] государственная политика» (Sheiko & Brown, 2017). Я не говорю здесь о Льве Гумилеве и Александре Панарине, так как ни тот, ни другой не проявлял большого интереса к «новому средневековью».

историческое время можно обратить вспять, а историю можно повторить. Из этого перевернутого видения исторического времени проистекает неомедиевальное мировоззрение, включающее в себя увлечение эсхатологическими верованиями. Второй фактор — пренебрежительное отношение к человеческой жизни и человеческому достоинству, коммерциализированное популярной культурой и пропагандируемое разнообразными политическими, религиозными и философскими учениями в России и на Западе. Усиление неомедиевальной политики памяти и расцвет коммерциализированного антигуманизма — это проявления глобального кризиса либеральной демократии.

Когда моей маме было девять лет, всего за несколько дней до начала войны, она присутствовала при аресте своего отца, Кирилла Федоровича Николаюка, директора школы в белорусском городе Гомеле. Он погиб в лагерях, и мы до сих пор не знаем, где он похоронен. В хаосе немецкого наступления ни моя бабушка, учительница математики, ни мама не были арестованы как члены семьи врага народа. Они были эвакуированы незадолго до оккупации Гомеля в августе 1941 года. Бабушка так больше и не вышла замуж, и я росла, слушая ее рассказы о дедушке. Мой интерес к памяти о сталинизме и ее воздействию на российскую политику вырос из истории моей семьи. Исследования этой темы важны потому, что наследие той эпохи по-прежнему оказывает трагическое влияние на судьбы и отдельных семей, и целых стран.

В этой книге я опиралась на работы Руслана Григорьевича Скрынникова, Льва Самойловича Клейна, Арона Яковлевича Гуревича и Юрия Львовича Бессмертного. Их исследования и личные истории способствовали подрыву советских исторических догм и русского национализма. Они формировали мое понимание истории еще со студенческих лет.

Хотя я не применяла к России подход *lieux de mémoire*, как советовал мне Пьер Нора, когда я работала над русским перево-

дом «Мест памяти» (Нора, 1999), его методология всегда играла в моих исследованиях чрезвычайно существенную роль. Большое влияние на мои размышления об исторической памяти оказала Габриэль М. Шпигель, и я благодарна за ее советы про части этой книги.

Я многим обязана коллегам, помощь и поддержка которых были чрезвычайно ценны для меня на разных этапах этой работы: Франсуа Артогу, Алену Блюму, Джеффри Бруксу, Сергею Екельчику, Софи Кере, Эмили Кустовой, Кевину М. Ф. Платту, Ансону Рабинбаху, Ричарду Утцу, Кэрил Эмерсон и Энн Эпплбаум.

Я благодарна за тот теплый прием, который оказали моим лекциям, докладам и статьям Владимир Берелович, Татьяна Вольтская, Борис Дралюк, Катриона Келли, Светлана Крысь, Тарас Кузьо, Сабина Лориго, Кеннет Мерфи, Гьянендра Пандей, Рут Пенфолд-Маунс, Мария Романец, Лариса Рязанова-Кларк, Жак Линн Фолтин, Питер Фуртадо и Майкл Хвиид Якобсен.

Мне представилась счастливая возможность использовать в работе дружеские дискуссии с Полом Фридманом, Дайаной Хикс, Натали Эйниш, Джоном Криге, Николя Тензером и Дмитрием Дубровским. Однако никто из моих коллег или друзей не несет никакой ответственности за суждения, представленные в этой книге.

Я благодарна Кей Хасбандс Филлинг, декану Колледжа гуманитарных наук имени Айвена Аллена Технологического института Джорджии, за ее поддержку и за возможность заниматься научно-исследовательской работой в течение весеннего семестра 2023 года, без которого мне было бы трудно довести этот проект до завершения.

Кафедра русского и восточноазиатских языков и культур университета Эмори и ее руководительница Жюльетт Степанян-Апкарян пригласили меня на время моего семестра научно-исследовательской работы в Эмори, и я признательна за эту возможность.

Работа приглашенным профессором Высшей школы социальных наук (EHESS) в Париже в 2016 году помогла мне сформулировать программу исследований для этой книги и обогатила мое понимание французских дискуссий об исторической памяти.

Жан Вьяр опубликовал второе издание превосходного французского перевода моей книги «Готическое общество. Морфология кошмара» (Хапаева, 2007), выполненного Ниной Кехаян и вышедшее под названием *Crimes sans châtement* [Преступления без наказания] (Кхараева, 2023). Здесь я хотела бы поблагодарить их обоих.

Я благодарна Роберту Лангему и его коллегам из издательства Routledge, а также анонимным рецензентам, за их рекомендации, а Лив Блисс — за вычитку моей рукописи.

Если у этой книги есть хоть какие-то достоинства, все они — заслуга Николая Копосова, моего мужа и самого великодушного и энергичного из моих критиков. Его колоссальная моральная и интеллектуальная поддержка жизненно необходима мне во всем, что я делаю.

Введение

Путинизм и война

Политическими и культурными явлениями, которые анализируются в этой книге, долго было принято пренебрегать, считая их маргинальными чертами российской жизни, потому что они идут вразрез с модернистским мировоззрением. До 24 февраля 2022 года вера в рациональность и предсказуемость Путина была ключевым элементом наращивания зависимости Европы от российской нефти и газа. На протяжении двух десятилетий многочисленные наблюдатели утверждали, что политика Путина соответствует национальным интересам России¹. В близком родстве с этим мнением состоят и заявления о том, что политика Кремля не подвержена влиянию российских ультраправых и их иррациональных идей. В частности, сторонники этой позиции уверяли, что нет никаких доказательств того, что Путин читает ультраправую литературу. Следовательно, рассуждали они, роль такого рода экстремистов внутри «консервативного» путинского режима остается маргинальной. Эти голоса не вполне заставила замолчать даже война против Украины.

1. Даже в то время, когда происходила аннексия Крыма, эту точку зрения продолжали горячо отстаивать: Mearsheimer (2014), Cohen (2014), www.thenation.com/article/archive/distorting-russia/. См. также: Cohen, Pozner, Applebaum & Kasparov (2015).

Действительно, Путин культивировал образ предсказуемого и рационального политика — в противоположность «алкоголику Ельцину» — с того самого времени, когда он утвердился у власти в 2000 году. Страх распространения ядерного терроризма после краха советского режима усиливал желание видеть в Путине «гаранта стабильности» постсоветского пространства. Несмотря на многочисленные признаки связей Путина с санкт-петербургскими мафиозными структурами и ответственности ФСБ за взрывы московских жилых домов осенью 1999 года, преступления, совершенные путинскими спецслужбами в отношении заложников Беслана и «Норд-Оста», ужасы Второй чеченской войны, бывшей лишь предвестием других, позднейших войн², а также бесчисленные нарушения прав человека в России, навязчивые рассуждения о том, что Россия заслуживает «признания», а ее руководитель — «уважения», долго пользовались популярностью как в деловых, политических и культурных кругах Запада, так и у российской общественности. Высказывания Путина о его ненависти к Украине и Западу и угрозы ядерным армагеддоном воспринимались как пустое бряцание идеологическим оружием. Даже вмешательство в американские выборы 2016 года не заставило относиться к путинизму как к политическому выродку (Feifer, 2016).

Опубликованная в июле 2021 года статья Путина, в которой он отказал украинскому государству в праве на существование и отрицал наличие у украинцев национальной самобытности, стала для западной аудитории неожиданностью (*kremlin.ru*, 2021-а³). Тем не менее, в то время мало кто на Западе счел эти заявления подготовкой к вторжению. А когда Кремль развязал войну, мир был ошеломлен утверждениями российской

2. Подробнее см.: Felshtinsky & Pribylovsky (2008), Gessen, (2012), Dawisha (2014); См. также: “Putin’s Asymmetric Assault on Democracy in Russia and Europe: Implications for US National Security.” A Minority Staff Report Prepared for the Use of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 115th Congress, Second Session, January 10, 2018.

3. <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>

пропаганды о том, что украинцы — нацисты, а долг России — «денацифицировать Украину» и спасти этнических русских от украинской тирании (*The Guardian*, 2022-b). Однако для жителей России в этом не было ничего неожиданного: их на протяжении двух десятилетий готовила к путинской «реконкисте» утраченной империи кремлевская политика ресталинизации, сосредоточенная в первую очередь на культе советской победы во Второй мировой войне.

До войны западным СМИ было не слишком свойственно называть политику Путина «средневековой», хотя иногда этот термин использовали в насмешку над его действиями или чтобы намекнуть, что в России происходит нечто странное (*The Conversation*, 2018 ; Shtepa, 2021). Но с начала войны пораженные западные наблюдатели стали то и дело сравнивать ведение Россией этой войны со средневековым варварством. Заголовки вроде «Так воюет Россия. Путина не смущают зверства средневекового масштаба» стали привычными для крупнейших новостных изданий (*The Guardian*, 2022-c⁴; *The Washington Post*, 2022; *The Independent*, 2022; *CNN*, 2022; *Quillette*, 2022⁵).

Абсолютно иррациональный характер этой войны потряс геополитическое мышление двадцать первого века и вызвал к жизни сильные средневековые ассоциации (*The Guardian*, 2022-a). Что в мире больших данных и глобальных рынков, сотрудничества и конкуренции в научно-технических и экономических сферах могло послужить поводом для средневековой жадности территориальных захватов? Однако тема реставрации российской/советской империи была неотъемлемой частью неомедиевальной пропаганды Кремля еще с середины 2000-х годов.

Заявления Кремля о том, что украинцы вступили в сговор с дьяволом, тоже поразили западную публику, причем до такой

4. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/02/ukraine-russia-vladimir-putin-medieval-levels-of-brutality>

5. <https://quillette.com/2022/03/03/vladimir-putins-medieval-mindset/>

степени, что даже вызвали сомнения, могут ли русские в самом деле верить в подобные идеи (Kluth, 2022). Но эта мифологема — существенная составляющая неомедиевальной политики памяти и порождающего ее эсхатологического мышления — последовательно пропагандировалась Русской православной церковью, различными православными сектами и многими ультраправыми активистами, с которыми читатель еще встретится на страницах этой книги. Основная причина враждебности России по отношению к Западу излагается и в утопии Юрьева «Третья Империя»: дело в том, что Запад — обиталище Сатаны, а долг русских — победить его (Юрьев, 2007, С. 124). Из этой идеи непосредственно вытекает и заявление патриарха Кирилла⁶ о том, что российским солдатам, погибшим в Украине, будут отпущены все грехи (Smith, 2022). В этом же ключе разъяснял соотечественникам причины войны и нынешний заместитель председателя Совета безопасности Дмитрий Медведев: «Цель [—] остановить верховного властелина ада, какое бы имя он ни использовал — Сатана, Люцифер или иблис⁷».

Для того чтобы на Западе начали осознавать, что Путин и Кремль действительно могут эксплуатировать такие неомедиевальные фантазмы, понадобилась война. Недаром путинский министр иностранных дел Сергей Лавров рассказал в интервью газете *Financial Times*, что узнал о нападении России на Украину накануне, и объяснил свое неведение тем обстоятельством, что «у Путина всего три советника — Иван Грозный, Петр Великий и Екатерина Великая» (*Financial Times*, 2023-b).

По правде сказать, достоверных свидетельств о том, что именно читают, знают и думают Путин и его клика, имеется мало. Путинский Кремль — «закрытое общество», из которо-

6. Владимира Гундяева, главы Русской православной церкви с 2009 года и, как утверждают, бывшего агента КГБ (France 24, 2023).

7. https://t.me/medvedev_telegram/206. См. такое же утверждение Александра Дугина: «На сей раз сатанинский характер главного противника Святой Руси больше не метафорический. Это просто и прямо орды Антихриста» (*Столица*, 2022, 2 ноя.).

го поступает наружу лишь очень скудная информация. Но мы знаем, что эти люди финансируют, в чью честь они устанавливают памятники, какие книги и фильмы они спонсируют, и так далее. Мы также можем сравнивать идеи, сформулированные в этих книгах, фильмах и политических памфлетах с реальной политикой режима. Любые выводы, к которым мы придем, исходя из этого, останутся лишь гипотезами, подкрепленными косвенными данными. Тем не менее, материалы, собранные в этой книге, позволяют утверждать, что политический неомедиевализм и его двойник, ресталинизация, составляют существенный аспект пропаганды Кремля и его пособников.

Кремлевские идеологи (к примеру, Владимир Мединский, бывший с 2012 по 2020 год министром культуры Российской Федерации, а сейчас работающий помощником президента) заявляют, что «[в истории] нет вообще никакой “абсолютной объективности”» (*Российская газета*, 2017-6). Кремль активно использует постмодернизм в качестве оружия, исходя из убеждения в том, что люди неспособны вести себя как рациональные субъекты: чем больше на них воздействуют неразбериха, искажения и противоречия, тем легче ими манипулировать⁸. Есть все основания полагать, что эта пропаганда глубоко укоренилась в сознании значительной части граждан России, и я считаю ее успех одной из причин той поддержки, которую российские граждане оказывают режиму. В соответствии с драматургическим принципом Чехова, согласно которому ружье, висящее на стене в первом акте, должно выстрелить до конца пьесы, путинская политика памяти внесла существенный вклад в сплочение российского населения для войны.

Трудно назвать точное число граждан России, которые действительно поддерживают войну, так как в тоталитарных обществах опросы общественного мнения по острым политическим вопросам не бывают достоверными. Но если бы пути-

8. Об использовании постмодернистского дискурса в путинской пропаганде см. Pomerantsev (2014).

низ не пользовался поддержкой достаточно большой части населения, ему не удалось бы мобилизовать полмиллиона призывников на бессмысленную войну, уже приведшую к гибели или увечьям по меньшей мере 200 000 российских военных. Однако не следует питать иллюзий: значительная общественная поддержка путинского режима не делает этот режим демократическим точно так же, как восторженное одобрение масс не может превратить фашизм в демократию. Поэтому в этой книге я уделяю особое внимание причинам необычайной ответственности антидемократического мировоззрения в современной России, тесно переплетенного с противоречивым отношением русских к Западу.

Постсоветская история: от западничества к неомедиевализму

Усиление неомедиевализма в качестве главной тенденции постсоветской политики памяти следует рассматривать в более широком контексте многовекового межкультурного диалога между Россией и Западом о видении будущего человечества. Хотя диалог в соответствии с концепцией Бахтина часто истолковывают как свободный обмен идеями, распределение ролей в диалоге России с Западом оказалось сравнительно жестким и устойчивым. Этот межкультурный диалог подчинялся своей собственной внутренней логике и порождал интенсивный обмен культурными представлениями и стереотипами. Внутри России этот диалог сопровождался спорами о роли Запада в истории и культуре страны, формируя основу российского национального самосознания. Восприятие российского средневековья основывалось на взаимной идеализации России и Запада и их взаимных разочарованиях друг в друге; несбывшиеся надежды России о Западе исторически играли важную роль в российском увлечении средневековой Русью.

Запад лидировал в этом диалоге, начиная с царствования Петра I (1689–1725). Петровские преобразования традиционного русского общества проводились по образцу передовых европей-

ских стран того времени — в особенности Голландии, Англии и Швеции. Его реформы затрагивали все аспекты общественной жизни и культуры, от управления государством и церковью до приведения к европейским образцам нравов российского дворянства, от реформ образования и культуры до модернизации экономики и армии. Однако реформы эти внедрялись тираническими методами и сопровождались укреплением самодержавия и крепостничества (Анисимов, 1989; Hughes, 1998)⁹. Они усугубили культурный разрыв в русском обществе, сделав еще более резкими различия в жизни и поведении крошечной элиты и народных масс. Безграмотное российское крестьянство оставалось закрепощенным до 1861 года и сохраняло традиции допетровской Руси в течение значительной части двадцатого века. В России и Восточной Европе крепостное право просуществовало гораздо дольше, чем в Европе Западной, где личная зависимость крестьян была, по существу, отменена еще в тринадцатом веке. В отличие от Западной Европы, в которой в Средние века произошло превращение античных рабов в крепостных, лично свободных, но прикрепленных к земле, — и те впоследствии стали свободным крестьянством, а в конце концов и классом торговцев, — в русской истории не было своей античности. Однако в древней Руси (русском «средневековье») существовало много разных форм рабства (Зимин, 1973). Русское крепостное право начало утверждаться в пятнадцатом и шестнадцатом веках, а полное порабощение крестьян произошло при «просвещенной государыне» Екатерине II (1762–1796). Торговля людьми, как скотом, оставалась в России распространенной практикой вплоть до самого 1861 года.

На протяжении многих поколений русские западники высоко почитали западную цивилизацию, западные институты и прежде всего западный либерализм и ценили реформы Петра I. По их мнению, Запад служил доказательством возможности более гуманного общества, свободы и парламентских форм правления.

9. Обзор российской истории и культуры см.: Blum, Daucé, Élie & Ohayon (2021).

Пример Запада побуждал западников бороться против крепостного права и безудержного произвола царского самодержавия. Восстание декабристов (14 декабря 1825 года) вдохновлялось идеей реформирования русского общества по европейскому образцу. Декабристы собирались отменить крепостное право и хотели заменить самодержавие конституционной монархией или даже республикой. Однако поражение их восстания не позволило осуществиться этим проектам (Ulam, 1981).

Идеи Просвещения и, в некоторых случаях, французского утопического социализма продолжали влиять и на критику реакционного режима Николая I, установившегося после подавления восстания декабристов. Публикация «Первого философического письма» (Чаадаев, 1836) Петра Чаадаева задала тему споров между западниками и славянофилами на много лет вперед (Hamburg, 2020; Велижев, 2022). Чаадаев считал первопричиной всех бед России ее отсталость и изоляцию от Европы и обвинял православие в том, что оно еще более отдалило Россию от Запада. В спорах западников со славянофилами, расколовших российское общество в конце 1830-х — середине 1840-х годов, славянофилы, подпавшие под влияние германского романтизма с его идеей *Sonderweg* (особого пути исторического развития Германии), провозглашали, напротив, уникальность России и естественность ее противостояния Западу. Обвиняя западные идеи — секуляризм, сенсуализм и рационализм — в «разрушении единства души», они утверждали, что России следует не подражать Западу, а идти своим собственным путем. Некоторые поддерживали возникшую в шестнадцатом веке концепцию Москвы — Третьего Рима, и притязания на православное наследие Византии. В 1840-х и 1850-х годах славянофилы Алексей Хомяков и Иван Киреевский заявляли, что западная модель не подходит России из-за уникального этоса ее духовного сообщества — «соборности», основанной на любви к церкви, государству и народу. По их мнению, соборность крестьянских общин России должны были дополнять идеалы православной церкви, чтобы таким образом разрешить проблему индивидуализма, которую

они считали одной из главных проблем западного общества. Они видели в допетровской Руси гармоничное сообщество, покоящееся на фундаменте священного союза народа с царем, свободное от бюрократии и коррупции. Реформы Петра I разрушили эту идиллию, внедрив западные традиции и ценности.

Большинство славянофилов выступало против установления каких-либо ограничений монархии, но отмена крепостного права занимала в их рассуждениях весьма важное место. Некоторые видные представители этого движения активно участвовали в подготовке отмены крепостного права, осуществленной в 1861 году при Александре II. Ничто не могло быть дальше от их идей, чем восхваление опричнины Ивана Грозного, которую они считали режимом бессмысленного террора, навязанным России тираном, который никогда не входил в число их любимых исторических деятелей. В программной статье Хомякова «волчья голова Иоанна Грозного» упоминается среди самых позорных событий российской истории (Хомяков, 1900).

К началу двадцатого века традиционное восприятие Запада в качестве образца для России, которое — несмотря на славянофилов — господствовало в российской культуре в течение всего века девятнадцатого, уступило место новой самооценке. Российские интеллектуалы и политики начали видеть в своей стране средоточие будущего. Ленин считал Россию самым слабым звеном империалистического миропорядка и, следовательно, естественным местом для начала мировой революции (Ленин, 1969).

Большевистская революция 1917 года ускорила пересмотр культурных ролей в диалоге России с Западом. Несмотря на эскалацию враждебности к Западу советской пропаганды, противопоставлявшей «советское государство рабочих и крестьян» западному капитализму, большевики по-прежнему опирались на марксизм и не видели в таком сочетании западной идеологии с антизападной политикой никакого противоречия. В то же время марксизм учил их, что западный капитализм принадлежит к историческому прошлому, и они полагали, что именно им выпало раз и навсегда перевернуть эту страницу истории

человечества. В свою очередь, западные левые приветствовали революцию, в которой они увидели начало новой эры человеческой истории.

К средневековому наследию большевики относились с пренебрежением, характерным для идеологии Просвещения. Более того, средневековая история России принадлежала к «царистскому прошлому», которое большевики отвергали целиком и полностью. Только в середине 1930-х, при сталинском развороте к национализму, дореволюционное прошлое России стало источником позитивных примеров (Brandenberger, 2002). Как мы увидим в дальнейшем, Иван Грозный и его опричнина играли видную роль в сталинской ре-апроприации средневековья.

Несколько русских мыслителей, изгнанных большевиками в вынужденную эмиграцию в начале 1920-х годов, — в том числе Петр Савицкий, Николай Трубецкой и Лев Карсавин — взялись за пересмотр значения Запада для России. Они объясняли особенности российской истории, государства и культуры географическим положением России между Европой и Азией и подчеркивали важность Азии, а не Европы, для судьбы России. В этих дискуссиях и появился термин «евразийство»¹⁰. По мнению этих мыслителей, большевизм был всего лишь трагическим результатом вредоносного влияния Запада на Россию. Мыслители-евразийцы верили как в главенствующую роль православной церкви в будущем освобождении России от большевизма, так и в уникальность русской национальной традиции. Но, хотя они поддерживали по меньшей мере некоторую разновидность «культурного национализма», ведущие деятели этой школы отвергали шовинизм, панславизм и то, что они называли русским «зоологическим самоопределением» (Трубецкой, 1921 а,б,в).

Неудовлетворенность Западом и ненависть к большевизму усиливали тягу к идеологии фашизма и поддержке политических режимов Италии и Германии, проявившиеся в конце 1920-х

10. О происхождении евразийской идеологии см. Bassin (1991).

и начале 1930-х годов у многих русских эмигрантов. Некоторые из них — например, Иван Ильин (1883–1954) — выступили с откровенно фашистскими теориями. С точки зрения Ильина, фашизм был альтернативой Советам и, следовательно, лучшим решением для России (Ильин, 2011; Ильин, 2017).

Это двойное отрицание — Запада и советского коммунизма — направило поиск лучшего будущего русскими эмигрантами к средневековому прошлому (как это случилось и в России путинской). Казацкий атаман, белогвардейский генерал, а также пособник нацистов Петр Краснов (1869–1947) и писатель, религиозный философ Николай Бердяев (1874–1948) прямо призывали к возврату в русское средневековье. Хотя при Советской власти само упоминание их имен было под абсолютным запретом, им тайно поклонялись русские националисты. Сегодня их произведения оказались созвучны кремлевской неомедиевальной политике памяти, как и труды Ильина, с которыми Дугин по слухам познакомил Путина, а тот пришел в такое восхищение, что несколько раз цитировал Ильина и распорядился перевезти в Москву его прах¹¹.

Во время Гражданской войны Петр Краснов сражался с большевиками на Дону. После поражения Белой гвардии он эмигрировал в Германию и участвовал в формировании антисоветских казацких подразделений, служивших вместе с нацистскими войсками во Второй мировой войне. После войны британцы выдали его советской стороне, и в 1947 году он был казнен. В своих многочисленных публикациях Краснов выражал глубокое презрение к Западу, который он считал источником порчи, известной под названием коммунизма. Предметом его особенно яростного гнева были западные демократические институты — выборы, представительное правление, парламенты и политические партии. В его утопическом

11. Верный путинист кинорежиссер Никита Михалков выпустил в 2011 году документальный фильм «Русский философ Иван Ильин». О влиянии Ильина на Путина и путинизм см.: Barbashin & Thoburn (2015), Snyder (2018-a: 18, 21-22, 24, 26; 2018-b).

романе «За чертополохом» (Краснов, 1922) Россия, отделенная от Запада непроницаемой стеной чертополоха, окончательно излечилась от большевизма благодаря возврату к своим средневековым традициям, в том числе к сословному обществу и самодержавной монархии.

Бердяев, в отличие от Краснова, Ильина и некоторых других русских эмигрантов, никогда не принимал фашизма. Свою альтернативу большевизму он изложил в памфлете «Новое средневековье: Размышления о судьбе России и Европы», опубликованном в 1924 году (Бердяев, 1991). Вслед за Николаем Данилевским (1822–1885), автором скандально известного ультранационалистического и расистского памфлета «Россия и Европа» (1869) (Данилевский, 2023; Danilevskii, 2013), в котором Европа была названа извечным врагом России, Бердяев утверждал, что от проекта Просвещения с его категориями прогресса, гуманизма, индивидуальности, рационализма, парламентаризма и легализма следует решительно отказаться. Итальянский фашизм и русский коммунизм, пишет Бердяев, были явными проявлениями кризиса Просвещения, возвестившего о конце демократии. Подобно многим другим защитникам Средневековья, как предшествующим, так и последующим, он заявляет, что Просвещение неоправданно очернило эту эпоху. Признавая «все отрицательные и темные стороны средневековья — варварство, грубость, жестокость, насильничество, рабство, невежество в области положительных знаний о природе и истории, религиозный террор», он, тем не менее, утверждал, что Средние века породили «великое напряжение мысли в схоластике и мистике [...], равно которому не знает история нового времени», и восхвалял их за то, что они «выковывали личность в образе монаха и рыцаря, что в это варварское время созрел культ прекрасной дамы и трубадуры пели свои песни» (Бердяев, 1991, с. 23). Новое средневековье, по его представлению, будет отличаться в первую очередь тем, что эти ценности смогут объединить человечество в «универсальной духовной культуре»: все отрицательные черты средневековья в конце концов будут преодолены и преобразованы в поисках

Царствия Христова. Бердяев, будучи ревностным поборником православия, верил в мессианскую роль России. «Русский народ», — пишет он, — «из всех народов мира наиболее всечеловеческий, вселенский по своему духу [...] И призванием русского народа должно быть дело мирового объединения, образование единого христианского духовного космоса» (Бердяев, 1991, с. 24).

К 1930-м годам советский режим в основном уничтожил дореволюционную прозападную идеологию в России. Западное капиталистическое общество стало считаться воплощением всех мыслимых и немыслимых зол; эту точку зрения разделяли многие и в самом Западе. В период сталинского «большого террора» западные интеллектуалы левого толка, точно названные «попутчиками», безоговорочно поддерживали политику СССР (Caute, 1973; Hollander, 1981; Sœuré, 1999) — приблизительно так же, как нынешние «путинферштееры». Восхваляя советский коммунизм — «последнюю надежду человечества» — и списывая любые сообщения о большевистском терроре на клеветнические измышления реакции, они верили рассказам сталинской пропаганды о советских триумфах. По мнению Франсуа Фюре, роман западных интеллектуалов со сталинизмом был проявлением ненависти Запада к самому себе: именно в ней коренились и фашизм, и коммунизм (Furet, 1995). Победа Советского Союза во Второй мировой войне только усилила международное признание сталинизма. Беспрестанная чистка дореволюционной интеллигенции от «гнилостного буржуазного западного влияния» достигла своего пика в антисемитской кампании борьбы с так называемым «космополитизмом» (1948–1953), выявившей в послевоенной России антизападные настроения.

В 1953 году умер Сталин, а в 1956, с «секретного доклада» Хрущева, начался краткий период политической либерализации — так называемая «оттепель». Этот период, изменивший распределение ролей в диалоге России с Западом, был чрезвычайно важен для формирования у советской интеллигенции новых воззрений. Согласно официальной советской доктрине,

интеллигенция была не классом наподобие пролетариата или крестьянства, а «социальной прослойкой». Новая советская интеллигенция, сменившая интеллигенцию дореволюционную в результате ротации социальных групп, приводным механизмом которой были репрессии, все еще оставалась с точки зрения советской идеологии социально чуждой и в 1960-х годах (что, однако, не мешало кооптировать некоторых ее представителей в ряды советской элиты). Эта навязанная маргинальность в советском обществе подталкивала интеллигенцию к поискам идеалов вне советского режима. Из этого конфликта возникли два противоположных полюса несогласия с советской идеологией — либералы и националисты. И те, и другие выступали против основных догм советской пропаганды, хотя и находились в структурной зависимости от нее¹².

Националисты отрицали советский «интернационализм», согласно которому все национальные традиции, в том числе русские, должны были остаться в прошлом, и обвиняли большевиков в агрессивном атеизме и репрессиях против православной церкви¹³. Кроме того, они утверждали, что Ленин предал национальные интересы России, заключив Брестский мир (3 марта 1918 года). (В 2017 году, к столетию революции 1917-го, эту же точку зрения высказал тогдашний министр культуры Мединский, который сказал, что этот мирный договор «был большой исторической и политической ошибкой, а также предательством по отношению к сотням тысяч погибших», и обвинил большевиков в том, что они «поставили свои собственные интересы выше интересов государства» [Мединский, 2017a].) Более того, националисты скорбели о гибели династии Романовых и царского режима и создали культ белогвардейских офицеров, которых они изображали идеалом шовинистического мужского превосходства. (Как это ни парадоксально, многие партийные и комсомольские чиновники относились к этому культу в высшей степени терпимо [Митрохин, 2003].) Национа-

12. Об истории советской интеллигенции см.: Kagarlitsky (1989).

13. О советском национализме см.: Brudny (1998), Dunlop (1983).

листы, среди которых нередко встречались антисемиты, часто давали понять, что Октябрьская революция была результатом еврейского заговора, и обвиняли евреев во всех преступлениях и провалах советского режима. Однако ни антисемитское политическое движение «Память», созданное в 1980-х годах и бывшее особенно активным в 1990-х, ни даже направление «деревенской прозы» в советской литературе, обличавшее уничтожение русского крестьянства советской коллективизацией и ностальгически воспевавшее традиционные крестьянские ценности, не доходили до пропаганды средневекового прошлого в качестве чаемого будущего России.

В либеральной интерпретации вина за все изъяны советской системы лежала на прекращении вестернизации в 1917 году. Либеральное крыло диссидентского движения возвело Запад, скрытый за «железным занавесом», на пьедестал высшего морального арбитра. Советская максима о непримиримом противостоянии советской системы и западного капитализма, по сути дела, превратилась в сознании либералов в причинно-следственную связь, и все провалы советского социализма объяснялись совершенным в 1917 году «отходом от основного направления развития истории человечества». Если бы только Россия присоединилась к «остальному цивилизованному миру», ее проблемы были бы решены. Стремление советской либеральной интеллигенции видеть в Западе царство свободы, справедливости и благополучия стало еще сильнее в 1970-е годы (Gilburd, 2018) под влиянием неуклюжих попыток советской пропаганды изобразить западное общество непоправимо порочным.

Одновременно с этим утрата Западом иллюзий относительно советского режима и разочарование в советской экономической модели, не оправдавшей надежд на то, что она победит капиталистическую систему, превратило СССР из «страны будущего» в пример отклонения от «истинного марксизма». «Эффект Солженицына» — публикация французского и английского переводов «Архипелага ГУЛАГ» в 1974 году (Солженицын,

1989) — положил конец очарованности западных интеллектуалов Советской Россией. В речи Рональда Рейгана 1983 года «последняя надежда человечества» превратилась в «Империю зла».

К концу 1980-х годов ценности советской интеллигенции прозападной ориентации стала разделять бóльшая часть советского общества. В то время западное общество вообразилось не только потребительским раем, передовым в экономическом, технологическом и социальном отношениях, но и совершенством нравственным и эстетическим. Такая идеализация Запада обрела силу новой идеологии (Жараева, 1994), обещавшей показать советскому обществу выход из тупиков советского режима. Она стимулировала горбачевскую перестройку и демократическое движение конца 1980-х и начала 1990-х годов; она же вдохновляла массы, оказавшие сопротивление коммунистическому путчу в августе 1991. В ходе рыночных реформ начала 1990-х годов правительство Ельцина рассматривало Запад как образец для экономического и политического развития России.

Сила этой новой идеологии основывалась на двух фундаментальных убеждениях российских интеллектуалов-западников. Во-первых, в согласии с экономическим детерминизмом, который они унаследовали от марксизма, они полагали, что рыночная экономика должна обеспечить Россию демократией. Эту веру разделяли и западные экономисты-теоретики. Второе важное допущение, как это ни парадоксально, состояло в отрицании исторической ответственности за преступления советского режима.

В период горбачевской гласности российские демократы использовали историю советских преступлений для подрыва репутации советского режима. Сражения вокруг «правды о советской истории» составляли самую сердцевину российской политики конца 1980-х годов. Однако, в отличие от Германии (Maier, 1988; Confino, 2006), главной причиной этого острого интереса к истории советских преступлений не было чувство исторической ответственности и вины. Хотя некоторые демо-

кратически настроенные интеллектуалы и призывали соотечественников поразмыслить о значении сталинизма и сотрудничества с советским режимом, большинство российских граждан предпочитало видеть себя жертвами, а не виновниками советских преступлений — если, конечно, они вообще осуждали эти преступления.

После падения советского режима в 1991 году дебаты о советском прошлом быстро утратили политическое значение и вскоре уступили место политической борьбе вокруг выбора экономической модели — рыночной или «социально ориентированной» командной экономики. В начале 1990-х нежелание либеральных демократов осмыслить свой собственный коллаборационизм с советской системой привело к символическому отрицанию советского прошлого. Говоря словами расхожего выражения тех лет, «распалась связь времен», и советский режим превратился в «провал во времени». Такое восприятие советского прошлого позволило российским демократам приравнять бурное настоящее России к историческому прошлому Запада. Россия стала «Соединенными Штатами» — или, точнее, «Чикаго» — «начала двадцатых годов» и страной «капитализма эпохи первичного накопления»¹⁴. Течение истории, прерванное в 1917 году, должно было возобновиться в 1991.

Предположение о том, что России следует лишь пройти по пути западного общества, «повторив уроки истории», придавало уверенности в реформах, предложенным правительством Ельцина. Чтобы достичь западного состояния совершенства, России нужно было просто «вернуться в человечество» и «оставить в прошлом все то, что делало Россию культурным гетто» (*Огонек* 1990; *Круглый стол*, 1992; *Страда*, 1993).

Исчезновение советского прошлого было чрезвычайно важно для прозападной идеологии. Глубокая вера в социальный прогресс, которую разделяли российские демократы, подобные

14. Об этом локальном постсоветском кризисе восприятия исторического времени см.: *Хараева* (1995-b).

видному экономисту Егору Гайдару, исполнявшему обязанности премьер-министра в правительстве Ельцина в 1992 году, гарантировала России демократию и благоденствие. Но если бы идеи о том, что история прокладывает путь из мрачного прошлого в сияющее будущее, или что общественный прогресс представляет собою всеобщий закон истории, были поставлены под сомнение, то шансы России на легкое путешествие в идеальное западное будущее оказались бы под угрозой. Преступное советское прошлое, противоречащее идее прогресса, должно было сгинуть в бездне национального беспамятства, чтобы позволить России стать «нормальной страной».

Разрыв, вызванный исключением советского прошлого из течения исторического времени, оказал глубокое влияние на мышление постсоветских западников и их восприятие российского настоящего. Само слово «настоящее» почти исчезло из прозападного дискурса начала 1990-х годов; в СМИ и повседневной речи его полностью заменило выражение «переходный период». Уже само использование этого термина указывало на стремление как можно скорее добраться до желанного будущего, воплощенного в идеализированном Западе¹⁵.

Такое «постмодернистское» восприятие времени размывало чувство реальности, представ перед западниками не в качестве философской проблемы, но в качестве части их повседневности. В российском дискурсе 1990-х «настоящая, истинная, объективная» реальность существовала на идеализированном Западе, а жизнь в России обычно описывалась как «нереальная», «иррациональная» и «аномальная». Попытки воспроизвести идеальный образ Запада в российской повседневности и неизменная безуспешность этих усилий вызвали к жизни старый комплекс неполноценности по отношению к Западу и создали психологические и интеллектуальные условия для кризиса западнической идеологии (Khapaeva, 1995-a).

К несчастью, Россия занялась установлением демократии как раз тогда, когда на Западе либеральная демократия вступи-

15. О кризисе прозападной идеологии в России см.: Хапаева (2002).

ла в фазу глубокого кризиса и начала восприниматься в мире как лишь одна из форм модернизма, и вовсе не гарантированно лучшая из них. В это же время культурный климат на Западе начал характеризоваться изменением восприятия исторического времени, «кризисом будущего», и упадком «больших нарративов». Разочарование в западной модели — или, скорее, в способности России безболезненно достичь ее — подхватили националистские течения, которые в конце 1980-х годов были временно вытеснены на обочину политической жизни торжеством прозападной идеологии.

Всего за несколько лет, на фоне утраты надежд на западные инвестиции в российскую экономику и ее поддержку Западом, рекордно низких цен на нефть и краха благосостояния миллионов под действием экономической политики «шоковой терапии», которую проводил Гайдар, консенсус резко сдвинулся от мирного подражания Западу к новой фазе его отторжения. Чеченская война (1994–1996) создала контекст, благоприятный для восстановления власти КГБ (переименованного в ФСБ в 1995 году). Назначение Путина исполняющим обязанности президента в 1999 стало смертным приговором ориентации на Запад. Накопившееся неверие в общественный прогресс и идеологию, ориентированную на будущее, породило поиски социальных и политических образцов в прошлом России и предрасположило российское общество к благосклонному восприятию неомедиевальных идей на рубеже нового тысячелетия. Постигший Россию острый кризис будущего, усугубленный крахом марксистской идеологии и кризисом прозападной идеологии, создал условия для усиления ультраправых и обеспечил им заметное место в российской политике.

Нынешняя фаза межкультурного диалога России и Запада отличается господством в России антизападных настроений, и эта новая волна антизападной мобилизации одновременно уникальна и универсальна, в особенности потому, что она весьма созвучна самокритике самого Запада. Ослабление привлекательности демократии в качестве модели мирового будущего

ужесточило кризис прозападной идеологии в России и укрепило позиции политического неомедиевализма. Сейчас Кремль активно использует эти настроения для того, чтобы подтолкнуть Россию к войне с Западом.

Обсуждение той роли, которую крах идеологии западничества сыграл в формировании неомедиевальной политики памяти в России, позволяет перейти к объяснению основной идеи и структуры этой книги. В первой главе «Политический неомедиевализм, память палачей и мобмемори» вводятся концепции политического неомедиевализма, памяти палачей и мобмемори для анализа формирования и функционирования правопопулистской памяти, господствующей в путинской России. Политический неомедиевализм определяется как политика памяти, спекулирующая на текущем кризисе будущего и вере в возможность повторения истории. Глобальное распространение политического неомедиевализма не означает, что мир «возвращается в средневековье». Это скорее пропагандистский инструмент, который легитимизирует существующее социальное неравенство и создает представление о нормальности террора как метода правления. Политический неомедиевализм вызревает в рамках нового режима памяти — памяти палачей, которая принижает жертв и превозносит палачей, вытесняя гуманистическую космополитическую память. Память палачей порождает искусственную память — мобмемори (от английских слов *mob* [толпа] и *memory* [память]), — которая одобряет и прославляет зверства прошлого. Это понятие помогает выявить влияние государственной пропаганды, политических и религиозных движений, исторических сочинений и популярной культуры на формирование искусственной памяти. В этой же главе предлагается обзор российских и западных теорий о возвращении средневековья и рассматривается их роль в усилении политического неомедиевализма, как в России, так и за ее пределами.

Вторая глава «Неомедиевальная историческая политика Путина» документирует постсоветскую неомедиевальную поли-

тику памяти, прославляющую средневековое прошлое России и его князей. Политический неомедиевализм, насаждаемый Кремлем и его ультраправыми союзниками, использует разнообразные методы и каналы распространения для привлечения российской аудитории. В этой главе рассматриваются государственные и низовые инициативы, законы, памятники, музеи, популярные фильмы и литературные произведения, посвященные Ивану Грозному, Александру Невскому, князю Владимиру Киевскому и князю Игорю Новгород-Северскому, а также ряд политических памфлетов. Такие памфлеты, написанные для воздействия на внутреннюю политику Путина, рассматривают возврат в средневековье как политическую цель России. В этой главе анализируются социальные программы, направленные на восстановление сословного общества, которые авторы памфлетов считают необходимыми для воссоздания Российской империи. Сходство между государственной неомедиевальной политикой памяти и этими ультраправыми памфлетами демонстрирует глубину проникновения антидемократических настроений в сознание россиян, а также уровень политического влияния, которое российские ультраправые оказывают на кремлевскую пропаганду. Этот анализ выявляет приемы манипулирования памятью, характерные для памяти палачей и мобмемори.

Глава 3 «Постсоветские историки и религиозные активисты о средневековой опричнине» исследует взаимовлияние Русской православной церкви, православных сект и постсоветской историографии опричнины. Глава начинается с анализа доктрины царебожия Ивана Снычева (митрополита Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского с 1990 по 1995 год), в которой опричнина изображена наилучшей формой правления для России, а воссоздание социальных структур средневековой Руси рассматривается как проект будущего. За этим анализом следует обзор мистического *поворота* в постсоветской историографии, а именно сдвига в толковании опричнины, произошедшего под влиянием царебожия и сталинской интер-

претации средневековой истории. Сторонники *мистического* поворота подчеркивают религиозные мотивы, побудившие Ивана Грозного учредить опричнину, и ту роль, которую играла в осуществлении этой кампании террора православная вера исторических деятелей. Эта глава приводит к выводу о том, что сектантские и историографические взгляды на опричнину взаимосвязаны и стали важным ресурсом для неомедиевальной политики памяти Кремля.

В главе 4 «Российские ультраправые о введении новой опричнины» рассматриваются проекты учреждения и внедрения новой опричнины — государственного террора — в путинской России. Обсуждаются различные концепции новой опричнины, выдвигаемые ультраправыми активистами, и показывается, что российские ультраправые видят в опричнине не временную меру, но самую суть новой общественной структуры, необходимой для восстановления Российской империи. Используя в качестве научного обоснования своих взглядов мистический поворот постсоветской историографии и опираясь на поддержку различных прокремлевских СМИ, эти проекты помогают представить государственный террор необходимой частью русской жизни. В заключение этой главы приводится обзор ново-опричных сообществ, которые реализуют эти идеи в своей повседневности.

Глава 5 «Опричнина и крепостное право в популярной культуре и общественных дебатах» исследует отражение неомедиевальной политики памяти в постсоветских книгах и фильмах, в которых фигурирует опричнина. Хотя популярная культура играет важнейшую роль в превращении памяти об опричнине в мобмемори, она в то же время представляет собою арену, на которой с мобмемори можно бороться. В интертекстуальный диалог между сторонниками и противниками опричнины оказываются вовлечены, в числе прочих, «Третья Империя. Россия, которая должна быть» (Юрьев, 2007), «День опричника» Владимира Сорокина (Сорокин, 2006), «День отличника» Максима Кононенко (Кононенко, 2008), «Симфония “Пятой Империи”»

Александра Проханова (Проханов, 2007) и несколько фильмов. Публичные дебаты и политический активизм, порожденные этими произведениями, поляризовали общественное мнение и привели к запуску механизмов «культуры селебрити» [*celebrity culture*], важного способа формирования мобмемори. Исследуя изменяющееся отношение к рабству в постсоветских неомедиевальных произведениях, эта глава показывает, что во всех этих романах и фильмах, каковы бы ни были политические позиции их создателей, государственный террор и наследственное социальное неравенство — вплоть до рабства — представляются неизбежными чертами российского будущего.

В главе 6 «Ресталинизация в путинской России» усиление политического неомедиевализма в России рассматривается в контексте ресталинизации — другого важного направления путинской политики памяти, нацеленного на обеление Сталина и его режима благодаря созданию культа победы во Второй мировой войне. Как и неомедиевальная политика памяти, ресталинизация проводится через государственные и низовые инициативы, законодательство, выпуск популярных фильмов, телесериалов и книг, воздвижение памятников, открытие прокремлевских мемориалов, музеев и других учреждений, а также закрытие организаций, известных своей правозащитной деятельностью, — например, музея «Пермь-36» и Международного общества «Мемориал». Обзор этих мероприятий в период правления Путина позволяет обнаружить структурное сходство ресталинизации с политическим неомедиевализмом. Он показывает, что традиция сближения опричнины со сталинизмом помогла Кремлю слить воедино эти два направления политики памяти. Анализ деятельности группы «Вагнер» (частной армии, возродившей в Украине практики сталинского террора) подкрепляет вывод о том, что ресталинизация и политический неомедиевализм пропагандируют одни и те же ценности и преследуют одни и те же социальные и политические цели. Они представляют государственный террор исторической нормой и частью славного наследия России.

Глава 7 «Проработка прошлого по-русски. Мобмемори в прозе Владимира Шарова» обнажает внутренние механизмы работы постсоветской памяти в посвященном сталинизму романе «Царство Агамемнона» (Шаров, 2018b). Эта глава начинается с сопоставления «Царства Агамемнона» с романом Джонатана Литтелла о Холокосте «Благовоительницы» [*Les Bienveillantes*] (Littell, 2006). Нашумевший роман Литтелла положил начало «эпохе палачей» — переносу внимания с опыта жертвы на опыт палача, в то время как «Царство Агамемнона» воплотило механизм формирования постсоветской памяти палачей. Герои Шарова, пытающиеся найти смысл в русской и советской истории, воспроизводят взгляды на террор, выраженные в исторических трудах Шарова, согласно которым муки и гибель невинных образуют коллективную религиозную жертву «Святой Руси», дающую живым шанс на спасение. Это «тайное знание» скрытых механизмов истории представляет собою важную часть постсоветской мобмемори. В последней части этой главы рассматривается альтернативный подход к памяти сталинизма, представленный в романе Дмитрия Быкова «Оправдание» (Быков, 2001).

В заключительном разделе книги обсуждаются видение истории, присущее российским ультраправым доктринам, и влияние эсхатологии на путинизм. Оспаривая представление о том, что постсоветская Россия воспроизводит либо фашистскую, либо советскую систему, я определяю путинизм как репрессивный режим нового типа, превращающий современное рабство и коррупцию в российскую повседневность. Насаждая память палачей и преобразуя воспоминания о государственном терроре в мобмемори, путинизм восполняет отсутствие собственной идеологии этими новыми способами узаконения социального неравенства и эскалации репрессий. Эсхатологические ожидания, формирующие путинскую риторику ядерного шантажа, также распространены среди русских писателей, ультраправых активистов, православного духовенства и сектантов, «прагматическая эсхатология» которых льет воду на мельницу кресто-

вого похода за восстановление Российской империи — «Третьего Рима». Вера России в Апокалипсис находит свои параллели в популярности апокалиптических и постапокалиптических жанров в западной популярной культуре, а также в критике гуманизма, пропагандируемой разнообразными политическими, религиозными и философскими учениями. Нынешнее увлечение гибелью человечества — безошибочный признак неомедиевального мышления и проявление кризиса будущего — выявляет принципиально важный аспект глобального кризиса демократии.

I.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕОМЕДИЕВАЛИЗМ, ПАМЯТЬ ПАЛАЧЕЙ И МОБМЕМОРИ

Политический неомедиевализм и политика памяти

На представления о Средних веках, модных сейчас и в России, и в США, оказали влияние сплавы разных идей. Нынешняя притягательность «всего средневекового» опирается на понятия, не имеющие точных соответствий в средневековой истории — как и в истории этих двух стран, — но скомпонована на основе ценностных ассоциаций. Само применение термина средневековой истории к обеим этим странам в высшей степени проблематично. Понятие средневековья относится к периоду европейской истории, обычно датируемому от конца античности до эпохи Возрождения. В Соединенных Штатах средневековья, строго говоря, вообще не было. В России не было ни античности, ни Возрождения. Начиная с восемнадцатого века, допетровскую эпоху российской истории по большей части называли «Древней Русью», подразделяя ее на Киевский (с девятого по середину тринадцатого века) и Московский (с середины тринадцатого по семнадцатый век) периоды¹.

1. Сейчас термин «Киевская Русь» исчезает из российских учебников истории (<https://lenta.ru/news/2022/05/23/russssss/>).

Западная концепция Средних веков стала широко известна в России благодаря профессору Московского университета Тимофею Грановскому (1813–1855), который был учеником Леопольда фон Ранке и Карла Риттера. Грановский, бывший влиятельным западником, писал и читал лекции не столько о российской, сколько о европейской истории. Однако его терминология повлияла и на славянофилов, которые никогда не могли думать о России, не сравнивая ее с Западом. В 1845 году историк и издатель славянофильского журнала «Москвитянин» Михаил Погодин (1800–1875) определял русский «Средний век» (в единственном числе) следующим образом:

Средний век у нас был, [...] как и в Западной Европе, но только под другою формою; тот же процесс у нас совершался, как и там; те же задачи разрешались, только посредством других приемов; те же цели достигались, только другими путями.

Погодин, 2010: 246.

Дальнейшей «медиевализации» древней Руси способствовали развитие экономической и социальной истории в конце девятнадцатого века и усиливавшееся влияние марксизма. Кроме того, называть древнюю Русь «средневековой» стало легче благодаря стремлению представить Средние века как эпоху феодализма. В конце концов, древняя Русь действительно была сельскохозяйственным обществом, в котором господствовала поместная аристократия, использовавшая принудительный крестьянский труд. Понятие феодализма утвердила в России книга «Феодализм в древней Руси» (1907) историка Николая Павлова-Сильванского (1869–1908). В российской и советской историографии господствовала тенденция описывать экономические и социальные условия древней Руси, опираясь на понятие феодализма; древнюю Русь, как правило, относили к русскому средневековью. После краха коммунистической системы термины «русское средневековье» и «древняя Русь» использовались в российской историографии как синонимы, часто без каких бы то ни было оговорок или объяснений.

Тот факт, что постсоветские ультраправые выбрали в качестве своего лозунга «новое средневековье» — а не, скажем, «новую древнюю Русь» или «новую Московскую Русь», — говорит об их желании придать своему проекту амбициозный «всемирно-исторический» размах, а не выглядеть провинциальными любителями старины. Очевидно, что, несмотря на враждебность русских националистов ко «всему западному», они не могут обойтись без западных понятий.

Западное увлечение средневековьем со времен замка Стробери-Хилл (1747) Горация Уолпола, а сейчас делающее европейские Средние века «сквозным мотивом» даже в Японии (Danesin, 2016), описывается двумя терминами, борющимися за популярность в научном обиходе, — *медиевализм* и *неомедиевализм*². Сегодня и медиевализм, и неомедиевализм — общепризнанные области научных исследований, но границы между ними остаются неясными. Некоторые считают определяющей чертой медиевализма, в отличие от традиционной историографии средневековой истории, смесь научного знания с ностальгией по Средним векам (Toswell, 2009). Другие включают в область медиевализма фантастические элементы (Pugh & Weisl, 2009), в чем можно усмотреть посягательство на территорию неомедиевализма. Но в целом диагноз Дэвида Мэтьюза — «в настоящее время медиевализм страдает [...] парализующим недостатком самоопределения» — по-прежнему остается справедливым (Matthews, 2015).

В отличие от термина «медиевализм», который ввел в обиход Джон Раскин (1819–1900), неомедиевализм не может похвастаться благородной родословной. Истоки этого понятия теряются в лабиринтах интеллектуальной истории конца девятнадцатого

2. Об утверждении медиевализма как научной области усилиями Лесли Дж. Уоркмена см.: Verduin (2009), Matthews (2015: 172). См. также: Emery & Utz (2014). О различных попытках определения медиевализма см.: Pugh & Weisl (2013); D'Arcens (2016).

века. Однако, хотя ни этого термина, ни самой этой области не существовало до второй половины 1960-х годов, сейчас неомедиевализм развивается «быстрее, чем, может быть, любая другая область научных исследований» (Fugelso, 2010). Обычно те, кто полагает, что неомедиевализм «нельзя считать полностью исчерпываемым понятием “медиевализма”», подчеркивают множественность его проявлений (Coote, 2010). Но как и медиевализм, неомедиевализм «плохо поддается определению» (Mayer, 2010)³.

Мой подход к неомедиевализму развивает предложенную Умберто Эко интерпретацию *nuovo medioevo* как выражения антидемократизма в культуре и политической жизни. Эко подчеркивает роль вымышленного средневековья в распространении антидемократических социальных практик, типичном для конца двадцатого века, и связывает усиление неомедиевализма с ростом популярности жанра фэнтези. Волна «неомедиевального интереса», продолжает он, возникает «между нацистской ностальгией и оккультизмом»⁴. Эко признает значение достижений прогресса Средних веков, подготовивших почву для рождения нового времени. Однако в целом он относится к ностальгии по средневековью неодобрительно и называет ее «повсеместной», хотя неомедиевальные образы, как правило, имеют мало общего с реальным историческим периодом. Он указывает на заметные антидемократические тенденции в нынешней политике, внешне схожие со стереотипическими представлениями

3. О попытках определить неомедиевализм см. также: *Studies in Medievalism*, XX (2011); <https://doi.org/10.1017/9781846159527>.

4. Умберто Эко называет «такие постмодернистские неомедиевальные новые замки Манхэттена как Ситикорп-Центр и Трамп-Тауэр» и их имплицитную социальную структуру «любопытными примерами неомедиевализма: их дворы открыты для крестьян и торговцев, а хорошо защищенные апартаменты верхних этажей доступны только сеньорам» (Есо, 1986-б: 61–62). Другую его книгу, «Искусство и красота средневековой эстетики», иногда ошибочно считают его основным теоретическим вкладом в изучение нового средневековья. Однако сам Эко, видевший в последнем труде всего лишь справочник, добавил к нему следующую оговорку: «Я не претендовал на оригинальность» (Есо, 1986-с).

о Средних веках (Есо, 1986-а: 74, 76). По его мнению, привлекательность средневековья приобретает политическое значение, которое говорит об отказе от демократических институтов: «Эти века темны *par excellence*. [...] Нас призывают поклоняться [...] грубой силе» (Есо, 1986-б, 69). Он говорит о «фантастическом неомедиевализме», важнейшие черты которого — закат разума, порождающий оккультизм и эсхатологические настроения, и «неофашистская жажда власти» (там же: 69, 71, 79). Такой акцент на решающей роли популярной культуры в создании и распространении неомедиевализма и на его связях с ультраправыми идеологиями принципиально важен для моего подхода⁵.

С тех пор когда Эко писал свои работы, контекст, в котором складывался неомедиевализм, сильно изменился. «Старые» формы ультраправой политики отошли в прошлое, а их место занял правый популизм. Действительно, как медиевализм, так и неомедиевализм создают для ультраправых возможность идеологически кооптировать средневековые аллюзии, аналогично тому, как их энергично апроприировал фашизм. В последние десятилетия эта тенденция настолько распространилась на Западе, что некоторые исследователи говорят даже о «дурном медиевализме» или «опасном медиевализме» (Matthews, 2015: 177; Lukes, 2015; Shippey, 2008: 50)⁶.

5. Я также согласна с Брюсом Холсингером, считающим неомедиевализм консервативным, по существу, явлением. Связывая свой подход с Эко, Холсингер показывает, что отсылки к средневековью могут вдохновлять консервативную идеологию и влиять на политическое действие (Holsinger, 2007). Холсингер описывает «общий дух “неомедиевализма”, захлестывающий современную эпоху; дух, воплощенный в конкретных регистрах — варварстве, ироническом пересмотре, реконструкции, романтизме и так далее, — которые, вместе взятые, свидетельствуют о повсеместном увлечении всем средневековым на Западе двадцатого века» (Holsinger, 2008: 469). См. также (Elliott, 2017).

6. О политическом использовании нового медиевализма см.: Utz (2017), Утц (2018).

Вопрос о том, отражает ли использование средневековья консервативной политикой истинную природу средневекового общества, беспокоит историков — и это вполне понятно. Некоторые из них пытаются разоблачать «некорректные» попытки использования средневекового прошлого. Например, Брюс Холсингер видит своей задачей исправление политических злоупотреблений аналогиями со Средними веками. С ним согласен Дэвид Мэтьюз: «Ультраправые то и дело присваивают средневековую символику, и такому историческому пиратству важно [сопротивляться]» (Matthews, 2015: 179). Эми Кауфман и Пол Стёртевант приводят примеры «правильных», инклюзивных, «прогрессивных неомедиевальных пространств, открытых для всех желающих» (Kaufman & Sturtevant, 2020: 8). Сосредоточиваясь в первую очередь на отсылках к средневековому расовому и гендерному неравенству в ультраправой пропаганде, они спрашивают: «Что так сильно прельщает расистов в средневековом прошлом? Отчасти это связано с мифом о том, что Средние века были по преимуществу белой культурой» (Kaufman & Sturtevant, 2020: 81). Они собрали обширный материал, показывающий, что эта эпоха не была ни откровенно расистской, ни абсолютно гендерно-нетерпимой. Но они упускают из вида другие принципиально важные аспекты средневековья — жесткую иерархию сословий, политическую и личную несвободу и диктат религии, — которые делают этот исторический период столь привлекательным для ультраправых популистов⁷.

Действительно, Средние века никогда не были «средними» в политическом отношении, и средневековые отсылки обычно напоминают об одних ценностях и игнорируют другие. Хотя использование этого понятия чрезвычайно сильно варьируется в

7. Во введении Кауфман и Стёртевант кратко отмечают значение «[ф]антазии о чистом, упорядоченном патриархальном и монархическом прошлом, в котором каждый знал свое место», но избегают дальнейшего анализа этих аспектов особой притягательности Средних веков для ультраправых (Kaufman & Sturtevant, 2020: 7, 84).

разные эпохи и в разных культурах, одно остается неизменным: этот период не слишком плодотворен для отстаивания идеалов демократии, которая восторжествовала в борьбе против средневековых традиций. Напротив, для антидемократических толкований социальные реалии Средних веков и воспоминания о них дают плодородную почву.

Пытаясь обойти стороной ультраправые политические аллюзии, некоторые исследователи утверждают, что неомедиевализм «лучше всего понимать как категорию эстетическую», и обращают особое внимание на влияние постмодернизма на неомедиевальные нарративы (Lukes, 2015)⁸. Сторонники этого подхода подчеркивают сходство между постмодернистскими и неомедиевальными взглядами на историю и утверждают, что неомедиевализм «лишен ностальгии своего предшественника-медиевализма, так как он отрицает историю»⁹. Постмодернистская ирония и присущая ей эстетика фарса рассматриваются в качестве источника игровых и иронических аспектов неомедиевализма, его пренебрежения историей и отсутствия в нем ностальгии по средневековому прошлому¹⁰. Тем не менее, трудно утверждать, что в нынешнем культурном и политическом контексте средневековая эстетика свободна от политического подтекста.

Есть еще один аспект неомедиевальной эстетики: неомедиевальные нарративы населены чудовищами и пропитаны смер-

8. Об обсуждении связей неомедиевализма с постмодернизмом, как в качестве чистого симулякра, не имеющего никакого отношения к «средневековой реальности», так и с учетом его некоторой соотнесенности с историческим прошлым, см.: Coote (2010), Toswell (2010). В этих спорах неомедиевализм иногда рассматривают сквозь призму лингвистического поворота в историографии. См.: Kaufman (2010).

9. См., например, веб-сайт Организации средневековых электронных мультимедиа [Medieval Electronic Multimedia Organization], на котором в качестве добавочного отличия неомедиевализма от медиевализма упоминается «большее отрицание реальности».

10. Согласно этому подходу, неомедиевализм, «смеясь», переформирует самое себя «в альтернативную вселенную медиевализма, фантазию о медиевализме, некий мета-медиевализм» (Robinson & Clements, 2009).

тью и насилием (Fitzpatrick, 2019: 139). Читателю или зрителю «готики», ужасов, апокалиптического и постапокалиптического жанров — а неомедиевализм присутствует во всех них — предлагается взглянуть на вымышленный мир глазами чудовищ, почувствовать им и отождествлять себя с ними, а не с их жертвами. Но причины сращивания неомедиевализма и этих жанров остаются в основном неисследованными.

Теория коммерциализированного антигуманизма, которую я предложила в предыдущих работах, позволяет по-новому взглянуть на значение насилия в нынешней популярной культуре (Kharaeva, 2017: 15–17, 23–33)¹¹. По моему мнению, радикальная критика гуманизма и отказ от антропоцентризма в популярной культуре, науке и некоторых общественных движениях — защите прав животных, трансгуманизме, постгуманизме и радикальном экологизме — сделали возможным превращение антигуманизма в новую коммерческую моду и востребованное развлечение (Kharaeva, 2017: 33–45). Вместо людей любимыми культурными героями стали кровожадные чудовища — вампиры, серийные убийцы, зомби. Этот сдвиг объясняет рост популярности образа преступника в западной популярной культуре, распространяющийся даже на нацистов, бывших, возможно, историческими чудовищами *par excellence*¹². Современные российские образы палачей, осуществлявших сталинские репрессии, и средневековый государственный террор, создаваемые путинской популярной культурой, очень хорошо вписываются в этот, более широкий глобальный тренд.

11. Я следую концепции индустрии культуры Макса Хоркхаймера и Теодора Адорно (Horkheimer & Adorno, 2002; Adorno & Rabinbach, 1975). О «коммерциализации» в качестве важного аспекта новых взглядов на смерть см.: Jacobsen (2016). О неомедиевализме как примере взаимозависимости между рынком и популярной культурой см.: Marshall (2007).

12. О нормализации нацизма в современной популярной культуре см. Rosenfeld (2015). Как отмечает Макс Сильверман, «сегодня большую опасность представляет новая амнезия, в результате которой шок, узнавание и «считываемость», важные для политики репрезентации, уступили место нормализации ужаса в современном обществе» (Silverman, 2013: 175).

Популярность неомедиевализма можно отчасти объяснить увлечением смертью, чудовищами и зверствами. Описывая воображаемые общества, в которых господствуют насилие и террор, неомедиевальные нарративы опираются на воспоминания о зверствах прошлого, как древнего, так и недавнего. Коммерциализированный антигуманизм задает тон в изображениях этих эпизодов террора и создает особенно благоприятные условия для того, чтобы с интересом наблюдать за негуманным обращением с собратьями по роду человеческому и даже получать от него удовольствие.

Я использую термин «политический неомедиевализм» для обозначения тенденции в ультраправой популистской политике памяти, проявившейся в 1990-е годы. В своих многочисленных ипостасях политический неомедиевализм сводит Средние века к системе ценностей, радикально противоречащей принципам либеральной демократии и наследию гуманизма Возрождения и Просвещения¹³. В отличие от гуманистов Возрождения, которые изобрели понятие средневековья для обозначения периода культурного упадка, наступившего после окончания дорогой им античности, и от философов Просвещения, которых приводили в ужас жестокость и невежество средневековых полководцев и монахов, политический неомедиевализм призывает восхищаться «Темными веками».

Неомедиевальная политика памяти предполагает модель истории, значительно отличающуюся от античной и средневековой концепции *Historia Magistra Vitae*¹⁴, в которой истори-

13. Пол Фридман и Габриэль Шпигель отмечают глобальный сдвиг парадигмы восприятия и изображении Средних веков в профессиональной историографии под влиянием постмодернистского пересмотра взглядов на средневековье («некоторая демонизация Средних веков») (Freedman & Spiegel, 1998). «Самые популярные в настоящее время темы в исследованиях средневековой культуры в Америке — это (по некоторым сообщениям) — смерть, гной, инфекции, осквернение, кровь, оскорбление, отвращение и унижение, кастрация, боль и вскрытие трупов» (Freedman & Spiegel, 1998: 678).

14. История — учитель жизни (лат.).

ческие события рассматривались в качестве этических уроков. Отличается она и от модернистских больших нарративов и политических идеологий, располагающих исторические события в соответствии с определенными абстрактными принципами, которые предполагалось реализовать в будущем. В случае политического неомедиевализма обещание возврата к квазирелигиозному, синкретическому единству народа и его вождей в патриархальном обществе склеивает несвязанные между собой исторические события и придает этим коллажам символическое значение. Отбрасывая язык традиционной политики за ненадобностью, неомедиевальная политика памяти заменяет идеологию — то есть систему абстрактных принципов и доктрин — ситуативным набором сфабрикованных примеров из суррогатного прошлого. Хотя эта политика памяти весьма схожа с некоторыми аспектами фашистской идеологии, она отличается как от фашизма, так и от коммунизма тем, что не признает никаких абстрактных принципов и не терпит никаких аспектов модернизма. Средневековое прошлое становится не «чужой страной» (Lowenthal, 1985), а политическим «полем чудес», резервуаром отдельных исторических инцидентов, которые используются для обслуживания конкретных политических задач. Постсоветский пример особенно ясно показывает, что такая историческая политика подменила собою традиционные идеологии, ориентированные на будущее, заменив более абстрактные теоретические концепции вырванными из контекста и превратно истолкованными историческими событиями. Их реконструкция в настоящем — подобно возобновлению Путиным «Великой отечественной войны» в Украине — наглядно демонстрирует отсутствие у путинизма проекта будущего.

Неомедиевализм и кризис истории

Неомедиевализм не в последнюю очередь обязан своей популярностью новой форме восприятия времени, которая стала преобладающей к концу второго тысячелетия. Распространение понятий с префиксом «пост-» — постмодернизм, постструк-

турализм, постколониализм, посткоммунизм, постсоветизм, постполитика и постдемократия — создавало впечатление разрыва со старой эпохой и наступление новой или, если воспользоваться формулировкой Фредрика Джеймисона, «ощущение конца того или сего (конца идеологии, искусства или социального класса)» (Jameson, 1984: 55). В 1984 году, когда были написаны эти слова, Джеймисон полагал, что эти термины характеризуют состояние постмодернизма. Теперь, однако, стало ясно, что приставка «пост-» в первую очередь говорит о неспособности определить «новизну» того явления, о котором идет речь.

Можно предположить, что понятиям с префиксом «новый» или «нео-» — а их существует целый набор: неомедиевализм, неолиберализм, неоколониализм, неоконсерватизм, неофашизм, новый феодализм и так далее — лучше удастся объяснить нынешние реалии. Однако, несмотря на присущий им флер новизны, их основной смысл явно обращен в прошлое и определен понятиями, описывающим явления прошлого. Эти понятия выражают прежде всего чувство неуверенности в настоящем и неясность будущего. Неомедиевализм лучше, чем все остальные понятия этого семейства, описывает кризис восприятия исторического времени.

Хотя истоки этого кризиса можно возвести к началу двадцатого века, важную роль в формулировании и распространении нового подхода к историческому времени сыграла книга Мишеля Фуко «Археология знания» (Фуко, 2004 [1969]) и последовавшая за ней «Слова и вещи». Фуко определяет разрыв как центральное историческое событие, такое, что прошлое, настоящее и будущее теряют свое значение¹⁵. Понятие разрыва, пришедшее на смену линейности и необратимости истории,

15. «Но это описание [архива — Д. Х.] отрывает нас от наших непрерывностей; оно распыляет ту временную тождественность, в которой мы любим разглядывать самих себя, чтобы предотвращать разрывы истории; оно рвет нить трансцендентальных телеологий, и там, где антропологическая мысль ставила вопросы перед бытием человека или его субъективностью, оно заставляет вспыхнуть другое и внешнее» (Фуко, 2004: 251–252).

было главным вкладом французской теории в новое восприятие времени, которое типично для постмодернизма: неведомые катастрофы, собирающиеся на горизонте, искажают видение будущего, а ужасающее, но неопределенное, прошлое отбрасывает тень на всеобъемлющее настоящее. Такое восприятие истории исключает телеологическую интерпретацию, критика которой была важной причиной отказа от больших нарративов.

Вероятно, не случайно параллельно с французской теорией именно исследования средневековья (и начала нового времени) привнесли в исторический дискурс идею множественности исторического времени. Введенные Фернаном Броделем понятия *longue*, *moeyenne* и *courte durée*¹⁶ привели Эммануэля Ле Руа Ладюри к идее *histoire immobile*¹⁷ (Le Roy Ladurie, 1974). Другой историк школы «Анналов», Жак Ле Гофф, утверждал:

Принципиальным концептуальным и методологическим нововведением в исторической мысли последнего времени была замена однородного, линейного, объективного и математически делимого понятия времени сложной, обратимой и субъективной концепцией, скорее качественной, нежели количественной. Само понятие времени часто заменяется на более пластичную концепцию длительности (durée).

Le Goff, 1988: 1–14.

Новые теории времени стали особенно популярными в конце 1970-х годов, когда в программу средней школы были включены теория относительности и квантовая физика¹⁸. Значимость собственного «психологического» времени каждого наблюдателя стала общепризнанной, научно доказанной концепцией, подорвав тем самым концепцию времени внешнего, абстракт-

16. Соотв. короткая, средняя и длительная продолжительность (*фр.*).

17. Застывшей истории (*фр.*).

18. В популярной научно-фантастической литературе широко цитируется следующий отрывок из письма Альберта Эйнштейна: «Для любого из нас, убежденных приверженцев физики, различие между прошлым, настоящим и будущим — всего лишь иллюзия, пусть и устойчивая» (Einstein & Besso, 1972).

ного, универсального и линейного¹⁹. В 1980-е годы анализ разных восприятий времени стал весьма распространённой темой в науках об обществе. Представление о времени, обусловленное социальными, историческими или культурными контекстами, породило исследования темпоральности экономических циклов и труда, спорта и живописи, тела и деколонизации²⁰. Сформулировав концепцию «квантизации времени», эта антропологическая редукция времени ослабила свойственную девятнадцатому веку веру в существование объективного времени, независимого от наблюдателя. Исследования памяти также усвоили представления о синхронности и обратимости времени, о его свободном перетекании из будущего в прошлое или настоящее (Huysen, 2003; Erll, 2011).

Широкое распространение этих подходов навело исследователей на мысль о глубоких изменениях в восприятии исторического времени, типичных для нашей собственной эпохи (Zawadzki, 2002 ; Assmann, 2013). Поэтому Франсуа Артог обсуждает в книге *Chronos. L'Occident aux prises avec le Temps* [Хронос. Запад в схватке со временем] (Hartog, 2020) нынешний кризис будущего, который определяет наше сегодняшнее восприятие времени²¹. В другой работе, «Режимы историчности», Артог диагностирует появление нового временного режима и называет его «презентизмом» [от *фр.* *présent* — настоящее]. Он характеризует настоящее как «вечное» и «квази-неподвижное»: «Мы бросаем взгляд вперед и назад, но не можем найти выхода из настоящего, которое мы превратили в свой абсолютный горизонт» (Hartog, 2003: 28)²². По словам Ханса Ульриха Гумбрехта,

19. Отрицание объективного времени появилось задолго до прошлого десятилетия. Концепцию объективности времени критиковали еще в конце девятнадцатого и начале двадцатого века в самых разнообразных областях, в том числе в литературе, философии и физике.

20. К концу 2010-х годов концепция линейного времени предстает как «время капитализма, колониализма и милитаризма» (Karen Barad, 2017: 60).

21. В английском переводе см.: Hartog (2022).

22. Русский перевод одной из глав этой книги см.: Артог (2008; <https://>

настоящее занимает «всё время», вытесняя из него прошлое и будущее (Gumbrecht, 1997). Исследователи также обращали внимание на взаимосвязи между этими изменениями восприятия исторического времени, долгосрочными политическими преобразованиями современных обществ и их влиянием на демократию²³.

Связь между кризисом темпоральности²⁴ и неомедиевализмом оказывается еще более глубокой, если обратиться к истории понятий Райнхарта Козеллека. Этот ставший теперь классическим подход связывает формирование понятий с восприятием исторического времени²⁵. По Козеллеку, новая система базовых социальных и политических концепций возникла в Европе конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века из-за радикального новшества — теории прогресса, основанной на новой футуристической темпоральности. Козеллек называет этот период *Sattelzeit* (буквально «перевальным временем», или периодом трансформации) (Koselleck, 1997). Радикальный разрыв между новым «горизонтом ожиданий» и традиционным «пространством опыта» породил исторические понятия, окрашенные прогрессивным, обращенным вперед видением исторического времени. Ричард Утц, применяющий подход Козеллека к медиевализму, утверждает, что медиевализм относится к числу тех понятий, которые «содержали с одной стороны осознание своей фрагментарной прошлости, а

magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html). О связи между расцветом культуры памяти и отстранением будущего, характерными для презентизма, см.: Hellerma (2020).

23. Концепция ускорения истории была чрезвычайно важна для понимания тех проблем, с которыми демократия столкнулась на пороге третьего тысячелетия. См.: Chesneaux (2000), Scheuerman (2004).

24. О кризисе восприятия исторического времени см.: Fabian (1983), Pomian (1984), Chesneaux (1996), Bensa (1997).

25. См. перевод на французский Koselleck (1990) и оригинал на немецком: Koselleck (1979). Козеллек оказал влияние как на Гумбрехта, так и на Артога: Гумбрехт был его учеником, а Артог поддерживал перевод его трудов на французский.

с другой — сдвигающиеся, возможно, ориентированные в будущее, временные границы» (Utz, 2011). Тезис Утца открывает возможность рассмотреть более подробно различия между медиевализмом и неомедиевализмом, не в последнюю очередь потому, что в концепции неомедиевализма нет даже того слабого ориентированного на будущее потенциала, на который может претендовать медиевализм.

Неомедиевализм отлично выражает нынешние изменения восприятия исторического времени и подчеркивает разрыв и обратимость времени, что можно считать причиной его столь быстрого распространения в научной литературе и в популярной культуре. В неомедиевальном фильме, романе или политическом памфлете основное внимание сосредоточено не столько на выборе между циклическим и линейным временем, как полагают иногда исследователи²⁶, сколько на разрыве, который может, произойдя в любой конкретный момент, прервать течение времени и вернуть историческое прошлое. Более того, исследователи согласны в том, что неомедиевальные нарративы по сути своей фрагментарны, и их временная непрерывность может легко оборваться по воле автора или повествователя (Dinshaw, 2013)²⁷. Идея о том, что история рано или поздно обратится вспять, составляет самую яркую черту присущего неомедиевализму отрицания исторического прогресса. Неомедиевализм превращает антимодернизм в единственный возможный горизонт истории. Эта конкретная историческая темпоральность объясняет популярность апокалиптического мышления и апокалиптического жанра среди приверженцев неомедиевализма:

26. Мариэль Вийермарс, книга которой внесла важный вклад в обсуждение политики памяти в России и, в особенности, новой опричины, говорит о колебаниях между этими двумя режимами темпоральности (Wijermars, 2018: 160).

27. См. также веб-сайт МЕМО с его утверждениями о фрагментарной природе сюжетов, передаваемых в неомедиевальных нарративах: http://medievalelectronicmultimedia.org/?page_id=39.

обратный ход времени чреват смертью и разрушением²⁸. В отличие от христианского Апокалипсиса, за этим тотальным опустошением не должно последовать ничего позитивного. Такая телеологическая модель времени не только не линейна, но и лишена всякой веры в будущее.

Популярность научных теорий и политических пророчеств о скором возвращении Средних веков только усиливает веру в такое видение времени и свидетельствует о поисках социальных образцов в прошлом. Эти теории, как критикующие, так и прославляющие новое средневековье, указывают на разочарование в объективности, в необратимости исторического времени и в идее прогресса.

Может ли средневековье вернуться?

Ретроградная темпоральность понятий с приставкой «нео-» оказывает влияние на теории, пытающиеся объяснить те аспекты современного общества, которые их авторы считают антимодернистскими или домодерными. Тот факт, что некоторые черты настоящего — как в России, так и вне ее — напоминают социальные структуры средневекового периода, побуждает многих исследователей говорить о возврате средневекового прошлого и использовать идею о его возврате для объяснения нынешних политических, социальных и экономических условий. Некоторые полагают даже, что такой возврат может и не быть негативным явлением. Английский политолог Хедли Булл утверждал в 1977 году, что наступление «нового медиевализма», в котором он видел альтернативу государственной монополии на власть, обеспечит миру лучшее будущее. В этом он сильно отличался от Эко, относившегося к возможным социальным и политическим последствиям неомедиевализма с подозрительностью (Bull, 1977). Последователи Булла признают, что их ви-

28. Одним из первых эту связь между вымышленным средневековым обществом и примитивизмом и невежеством, которые могут появиться вследствие техногенного апокалипсиса, осознал Роберто Вакка (Vacca, 1973).

дение Средних веков сродни фэнтези и научной фантастике²⁹. Один из приверженцев этой теории, Стивен Кобрин, даже назвал одну из своих статей «Назад в будущее»³⁰.

Некоторые исследователи усматривают положительные стороны в ретроградных политических проектах — например, в концепции неомедиевальной империи, понятии, которое в нынешнем политическом климате вызывает особенно тяжелые ассоциации. Например, Ян Зелонка высказался следующим образом:

У нео-медиевальной империи могут быть хорошие шансы казаться демократически легитимной, если она приблизит структуры государственного управления к гражданам и сделает систему более прозрачной и открытой.

Zielonka, 2006: 164–191.

Даже ученые, которых тревожит перспектива возврата Средних веков, считают приход средневековья новой политической реальностью. Как пишет Ален Минк, «неспособность найти новый основополагающий принцип в посткоммунистическом мире возвращает нас к своего рода Средним векам» (Minc, 1993: 4). Известный постмодернист Славой Жижек, от которого, казалось бы, можно было ожидать ликования по поводу «упадка ценностей Просвещения», высказывает тревогу относительно «надвигающихся новых Темных веков» (*Gazeta Wyborcza*, 2015).

Рассуждения о повторении Средних веков часто бывают вызваны поверхностным сходством между средневековыми институтами и современными практиками. Так, Франк Анкерсмит осуждает приватизацию функций государства, которую он считает возвратом к средневековью (Ankersmit, 2007). Ульрих Бек отмечает, что в результате «феодализации практики научного познания» подрывают «просвещенную научную мысль» (цитата

29. Стивен Дж. Кобрин пишет, что «[в] политике и экономике, как в научно-фантастических фильмах, бывает полезно попытаться представить себе неизвестное будущее в терминах известного прошлого» (Kobrin, 1998: 364).

30. Более свежий пример этого подхода см. в (Doboš, 2020).

по [Бек, 2000: 239]; оригинал см. [Beck, 1992: 157]). Шон Макфейт обличает возврат к феодализму, проявляющийся в распространении частных армий (McFate, 2014). Как и Булл, он считает, что мир движется назад, к Средним векам, к «не ориентированному на государство, многополярному мировому порядку, где полномочия и лояльности частично совпадают» (McFate, 2014: 6)³¹. Джоэл Коткин утверждает, что неофеодализм представляет собою угрозу демократии, а сосредоточение богатств в высокотехнологичной экономике ведет к современному крепостничеству (он прямо называет рабочий класс «новыми крепостными»)³². Его концепция напоминает концепцию цифрового феодализма тем, что согласно последней правящую элиту или Первое сословие — Google, Amazon, Facebook, Apple и Microsoft — обслуживает Второе сословие — университетские преподаватели, ученые, публичные интеллектуалы и т. д., которые легитимизируют «новый мировой порядок» в ущерб рядовым гражданам. Коткин справедливо привлекает внимание к тем текущим социальным переменам, которые, как он считает, уходят корнями в усиливающееся экономическое неравенство и способствуют ему³³. Однако экономические условия лишь частично объясняют новые формы личной зависимости. Посягательства на свободу индивидуума не в меньшей мере определяются изменениями в том, как мы думаем об обществе.

Некоторые ученые, занимающиеся Россией, также интерпретируют постсоветские реалии как возврат к средневековью. Исследователи, критикующие эти практики, заявляют, что

31. Макфейт сравнивает нынешние частные военные компании с наемническими армиями средневековых королей и опасается, что «Соединенные Штаты открыли ящик Пандоры с наемничеством [и] коммерческими войнами» (McFate, 2014: 152).

32. Избегая общих рассуждений об исторической темпоральности, Коткин, тем не менее, подчеркивает значение прогрессивного видения времени для демократии (Kotkin, 2020).

33. Коткин сочетает марксистский анализ с верой в обратную историческую темпоральность, как если бы марксизм мог существовать без понятий социального прогресса и объективного, линейного и необратимого времени.

посткоммунистическая Россия отвернулась от демократии и рыночной экономики и движется по направлению к феодализму (Verdery, 1995: 208)³⁴. Социолог Владимир Шляпентох, подход которого базируется на марксистской теории общественно-экономических формаций, утверждает, что такие формации как капитализм и феодализм могут «сосуществовать», и их «сосуществование» объясняет особенности постсоветской России (Шляпентох, 2008). Его точка зрения завоевала в России много сторонников, которые считают, что сейчас Россия «находится где-то на пути от самовластия Ивана Третьего» к «постиндустриальной эпохе» (*polit.ru*, 2010-a).

Сходные мнения широко распространены и среди экономистов. Так, Ричард Эриксон объясняет своеобразие российской экономики при Ельцине устойчивостью некоторых пережитков феодализма. Он, однако, рекомендует для экономики России западный путь развития капитализма, и считает, что прохождение через Средние века западного образца позволит России в конце концов создать действующую современную рыночную экономику (Ericson, 1999)³⁵. Андреас Ослунд также утверждает, что постсоветскому обществу присущ «неофеодальный капитализм» (*Project Syndicate*, 2017)³⁶, и заявляет, что олигархическую структуру российского «капитализма для своих» определяет сознательное стремление путинской администрации вновь внедрить в Российской Федерации феодальную систему древней Руси.

34. Эти рассуждения основываются на долгой традиции нелестного сравнения социализма — и в особенности социализма советского — с феодализмом. Одним из первых приравнял социализм к феодализму Константин Леонтьев (Леонтьев, 1992). О взглядах Леонтьева см.: Mondry (2014).

35. <http://sintak.unika.ac.id/staff/blog/uploaded/5811998215/files/russian-economic-system.pdf>, 5, 17.

36. <https://www.project-syndicate.org/commentary/russia-neofeudal-capitalism-putin-by-anders-aslund-2017-04>. В более ранней работе Ослунд утверждал, что путинская Россия создала «нормальную рыночную экономику» на основе частной собственности и быстро становится обществом с «сильным средним классом» (Åslund, 2007: 301, 305).

Критики путинизма в России сравнивают путинских при-спешников с феодальными владыками, постсоветских губернаторов — с вассалами феодального монарха и т. д. (*Коммерсантъ*, 2006; Косалс, 2006: 120–145; *Новая газета*, 2021-а³⁷). Утверждения о том, что «в нынешней России сложилось скорее сословное общество, сильно напоминающее позднефеодальное», быстро приводят к тому выводу, что «мы будем дальше пребывать в позднем средневековье» (*Коммерсантъ*, 2018-б)³⁸.

В противоположность российским ультраправым, оппоненты Путина используют термин «феодализм» (или «нео-/новый феодализм») чаще, чем «новое средневековье»: предположительно потому, что «феодализм» подчеркивает сущность экономической системы и предполагает экономическую отсталость и техническую неразвитость (а российские ультраправые стараются избегать этих ассоциаций).

Теории возврата к средневековью, как горячо приветствуемого, так и яростно порицаемого, не могут обосновать утверждение о том, что нас настигают средневековые времена. Эти теории скорее следует рассматривать как реакцию на кризис будущего. Возврат в средневековое прошлое (или, если уж на то пошло, в любой исторический период) невозможен: любая историческая эпоха представляет собою уникальный и чрезвычайно сложный «континуум» (*Zusammenhang*, говоря языком немецких историков) множества конкретных исторических факторов и, следовательно, неповторима. Некоторые черты прошлого могут сохраняться в последующие эпохи, но они обычно претерпевают в новых контекстах существенные изменения. Если бы поклонникам политического неомедиевализма удалось создать то общество, которое представляется им в их фантазиях, мы оказались бы свидетелями нового и страшного будущего, симулякра средневекового прошлого, а не какого-либо реального возобновления тех времен.

37. <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/plan-krepostnye>

38. См. также: Медведев (2017).

Стремясь подчеркнуть абсурдность мысли о возможности возвращения исторического прошлого, Исая Берлин воспользовался обделенным в то время вниманием термином «неомедиевализм», чтобы высмеять идеализированные представления русских славянофилов о допетровском прошлом России. Он назвал их «нео-медиевалистами», причислив их к той же категории, к которой принадлежат «дистрибутисты и прерафаэлиты и прочие ностальгически настроенные романтики» (Berlin, 1953: 495).

Хотя Средние века совершенно точно не вернутся, их использование в политических целях, несомненно, усиливается. Отсылки к средневековью, распространяемые через неомедиевальную политику памяти, все шире применяются для мобилизации и формирования исторической памяти и политического воображения, насаждая идею о том, что демократия — это историческая aberrация. Неомедиевальная политика памяти побуждает своих приверженцев мечтать об иерархической или кастовой организации общества, а апелляции к средневековому прошлому легитимизируют существующее социальное неравенство и помогают закрепить новую систему социального и политического закабаления. И в путинской России, и на Западе политический неомедиевализм символизирует кризис демократии.

Память палачей и мобмемори

Еще два понятия занимают центральное место в моем анализе: *память палачей* и *мобмемори*. Понятие памяти палачей³⁹ касается особого режима памяти, уходящего корнями в правый авторитарный популизм⁴⁰. Память палачей старается обесценить космополитическую память — культуру памяти, в центре которой находятся жертвы, в значительной степени сформи-

39. Я использую понятие «памяти палачей» иначе, чем это понятие используется в исследованиях исторической памяти. См.: Kharaeva (2016: 61–73), в этой статье я употребляю в своем анализе постсоветской исторической памяти термин «неомедиевализм».

40. О правом популизме см.: Müller (2016), Anselmi (2017).

ровавшуюся вокруг памяти о Холокосте. Космополитическая память, сосредоточенная на страданиях жертв исторических несправедливостей и преступлений против человечности, помещает в сердце исторических нарративов, построенных вокруг сострадания и эмпатии, жертву, а не «победителя» или «героя»⁴¹. Эта культура поминовения, возникшая в Западной Европе и Северной Америке в 1960-х и 1970-х годах, сложилась по противопоставлению тому, что Пьер Нора удачно назвал «национальным мифом» [*le roman national*]. Признав коллективную историческую ответственность за Холокост, космополитическая память превратила его в «обобщенный символ человеческого страдания и нравственного зла» (Alexander, 2002). Международное признание космополитической памяти породило надежды на то, что оно приведет к «образованию всемирного консенсуса относительно прав человека» (Levy & Sznajder, 2006: 197, 203), который «мог бы послужить моделью для создания новых форм демократической солидарности» (Silverman, 2013: 179).

В последние годы исследователи отмечают упадок космополитической памяти, и я согласна с их диагнозом⁴². Формирование путинизма и других авторитарных режимов в Восточной Европе тесно переплетается с созданием агрессивных националистических нарративов, которые всего несколько десятилетий назад считались безвозвратно развенчанными. Как пишет Николай Копосов, «[с]егодняшняя понятийная пара, принципиально

41. Среди обширной литературы, посвященной этой культуре памяти, основополагающими с точки зрения определения центральной роли Холокоста в формировании памяти остаются исследования Саула Фридлендера (Friedländer, 1993). По мнению Габриэль М. Шпигель, всплеск памяти, известный под названием *Memory Boom* [«бум памяти»] был обусловлен формированием памяти о Холокосте (Spiegel, 2002). См. также: Winter (2000). Исследователи выделяли несколько аспектов этой культуры памяти, в том числе культуру жертвенности и «публичную культуру коллективного покаяния» (Elias, 1986; Olick, 2007).

42. О различных проблемах космополитической памяти см.: Novick (1999: 121), Dean (2004), Cole (2007), Michel (2011), Bull & Hansen (2015). Из многочисленных проблем, стоящих перед космополитической памятью, я ограничиваю это свое исследование теми, которые связаны с ультраправыми.

важная для понимания политики истории [...], это “популизм и память”, в то время как в 1990-е годы это были скорее “память и демократия”» (Koposov, 2022-b).

Историческая политика ультраправого популизма строится на позитивной оценке воспоминаний о былом господстве. Памяти палачей потворствуют те, кто, каковы бы ни были их личные обстоятельства, сочувствовал — и продолжает сочувствовать — режимам угнетателей и стремится вернуть это наследие. Анализ Теодора Адорно устойчивости пронацистских симпатий в послевоенной Германии выявляет важные психологические черты привлекательности таких воспоминаний и указывает на имеющийся у них потенциал. По Адорно, в нацистский период

[...] исполнялись коллективные властные фантазии людей, которые, взятые по отдельности, не имели власти и которые представляли себя чем-то лишь в качестве такой коллективной власти

Adorno, 2005: 95.

Ресталинизация и политический неомедиевализм, зацикленные на пропаганде государственного террора, — таковы российские особенности культивирования памяти палачей. Постсоветская Россия представляет собою предельный случай развития такой памяти, так как здесь с наследием тоталитарного режима и его преступлений никогда последовательно не боролись. Российская память палачей коренится в политике, отрицающей историческую ответственность за какие бы то ни было преступления, совершенные Россией, — в том числе и преступления советские — и находит поддержку в общемировой практике тенденциозного использования истории правыми⁴³. Сфокусированная на жертвах культура поминовения западного образца, которая осудила бы советские преступления так же, как были осуждены на Западе преступления нацистские, только

43. Обутверждении «суть популизма — в конструировании и использовании прошлого» см.: Chiantera-Stutte (2005: 394). См. также: Lechner (1991), Savage (2012), Furedi (2018).

начала зарождаться в конце 1980-х годов и была маргинализована после провала демократических реформ в конце 1990-х. При Путине уничтожение этой культуры памяти стало приоритетной политической задачей (Копосов, 2011).

Путинизм по большей части опирается на привилегированное социальное и политическое положение спецслужб, представители которых составляют ядро постсоветских правящих кругов (Felshtinsky & Pribylovsky, 2009). Ветераны и нынешние сотрудники этих органов, тайные осведомители и бывшие советские аппаратчики, зачастую замешанные в репрессиях, а также их потомки, многие из которых успешно внедрили в постсоветскую правящую прослойку, образовывали и продолжают образовывать основу памяти палачей, пользуясь при путинском режиме привилегиями, признанием и защитой.

Советская власть так никогда и не признала в полной мере преступную природу своих спецслужб. Благодаря тому, что Хрущев возложил вину за преступления сталинской эпохи на «культ личности», последующее прославление аппарата КГБ казалось менее противоречивым. При Путине культ тайной полиции (ВЧК — НКВД — КГБ — ФСБ) возродился уже после обнародования ее преступлений в период гласности и перестройки конца 1980-х годов (Fedor, 2011).

В СССР репрессивный режим существовал за счет коммунистической идеологии, которая легитимизировала его, обещая светлое будущее всеобщего равенства. В путинской России историческая политика, оправдывающая великодержавный империализм и растущее социальное неравенство, опирается на мессианский культ Второй мировой войны, ресталинизацию и неомедиевализм. Сталин почитал Ивана Грозного как тирана тирана. Но он отнюдь не намеревался заменить обращенную в будущее коммунистическую идеологию на политику памяти, берущую за образец царизм, как это делает сегодня Путин. Коммунисты не могли позволить себе превозносить систему средневекового общества, занимающую центральное место в

политическом неомедиевализме. У путинизма же, напротив, нет ни идеологии, ни видения будущего, и именно поэтому Кремль хочет повернуть время вспять и ведет поиск общественного проекта в историческом прошлом.

Желание и в то же время неспособность сформулировать новую прогрессивную идеологию в виде системы абстрактных принципов остро ощущается путинистами. Стратегия национальной безопасности, дополненная 2 июля 2021 года, призвала к созданию «привлекательной идейной основы будущего мироустройства» (*kremlin.ru*, 2021-б⁴⁴). Александр Дугин поддержал эту идею, предложив создать «путинизм», «новую идеологию», которая, как он полагает, поможет России оправиться от военных неудач в Украине (*Завтра*, 2022-б).

Память палачей часто принимает форму *мобмемори*. Это понятие привлекает внимание к сложным механизмам формирования памяти на основе взаимовлияния науки, популярной культуры, религиозных движений и политического активизма⁴⁵. В моем понимании *мобмемори* представляет собою подтип того, что Пьер Нора называл современной искусственной памятью, которая производится разнообразными мнемоническими предпринимателями, а не передается «естественным путем» из поколения в поколение (Nora, 1984)⁴⁶. Однако в концепции искусственной памяти Нора нет прямых отсылок к памяти популистской, которая занимает важное место в моем анализе. По моему мнению, *мобмемори* предлагает альтернативу концепциям, подчеркивающим позитивное значение некоторых конструкторов искусственной памяти⁴⁷. Принципиально важ-

44. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

45. О роли различных социальных сред в формировании советской и постсоветской исторической памяти см.: Kelly (2014).

46. Нора также говорит о «нашей искусственной гиперреализации прошлого» в работе «Между памятью и историей» (Nora, 1989: 18).

47. В число концепций, подчеркивающих позитивную роль искусственной памяти, входят протестическая память (Landsberg, 2004: 9, 146, 148–49) и постпамять (Hirsch, 1992–1993).

ную роль в формировании мобмемори играет ее медиатизация (Hoskins, 2009: 36).

Существует глубокая взаимосвязь между мобмемори, рассматриваемой как форма коллективных представлений о прошлом, и памятью палачей, отсылающей к содержанию таких представлений. Эта взаимосвязь порождается сосредоточением внимания на преступных, позорных или политически спорных событиях национальной истории. Мобмемори, являющаяся неотъемлемой частью правого популизма, предлагает тайное — причем не обязательно мистическое или религиозное — знание, позволяющее ее приверженцам (по их мнению) «открывать» скрытые причины исторических эпизодов коллективного насилия и утверждать их полезность для соответствующих «национальных сообществ». Предлагая «вспоминать» «преимущества» антидемократической социальной организации, мобмемори побуждает своих последователей гордиться репрессиями прошлого. Активное использование ею национального прошлого вынуждает даже ее противников рассуждать, хотя бы частично, в той же системе координат, тем самым ослабляя способность сопротивляться ей. Мобмемори обеспечивает согласие между правопопулистским режимом и его социальной базой, между толпой и ее вожаком⁴⁸. В сердцевине ее находится идея мобилизации: разъединяющая и воинственная, она может быть легко использована в политической борьбе. Ее взаимодействие с властью может показаться демократическим, поскольку она включает в себя низовые инициативы, но на самом деле она, как и популизм (Stavrakakis, 2014), представляет собою явление антидемократическое и антилиберальное. Хотя для этой конкретной формы памяти оказываются особенно благоприятными «авто-

48. В трудах Эдмунда Бёрка слово *mob* [толпа] означало буйствующие революционные толпы. О взглядах Эдмунда Бёрка см.: O'Brien (1992: 168, 171–72), Neocleous (2005: 23, 25–26). Я использую слово *mob* в составе термина *mobmemory* для обозначения насильственных ультраправых идеологий, следуя описанию молодежных движений вильгельмовской Германии, создавших субстрат для фашистских молодежных организаций, предложенному Германом Глазером (Glaser, 2020).

ритарные условия», подобные существующим при путинизме, она может возникнуть и в демократических странах⁴⁹.

В постсоветской России мобмемори вдохновляет сторонников идеи, что государственный террор — это лучшая форма правления для русских. В дальнейшем я буду подробно рассматривать различные источники формирования постсоветской мобмемори, сложившейся из взаимодействия учений православных сект и постсоветской историографии с политическим дискурсом российских ультраправых и постсоветской популярной культурой. Дискурс Кремля и его приспешников, как и внедрение этих идей в повседневные практики религиозных общин России, оказывает сильное влияние на формирование этих взаимосвязей. Постсоветская мобмемори играет важнейшую роль в создании атмосферы, потворствующей насилию, и превращает эту атмосферу в предмет гордости и важную черту русского национального наследия.

49. По словам Карла Шлёгеля, «авторитарные условия враждебны памяти. Зрелая историческая культура и гражданская культура не существуют одна без другой» (Schlögel, 2008).

II.

НЕОМЕДИЕВАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПУТИНА

Постсоветский неомедиевализм

«Вы с нами навсегда?» — спросил Владимира Путина журналист, бравший у него интервью относительно предложенных изменений российской конституции, которые позволили бы ему баллотироваться еще на два шестилетних президентских срока после того, который заканчивался в 2024 году. «Если Вы захотите» — ответил Путин (ТАСС, 2020-6¹), однако, не сказал, какую именно должность он будет занимать. Когда поправки к конституции были одобрены в июле 2022 года на инсценированном референдуме, в русских социальных сетях быстро распространилась теория, что Путин будет царем. Интернет захлестнули мемы, изображающие Путина в короне, и статьи, в которых обсуждалось, станет ли он царем (Riddle, 2020). Некоторые из них высмеивали Путина, в других выражалось недовольство тем фактом, что он все еще не коронован². Эта тема настолько взбудоражила жителей России, что несколько государственных агентств и газет опубликовали интервью с Путиным под заголовком «Путин не согласен с теми, кто называет его царем» (ТАСС, 2020-а³; *Московский комсомо-*

1. <http://kremlin.ru/events/president/news/63034>
2. См., например: *Радио Свобода* (2020-6).
3. <http://kremlin.ru/events/president/news/63034>

леи, 2020; *russian.rt.com*, 2020). До этого кремлевский пресс-секретарь Дмитрий Песков и спикер Государственной Думы Вячеслав Володин объявляли, что Путин не заинтересован в восстановлении монархии (*lenta.ru*, 2017-а; *lenta.ru*, 2017-б).

Однако нельзя сказать, что поправки к конституции вызвали к жизни эту полемику. Они лишь оживили уже шедшие дебаты о реставрации монархии в России (*Московский комсомолец*, 2017; *Pravda.ru*, 2018). В 2002 году Путин заявил, что, по его мнению, конституционная монархия «очень неплохо вписывается в демократические институты некоторых западных стран» (*РИА-Новости*, 2002). В 2007 правящая партия «Единая Россия» планировала предоставить ему «псевдомонаршие полномочия», чтобы «избежать возни» с неконституционным избранием на третий срок. Аннексия Крыма придала проекту реставрации новый импульс. В августе 2014 года лидер ультраправой «Либерально-демократической партии России» Владимир Жириновский заявил, что Путин должен стать императором (*Korrespondent.net*, 2017). Некоторые связанные с Крымом политики — Наталья Поклонская, бывшая генеральным прокурором Крыма, а впоследствии ставшая депутатом Госдумы, и глава аннексированного Крыма Сергей Аксенов — ратовали за коронацию Путина с конца 2010-х.

В начале 1990-х русские монархисты были маргинальной группой; их главным лозунгом была реставрация династии Романовых. Затем их движение выросло в значительную политическую силу и в 2012 году было зарегистрировано в качестве политической партии⁴. В 2016 лидером этого движения объявил себя «православный олигарх» Константин Малофеев (*Financial Times*, 2020; *Global Engagement Center*, 2020), руководитель пропутинского монархического общества «Двуглавый орел» и владелец веб-сайта «Катехон», известного распространением политической дезинформации.

По данным социологического опроса, который провело в

4. О русских монархистах см.: Дука (2017), Suslov (2016-а).

сентябре 2019 года контролируемое ультранационалистами агентство новостей «Регнум», идею конституционной монархии поддерживали треть граждан России (*Регнум*, 2019). К этому же лагерю можно причислить и иерархию православной церкви. Предложения и петиции за многими тысячами подписей, просящие Путина стать царем, приводили в недоумение русский интернет с начала 2000-х годов, а в 2021 дебаты вокруг роскошного дворца Путина в Геленджике вызвали высказывания вроде «У царя должен быть дворец!» (*Радио Свобода*, 2021-а). За коронацию Путина непрерывно агитируют кинематографист Никита Михалков и писатель Александр Проханов, знаковые фигуры российских ультраправых (*Диалог*, 2011). В 2020 году реставрация монархии стала одним из основных принципов организованного Прохановым «движения» «Русская мечта — 2050» (*Телеканал Царьград*, 2019⁵).

Эта ностальгия по монархии хорошо вписывается в неомедиевальную политику памяти российской власти⁶. Начиная с 2000-х годов, политики, близкие к путинской администрации, а также православное духовенство и сектанты активно поддерживали неомедиевализм. Широкий неомедиевальский консенсус относительно будущего России образовался среди российских ультраправых в связи с их попытками разработать идеологическую программу для второго президентского срока Путина (2004–2008). Момент был для них весьма подходящим, так как период с 2003 по 2007 год был отмечен в России спадом поддержки демократических партий. В октябре 2003 года российский олигарх Михаил Ходорковский был арестован и приговорен к тюремному заключению по сфабрикованным обвинениям в налоговых махинациях, мошенничестве и

5. https://tsargrad.tv/shows/aleksandr-prohanov-chto-takoe-russkaja-mechta_218555

6. В последние годы средневековая тематика, ставшая столь заметной в постсоветской политике памяти, начала привлекать к себе внимание исследований, что привело к появлению нескольких важных работ по русскому медиевализму: Gorski (2019), Griffin (2020; 2022).

хищениях — а на самом деле за антипутинские выступления. Его арест и реакция на его судебный процесс показали, что российские граждане в большинстве своем вряд ли будут протестовать против политических репрессий, а российская общественность может даже приветствовать такого рода судебные процессы. Постсоветское общество явно было готово к тоталитарному повороту. Другим знаком, обнадежившим власти, были фальсификации на думских выборах 2007 года, к которым жители России отнеслись по большей части безразлично. Характерно, что 2003–2007 годы были одновременно и тем самым периодом, когда путинский режим начал обращать более пристальное внимание на историю.

Неомедиевальная политика памяти развернулась на нескольких уровнях, используя разнообразные методы и средства для привлечения российской аудитории. Ставя своей целью создание культа русского средневековья, она чрезвычайно способствовала росту популярности правого популизма в России (и наоборот).

Кремль делегирует значительную часть своей политики памяти ультраправым движениям и религиозным сектам, выступающим в роли его представителей (Weiss-Wendt, 2021-b)⁷. Львиную долю этой деятельности взял на себя Изборский клуб. Этот клуб, созданный в противовес антипутинским протестам сентября 2012 года под председательством Александра Проханова, состоит из ультраправых идеологов и политических активистов. Хотя члены Изборского клуба конкурируют друг с другом за общественное внимание, политическую поддержку правительства и ресурсы, у них есть некоторые общие убеждения и цели, например, реставрация Российской империи⁸ и вера в мессианскую природу «русской

7. См. также: МБХ-ньюс (2020), Weiss-Wendt (2021-a).

8. Российская империя продолжает существовать в воображении Дугина и остается, по его мнению, легитимным актором мировой политики (Дугин, 2014). В то время как неоевразийцы допускают интеграцию других цивилизаций, Проханов, к примеру, поддерживает расовое господство

цивилизации»⁹. Они также единодушны в том мнении, что Россия представляет собою самодостаточную цивилизацию, на порядок превосходящую Запад¹⁰, который провозглашается постоянной угрозой российской цивилизации: «Запад — место, куда рухнул дьявол. [...] Матрица сгнившей культуры извращений и порока, лжи и цинизма, насилия и лицемерия» (*Евразия*, 2015). Чтобы успешно вести священную войну против Запада, российское общество должно очистить свои ряды, уничтожив «пятую и шестую колонны», состоящие из либералов, демократов и западников¹¹.

Геополитические программы членов Изборского клуба простираются от восстановления российской/советской империи в ее советских границах до установления контроля Москвы над территориями и народами всех бывших советских сателлитов. Путинский ультиматум НАТО декабря 2021 года возвысил эти имперские фантазмы до уровня российской государственной политики. Некоторые родственные Изборскому клубу течения — например, неоевразийцы — заходят гораздо дальше, бредя покорением всего Евразийского континента и Северной Америки.

Члены Изборского клуба признают, что реставрация территориальной империи в двадцать первом веке — задача не из легких, не в последнюю очередь потому, что это потребует немалых социальных изменений внутри самой России. Возврат к средневековому общественному устройству считается важной целью, необходимой для будущих завоеваний, и именно поэтому

этнических русских.

9. Марлен Ларуэль считает Изборский клуб аналогом консервативных аналитических центров [*think tanks*] в либеральных демократиях, но соглашается с тем, что у этого клуба есть дополнительная задача — оказывать влияние на власть (Laruelle, 2016).

10. О «России как высшей цивилизации» см.: Панарин (1996).

11. Опубликованный в 2019 году выпуск журнала «Русские стратегии» Изборского клуба, озаглавленный «Вероучение русской мечты», собрал все эти идеи в одном томе: https://izborsk-club.ru/magazine_files/2019_09.pdf.

он занимает столь важное место в их политических проектах. Большинство членов клуба согласно, что никакого равенства между людьми быть не может (*life.ru*, 2015). По их мнению, ценности Просвещения и демократия — элементы «масонского заговора», чуждые «русской душе». В их взглядах есть отголоски приобретшей сейчас огромную популярность теории «Темного Просвещения», согласно которой во всем зле современного мира — гуманизме, демократии и равенстве — повинно Просвещение¹².

Иван Грозный в путинском Кремле

Политика неомедиевализма героизирует средневековых воителей, и первое место среди них занимает Иван Грозный (1533–1584). Как можно понять из его прозвища, этот русский царь более всего запомнился тем, что установил — впервые в русской истории — режим государственного террора, названный *опричниной* [от слова «*опричь*», то есть «*кроме*»] (1565–1572). В 1565 году Иван уехал из Москвы и направился вместе с сыновьями и двором в близлежащую Александровскую слободу. Там он объявил о своем решении отречься от престола, поскольку не мог более терпеть заговоров, которые строили против него бояре (аристократы средневековой Руси). Толпы перепуганных москвичей ворвались в Кремль, требуя, чтобы бояре вернули им их царя. По возвращении Иван учредил опричнину — то есть выделил себе в свой личный удел область с собственной территорией, армией, финансами и администрацией. Он заявил, что имеет право обвинять, судить и казнить «изменников», и отбирать их имущество по своему усмотрению. Опричнина была в буквальном смысле слова особым государством, отделенным от *земщины*, в которую входили все остальные русские земли; управлялись они по отдельности. Иван даже назначил править

12. Хотя некоторые из членов Изборского клуба выступают против идеи сословного общества, они составляют исключение, подтверждающее общее правило. Кроме того, они разделяют все остальные мессианские и имперские цели своих товарищей по клубу (*Изборский клуб*, 2019-д; *Бизнес Online*, 2017-а).

земщиной шутовского царя, крещеного татарского хана Симеона Бекбулатовича¹³. У осуществлявших террор опричников — военизированного полка и личной охраны Ивана, подчинявшихся только ему, — были два символа власти: собачья голова, показывавшая, что они были «царскими псами», и метла, чтобы «выметать измену». Хроники и иностранные путешественники оставили свидетельства их ужасающих зверств, в том числе об унижении, изнасиловании, пытках и убийстве тысяч ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей при попустительстве царя или по его прямым распоряжениям¹⁴. Их жертвами были не исключительно — и даже не в основном — бояре, но простые крестьяне и купцы. В числе других жертв Ивана были его сын Иван Иванович, которого царь убил в 1581 году, и канонизированный православной церковью в 1652 году митрополит Филипп II, которого задушил по приказу Ивана его главный опричник Малюта Скуратов.

Самые известные изображения Ивана в дореволюционной России — например, скульптура Марка Антокольского, портрет параноидального маньяка работы Василия Васнецова или сцена сыноубийства, запечатленная Ильей Репиным в знаменитой картине «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», — отражали чрезвычайно критическое отношение к этому царю. Ивана IV нет среди правителей российского государства, представленных на памятнике «Тысячелетие России», который был воздвигнут в 1862 году в честь легендарного пришествия норманнов (варягов), считающихся основателями российской государственности. Лишь один из всех российских правителей, Иосиф Сталин, выражал восхищение Иваном IV и его царством террора (Platt & Brandenberger, 1999). Но даже Сталин не ставил ему памятников.

13. Симеон Бекбулатович пробыл правителем земщины (формально — великим князем всея Руси) чуть менее года, с октября 1575 по сентябрь 1576 г.

14. О масштабе репрессий см.: Скрынников (1975). О зверствах опричнины см.: Madariaga (2005).

Кампания по увековечению Ивана Грозного в бронзе началась в 2005 году, когда администрация мелкого провинциального города Любима, центра Опричного братства, предложила поставить памятник царю Ивану на том основании, что он основал поселение, выросшее впоследствии в город Любим. (Опричным братством называется религиозная секта неоопричников, движение современных поклонников опричного террора, ставящее своей целью возрождение опричнины в России.) Идея этого памятника не была реализована.

В 2012 году город Архангельск, бывший при Сталине центром северной системы ГУЛАГа, открыл мемориальную доску, на которой Иван был назван основателем города, со следующим пояснением: «первому русскому царю, инициатору демократических реформ XVI века, покровителю книгопечатания на Руси, от благодарных архангелогородцев» (*GoArctic.ru*, 2018¹⁵). Упоминание «демократических реформ» в этом тексте, вероятнее всего, отсылает к мнению Сталина, считавшего террор Ивана Грозного фактором, объединившим царя и народ против бояр.

Однако никаких памятников Ивана Грозного, будь то воздвигнутых государством или по частной инициативе, не существовало до 14 октября 2016 года, когда Владимир Мединский, бывший тогда министром культуры, архитектор неомедиевальной политики памяти, санкционировал бронзовую конную статую царя Ивана в городе Орле, основанном на втором году опричнины. В речи, произнесенной по этому случаю, орловский губернатор Вадим Потомский назвал Ивана великим правителем и сравнил его с Путиным (*Polit.ru*, 2016). Патриарх Кирилл поддержал установку этого памятника Ивану IV, назвав его «важным государственным руководителем». Это событие воодушевило русских ультраправых — неоевра-

15. <https://goarctic.ru/regions/istoriya-arkhangelska-rasskazannaya-v-pamyatnikakh/>

зийцев, русских монархистов и в особенности неоопричников. Александр Проханов приветствовал увековечение памяти «великого царя» (*Изборский клуб*, 2016-в), а неоопричник Леонид Симонович-Никшич, глава Союза православных хоругвеносцев, начал кампанию за установку еще одного памятника Ивана IV, перед московской штаб-квартирой КГБ/ФСБ на Лубянской площади (*lenta.ru*, 2016-а). Хотя эта статуя Ивана так и не была установлена, в этом предложении прослеживается ясная историческая преемственность: памятник Ивана Грозного должен был занять то самое место, на котором раньше стоял монумент Феликса Дзержинского, основателя ВЧК — предшествовавшей КГБ тайной полиции, осуществлявшей Красный террор во время и непосредственно после Гражданской войны. После провала путча в августе 1991 года демократические активисты снесли памятник Дзержинского и убрали его с площади.

В ноябре 2016 года Владимир Жириновский предложил переименовать Ленинский проспект в Москве в шоссе Ивана Грозного, «чтобы, когда [из московского аэропорта Внуково — Д. Х.] едут иностранные делегации, понимали, куда едут» (*Аргументы и факты*, 2016¹⁶; *Комсомольская правда*, 2016). 26 апреля 2017 года еще один бронзовый памятник Ивану IV был воздвигнут в городе Александрове¹⁷, исторической столице опричнины. Однако в тот же день, еще до официального открытия, памятник поспешно убрали из-за протестов местных жителей (*РИА-Новости*, 2017-а)¹⁸.

26 июля 2017 года памятник из Александрова вновь всплыл на московской Аллее правителей России (*Радио Свобода*, 2017-б¹⁹). Затем, 7 декабря 2019 года, администрация Александрова наконец провела официальную церемонию открытия неприкаянной

16. https://aif.ru/politics/russia/zhirinovskiy_predlozhit_nazvat_leninskiy_prospekt_v_chest_ivana_groznogo

17. Бывшая Александровская слобода, с 1778 г. — город Александров.

18. См. также: <https://gazetanga.ru/pamyatnik-ivanu-groznomu-v-aleksandrove-prostoyal-rovno-chas/>.

19. www.svoboda.org/a/28639124.html

статуи. Еще один памятник Ивану Грозному, на котором он должен был быть изображен добрым отцом семейства, планировали установить в 2017 году в городе Рузе, входившем в состав территории опричнины (РИАМО, 2017; Интерфакс, 2017-а; Москва 24, 2017)²⁰. Константин Ерусалимский метко указывает в своем анализе, что все три памятника отражают не просто общее почтение к Ивану и его правлению: существенную часть всех их составляют отсылки к опричнине и самодержавию (Ерусалимский, 2020).

Прославление Ивана Грозного в качестве великого русского царя идет рука об руку с превознесением его военных завоеваний, которые русские националисты считают основополагающими для Российской империи²¹. 26 декабря 2019 года бронзовый памятник грозному царю был установлен в Чебоксарах, столице Чувашии, которую Иван присоединил к русскому царству в 1551 году (*Ideal.реалии*, 2019; *prokazan.ru*, 2019). К 2019 году монументальная лихорадка добралась до Республики Татарстан, исторической наследницы Казанского ханства, завоеванного Иваном в 1552 году, и до бывшего Астраханского ханства, которое он покорил в 1554. Однако в Астрахани местные татарские активисты выступили с протестами против установления памятника Ивану и преуспели (*Ideal.реалии*, 2020), хотя Константин Малофеев, активный сторонник экстремистского православного движения *царебожия* (то есть обожествления царя, также известного под названием *неоопричного богословия*, о котором мы поговорим ниже), предложил оплатить все расходы (*Бизнес Online*, 2019-б²²). Татарстан также отказался от установки памятника Ивану в Казани, как и от предложения переименовать шоссе М-12 в честь Ивана Грозного (*Коммерсантъ*, 2020).

20. См. в особенности: Шокарев (2017).

21. Роберт Крамми называет завоевание Казанского ханства в 1552 году «достижением, отмечающим тот момент, когда Россия впервые стала империей» (Crummey, 1987: 154).

22. <https://www.business-gazeta.ru/article/452098>

Никаких памятников жертвам Ивана Грозного, разумеется, не было и нет, за единственным исключением небольшой, простой инсталляции (под названием «Окровавленный кол»), которую установил в 2016 году в сибирском городе Канске художник Владислав Гулятьев в знак протеста против распространения памятников Ивану. Не вызывает удивления и тот факт, что она вскоре была уничтожена городскими властями (*BBC News*, 2016).

Монументальную пропаганду Ивана IV, увековечившую даже память его деда, Ивана III, памятник которому был воздвигнут в 2017 году в Калуге, дополнила кинематографическая идеализация царя и его опричнины, осуществленная при поддержке российских властей. В телефильме «Иван Грозный» (2009) Андрея Эшпая, вышедшем в прайм-тайм на государственном телеканале «Россия-1», Иван Грозный показан с сочувствием. Эшпай признался в интервью, что, хотя его и ужасает устроенный Иваном террор, он лично «не может не восхищаться» царем, потому что «страна, в которой мы живем, сформирована и его усилиями тоже», и поэтому «как можно больше людей должны его знать, знать нашу историю. Во всех нас есть наше прошлое, нельзя от него отрекаться» (*RUTV.ru*, 2008). Эшпай защищал Ивана, называя его человеком искренним, который был «введен в заблуждение», страдал и раскаивался. Этот телефильм, пытающийся заглянуть в душу Ивана Грозного и показать его человеческую сторону, идет в русле набирающей силу международной тенденции сопереживания палачам, виновным в преступлениях прошлого (см. главу 6).

В 2010-х годах одобрительное описание террора Ивана Грозного появилось в телесериале «Грозное время» (режиссер Александр Даруга, 2010), снятом по заказу и на средства городского правительства Москвы. В этом сериале Иван изображен благочестивым государственным мужем, который заботится о народе и его благополучии. Идеологическое послание сериала проявляется в таких высказываниях, как «Если не будет меня, не будет и Руси» и «Не может быть государства без царя». Справедливый и симпатичный царь показан милостивым правителем, который никогда не

приказывал своим опричникам убивать простой народ. Если его люди совершают преступление, их ожидает расплата, но русский народ знает, что царь «никогда не карает невиновных». Иностранцы при дворе Ивана не осуждают ужасы опричнины (как это было на самом деле), а славят царствование Ивана, называя его более справедливым, чем правление любого другого европейского монарха того времени. Тем не менее, впоследствии все иноземцы оказываются изменниками.

Еще один телесериал, «София» (режиссер Артем Васильев, 2016), который спонсировало российское Министерство культуры, рассказывает историю бабки Ивана Грозного, византийской царевны Софии Палеолог, вышедшей за великого князя Московского Ивана III. Интересно отметить, что сюжет представлен в форме рассказа православного священника юному Ивану о его предках и семейных традициях: сериал начинается с их беседы и заканчивается пышным изображением коронации Ивана IV. Мелодраматическая история любви русского царевича и византийской царевны подчеркивает образцовые отношения в царской семье, затушевывая соперничество Софии с Еленой Стефановой (1465–1505), вдовой Ивана Молодого (1458–1490, сына Ивана III от первого брака). В сериале показано, как Елена отравила своего мужа Ивана Молодого (и ее, и Дмитрия Ивановича (1483–1509), ее сына от Ивана Молодого, заточили и убили, предположительно по приказу Ивана III). Кроме того, как и в произведении Даруги, иностранцы в «Софии» рано или поздно оказываются в большинстве своем изменниками и убийцами.

В телесериале «Годунов» (режиссеры Алексей Андрианов, Тимур Алпатов, 2018–2019), выпущенный государственной кинокомпанией «Москино» и показанный на канале «Россия-1», Иван Грозный предстает умудренным и набожным старцем. Нет ни сцен пыток и казней, ни каких бы то ни было следов террора. Главный палач Малюта Скуратов изображен добропорядочным семьянином, воином и почтенным тестем Бориса Годунова. В этом сериале, посвященном памяти скандально известного

националиста, кинорежиссера Станислава Говорухина, Москва представлена Третьим Римом, а все русские цари — мудрыми государственными мужами. Единственный отрицательный герой — самозванец Григорий Отрепьев, который узурпирует престол, назвавшись царевичем Дмитрием (1582–1591), сыном Ивана от седьмой жены. То обстоятельство, что Отрепьева играет Евгений Ткачук, очень похожий внешне на Айвана Реона (исполнителя роли Рамси Болтона в «Игре престолов») и явно копирующий поведение, характер и жесты Болтона, позволяет предположить, что создатели сериала хотели воспользоваться популярностью «Игры престолов», которую в России смотрели не меньше, чем в остальном мире.

В 2020 году на Первом канале был показан телесериал «Грозный», также снятый Алексеем Андриановым и компанией Москино. Его сюжет весьма созвучен основным мыслям книги об Иване IV, которую опубликовал в 2018 году активный националист, профессор истории Московского государственного университета Дмитрий Володихин (о нем пойдет речь в главе 3):

Царь, рожденный править, рос сиротой, терпя притеснения и унижения от ближних бояр. Царь, стремящийся утвердить на Руси единую и нерушимую власть, был многократно предан ближайшими соратниками, а обретя великую любовь, потерял её во тьме заговоров и интриг. «Грозный» — это история правителя, пережившего великие победы и великие поражения²³.

Однако страсть к царю Ивану не исчерпывается этими памятниками, фильмами и другими подобными предприятиями; его идеализация продолжается и в научной литературе. Я рассматриваю историографию его царствования в другой главе, но государственная поддержка таких академических инициатив заслуживает упоминания и здесь. 16–17 октября 2017 года в Государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике «Александровская слобода» прошла конференция «Эпоха Ивана Грозного и ее выражение в историко-

23. www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/139142/annot/.

графии, литературе, искусстве, архитектуре», организованная на средства Министерства культуры и Российской академии наук. Она была «посвящена 470-летию венчания на царство Ивана IV²⁴». В том же году в двадцати трех провинциальных городах России проводилась финансируемая православной церковью всероссийская выставка под названием «Мульти-медийный парк “Россия — Моя история”». Она изобразила Ивана IV великим правителем, оклеветанным иностранцами, которые преследовали свои собственные политические цели. Выставку эту организовал митрополит Псковский и Порховский Тихон (Георгий) Шевкунов, особенно активно защищающий Ивана Грозного и опричнину (*Ведомости*, 2017²⁵). В 2021 году Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина в Санкт-Петербурге совместно с городом Вологдой сняла фильм «Вологодская крепость Ивана Грозного», целью которого было опровержение [негативных] мифов про Ивана Грозного (*Северинформ*, 2021).

Неудивительно, что и Путин счел своим долгом одобрительно высказаться об Иване Грозном. Особенно заметным было его заявление от 14 июля 2017 года, когда он утверждал — вразрез с неоспоримыми историческими свидетельствами, — что «еще неизвестно, убивал он (Иван – Д. Х.) своего сына или нет. Многие исследователи считают, что никого он не убивал вообще» (*Kremlin.ru*, 2017²⁶). Источником исторической информации Путина, возможно, были труды Ивана Снычева (1927–1995), как звался в миру митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, основатель царебожия, последователи которого почитают помимо всего прочего святого Ивана Грозного и опричнину²⁷. Главная идея этого движения — сакрализация русских царей, которые считаются не просто посланниками, но подлинными воплощениями Бога. Царебожие отвергает прин-

24. <http://kreml-alexandrov.ru/projects/workshops/konf-ivan-groznyi/>.

25. <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/12/13/745139-tihon-shevkunov>

26. <http://kremlin.ru/events/president/news/55052>

27. О движениях внутри православной церкви см.: Grishaeva (2019).

цип гармонии между российским светским государством и православной церковью, отдавая русскому православному царю абсолютное господство над церковью.

Средневековая мобилизация: Александр Невский, князь Владимир Киевский и князь Игорь

Иван Грозный — не единственный средневековый воитель, которого пропагандирует Кремль. Другой любимец российской пропаганды — новгородский князь Александр Невский (1221–1263). В русской традиции его имя напоминает о победе над рыцарями Тевтонского ордена на Чудском озере (предположительно 5 апреля 1242 года). Кроме того, он известен победой над иноземными захватчиками в битве на реке Неве (откуда и взялось его прозвище) (Schenk, 2004)²⁸. Однако в то же время Невский правил Новгородом от имени монголов, вторжение которых на Русь в 1237–1240 годах и последующее закабаление почти всей Руси остались в русской исторической памяти перечнем ужасающих злодеяний, и от монголов же получил титул великого князя Владимирского. Известно, что Невский платил монголам дань и подавлял попытки своих соотечественников восстать против них. Тем не менее, Невский, ставший местным святым в Новгороде, был официально канонизирован в 1547 году при Иване IV, который использовал его культ для легитимизации своего собственного правления. Впоследствии Петр I также использовал Александра Невского, перевезя его мощи в Александро-Невскую лавру в своей новой столице, Санкт-Петербурге, чтобы увековечить победу над Швецией в Северной войне (1700–1721).

На советскую историческую память об этом князе оказал огромное влияние снятый в сталинское время фильм «Александр Невский» (1938) режиссера Сергея Эйзенштейна; главную роль исполнил в нем Николай Черкасов. В этом фильме князь Александр, отец своих подданных, ловко расправляется с

28. Об использовании русской царистской мифологии Сталиным см.: Yekelchuk (2002).

западными врагами России. Сталин упоминал Александра Невского и в своем обращении к русским войскам в ноябре 1941 года, пытаясь вдохновить их примером патриотизма и отваги этого князя²⁹.

В постсоветский период воздействие образа Александра Невского в российском контексте было аналогично той роли, которую играли украинские исторические фигуры, например, Богдан Хмельницкий (особенно такой, каким сыграл его в одноименном фильме 1941 года Игорь Савченко) и Даниил Галицкий (Yekelchuk, 2004: 14, 22–23, 40). Александр Невский не привлекал большого внимания путинских идеологов до декабря 2008 года, когда в результате голосования зрителей телепрограммы «Имя Россия: исторический выбор» «самым значительным государственным руководителем прошлого» оказался Сталин. Якобы во избежание скандала вместо него был выбран Александр Невский (*РИА-Новости*, 2008), в котором видели «политически нейтральный» символ русской военной славы и удобную возможность скрыть рост популярности Сталина (результат кампании ресталинизации, которую мы рассмотрим в главе 6).

Вот как описывает роль Александра Невского в российской политике памяти Алексей Сиренов, директор Санкт-Петербургского института истории РАН:

Если вы помните, в лидерах [рейтингов популярности — Д. Х.] долгое время держался Сталин. И это был настоящий общественный конфликт. Александр Невский — зона консенсуса. Эта фигура не вызывает яростных споров [...]. Все-таки его стали почитать уже в XIV–XV веках. 800 лет исторической памяти, причем довольно активной: его канонизировали, его именем называли храмы, изображали его на иконах. [...] Он закодирован в нашей памяти.

Российская газета, 2021.

29. О взаимосвязях между историографией и популярной культурой в формировании советской памяти при Сталине см.: Platt & Brandenberger (2006).

В 2014 году — в год аннексии Крыма — Путин объявил о своих планах отметить в 2021 800-ю годовщину Александра Невского: это свидетельствовало о признании потенциала Александра Невского кремлевской неомедиевальной политикой памяти. В 2017 году патриарх Кирилл ясно высказался в смысле сталинской антизападной интерпретации фигуры Александра Невского, тем самым еще более укрепив значение образа князя в умах постсоветских мнемотехнологов. По мнению Кирилла, «[т]е, кто пытался контролировать Россию с востока, интересовались нашими кошельками, а те, кто пытался контролировать с запада — нашими душами. [...] в результате ордынского пленения Русь не потеряла своей идентичности, она не теряла своей веры, даже не теряла своего государственного устройства», но если бы ее удалось завоевать кому-нибудь вроде крестоносцев, «то Русь как исторический, культурный, духовный феномен прекратила бы свое существование» (*Интерфакс*, 2017-6)³⁰.

Список мероприятий празднования юбилея Александра Невского в 2021 году включал в себя разъезды его мощей по всей России, несколько конференций, публикации и целый ряд публичных мероприятий в его честь в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Рузе, Астрахани, Новгороде Великом, Каменске-Уральском и Владимире (*Прессклуб*, 2021; Дорская, 2022). Обращаясь к участникам крупной исторической конференции, посвященной Александру Невскому, Путин называл его «великим сыном нашего Отечества» (*ТАСС*, 2021-6). 1 сентября 2021 года на берегу Чудского озера ему был открыт 30-метровый памятник. Это сооружение имело особый смысл, так как, по словам его создателей, его «будет видно даже из Эстонии»³¹ — прозрачный намек на предполагаемую враждебность Эстонии, входящей в НАТО, по отношению к России. В том же 2021 года в Волгограде была освящена церковь в честь Александра Невского; было объявлено о строительстве еще одной церкви

30. Больше о взглядах Кирилла можно найти: Griffin (2022).

31. <https://tvspb.ru/programs/stories/513944/>.

в Верхней Пышме. Образ Александра Невского — фигуры, менее спорной, чем Иван Грозный, но тоже средневекового властителя — оказался более чем пригоден для пропаганды тех же неомедиевальных ценностей. Александр принадлежит к той же неомедиевальной системе образов, что и Иван Грозный, но, поскольку он был канонизирован и к тому же сражался с ненавистным Западом, а репрессии его не оставили в исторической памяти следа, сравнимого с ужасами опричнины, его фигура вызывает меньше разногласий.

В начале августа 2022 года российские оккупанты разрушили памятник украинским защитникам в Мариуполе. Вскоре после этого было объявлено о планах установки вместо него статуи Александра Невского. Незадолго перед тем русский националистский веб-сайт «Регнум» опубликовал статью под названием «Новый поход на Русь: что связывает спецоперацию и Невскую битву», в которой Путина благожелательно сравнивали с его средневековым предшественником. Описывая путинскую «украинскую специальную операцию» как часть войны, которую Запад ведет против России начиная со Средних веков, авторы статьи предостерегали, что «опасность для Отечества [...] велика», и называли Александра Невского и Путина «национальными лидерами», вокруг которых русскому народу надлежит сплотиться (Регнум, 2022).

В ходе войны против Украины российская пропаганда задействовала еще одного средневекового князя. 21 ноября 2022 года Мединский, выступавший в качестве помощника президента, и первый заместитель руководителя Администрации президента Сергей Кириенко открыли в оккупированном Луганске памятник князю Игорю (1151–1202) (РИА-Новости, 2022). Игорь, ставший для русского национализма фигурой символической, — герой «Слова о полку Игореве» (эпической поэмы, подлинность средневекового происхождения которой оспаривалась) и патриотической оперы «Князь Игорь», совместного произведения композиторов Александра Бородина, Николая Римского-Корсакова

и Александра Глазунова (первое исполнение оперы прошло в 1880 году). Образ князя Игоря традиционно символизирует идею национального единства.

В речи, произнесенной на церемонии открытия памятника, Мединский высоко оценил Игоря — русского патриота и выдающегося военачальника. Но у этого, на первый взгляд безобидного, заявления был особый подтекст. Игорь правил маленьким городом Новгородом-Северским на северо-востоке Украины, который был на короткое время оккупирован российскими войсками в начале вторжения 2022 года. Кампания 1185 года, предпринятая этим князем против кипчаков (известных в России под названием половцев) закончилась поражением, которое он потерпел недалеко от города Изюма. На момент написания этой книги Изюм был недавно освобожден украинскими силами от оккупации. Таким образом, прославление Игоря как русского князя и восхваление его воинской доблести было, по сути дело, равнозначно объявлению восточной Украины исторической частью России.

К этому списку средневековых властителей, почитаемых в путинской России, следует добавить еще одного. 4 ноября 2016 года перед московским Кремлем был поставлен 17,5-метровый памятник князю Владимиру, правителю Киевской Руси десятого века, более всего известному тем, что в 988 году он перешел в православное христианство. Владимир, бывший варяжским князем, действительно крестил своих подданных в православную веру, чтобы жениться на Анне, сестре византийских императоров Василия II и Константина VIII. Однако было трудно отделаться от мысли, что памятник этот был установлен в ознаменование аннексии Крыма. На церемонии открытия монумента Путин сказал:

Князь Владимир навсегда вошел в историю как собиратель и защитник русских земель, как дальновидный политик, создавший основы сильного, единого, централизованного государства, объединившего в результате в одну огромную семью рав-

ные между собой народы, языки, культуры и религии.
kremlin.ru, 2016³².

Дополнительный свет на идеологическое наполнение этого памятника проливает фильм «Викинг» (режиссер Андрей Кравчук), также выпущенный в 2016 году. В нем рассказывает история Владимира и его завоевания Корсуни (славянское название Херсонеса, древнегреческого города, некогда находившегося вблизи нынешнего Севастополя). В этом фильме князь Владимир — благородный и бесстрашный воин, мудрый правитель, который завоевывает Корсунь, принимает христианство и крестит свой народ. Звучащий в этом неомедиевальном пропагандистском фильме воинственный призыв — «Мы идем на Корсунь!» — напоминает о печально известной кампании «Крым наш!» 2014 года. Он перекликается и с обоснованием аннексии Крыма, которое Путин предложил в обращении к Федеральному собранию 4 декабря 2014 года: «именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь» (*kremlin.ru*, 2014)³³. В установке памятника Владимиру возле Кремля можно увидеть попытку представить его русским, а не украинским правителем и даже затмить знаменитый памятник этому же князю на Владимирской горке в центре Киева (Korosov, 2022-a: 161).

Вездесущее средневековье

Полный спектр неомедиевальных сюжетов, вдохновляющих постсоветских кинематографистов, не исчерпывается этими средневековыми правителями. Разнообразные произведения о средневековой истории России, демонстрирующие русскую доблесть или показывающие в новом, героическом свете самые трагические и позорные эпизоды российской истории, неисчислимы. Среди них эпический боевик «Легенда о Коловрате»

32. <http://kremlin.ru/events/president/news/53211/photos/46177>

33. О политике Путина вокруг культа князя Владимира и ее значении для понимания войны памяти с Украиной см. : Griffin (2010; 2020).

(режиссеры Иван Шурховецкий, Джаник Файзиев, 2017; на Западе этот фильм известен под названием *Furious* [Яростный]), рассказывающий легенду о рязанском воине Евпатии Коловрате и осаде и разрушении Рязани ханом Батыем в тринадцатом веке, положившем начало двухсотлетнему татарскому игу. Этот фильм, который был снят на средства из федерального бюджета, выделенные через государственное агентство Фонд кино (Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии), откровенно идеализирует Коловрата и его современников, обычаи древней Руси и средневековое общественное устройство (*Известия*, 2016; *gazeta.ru*, 2017³⁴; *Интерфакс*, 2017-в). «Российская газета», официальный орган российского правительства, рекламировала его в качестве первого российского фильма о супергероях; не менее бурные похвалы расточали и другие основные СМИ (*Российская газета*, 2017-а³⁵).

Даже сам Владимир Мединский счел нужным написать роман о русском средневековье, название которого — «Стена» (2012) — перекликается с памфлетом Михаила Юрьева, о котором речь пойдет ниже в этой главе. Его сюжет развивается вокруг осады Смоленска польским королем Сигизмундом III в 1609 году. Запад, представленный в романе Польшей и Литвой, труслив и коварен, а главную героиню, дочь смоленского воеводы, убивает предатель, продавший родину полякам. В 2018 году Дмитрий Месхиев снял одноименный фильм, весьма точно воспроизводящий сюжет романа Мединского. Мединский, тогдашний министр культуры, быстро отмежевался от этого фильма³⁶.

Интернет-платформа «Инфоурок», «ресурс номер один в российском среднем образовании», целевую аудиторию которой составляют как учителя, так и школьники, восхваляет

34. https://www.gazeta.ru/culture/2017/11/29/a_11017364.shtml

35. <https://rg.ru/2017/05/31/rg-vybrala-chetyre-luchshih-kinoproekta-o-rossijskih-supergeroiah.html>

36. www.yahoo.com/news/russian-culture-minister-says-film-no-relation-novel-125104618.html.

Ивана IV и других средневековых государей, пропагандирует догмы царебожия и ссылается в качестве авторитетных источников на Снычева и Ильина³⁷. Разумеется, некоторые историки выступают против средневековой пропаганды, но они представляют собою исключения из господствующей тенденции.

В рамки неомедиевальной политики памяти вписываются и несколько законодательных инициатив. В 2004 году взамен советской традиции празднования 7 ноября, годовщины Октябрьской революции, был введен День народного единства. Этот новый государственный праздник отмечается 4 ноября, в честь «освобождения от польской оккупации в 1612 году», которым закончился катастрофический период, известный под названием «Смутного времени» и бывший следствием правления Ивана Грозного. На это время пришлось поражение России в Ливонской войне (1558–1583), общественные волнения, опустошение нескольких регионов Московии и массовый голод. Новый праздник, намекающий, что приход Путина к власти положил конец очередному смутному времени — «лихим девяностым» (как называет период либеральных реформ путинская пропаганда), подчеркивает преемственность, существующую между Русским царством и постсоветским режимом³⁸. Реанимируя имперские традиции и представляя Польшу врагом России, он переносит неомедиевализм в центр путинской исторической политики.

В 2020 году в российскую конституцию были добавлены упоминание Бога и отсылка к «тысячелетней истории России», чтобы подчеркнуть связь между средневековым прошлым России

37. <https://infourok.ru/rezultaty-sociologicheskogo-oprosa-vashe-otnoshenie-k-ivanu-groznomu-voprosy-1-ivan-groznij-palach-ili-zhertva-2-pochemu-vy-tak-4841291.html>.

38. «Учреждением Дня народного единства российские власти попытались сыграть на (к тому времени установившейся) практике интерпретировать бурные 1990-е годы как Смутное время. [...] Чтобы подчеркнуть претензии на историческую преемственность, связывающую дореволюционный, советский и российский периоды, “выдуманная традиция” 4 ноября была прямо представлена “возрожденной традицией, в качестве восстановления мемориальной практики царского времени» (Wijermars, 2018: 160).

и ее настоящим. Таким образом были выражены претензии на Украину, в которой (близ Киева) началась история Руси, через утверждение, что она была неотъемлемой частью России еще со Средних веков. Те же самые идеи Путин повторил в своей статье 2021 года, где пространно говорилось о средневековом прошлом России для того только, чтобы дать понять, насколько Россия и Украина — «один и тот же народ». Впрочем, одержимость Путина средневековой историей уже давно остается неизменной: ему напоминал о Средних веках даже ковид (*Медуза*, 2020; *gazeta.ru*, 2020³⁹).

Несколько законов о памяти, исходно предназначенных для криминализации критики официальной кремлевской версии Второй мировой войны, получили более широкое толкование, которое позволило использовать их, чтобы карать «неуважение» к русским средневековым воителям, по сути дела приравняв их к «героическим советским воинам» (см. главу 6).

Важно отметить, что официальные лица российского государства считают критику средневековой истории России и ее правителей частью «информационной войны», которую ведет против России Запад, и, следовательно, вредящей государственным интересам России. Эта теория заговора, которую активно пропагандирует Мединский, сыграла важную роль и в обосновании возвеличения Ивана Грозного и Александра Невского. Начиная со своей докторской диссертации 2011 года, посвященной иностранным отчетам о России времен Московского царства (включая царствование Ивана Грозного), Мединский утверждает, что иноземцы клеветали на «великого царя», намеренно искажали его образ и представляли его правление в ложном свете⁴⁰.

39. https://www.gazeta.ru/politics/2020/04/09_a_13042501.shtml

40. Он, в сущности, воспроизводит клише сталинской кампании реабилитации Ивана Грозного, называвшие негативные описания царя клеветой (Brandenberger & Platt, Eds., 2006; *Гласность*, 1991, <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/191389-zapiska-sekretarya-tsk-vkp-b-a-s-scherbakova-i-v-stalinu-o-piese-a-n-tolstogo-ivan-groznyy-28-aprelya-1942-g.>).

В диссертации Мединского, которую обвиняли в плагиате и пренебрежении стандартами научного исследования (*Radio Liberty*, 2017), утверждалось, что «большинство записок было написано авторами, как правило, по заказу правящих кругов» и, следовательно, их нельзя считать объективными или достоверными историческими источниками (Мединский, 2011, 8). Иван Грозный и опричнина были, по его мнению, основными мишенями словесной войны Запада, целью которой — как в шестнадцатом веке, так и сейчас — был и остается развал русского государства⁴¹. Теория о том, что средневековые западные источники столь подробно описывали пытки и казни опричнины и участие в них Ивана Грозного, с целью «дегуманизации русских», прочно укоренилась в постсоветских публикациях (*Москва*, 2013; *Регнум*, 2021; *РИА-Новости*, 2016).

На вопрос, до какой степени неомедиевальная политика, в том числе попытка реабилитации Ивана IV, влияет на российское общественное мнение, трудно ответить однозначно, учитывая, что ни одного независимого социологического опроса об Иване Грозном не проводилось с 2016 года. Однако можно с уверенностью утверждать, что за последние двадцать лет в деле изменения образа этого царя удалось добиться значительных успехов. Динамика этих изменений хорошо согласуется с изменениями восприятия Сталина, о чем речь пойдет в главе 6. По данным социологических опросов, в 1980-х и 1990-х годах Иван Грозный не входил даже в десятку наиболее популярных исторических лидеров (Кхараева & Короссов, 1992; Левинсон, 1996: 262; Копосов, 2011: 172). Однако в 2000-х он преодолел этот барьер, заняв десятое место в рейтинге знаменитых русских правителей, составленном в 2008 году телепрограммой «Имя Россия: исторический выбор». К 2016 году, по данным Левада-Центра, 53 % респондентов были за установку конного памятника в Орле и только 19 % против нее. Кроме того, около половины респондентов утверждали, что Иван «сделал для России больше хорошего, чем плохого». Важно отметить, что

41. www.pravmir.ru/ivan-groznyiy-i-informatsionnaya-voyna-video/

66 % характеризовали его как первого русского царя и только 20 % как беспощадного тирана (*Левада-Центр*, 2016-б⁴²). На момент написания этой книги его имя искали в поисковой системе Yandex.ru около 200 000 раз в месяц⁴³.

Еще одним индикатором успешности неомедиевальной политики памяти может служить повсеместность отсылок к средневековью в постсоветской культуре⁴⁴. Показательно, что в разговорном русском вновь появилось и стало довольно распространенным для обозначения рядового человека слово «холоп». Слово это восходит к «Русской правде», своду русских законов двенадцатого века, где оно обозначало крепостного, который не имел никаких прав, не мог владеть имуществом и которого можно было убить, если так вздумалось его хозяину⁴⁵. До постсоветской эпохи оно, что неудивительно, было почти что оскорбительным, но никогда не принадлежало политическому дискурсу. Однако при путинском режиме слово «холоп» стало, по сути дела, почти что синонимом слова «гражданин», и теперь появляется во фразах вроде «Кто мы — холопы или налогоплательщики?», которыми изобилуют социальные сети и пресса (*Московский комсомолец*, 2010). Аналогичным образом государственным чиновникам, по-видимому, нравится называть себя «государевыми людьми», что причисляет их к новой аристократии и освобождает от ответственности за решения президента (*Новая газета*, 2011).

Деятели российской культуры часто обращаются к неомедиевальной терминологии в своей критике Путина.

42. <https://www.levada.ru/2016/11/01/ivan-groznij-znanie-i-otsenki/>

43. Сталин, разумеется, остается гораздо более популярным: 980 000 поисковых запросов в месяц. Для сравнения отметим, что Путин (на момент написания этой книги) оказывается в шесть раз более притягательным, чем Сталин.

44. Движение исторических реконструкторов, очень активное в России, также отражает эту одержимость средневековьем. Об этом проявлении неомедиевализма см.: Gorski (2019).

45. Об изменениях социального положения холопов см.: Зимин (1973).

Культурный музыкант Юрий Шевчук, известный своими антивоенными песнями и публичными выступлениями, прямо заявил на встрече Путина с представителями российской интеллигенции, что нынешняя Россия — это

сословная страна, тысячелетняя. Есть князья и бояре с мигалками, есть тягловый народ [то есть крепостные, которых облагали тяжелыми податями в виде оброка или барицины — Д. Х.]. Пропасть огромная.

Новая газета, 2010-б.

Знаменитый постсоветский писатель Владимир Сорокин, автор «Дня опричника» (Сорокин, 2006) и «Сахарного Кремля» (Сорокин, 2008), объяснял политический смысл и актуальность средневековой социальной терминологии следующим образом:

Наш нынешний строй я бы назвал просвещённым феодализмом. Феодальное сознание в России не изжито, власть нынешняя этим активно пользуется. Иван Грозный выстроил пирамиду российской власти, она стоит до сих пор. В советское время на ней написали «Наша цель — коммунизм!», сейчас её облицовывают высокотехнологичными материалами. Но сердцевина всё та же: президент ощущает себя государем, губернатор — феодалом, силовик — опричником, гражданин — холопом.

Аргументы и факты, 2010⁴⁶.

Сорокин вернулся к этой теме и в другом интервью:

Все говорят о зверствах [совершаемых Россией в Украине], об этих средневековых методах ведения войны. [...] Все дело в том, что государство российское на самом деле не изменилось со Средних веков, со времен Ивана Грозного.

Financial Times, 2022.

Еще один смысловой слой добавил известный писатель Виктор Пелевин: главная героиня его романа «Священная книга оборотня» (2004) объясняет, почему параллели между путинизмом и имперской Россией, столь популярные в 2000-х годах, не работают, а вот параллели с русским средневековьем оказываются

46. <https://aif.ru/culture/person/19836>

очень точными, поскольку они подчеркивают примитивизацию правления и деградацию государства в постсоветский период:

Я давно заметила одну китчеватую тенденцию российской власти: она постоянно норовила совпасть с величественной тенью имперской истории и культуры, как бы выписать себе дворянскую грамоту, удостоверяющую происхождение от славных корней — несмотря на то, что общего с прежней Россией у нее было столько же, сколько у каких-нибудь лангобардов, пасших коз среди руин Форума, с династией Флавиев. [...] Наверно, дело было в неверном выборе эпохи для референций. Следовало обращаться не к имперским орлам, а к феодальным летописям. Там легче было найти маячки: Борис [Ельцин] Большое Гнездо, Владимир [Путин] Красная Корочка...

Пелевин, 2005: 87.

Когда Пелевин писал эти строки, волна неомедиевализма в России только начинала набирать силу.

Политические протесты против путинизма часто бывают обрамлены неомедиевальной терминологией — еще одно свидетельство той центральной роли, которую играет в русской жизни неомедиевальная политика памяти. Антипутинское движение 2012 года осмыслялось как протест против «кастового» или «сословного общества» (системы жесткой иерархии наследственных социальных групп с разными правами и обязанностями) (Belanovsky & Dmitriev, 2011). Для крупной антипутинской демонстрации, проводившейся 5 мая 2018 года, Алексей Навальный сформулировал замечательный лозунг «Он нам не царь!» (Медуза, 2018-а)⁴⁷. В 2016 году официальный государственный новостной сайт газета.ru предполагал, что «[н]овые русские дворяне, бояре и холопы» вскоре, году в 2018, начнут привлекать к себе недоброжелательное внимание (gazeta.ru, 2016⁴⁸). (При этом следует отметить, что терпимость к путинизму в России оказалась выше, чем предполагала «Газета».)

47. Относительно лозунга «Он нам не царь» см.: www.facebook.com/photo/?fbid=3818383058230409&set=a.1229596050442469.

48. https://www.gazeta.ru/comments/2016/02/07_a_8058281.shtml

Опричнина, ставшая популярной метафорой для путинизма, часто встречается в лозунгах протестующих. Например, 28 декабря 2008 года арт-группа «Война» организовала протестную акцию в московском ресторане «Опричник», принадлежащему Михаилу Леонтьеву⁴⁹. Леонтьев, истовый путинист и член Изборского клуба, работает политическим комментатором на Первом канале российского телевидения и ведет ток-шоу и интернет-портал «Однако». Кроме того, он занимает должность советника президента российской нефтяной компании «Роснефть». «Война» называла его вожаком «путинских опричников»⁵⁰.

В марте 2010 года в интернете была опубликована петиция под названием «Путин должен уйти», предвосхитившая протестное движение 2011–2012 годов. Бывший в то время президентом Дмитрий Медведев был назван в ней «современным Симеоном Бекбулатовичем» — по имени шутовского царя времен Ивана Грозного, — «послушным местоблюстителем» для Путина, который занимал тогда должность премьер-министра. В 2012 году журналист Олег Кашин назвал сотрудников служб безопасности, Министерства внутренних дел и ФСБ «новой опричниной» (*Эхо Москвы*, 2012)⁵¹. Фигурирует опричнина и в дискуссиях об отсутствии в постсоветской России надежных прав собственности, которые остроумно называют условными: таким образом критики дают понять, что в России со Средних веков не произошло никаких улучшений в этом отношении (Григорьев & Кудрин, 2006). В 2021 году оппозиционные СМИ сочли возвратом в средневековые закрытие Международного общества «Мемориал».

Лидеры российской оппозиции используют средневековые метафоры, чтобы подчеркнуть опасность антидемократических изменений в России. В одном из последних интервью

49. В ходе этой акции двери ресторана заблокировали, приварив к ним металлические панели.

50. Об этом протесте см.: Wijermars (2018: 179).

51. См. также: Сеанс (2018, <https://seance.ru/articles/kratkij-kurs-nulevyx/>).

оппозиционный лидер Борис Немцов, убитый в 2015 году, сказал, что Путин «мою страну загоняет в средневековье»⁵². После его убийства его дочь Жанна Немцова обвиняла путинский репрессивный режим, используя ту же формулировку (*Радио Свобода*, 2016). Практически теми же словами описывает положение России Михаил Ходорковский: «они [...] загоняют Россию в средневековье» (*Голос Америки*, 2015).

Сословная Россия будущего

Выдвижение Путина на второй президентский срок и его переизбрание в марте 2004 года породили беспрецедентную мобилизацию ультраправых сил. Путин и его подручные пришли к власти, не имея никакой идеологии: их интересовала только коррупция, а по части заполнения идеологического вакуума, оставшегося после краха марксизма и распада ориентированной на Запад либеральной идеологии, они рассчитывали на православие. В 1990-х годах православная церковь, гонимая при советской власти⁵³ и быстро вернувшая себе влияние после краха коммунистического режима, активно пыталась заполнить этот идеологический вакуум своими догмами. Однако православной церкви не удалось стать идеологическим лидером многоконфессиональной страны. Поиски идеологии естественным образом побудили Путина и его клику обратиться к ультраправым силам, предлагавшим незамысловатые идеи, которые они могли легко усвоить.

Начиная с 2004 года, президентскую администрацию захлестнул поток ультраправых памфлетов и проектов, написанных исключительно ради привлечения внимания Путина. Эти произведения, ставшие основополагающими для постсоветской неомедиевальной политики памяти, ставили социальной и политической целью России возврат в средневековье и предлагали

52. «Он мою страну загоняет в средневековье». www.youtube.com/watch?v=Pg3ZPraVzTM. Последнее посещение 19 января 2022 г. Сейчас это видео недоступно.

53. О советской антирелигиозной пропаганде см.: Kelly (2016).

реставрацию социальных структур средневековой Руси. Если геополитические претензии российских ультраправых и те опасности, которыми они грозят миру, были предметом многих исследований, то их проекты, касающиеся населения страны в целом, и их взгляды на будущую социальную структуру России анализировались редко. Здесь я намереваюсь восполнить этот пробел.

В 2004 году Михаил Юрьев, которого читатель помнит по предисловию, представил аналитическую статью под названием «Крепость Россия» (Юрьев, 2005) с подзаголовком «Концепция для президента»⁵⁴. В этой статье предлагался ультранационалистический, антилиберальный проект для России, требующий изоляционизма в российской политике и экономике, называющий Запад извечным врагом России, призывающий к восстановлению советской империи и подчеркивающий необходимость проведения националистической пропагандистской кампании для поддержки всех этих мер:

Наша страна — неприступная крепость! Если только ее не сдаст без боя «внутренний враг». У нас есть основания для оптимизма! Если устранить от власти бесноватых «реформаторов». У нас великое будущее! Если власть наконец распрощается с ненавистным народу «либерализмом».

Новая газета, 2004-а.

Юрьев излагал в форме политических рекомендаций Путину основные идеи Международного евразийского движения, с которым он был тесно связан: в частности, идеи российского империализма, изоляционизма и отказа от западной демократии (Юрьев, 2005). Его памфлет шокировал либерально настроенных интеллектуалов, но в администрации президента его, вероятно, прочли очень внимательно⁵⁵.

В «Крепости Россия» Юрьев (Юрьев, 2005) развивает идеи Александра Дугина, одного из самых одиозных правых идеоло-

54. Первая публикация в «Новой газете»: *Новая газета* (2004-а).

55. По сообщениям некоторых наблюдателей, это и другие произведения создали «крепость в уме Путина». См., например: *Инопресса* (2015).

гов в России, который приобрел особую известность на Западе в связи с убийством его дочери. Карьера Дугина началась в неофашистском кружке Юрия Мамлеева, что естественным образом привело его к союзу с ультранационалистическим писателем Эдуардом Лимоновым: вместе они создали Национал-большевистскую партию и последовательно пропагандировали идеи фашизма на протяжении всех 1990-х годов (Митрохин, 2020). В книге «Четвертая политическая теория» (Дугин, 2009-б) автор сообщает что «Вторую и Третью политические теории (марксизм и фашизм – Д.Х.) необходимо *переосмыслить*, выделив в них то, что подлежит отбросить, а что имеет в себе ценность». Он представляет национал-большевизм альтернативой «классическим» коммунизму, национал-социализму, либерализму и фашизму. Однако на самом деле описанный им национал-большевизм имеет много общего с фашизмом⁵⁶. Национал-большевизм, заявляет он, сочетает «социализм без материализма, атеизма, прогрессизма и модернизма» с «модифицированной теорией Третьего пути» (то есть фашизма). Кроме того, он призывает «отложить в сторону антикоммунистические и антифашистские предрассудки», которые «являются орудиями в руках либералов и глобалистов, благодаря которым они держат своих врагов разделенными» (Dugin, 2012: 96)⁵⁷.

В период президентства Ельцина Дугин и другие поклонники фашистской идеологии и фашистского символизма находились на обочине российской политической жизни. Но к концу этого периода, в конце 1990-х годов, перед ними открылись новые возможности. Однако, чтобы воспользоваться этими возможностями, русские неофашисты не могли салютовать знаменам Третьего Рейха. К тому же национал-большевизм вряд ли нашел бы себе сторонников среди постсоветских элит,

56. О фашистских взглядах Дугина см.: Umland (2006). Некоторые исследователи считают Дугина скорее «парафашистом» или «постфашистом». См., например: Laqueur (1996: 195). О «красно-коричневой» идеологии Дугина см.: Parland (2004: 103).

57. См. также: Дугин (2009-б), Дугин (2015).

сплотившихся для пропаганды сталинского мифа о Великой отечественной войне, который стал ведущей темой российской официальной пропаганды. В те дни культ «Великой Победы» был главным объединяющим символом антидемократических сил, что затрудняло откровенную защиту фашизма или нацизма, хотя и не ультраправого экстремизма как такового.

В 1998 году, в самом конце пребывания Дугина в лимоновской Национал-большевистской партии, Дугин с Павлом Зарифуллиным организовали первую конференцию «Общевразийский национализм» (*Центр Льва Гумилева*, 2013⁵⁸). Слово «евразийство» дало Дугину и его последователям поддельную интеллектуальную генеалогию, помогло им приблизиться к новому политическому классу, не отказываясь от сущности своих неофашистских взглядов⁵⁹. Вместе с другими представителями ультраправых лидеры неоевразийского движения, выступавшие против Ельцина во время его президентства, при путинском режиме стали частью идеологического истеблишмента (Кожевникова, 2005). В 1999 году Дугин стал парламентским советником Геннадия Селезнева. (Селезнев был председателем Государственной Думы и одним из лидеров Коммунистической партии, отказавшейся в 1990-х годах от большей части своих марксистских традиций и превратившейся, по сути дела, в партию националистическую и популистскую. До прихода к власти Путина он собирался участвовать в президентских выборах.) Одновременно с этим Дугин начал выпускать «Евразийское вторжение», приложение к ультра националистической газете «Завтра» Александра Проханова. Впоследствии Дугин стал советником другого председателя Думы, Сергея Нарышкина.

Возможно, первым потенциал евразийства в постсоветском контексте осознал Никита Михалков. Однако Дугину удалось закрепить это слово за собою, хотя даже в конце 1990-х годов,

58. <https://www.gumilev-center.ru/duginskoe-evrazijstvo-umerlo-da-zdravstvuet-evrazijstvo/>

59. О новом евразийстве как «вымышленной традиции» см.: *Lebed.com* (2001), Makarov (2008), Беляков (2013), *Gefter.ru* (2018).

когда Дугин уже окончательно сменил имидж, он по-прежнему понимал идеи евразийства русской эмиграции лишь очень поверхностно⁶⁰.

Представители русской эмиграции выступали против шовинизма и имперских притязаний и уж тем более не поддерживали апокалиптического видения будущего, ставшего, как будет показано в заключительном разделе этой книги, центральным для Дугина и его верований. В 2000-х годах он обнаружил среди русских эмигрантов несколько фашистских или почти фашистских теоретиков — в том числе Ивана Ильина, — взгляды которых были Дугину ближе, чем взгляды евразийцев. Хотя к тому времени переименовывать дугинское движение было, разумеется, уже поздно, Ильин наложил глубокий отпечаток на социальную программу неоевразийства.

Неоевразийство призывает к возрождению средневекового русского общества и, вслед за Николаем Бердяевым, возврату к «Новому русскому средневековью» (*Изборский клуб*, 2014-б). Сравнение трактата Бердяева с социальным проектом неоевразийцев позволяет увидеть как их преемственность, так и значительные различия между ними. Бердяев, обличая по своему обыкновению модернизм, жестко критикует политический атомизм современной демократии и противопоставляет ее «органической» общественной иерархии средневековья, занимающей центральное место в его учении. В его воображаемом Новом средневековье политические партии не будут принимать участия в представительстве воли народа (Бердяев, 1991: 28). Парламенты — зародыши демократии — должны быть распущены (Там же: 29). Средневековые сословия заменят профессиональные гильдии и цеха, и представители этих организаций будут управлять «народным» обществом, господствующую роль в котором будет играть крестьянство (Там же: 30). Далее, никакое процветание невозможно без духовной аристократии. Поэтому, так как власть в принципе имеет иерархическую природу, а народ

60. Об отличии их взглядов см.: Laruelle (2006: 6).

нуждается в управлении, народные массы вполне могут пожелать установления монархии. Однако в модели Бердяева, который критикует и современные конституционные монархии, эта предполагаемая монархия строится по образцу средневековых монархий, с некоторыми «чертами цезаризма» (Там же: 31).

Получив диктаторские полномочия, монарх будет управлять гильдиями и цехами. В обществе Бердяева, как и в «Утопии» Томаса Мора, не будет праздных классов, потому что общий экономический уровень человечества будет падать, и работать придется всем. Но, в противоположность Мору, в утопии Бердяева не будет рабов. Религии будет отведено центральное место в общественной и культурной жизни, потому что только так можно спасти современное общество, основанное на «вырожденческих» европейских принципах. Важное место в его учении занимают антиинтеллектуализм и обскурантизм, характерные для русской религиозной философии в целом: науку должны заменить магия, оккультизм и гностицизм, и даже у техники «окончательно выявится магический характер» (Там же: 33).

Трактат Бердяева воспринимался как эксцентрическое сочинение маргинального философа, и практически никто не видел в нем серьезной политической программы, пока его идеи не прибрали к рукам неоевразийцы. Дугин, который часто рассуждает об уникальном переходе России от современной истории к Новому средневековью, усвоил концепцию Бердяева, согласно которой Россия так окончательно и не вышла из средневековья. Однако, хотя он часто цитирует Бердяева в своих работах, идеи Дугина относительно «экзистенциального средневековья» схожи с бердяевскими лишь поверхностно (*Изборский клуб*, 2019-а). Он игнорирует отвращение Бердяева к фашизму и преувеличивает его мистицизм, увязывая идеи Бердяева с неофашистскими теориями Рене Генона и фашистского мистика Юлиуса Эвола. Дугин упивается гностическими элементами протофашизма, впадая при этом в вульгарный романтизм: «Традиция воссоздается исходя из ее инициатического

ядра»; «тайна, чудо, сумерки, свободный переход от яви к сновидению» и так далее (Там же).

Фашистские догмы безраздельно владеют Дугиным, когда он рассуждает, что «именно в тоталитарном обществе [...] подлинная свобода только и возможна», и «только тогда народ по-настоящему живет, где над ним занесена рука безжалостного палача» (Там же). Он вчитывает в иерархическое общество Бердяева откровенно фашистские обертоны, приписывая тому культ «доминации двух первых сословий — жрецов и воинов» (*Изборский клуб*, 2014-б). Но, в отличие от Бердяева, неоевразийский социальный проект не ограничивается созданием новых гильдий и прочной социальной иерархии. По мнению неоевразийцев, кульминацией реконструкции феодального общества древней Руси должно стать создание общества кастового. Утверждая, что «[р]авенство не достижимо [...] (по-настоящему равны только трупы)», неоевразийский дискурс расширяет значение сословий и каст, используя эти термины как синонимы (*Изборский клуб*, 2019-а). Дугин заявляет, что кастовая структура лучше всего соответствует человеческой природе:

Древнейшие Государства и социально-политические системы строились на принципе каст. Под «кастой» следует понимать учение о том, что внутренняя природа разных людей качественно различается: есть божественные души и души земные (зверинные, демонические). Каста отражает именно эту природу души, изменить которую человек при жизни не в состоянии. Каста фатальна. Нормальное общество, в этом понимании, должно строиться таким образом, чтобы люди божественной природы были вверху (элита), а люди земной (звериной, демонической) природы — внизу (массы).

Евразия, 2014.

Дугин утверждает, что средний класс есть явление либеральное, капиталистическое, не менее чуждое России, чем любые другие проявления вестернизации (*Евразия, 2014*). В его фантазиях в ходе истории происходит «[п]ереход от каст к сословиям и от сословий к классам» (Там же). Но, поскольку Дугин не считает Россию западным обществом, он надеется, что переход от сословной

монархии к демократии, произошедший на Западе, неприменим к России, и что даже там, где такой переход произошел, это не отменяет основополагающего принципа «кастового неравенства душ», которое может изменить только выдающееся героическое свершение того или иного индивида (Там же). (Так может ли индивид изменить «кастовое неравенство», или же оно «отражает [...] природу души, изменить которую человек не в состоянии? Дугина, как и других путинских пропагандистов, такие противоречия, по-видимому, совершенно не смущают.)

Дугин восхваляет социальную иерархию, которую он считает сутью фашистского государства: «Сущность фашизма — новая иерархия, новая аристократия. Новизна состоит как раз в том, что иерархия строится на естественных, органичных, ясных принципах — достоинство, честь, мужество, героизм» (*samlib.ru*, 2015⁶¹). Следовательно, «цари-философы и герои-воины» должны обладать властью над средним классом, а тот скатится к самому низу социальной иерархии.

Сословное общество, «в котором каждый знает свое место» (Телеканал «Культура», 2010), как сказал Дугин, выступая на одном из государственных телеканалов, оказывается привлекательно не только для его неоевразийских последователей, но и для других членов Изборского клуба, которые доходят даже до романтизации рабства; например:

Наши военные вожди, славянские, готские, тюркские — это были люди, которые становились таковыми, как правило, за их качества — за их храбрость, за их способность руководить войсками, за их справедливость и милосердие. Потому что в нашей традиции рабы — это заложники, которые просто лишались оружия, жили какое-то время вместе с теми, кто их брал в плен, потом через какое-то время их или отпускали под выкуп, или отправляли домой. Часто они становились членами семей своих «господ».

Изборский клуб, 2017.

61. http://samlib.ru/c/cushero/dugine_nazbol.shtm

Из этого обзора ясно, что неоевразийское видение социальной структуры России нельзя считать простым возвратом к славянофильской идеологии девятнадцатого века. Славянофилы — например, Александр Кошелев, Иван Аксаков и Юрий Самарин — ратовали за отмену крепостного права и активно участвовали в реформах Александра II (см. введение). Их абсолюционистские взгляды глубоко отличаются от воззрений современных неоевразийцев и постсоветских монархистов. Во многом риторика Дугина напоминает скорее немецких оккультистов девятнадцатого века, предтеч фашизма и героев его политической юности, нежели славянофилов, Бердяева или евразийских мыслителей.

В постсоветской России неоевразийская доктрина занимает положение далеко не маргинальное⁶². Марк Сэджвик указывает, что неоевразийство обязано своей нынешней популярностью интеллектуалам и политологам (Sedgwick, 2004: 378, 402) (но не отмечает той политической поддержки, которую оно получает от российских властей). С середины 2000-х годов неоевразийское движение успешно пользовалось впечатляющим, хотя обычно и непрямым, политическим влиянием⁶³. Путин несколько раз называл евразийство важной частью русской идеологии, основополагающим принципом Евразийского экономического союза (России, Беларуси, Армении, Казахстана и Кыргызстана) и «традицией нашей политической мысли» и поручил правящей партии «Единая Россия» «пропагандировать эти идеи и доносить их до широких масс трудящихся, до ши-

62. Война в Украине и ядерный шантаж Кремля, по-видимому, разрешили давний спор в области постсоветских исследований в пользу тех, кто метко называл Дугина «путинским Распутиным» (и, к сожалению, продемонстрировали, какое влияние он и другие ультраправые деятели оказывают на российскую политику). О влиянии Ильина и Дугина на идеологию Путина см., например: Langdon (2020). О превращении дугинского движения во «влиятельный центр» между 1998 и 2006 гг. см.: Umland (2007).

63. Чарльз Кловер называет Дугина «человеком Кремля», идеи которого «прорвались в большую политику» (Кловер, 2017). См. оригинал: Clover (2016: 11).

рокой общественности наших стран» (*Евразия*, 2012⁶⁴). Российское официальное новостное агентство РИА-Новости открыто объявило «наследие евразийской мысли» «новой идеологией», которая представляет Россию как страну и как цивилизацию (*РИА-Новости*, 2012)⁶⁵. Неоевразийское движение также взяло на себя роль представителя Кремля по части реакции на некоторые политические события, в том числе аннексию Крыма и войну в Украине, и стало важным средством консолидации общественной поддержки деятельности Кремля⁶⁶.

Однако неомедиевальные проекты предлагали Путину не одни лишь неоевразийцы. Весной 2005 года правительственный курьер доставил в президентскую администрацию, правительство, Генеральный штаб, ФСБ, Министерство внутренних дел, Генеральную прокуратуру и Государственную Думу для ознакомления первый том анонимного политического памфлета «Проект Россия»⁶⁷. Впоследствии он был включен в перечень книг, рекомендованных государственным чиновникам (*Бизнес Online*, 2019-а⁶⁸). Никита Михалков, журналист Алек-

64. <http://eurasia.com.ru/putin2012.html>

65. См. также: *Единая Россия* (2012, <http://eurasia.com.ru/putin2012.html>), *Изборский клуб* (2014-а). Марк Бассин и Гонсало Посо считают, что «при нынешней администрации Владимира Путина утверждается своего рода “официальное” русское евразийство» (Bassin & Pozo, 2017, 8). См. также: Пруссе (2013), Markedonov (2012).

66. О влиянии евразийства на российскую геополитику см. Kotkina (2017). Ларуэль также отмечает политическое влияние Дугина: «Дугин [...], по-видимому, оказывает влияние на некоторые военные и политические круги и часть президентской администрации» (Laruelle, 2008: 11). Однако в другом месте она говорит, что до убийства дочери Дугина он «находился в России в довольно маргинальном положении» и «более известен за границей, чем в самой России» (*sic*). www.npr.org/2022/08/23/1119103591/how-daria-duginas-death-impacts-security-for-putin-allies-in-russia.

67. php/1022840/Shalyganov_-_Proekt_Rossiya._Polnoe_sobranie.html. Еще три тома «Проекта Россия» были опубликованы в 2006, 2007 и 2009 годах. Об истории его публикации см.: Сендеров (2009), *Новый день* (2009, <https://newdaynews.ru/moskow/233279.html>).

68. <https://m.business-gazeta.ru/news/413661>

сандр Хинштейн (ныне депутат Думы) и популярная газета «Комсомольская правда» не жалели сил для его рекламы. В 2006 году издательство «Олма Пресс» выпустило 50 000 экземпляров проекта, а в 2009 издательство Эксмо — крупнейшее коммерческое издательство в России — еще 1 000 000. Одним из авторов «Проекта Россия» был Михаил Юрьев⁶⁹.

Памфлет с самого начала берет апокалиптическую ноту: Запад, а точнее, США, хочет «уничтожить мир», и в особенности Россию. Антироссийский заговор Запада — вопрос, не терпящий ни малейших отлагательств. Юрьевский образ осажденной крепости, явно имеющий сильные средневековые коннотации и характерный для ультраправых во многих странах, появляется уже на первых страницах «Проекта Россия»: «Постоянная власть — последняя крепость на пути врага. С ее падением путь к установлению мировой диктатуры [Запада] будет открыт⁷⁰». Призывая Россию вернуть себе былую славу, а восточные страны — поддержать Россию в ее борьбе против США, авторы сравнивают нынешнюю ситуацию с 1941 годом, когда на СССР напала фашистская Германия. Сегодня эти утверждения кажутся очень похожими на разбавленный вариант нынешней путинской военной пропаганды. 27 февраля 2022 года, в первое воскресенье после начала войны в Украине, гости ток-шоу Владимира Соловьева, «Воскресный вечер с Соловьевым», называли вторжение в Украину «нашим сорок первым» — когда российские войска бомбили Киев, в точности как фашисты в 1941 году.

Хотя «Проект Россия» устанавливает недвусмысленные имперские цели для российской внешней политики и числит

69. Виталий Аверьянов утверждает, что знает авторов «Проекта Россия» и поддерживает их программу, а одним из соавторов был Юрьев. <http://ave-gianov.net/sii/491/?h=715>. Сейчас Юрьев официально упоминается в качестве одного из авторов «Проекта», в который была включена его статья «Крепость Россия» (Юрьев, 2005).

70. См. также: *Проект Россия*. www.e-reading.club/bookreader.php/1022840/Shalyganov_-_Proekt_Rossiya._Polnoe_sobranie.html.

восстановление империи среди ее первостепенных приоритетов, главный предмет его внимания — социальная реорганизация самой России (*Проект Россия*, 2006, Т. 1: 37). Социальные идеи авторов «Проекта» и их враждебность к Западу и либеральной демократии практически перекрывают все разрывы, существующие между ними и неоевразийцами. Они призывают народ России сплотиться вокруг авторитарического режима перед лицом опасности, исходящей от Запада. Авторы предлагают «новую государственную систему», сочетающую в себе «[л]учшие качества монархии [...] с лучшими качествами советской системы». Например, реставрация советской империи должна сопровождаться восстановлением теократической монархии («Будущее человечества — усовершенствованная монархия» [*Проект...*, 2006, Т. 2: 172]) и реставрацией сословного общества:

Царство — это не кровавая диктатура, и ее правитель не палач. Царство воплощает принцип единовластия. [...] Он есть во всякой здоровой структуре. [...] Иван Грозный правил 37 лет, остальные — около того. Время твердого правления несменяемых царей увеличивало и укрепляло Россию.

Проект Россия, 2006, Т. 2: 172.

Жесткая социальная иерархия — самая «подходящая» форма социальной организации там, где людей считают умственно недоразвитыми и неспособными о себе позаботиться: «Как детей от холода и голода защищают взрослые, так народ от хищников должна защищать честная элита». В результате возникает «гармоничное общество», в котором социально компетентные «взрослые» защищают социально уязвимых «детей» и заботятся о них (*Проект Россия*, 2006, Т. 1: 130).

Как и Дугин, авторы «Проекта Россия» употребляют средневековые метафоры, которые оказывают влияние на их рассуждения об обществе. Они уподобляют общество человеческому организму (популярный в Средние века способ представления общественной иерархии) и описывают отношения между монархом и народом как отношения между мужем и женой и/или отцом и детьми. Еще одна средневековая

аналогия, широко используемая в памфлете, — образ социальной пирамиды, на вершине которой находятся правители и воины, защищающие крестьян и другие недееспособные категории (Там же: 102–103).

Авторы утверждают: «Человек всегда раб. Его сущность такова, что не быть рабом он не может» (Там же: 44). Как и неоевразийцы, они считают, что социальное неравенство не только нежелательно, но и невозможно, ибо «[о]бщество состоит из ведомых и ведущих» (Там же: 49). В том российском обществе, о котором мечтают авторы памфлета, социальная мобильность не порождается образованием или интеллектом: единственные подлинные таланты — это таланты воинские, и успеха в обществе добиваются только воины. В конце концов, заявляют авторы проекта, Чингисхан не умел ни писать, ни читать. Наконец, для воссоздания Российской империи и выполнения всемирной миссии России необходима православная церковь.

«Проект Россия» охватывает широкий диапазон готических метафор постсоветского политического мышления, предлагая готическое описание прообраза российского общества в виде пищевой цепочки и системы пищеварения, в которой «народные массы, составляющие основание пирамиды» социальной иерархии «выделяли энергию» — то есть пищу — для элиты. «Массы», в свою очередь, потребляли энергию, переработанную элитой, и «без труда ее усваивали, потому что она была своя, родная». Авторы объясняют также, как развивалось органическое общество древней Руси, и полагают, что именно так должна жить и постсоветская Россия. Единственной причиной, по которой Россия отказалась от этого идиллического существования, было колдовство Петра Великого: «Заколдовали нашу Россию», — утверждают они. Лексика и образ мыслей, которые разделяют население на хищников и их добычу, столь знакомые любителем литературы про вампиров, предполагают модель общества, состоящего из

«потребляющих», и «потребляемых»⁷¹.

В 2005 году вниманию президентской администрации был представлен еще один проект. Михаил Ремизов, президент Института национальной стратегии и член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, написал текст под названием «Проект “Государство-цивилизация”» (АПН, 2005)⁷². В этом проекте утверждалось, что Россия — не европейское национальное государство, потому что эта концепция несовместима с историей ее развития. Россия не принадлежит к западной цивилизации, созданной Французской революцией и Просвещением, а представляет собою самостоятельное государство-цивилизацию. Она развивалась в качестве союза разных этносов вокруг «ядра», которым был русский народ, и только русские могут гарантировать стабильность постсоветского пространства, которое есть неотъемлемая и законная сфера их интересов. Политическим устройством будущего должна стать «народная монархия», основанная на диктатуре и авторитарной, централизованной системе власти. Интересы цивилизации должны обладать абсолютным приоритетом по сравнению с правами граждан страны.

Некоторыми своими чертами неомедиевальная социальная программа Ремизова удивительно похожа на «Проект Россия», «Крепость Россия» Юрьева и неоевразийскую доктрину. По словам Галины Кожевниковой, «Государство-цивилизация» Ремизова отражает образ мыслей Института национальной стратегии и его Агентства политических новостей (АПН). Кожевникова объясняет, что большинство сотрудников АПН неустанно пропагандируют русский империализм, в том числе восстановление советской империи в границах, существовавших до 1991 года. В «Государстве-цивилизации» есть ссылки на некоторые другие публикации АПН, в особенности на те из

71. О готических метафорах в постсоветской политике см.: Кхараева (2019-b).

72. О взглядах Ремизова см.: Боуринг (2015).

них, в которых обсуждается применимость в России практик фашистских государств. В этих публикациях Италия Муссолини и гитлеровская Германия рассматриваются не то чтобы как пример государственного строительства, но по меньшей мере как источник позитивного исторического опыта, некоторые элементы которого можно использовать для построения «государственного механизма России» (Кожевникова, 2005: 82).

В том же 2005 году Институт динамического консерватизма (ИДК), который основали экономист Андрей Кобяков, православный писатель Виталий Аверьянов и журналист Максим Калашников (псевдоним правого политического активиста Владимира Кучеренко)⁷³, выпустил свой собственный памфлет «Русская доктрина», описывающий «образ желанной России — России, какой она может и должна быть». Двумя годами позже эта же самая формула стала подзаголовком романа Юрьева «Третья Империя».

Основа «Русской доктрины», «программа консервативных преобразований»⁷⁴, предполагает следующее. Образ России, как говорит Аверьянов, — это «образ воинствующей цивилизации справедливости и милосердия», которой суждено овладеть евразийской империей (*Перспективы*, 2007⁷⁵). Русское православие считается сердцевинной этой «русской цивилизации», которая должна быть основана на принципах «русского сверхнационализма», предоставляющего этническим русским особые права и привилегии. Основопологающие принципы социальной организации России — аристократия и автократия. Новый «властный класс», новая «аристократия» должна преобразовать Россию в сословное общество и диктатуру. В идеале нужен самодержавный монарх, но приемлемым компромиссом будет и сильная президентская или губернаторская власть с неограни-

73. Институт динамического консерватизма был официально зарегистрирован в 2009 году при содействии (в том числе) Андрея Фурсова, а в 2013 присоединился к Изборскому клубу.

74. www.rusdoctrina.ru/page95509.html.

75. www.perspektivy.info/rus/rus_civ/rus_doktrina_proekt_budushego.htm

ченными диктаторскими полномочиями. Авторы также выступают в поддержку «перехода из режима светского государства в режим государства конфессионального», подразумевая, что в процессе такого перехода все конфессии кроме русской православной исчезнут.

Хотя «Русская доктрина» уделяет большое внимание экономическому развитию и передовой технологической модернизации России, ее будущим гражданам следует отдавать приоритет не обычному потреблению, но «самоограничению». Основывая свой социальный проект на своем «понимании русского ума», который формирует «триаду самосознания» — национального (имеющего наибольшее значение и господствующего), родового и индивидуального, — они утверждают, что лучше всего волю народа выражают «демократические институты: [...] Земский собор [представительный институт средневековой России, нерегулярно созывавшийся царем в шестнадцатом и семнадцатом веках — Д. Х.] и др.». Править народом должен сенат, состоящий из аристократов, которые состоят в нем пожизненно: «Сенат формируется на $\frac{1}{4}$ из представителей *военно-служилого сословия*, на $\frac{1}{4}$ из представителей *духовного сословия* с решительным преобладанием представителей Русской Православной Церкви, на $\frac{1}{4}$ из представителей *академических и университетских корпораций* и на $\frac{1}{4}$ пополняется по назначению Главы Государства». Разумеется, эта программа не может быть выполнена без террора, хотя авторы рекомендуют сравнительно мягкие его формы (впоследствии эта точка зрения существенно изменилась, о чем речь пойдет в главе 4):

Но откладывать дальше обновление административных кадров — значит ставить под угрозу существование России как суверенного государства. [...] Необходимы масштабная ротация элит и масштабные репрессии. [...] Когда мы говорим о репрессиях, мы имеем в виду не столь жесткие меры, которые использовались Сталиным или Иоанном Грозным. На этот раз карательные меры должны иметь скорее идейно-политический характер и ограничиваться лишением статуса и (в ряде случа-

ев) конфискацией имущества. Рекрутирование же новой элиты [...] должно пойти не столько через выборы снизу, сколько через призыв сверху.⁷⁶

Русская доктрина..., 2016.

ИДК пользуется значительным вниманием политиков и прессы. Аверьянову явно польстило, что в 2006 году его и его соавторов позвали в программу «Национальный интерес» на телеканале «Россия-1» в день обращения Путина к Федеральному собранию. Важно отметить, что он также утверждал, будто приглашение это было связано с тем, что речь Путина и их программа «идут в каком-то смысле “ноздра в ноздрю”» (*Русская народная линия..., 2007*⁷⁷).

Действительно, хотя президентское выступление Путина не содержит никаких упоминаний о неомедиевальном изменении, представленных в «Доктрине», а сосредоточено вместо того на внешних угрозах России, очерченные в нем меры весьма созвучны акценту «Доктрины» на образ России как «осажденной крепости» и «воинствующей цивилизации»:

В целом, очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства. И что крайне опасно, его распространения на зону наших жизненно важных интересов. [...] Современной России нужна армия, имеющая все возможности адекватно реагировать на современные же угрозы.

*Kremlin.ru, 2006*⁷⁸.

Обозначенные в этой речи военные нужды и реформа финансирования вооруженных сил были объявлены общественными приоритетами. Даже демографическая ситуация в стране и социальные меры поддержки женщин, деторождения и семьи рассматривались исключительно сквозь призму потребности в новобранцах:

76. См. также: *Главная тема* (2005, www.rusdoctrina.ru/page95509.html).

77. https://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/08/21/russkaya_doktrina_-_e_to_ne_razdelyayuwij_a_sobirayuwij_dokument

78. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577>

А теперь о главном. Что у нас главное? Вот, правильно. В Министерстве обороны знают, что у нас самое главное. Речь действительно пойдет о любви, о женщинах, о детях. О семье. И о самой острой проблеме современной России – о демографии.

Там же.

Сам факт существования Соединенных Штатов, которые иносказательно названы «волком», является достаточным для оправдания политических мер по милитаризации страны (Там же). Хотя Путин прямо не упоминал «Доктрину» ИДК, он цитировал «известного русского мыслителя» Ивана Ильина, объясняя слушателям, что российское государство опирается на своего солдата, а «солдат [...] “представляет всероссийское народное единство”». Здесь, как и в «Доктрине», военное сословие играет первостепенную роль.

Еще более явно поддержал «Доктрину» митрополит Кирилл, вскоре после этого ставший русским православным патриархом. Он назвал ее «эпохальным событием в общественной мысли России» и сказал, что она описывает «Россию, какой она может и должна быть» (Аверьянов, 2007). 20 августа 2007 года он организовал презентацию «Доктрины» в московском Даниловом монастыре, штаб-квартире Русской православной церкви. Выступая на этом мероприятии, соавторы «Русской доктрины» предложили «скрестить православие с атомным оружием» и изложили принципы «атомного православия» (Солдатов, 2007), в котором православная нетерпимость сочетается с российской ядерной угрозой Западу. Егор Холмогоров, «эксперт» Изборского клуба, связанный как с ИДК, так и с «Русской доктриной» (Взгляд, 2022)⁷⁹, заявил, ссылаясь на выступление Путина, что Путин «связал Православие с внутренней безопасностью страны, а ядерное оружие — с внешней безопасностью [...] Это эсхатологическая

79. <https://vz.ru/opinions/2022/2/24/1145502.html>. Холмогоров, работающий на государственном телеканале Russia Today [Россия сегодня], входит в число тех, кто поддерживает российский геноцид украинцев (Хвиля, 2022, <https://hvylya.net/news/259381-zhivaya-ukraina-eto-smert-rossii-shokiruyushchee-priznanie-rashista-holmogorova>).

стратегия России на все время истории этого мира⁸⁰». «Русская доктрина» переиздавалась в 2007, 2008 и 2016 годах⁸¹.

Активисты Изборского клуба часто выражают свое восхищение средневековым общественным устройством. Андрей Фурсов, которого в ИДК считают одним из ведущих историков, постулирует, что сословное общество, возглавляемое воинским сословием, — лучшая и самая проверенная временем форма общественной организации, потому что оно было типично для всех индоевропейских народов (Фурсов, 2011: 92). Вторит ему и Холмогоров, превознося бояр — русскую средневековую аристократию, которая обеспечила «единство и могущество» страны в Смутное время, — и называя их спасителями России как в прошлом, так и в будущем, которые кроме того «поддержива[ли] престиж царства даже в ущерб своей исключительно высоко ценимой чести» (*Изборский клуб*, 2009).

В 2006 году Михаил Ремизов и Егор Холмогоров совместно с несколькими другими деятелями — Станиславом Белковским, Романом Каревым, Виктором Милитаревым, Алексеем Позиным и Юрием Солозобовым — опубликовали памфлет под названием «Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации» (*АПН*, 2006)⁸². Ставя все проблемы современного общества в вину Просвещению и «философии постмодерна», соавторы объявили, что мир возвращается в «новейшее средневековье» с «доминированием религиозных начал» во всех сферах жизни. Вслед за Бердяевым они утверждали, что в Средние века корпорации были объединены религиозной верой, недвусмысленно подразумевая, что такая организация общества, управляемая «православной этикой», также будет восстановлена. Они советовали властям начать процесс «опережающей “медиевизации”», включающий в себя воз-

80. <https://holmogor.livejournal.com/1770074.html>

81. О «Доктрине» см.: Bluhm (2015).

82. <https://www.apn.ru/index.php?newsid=9877>

рождение средневекового образа мыслей и общественного поведения, приоритет спасения души над физическим комфортом и возвращение к «аскетическому образу жизни», характерному для исторического средневековья. Pamфлет призывает к переходу в православие «не только отдельных русских людей, но и всего национального организма». Я буду говорить об эсхатологическом аспекте этого памфлета как о кремлевском принципе международных отношений в заключительном разделе книги.

Pамфлеты, разрабатывающие неомедиевальные темы, продолжали появляться и в последующие годы. «Манифест просвещенного консерватизма» (2010) Никиты Михалкова заявлял о преемственности между «Святой Русью» и Советским Союзом, который Михалков называл «Великой Россией без Святой Руси». «Манифест» оплакивает падение династии Романовых и подчеркивает роль монархизма в современном русском консерватизме. Подобно столь многим членам Изборского клуба, Михалков восхваляет империю, цитирует Бердяева и перечисляет ключевые элементы «просвещенного консерватизма»: «Исторически российский консерватизм последовательно включает в себя четыре составляющие: “церковную”, “монархическую”, “советскую” и “либеральную» (Михалков, 2017; *polit.ru*, 2010-б).

В 2009 году депутат Госдумы Илья Пономарев подготовил вместе с Михаилом Ремизовым и Романом Каревым для Института современного развития доклад под названием «Модернизация России как построение нового государства» (*polit.ru*, 2009). В нем был позаимствован лозунг модернизации из статьи Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» (*kremlin.ru*, 2009⁸³) и предлагалась необычная цепь иерархического подчинения, дававшая президенту чрезвычайные исполнительные полномочия — параллельная вертикаль власти, которую Аверьянов с одобрением истолковал как настоящую новую ЧК (*Русская народная линия*, 2007).

83. <http://kremlin.ru/events/president/news/5413>

Популярный актер и ультраправый активист Иван Охлобыстин, который собирался баллотироваться в президенты в 2011 году, изложил свою предвыборную программу в виде манифеста под названием «Доктрина-77». Как и другие члены Изборского клуба Охлобыстин считает русских мессианской нацией — «нацией катехона», как говорит он сам, — конечная цель которой — восстановить Российскую империю и воспрепятствовать приходу Антихриста. Империя, возглавляемая помазанником Божьим — императором, пишет он, есть идеальное общество будущего и необходимое условие личного счастья русского человека (Правмир, 2011). Царебожник Охлобыстин называет себя учеником митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна (Ивана Снычева) и предлагает восстановить «сакральную связь» между монархом и его народом. В его доктрине социальные изменения обладают приоритетом перед любыми другими преобразованиями. Тогда, в 2011 году, Охлобыстин восхвалял устройство, при котором «аристократы смогут в ненасильственной форме склонять общественное мнение». Восемью годами позже он высказался за возрождение опричнины.

Со временем, и в особенности после образования в 2012 году Изборского клуба, необходимость забрасывать Кремль неомедиевальными памфлетами стала менее острой. Неомедиевализм стал неотъемлемой частью российской политики памяти, и некогда маргинальные движения, ратовавшие за него, оказались в основном русле политической жизни. Правящая партия «Единая Россия» провозгласила «русский консерватизм» своей официальной идеологией, а в 2013 году, после подавления протестов 2012-го, Путин назвал своей доктриной «прагматический консерватизм» (*Kremlin.ru*, 2013⁸⁴; *РИА-Новости*, 2009)⁸⁵. Хотя Изборский клуб не имеет

84. <http://kremlin.ru/events/president/news/19143>

85. Исследователи иногда принимают самоопределение путинизма как консервативного режима за чистую монету: Laruelle (2013); Laruelle (2017); <https://carnegieendowment.org/posts/2017/03/putins-regime-and-the-ideologi->

статуса официального аналитического центра Кремля, он явно играет роль резервуара и проводника ультраправой мысли (Clover, 2016: 299). Ненависть к демократии и тоска по империи образуют общую для его членов и Кремля почву.

В марте 2014 года, сразу после аннексии Крыма, некоторые идеи, пропагандировавшиеся в программных памфлетах русских ультраправых, которые мы рассматривали в этой главе, появились в проекте правительственного программного документа под названием «Основы культурной политики» (*Известия*, 2014; *Российская газета*, 2014-а), в котором этническим русским присваивался особый статус и название «государствообразующего народа». Документ призывал к сохранению русского национального «культурно-цивилизационного кода». Это выражение дорого сердцу Александра Проханова, который всерьез озабочен поисками «волшебных кодов русского сознания» (*Изборский клуб*, 2019-г)⁸⁶ и связывает эти коды с русской мессинской идеей, явленной в русском средневековье (*Взгляд*, 2012). «Основы» восхваляют русскую историю, называют одним из своих духовных источников Николая Данилевского и утверждают — надо полагать, вслед за Данилевским, — что «Россия — не Европа». Этот документ, разработанный под эгидой министра культуры Владимира Мединского (подписанный его замом, Владимиром Аристарховым), ссылается на анонимную «рабочую группу» экспертов, ни один из которых не был назван по имени в первом обнародованном тексте этого документа. (Возможно, имена авторов этого документа были скрыты потому, что в их число входили некоторые очень известные ультраправые политические деятели.) Этот проект вызвал возмущение общественности, и в его окончательную редакцию, выпущенную в декабре 2014 года, были внесены значительные изменения.

Ультраправые памфлеты, призывающие Путина развернуть время вспять и восстановить в постсоветской России сословное

cal-market-a-difficult-balancing-game?lang=en .

86. О трудах Проханова и теориях заговора см.: Razuvalova (2020).

общество, совпадают с монументальными, литературными и кинематографическими проявлениями неомедиевальной политики памяти Кремля и его подручных. Рассмотренные в совокупности, они демонстрируют не только приверженность России антидемократическому мышлению, но и уровень политического влияния, которое русские ультраправые оказывают на политику Кремля — в том числе и на его имперские устремления.

III.

ПОСТСОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ АКТИВИСТЫ ОБ ОПРИЧНИНЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

Ультраправый консенсус относительно неомедиевальной социальной программы порождает и единодушное мнение о том, как достичь это «дивное новое средневековье», — через террор. История и опричнины и сталинизма и память о них дают русским ультраправым ключевые модели планирования террора, который они называют *новой опричниной* (а также *нео-опричниной* или *неоопричниной*). Поклонники неомедиевализма полагают, что новая опричина проложит дорогу к империи. Как и доктрина царь-божия, общины неоопричников строятся вокруг идеи восстановления опричнины в России.

Вопреки мнению тех наблюдателей и исследователей, которые утверждают, что новая опричина лишь в минимальной степени проникла в русское сознание, особенно в сознание политической элиты, следующие три главы показывают, что новая опричина играет важную роль в постсоветской исторической памяти, политике и культурных дебатах¹. За последние два де-

1. Мариэль Вийермарс утверждает, что «различные концепции новой или нео-опричнины лишь в минимальной степени проникли в основное течение политической жизни несмотря на множество конференций, лекций, круглых столов, публикаций и веб-сайтов» (Wijermars, 2018: 173).

сятилетия новая опричнина выросла в мобилизующую силу, определяющую русскую неомедиевальную политику памяти и превратила террор в основу постсоветской мобмемори. Благодаря кремлевской политике памяти ненависть вновь проникла в постсоветское самосознание. Мобмемори террора возродила «гражданский долг ненависти», столь типичный, по меткому определению Сергея Екельчика, для сталинизма (Yekelchuk, 2006; Yekelchuk, 2014). Влияние доктрины *царебожия* и новейшей историографии опричнины сильнейшим образом сказались на формировании мобмемори.

Опричнина как символ веры

Царебожие, вобравшее в себя фундаменталистские элементы разных радикальных православных сект, охватывает обширный сегмент так называемого «политического православия» (Верховский, 2003). Происхождение догм *царебожия* восходит к культу Николая II, возникшего в православных кругах после его гибели от рук большевиков в 1918 году. Однако в нынешнем своем виде *царебожие* сформировалось в 1990-х годах и приобрело немалое влияние к концу президентства Ельцина, а теперь имеет пылких последователей среди членов Изборского клуба, представителей православного духовенства и российских политиков. Доктрина *царебожия* утверждает, что Николай II был принесен в жертву за весь русский народ — как Христос за все человечество. Гибель царя ради народа стала искуплением Святой Руси. Важнейшее место в этих верованиях занимает идея о том, что русские должны покаяться в коллективном грехе *цареубийства* (Кнорре, 2011: 512).

Канонизация Николая II в 2000 году в качестве *страстотерпца* способствовала распространению *царебожия*, так как она возродила средневековую традицию канонизации русских княжичей и царевичей, убитых до того как они смогли притязать на престол. Кроме того, она вдохнула жизнь в культ Ивана Грозного, придав ему тот импульс, который проявился у него в 2000-е годы (Верховский, 2003: 215; *Религия и СМИ*, 2002). Как показывает Бо-

рис Кнорре, канонизация Николая II помогла противопоставить Ивана Грозного, сильного и могущественного царя, Николаю II, который рассматривался как безответный мученик, встретивший смерть вместе со всей своей семьей (Кнорре, 2011: 506)².

Иван Грозный и опричнина входят в число центральных символов царебожия, и последователи этого учения громогласно требуют его канонизации. Царебожие провозглашает, что в конце времен Иван Грозный, «Царь-победитель», восстанет из мертвых подобно Христу, чтобы очистить русскую землю от ее врагов, в основном и в первую очередь от евреев. Вера в воскресение Ивана, лежащая в основе кампании за его канонизацию, демонстрирует, что ее сторонники поддерживают возвращение к полномасштабному политическому террору (Кнорре, 2011: 524). Собственно говоря, эта «грозная сакральность» (так неоевразийцы иногда называют новую опричнину) используется в качестве довода за нормализацию террора, изображая его исконной основой русского общества (*Евразийский союз молодежи*, 2005³).

Как и царебожие, неоопричнина далеко не маргинальна и распространена весьма широко в качестве религиозного верования и массового движения. Изучавший это движение Александр Дворкин называет его «тоталитарной сектой» (Дворкин, 2006). В 2007 году «Российская газета», официальный орган российского правительства, оценивала численность последователей таких сект в миллион человек (*Российская газета*, 2007), и с тех пор эта цифра значительно выросла. Александр Шмелев утверждает, что концепция, разработанная Русской православной церковью и принятая в 2000 году, была мертворожденной и не привлекла большого числа новых последователей, в то время как у царебожия имеется множество активных сторонников, и его влияние продолжает расти (*Pe-*

2. О канонизации Николая II и его семьи в качестве страстотерпцев см.: Suslov (2016-a: 44).

3. http://rossia3.ru/ideolog/nashi/russ_orden

лигия и СМИ, 2002)⁴. Братства неоопричников⁵, подражающих опричнине в повседневной жизни, существуют сегодня в нескольких российских регионах.

Русская православная церковь официально не поддерживает царебожие, причисляя его к отклонениям от истинной веры. Однако, если патриарх Алексий возражал против канонизации Ивана Грозного из-за его преступлений, то патриарх Кирилл, как мы видели выше, поддерживал установку памятников грозному царю⁶.

Митрополит Иоанн и его ребрендинг опричнины

Иван Снычев, бывший митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским с 1990 по 1995 год, изложил доктрину царебожия в своей книге «Самодержавие духа», опубликованной в 1994 году (Снычев, 2017)⁷. «Самодержавие», написанное в соавторстве с Константином Душеновым (или даже полностью сочиненное последним)⁸, было, возможно, одним из первых постсоветских

4. Исследователи русского национализма и этого движения недооценивали влияние неоопричнины и русского национализма в целом даже в 2014 году. Например, Анастасия Митрофанова прямо заявляла, что «православный национализм переживает спад численности своих последователей» и «находится в застое» (Mitrofanova, 2016: 114–115, 129). В 2014 году Верховский также полагал, что русский национализм находится в состоянии упадка (Verkhovsky, 2016: 99–100).

5. Члены этого движения называют себя «опричниками» (Кнорре, 2006: 384).

6. При Алексии II неприятие царебожия Русской православной церковью отразилось в работе, например, Коробьина (2003).

7. Верховский считает, что Снычева с полным основанием можно назвать фашистом (Верховский, 2003: 237).

8. Душенов, истовый националист, главный редактор журнала и телеканала «Русь православная» (<https://rusprav.tv/>), в 2010 году был осужден за агрессивный антисемитизм. Однако его судили не за убеждения царебожника. Его процесс также не означал, что путинизм решил покончить с русским антисемитизмом. На самом деле, он скорее всего был рекламной акцией, целью которой было успокоить еврейскую общину в России, потому что в 2009 году Российская Федерация начала закупать у Израиля военное оборудование (*Huffpost.com*, 2014); www.huffpost.com/entry/an-alliance-of-need-cessity_b_5534016.

православных памфлетов, в которых была возрождена идея *катехона*⁹. Катехон, воплощенный в русском царе-помазаннике, — христоподобная фигура, ниспосланная, чтобы уберечь православное христианство и вдохновить богоизбранный русский народ на выполнение его миссии, а именно, защиту мира от Антихриста, — играет важную роль в становлении постсоветского неомедиевализма¹⁰.

Снычев объявляет русских «державным народом», который не позволяет Сатане установить господство над миром (Снычев, 2017: 135)¹¹, а православного царя — «олицетворением богоизбранности и богоносности всего народа, его молитвенным председателем и ангелом-хранителем» (Снычев, 2017: 75).

Этот «теоретик» царебожия возводит приравнивание государя к Богу к византийской традиции, в частности к написанному в шестом веке «Поучению» диакона Агапита, а также русским хроникам двенадцатого века и трудам богослова Иосифа Волоцкого (1439–1515), поборника неограниченного самодержавия. Но, как убедительно продемонстрировали Борис Успенский и Виктор Живов, в русской традиции этого раннего периода царь не приравнивался к Богу. Напротив, любое сравнение Бога и царя указывало на непреодолимую пропасть между ними. Традиция именовать царя «Христом», на которую ссылается Снычев, появилась лишь в восемнадцатом веке (Успенский & Живов, 1996: 208–209, 218, 243).

Также см. о Душенове: *Новая газета* (2010-а).

9. Представление о России как катехоне впервые появилось в кружке русских православных мыслителей: Виноградов (1887: 1324–1339). О дореволюционных интерпретациях катехона и эсхатологических верованиях среди духовенства и консервативных интеллектуалов см.: Шнирельман (2009).

10. О том, как Кремль использует царебожие в своих целях, см.: *Kasparov.ru* (2022-6). О движениях, существующих внутри православной церкви, см.: Grishaeva (2019).

11. О русских как народе-богоносце см.: Снычев (2017: 91). О роли Снычева в этом движении см.: Верховский (2003: 21–22).

Кроме того, Снычев возрождает антисемитское утверждение о том, что средневековая ересь жидовствующих «уничтожила Византию» и угрожала русскому православию и русскому государству во времена Ивана IV. В 1960-х годах русские националисты объявили эту православную ересь шестнадцатого века, включавшую в себя некоторые элементы иудаизма и распространенную по большей части среди этнически русского населения Москвы и Новгорода, «еврейским заговором»: уже в 1990-х годах это оговор подхватили постсоветские националисты (Верховский, 2003: 62). Евреи, «народ-богоубийца», продолжает Снычев, явились на Святую Русь специально для борьбы с русскими, народом-богоносцем, «сделавшим задачу сохранения веры смыслом своего бытия» (Снычев, 2017: 22, 168).

Реабилитация и сакрализация Ивана Грозного, идущие рука об руку с реабилитацией и сакрализацией опричнины, составляют ядро писаний Снычева. Иван Грозный занимает центральное место в его ревизии русской истории, в котором этот деспот предстает символом единства русского народа и православной церкви под властью «святого» царя, стоящего выше их обоих (Там же: 10). Прибегая к домыслам, не имеющим никаких исторических оснований, и беззастенчиво подгоняя историю правления Ивана Грозного под нужды своих построений, Снычев пропагандирует сталинские измышления о том, что Ивана оклеветал Запад и другие враги России. Впоследствии эту же точку зрения позаимствовал Мединский.

Обеление личности Ивана Грозного — необходимое условие его канонизации. Однако официальная позиция русской православной церкви состоит в том, что его канонизации мешают два смертных греха — убийство им своего старшего сына Ивана и совершенное по его приказу убийство митрополита Московского Филиппа (Колычева), который был признан святым мучеником и канонизирован в 1652 году. Чтобы избавить Грозного от обвинения в детоубийстве, Снычев придумал, что эту «русофобскую легенду» об Иване Грозном

сочинил ненавидевший царя Антонио Поссевино (1533–1611), дипломатический представитель папы Римского при дворе Ивана, исключительно ради дискредитации русского царя (Там же: 189–190). Как мы увидим, эта конспирологическая теория принесла свои плоды в 2000-х годах, когда она стала общим местом в постсоветской историографии. В 2013 году она также побудила историка Игоря Фроянова и лидера неоопричного движения «Святая Русь» Василия Бойко-Великого потребовать в открытом письме министру культуры Владимиру Мединскому убрать из Третьяковской галереи картину Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван¹²».

В 2017 году, в период споров об установке памятника Ивану Грозному в Александрове, этой же ревизионистской теории отдал дань Путин, заявивший в ответ на критику Ивана следующее:

Возьмите известную легенду о том, что Ivan the Terrible — Иван Грозный — убил своего сына. Это ещё неизвестно, убивал он своего сына или нет. Многие исследователи считают, что никого он не убивал вообще, а придумал это всё папский нунций, который приехал к нему на переговоры и пытался Русь православную превратить в Русь католическую.

И когда Иван Васильевич ему [Поссевино — Д. Х.] отказал и послал его по известному адресу, возникли всякие легенды [...]. Из него сделали Ивана Грозного, такого супержестокого человека. Хотя если посмотреть в тот период времени на другие страны, всё то же самое было везде. Время было такое, достаточно жестокое. И я сейчас не хочу говорить, что он был такой весь белый и пушистый, Иван Грозный, наверное, он был человеком жёстким, наверное¹³.

Kremlin.ru, 2017.

12. Ерусалимский справедливо связывает эту инициативу с кругами, близкими к царебожию, и поклонниками Снычева и утверждает, что она имела отношение к вопросу о канонизации Ивана Грозного (Ерусалимский, 2020).

13. См. реакцию Владимира Кара-Мурзы на утверждения Путина: *Радио Свобода* (2017-в).

В марте 2021 года «эксперты» Русского военно-исторического общества, созданного в 2012 году указом Путина и возглавляемого Мединским, заявили на конференции «Иван Грозный. Вчера. Сегодня. Завтра», что «Иван IV Васильевич (Грозный) не был причастен к смерти своего сына» (Панорама, 2021)¹⁴.

Отрицает Снычев и убийство митрополита Филиппа. Согласно историческим источникам, Филипп обличал опричнину и ее зверства и публично отказался благословить Ивана в 1568 году, после чего митрополит был подвергнут издевательствам, брошен в темницу, а затем убит по приказу Ивана главным царским палачом Малютой Скуратовым. Снычев же утверждает, что Иван Грозный не убивал Филиппа, а также не отдавал приказа о бойне, которую его опричники устроили в Новгороде, убив более 2000 ни в чем не повинных людей, ложно обвиненных в заговоре против царя. По словам Снычева, Иван даже ездил в Тверь, чтобы расследовать обвинения против Филиппа, которого Иван любил и якобы всегда защищал от его врагов.

Снычев сочиняет рассказ об убийстве, который также косвенно снимает с Ивана вину за новгородскую бойню:

[Иван IV] послал к Филиппу своего доверенного опричника Малюту Скуратова за святительским благословением на поход и, надо думать, за пояснениями, которые могли пролить свет на «новгородское дело». Но Малюта уже не застал святителя в живых. Он смог лишь отдать ему последний долг, присутствуя при погребении, и тут же уехал с докладом к царю.

Снычев, 2017: 231–232.

30 августа 2021 года на версию убийства Филиппа, изложенную Снычевым, намекнул Путин. Губернатор Твери Игорь Руденя, проводивший для Путина экскурсию по Отроч монастырю, упомянул, что в этой церкви Малюта Скуратов задушил

14. <https://panorama.pub/news/istoriki-rvio-oprovergli-pri-chastnost-ivana-groznogo-k-ubijstvu-svoego-syna-i-obnaruzhili-bri-tanskij-sled>

митрополита Филиппа. Путин отнесся к этому историческому факту пренебрежительно, сказав: «Это только одна из версий событий» (ТАСС, 2021-в)¹⁵. Этот короткий диалог попал в новости ТАСС и привлек немало внимания в российских СМИ.

В своей книге Снычев заявляет: Иван знал, что он — раб Божий, на которого возложена священная миссия защиты православной веры и русского государства. «Святой» царь осознал это благодаря таинству «божественного помазания на царство»:

Церковное Таинство Миропомазания открыло юному монарху глубину мистической связи царя с народом и связанную с этим величину его религиозной ответственности. Иоанн осознал себя «игуменом всея Руси». И это осознание с того момента руководило всеми его личными поступками и государственными начинаниями до самой кончины.

Снычев, 2017: 198.

Ложное утверждение, что Иван был «первым Помазанником Божиим на русском престоле», пройдя ритуал, который якобы установил «мистическую связь» между царем и мессианским русским народом, принципиально важно для снычевской апологии этого тирана, ибо помогает ему оправдать все деяния царя, назвав их боговдохновенными (Там же: 199, 200). Однако, повторим, и это заявление не подтверждается историческими источниками. Сама процедура православного миропомазания царя не входила в церемонию коронации Ивана, так как она впервые была проведена лишь в 1584 году, после его смерти. Этот вопрос был тщательно исследован Успенским и другими историками, которые показали, что первым помазанным царем был на самом деле сын Ивана, Феодор Иоаннович (Успенский, 1998)¹⁶.

Снычев также выдумывает новый характер царя, изображая его человеком кротким и совестливым, который терпеть не мог

15. См. также: *Новая газета* (2021-6).

16. См. также: Яшина (2017), Успенский (2000).

качать, но делал это, повинуюсь религиозному долгу. От историографической традиции и исторических источников Снычев попросту отмахивается, считая их неспособными постичь образ мыслей «государя», «искренне верующего православного человека»: «Мягкий и незлобивый по природе, царь страдал и мучился, вынужденный применять суровые меры» (Снычев, 2017: 220, также: 223, 233).

Опричный монастырь — «ключ к гармоничному обществу»

Восславив Ивана Грозного, Снычев переходит в своей книге в восхвалению опричнины, «орудия в руках царя», «корпуса царских единомышленников», помогавшего ему очищать жизнь России и отделять «добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований» (Там же: 235, 216–217). Исходя из того факта, что в Александровской слободе, центре опричнины, подражали некоторым аспектам монастырской жизни, Снычев заключает, что царь и опричники вели жизнь благочестивую. Подобно монахам, опричники преследовали лишь одну цель — служить Богу, что означало для них реформировать все аспекты русской жизни в соответствии с догмами православия. Короче говоря, слобода была «иноческой обителью» (Там же: 223). По мнению Снычева — а также русских ультраправых, последовавших за ним, — опричнина была «самым христианским» решением задачи, которая стояла перед Иваном Грозным, и главной силой, позволившей ему перестроить русское общество в согласии с предписаниями православного благочестия (Там же: 240): «Приняв на себя по необходимости работу самую неблагодарную, царь, как хирург, отсекал от тела России гниющие, бесполезные члены» (Там же: 234).

По словам Снычева, опричнина помогала Ивану «настроить» сословное общество в унисон с требованиями православия. Царь Иван, «помазанник Божий», создал ее ради сохранения «гармонии народного бытия», основанной на сотрудничестве

сословий в их служении царю и Богу (Там же: 238–239, 235):

[Р]усское сословное деление [...] имело в своем основании мысль об особенном служении каждого сословия. Сословные обязанности мыслились как религиозные, а сами сословия — как разные формы общего для всех христианского дела: спасения души.

Снычев, 2017: 235.

Опричнина, утверждает Снычев, предлагает модель единства для всех русских. Он повторяет эти идеи и в других своих работах — например, в памфлете «Будь русским!», в котором он заявляет, что сословное общество — единственный богоугодный вид православной организации общества. По его мнению, сословное общество отражает органическую гармонию и внутреннюю сущность русского общества в отличие от основанных на разделении властей расколах и социальных противоречиях западного мира (Снычев, 2014). Как мы видели, членам Изборского клуба тоже дорога идея о том, что «разделение обязанностей» между сословиями в их служении Богу и русской монархии отличается от западной «иерархии прав». Следовательно, заявления относительно «священного союза между царем и русским народом» не должны внушать ошибочную мысль о том, как считают иногда, что тоталитарная вера в царебожие есть крестовый поход за равенство и эгалитарное общество (Кнорре, 2011: 510).

Снычев воскрешает уваровскую¹⁷ триаду — «православие, самодержавие, народность», — провозглашая самодержавие единственным подлинно русским принципом социальной организации, так как оно якобы устраняет любое несогласие между царем и его народом. Далее Снычев утверждает, что приближенный Ивана, воевода Ливонии Алексей Адашев, и православный протопоп Сильвестр (оба входили в состав Избранной рады, сравнительно мирного правительства времен юности Ивана) старались ограничить его власть, пытаясь внушить ему, что роль царя — обеспечивать баланс между раз-

17. Сергей Уваров (1786–1855) был министром просвещения при Николае I. — Прим. авт.

ными группами интересов, как это делали западные монархи. Иван воспротивился их попыткам и учредил опричнину, чтобы сохранить истинно русскую систему, и опричнина справилась с этой задачей, укрепив уникальное положение царя как «помазанника Божия», стоящего над всеми социальными группами, в том числе аристократией, простым народом и духовенством (Снычев, 2017: 242, 244). Впоследствии это утверждение повторяли и другие — например, Игорь Фроянов.

Идеальная с точки зрения Снычева социальная организация описана в «Домострое», русском анонимном наставлении шестнадцатого века по семейному быту, которое могло быть сочинено Сильвестром¹⁸. Этот трактат предписывает, как должны управляться и организовываться жизнь семьи, причем под «семьей» понимаются в том числе домашние слуги и рабы (холопы). В описанном в нем мире «отец семейства» обладает абсолютным правом карать и вознаграждать; все остальные члены семьи представляют собою умственно и социально неполноценных «детей». В основе существования такой семьи лежит крепостное право; холопы и другие крепостные должны работать на своего хозяина всю жизнь и уйти от него не могут. «Домострой» дает подробные предписания относительно поведения, в том числе описывает православные обряды и ритуалы, считавшиеся неотъемлемой частью правильного домашнего устройства¹⁹. Если в современном русском языке слово «домострой» используется метафорически, для обозначения самых вопиющих проявлений патриархальности и наиболее жестоких видов семейной дисциплины, то Снычев называет эту книгу отражением «благодатного состояния русского общества» (Там же: 80).

В верованиях Снычева русское общество также представляет собою «семью», а осуществление государственных функций должно быть так же священно для царских чиновников, как ре-

18. О «Домострое» см.: The Domostroi ... (1994).

19. Снычев считает сутью русской социальной жизни церковные службы (Снычев, 2017: 495).

лигиозная службы для инок. В других работах Снычева предлагается целая программа возврата к такой «Святой Руси», предполагающая достижение согласия путем устранения разделения властей, особенно в федеральном устройстве России, которое он считает опасным для территориальной целостности страны.

Последний элемент социального проекта Снычева — *соборность*, старое славянофильское понятие, связанное у него с иерархией профессиональных сословий, в том числе учителей, врачей, крестьян и военных. Не менее важное место в его доктрине занимают и полный отказ от светского государства и «восстановление» русского государства в его «естественных границах», включая Белоруссию и Украину (Там же: 31, 124, 485).

Снычевское искажение русской средневековой истории следует рассматривать с учетом контекста других исторических фальсификаций 1990-х годов. Эти фальсификации и конспирологические теории, отражавшие господствовавший скепсис относительно советской версии русской истории, свидетельствовали о том потрясении, которое испытала вся система исторических ориентиров в последние годы советской власти и после ее краха²⁰.

Светским аналогом фальсификаций Снычева можно считать псевдоисторическую «Новую хронологию» известного математика Анатолия Фоменко. Исходя из допущения, что длительность истории человечества была преувеличена, Фоменко применил к древней и средневековой истории методы математического анализа. Сочтя упадок, случившийся при переходе от античности к средневековью, невозможным, он заключил, что вся история древнего мира — миф, мистификация, созданная интеллектуалами Возрождения, а письменная история человечества началась не раньше 800 или 1000 года нашей эры. Фоменко утверждал также, что царя Ивана IV в реальности не существовало: его образ, переданный историческими источниками, есть амальгама четырех следовавших друг

20. См.: Brooks & Dralyuk (2016) и также Borenstein (2019).

за другом правителей придуманной Руси. По его мнению, «жидовствующие Романовы» выдумали «монгольскую Орду» на пустом месте и возложили на воображаемого же Ивана вину за тот террор, который на самом деле осуществляли они сами. Подкрепляя свои «математические» модели ошибочными этимологиями и некорректным лингвистическим анализом, Фоменко утверждал также в книге «Империя» (1996), что многонациональное русско-татарское государство почти полностью контролировало Евразийский континент. К 2000-м годам так называемое «Русско-Ордынское государство», росшее в его воображении экспоненциально, превратилось в русско-татарскую империю, которая в восемнадцатом веке правила Сибирью и Северной Америкой²¹.

Возможно, именно поразительный успех «Новой хронологии» в середине 1980-х годов подтолкнул Снычева — в извращенном варианте «беспокойств влияния» по Гарольду Блуму — к разработке собственных фальсификаций. Последователи Снычева завидовали популярности «Новой хронологии», видя в ней своего конкурента в области исторического ревизионизма. Например, профессор истории Московского государственного университета Дмитрий Володихин (его книги об Иване Грозном будут рассмотрены ниже) ополчился против «Новой хронологии» в своих работах по русской истории в духе царебожия (Володихин, 2000).

В 1995 году, после смерти Снычева, в Москве был основан Институт русской цивилизации, директором которого стал писатель Олег Платонов, скандально известный отрицатель Холокоста. Задачей института было распространение догм Снычева²². Платонов выступал с публичными заявлениями об Иване Грозном, утверждая, что именно опричнина не допустила проникновения в Россию католичества: «Создав опричнину, Грозный сумел отрубить голову этой гидре. Без этого Россия

21. Критику фальсификаций Фоменко см.: Отчет ... (2011).

22. <https://rusinst.ru/ob-institute.html>.

стала бы второй Польшей» (lenta.ru, 2016-6)²³.

Царебожию и неоопричному движению удалось создать новый контекст постсоветской политики, укрепив неомедиевальный образ мысли как среди православных иерархов, так и в российском политическом классе — не в последнюю очередь потому, как показал Михаил Суслов, что на идеи Снычева оказал влияние «любимый философ» Путина Иван Ильин (Suslov, 2016-a: 53). Горячей приверженностью культу Николая II известна Наталья Поклонская, занимавшая после аннексии должность генерального прокурора Крыма, а потом ставшая заместителем председателя комитета Государственной Думы по международным делам (*BBC News-Русская служба*, 2017²⁴). Также известен связями с царебожием другой депутат Госдумы, Сергей Аксенов, бывший до 2014 года лидером про-российской партии «Русское единство» в Крыму, а после его оккупации Россией ставший главой Крыма (*МК.RU*, 2017). Может ли быть случайным совпадением, что ключевые фигуры оккупации Крыма оказались связаны с этой сектой?

Опричнина как вызов историографии

Опричнина Ивана Грозного была предметом интенсивных исследований, подробное обсуждение которых не входит в мою задачу. Вместо этого я приведу краткий обзор использования соответствующей историографии в постсоветской политике памяти и рассмотрю как эти историографические концепции отражаются в общественном дискурсе и популярной культуре. Этот анализ позволит выявить взаимосвязи между исторической литературой и религиозными движениями, имевшие первостепенное значение для создания постсоветской мобемории, а так же показать, какую роль постсоветская историография сыграла в нормализации террора, и как на ее развитие повлияли религиозные верования.

23. Интересно отметить, что в примечании 51 на этой странице Богатырев ссылается на статью Шарова «Опричнина Ивана Грозного» (Шаров, 2004).

24. <https://www.bbc.com/russian/features-41801375>

Хотя в историографической традиции девятнадцатого века, к которой принадлежат в частности Николай Карамзин (1776–1826), Николай Костомаров (1817–1885), Сергей Соловьев (1820–1879) и Василий Ключевский (1841–1911), предлагались разные объяснения происхождения опричнины, с тем, что это был режим безжалостного государственного террора, были согласны все. Карамзин считал террор следствием извращенной личности Ивана и подчеркивал его безнравственность и то обстоятельство, что опричников ненавидела вся страна (Карамзин, 1821). Костомаров полагал, что корни и особенности русской абсолютной монархии восходят к татарскому игу и выделял садистскую склонность Ивана к участию в пытках и казнях (Костомаров, 1905: 395–448). Ключевский обличал в опричнине режим бессмысленной жестокости, не имевший ясных политических целей. Оспаривая мнение о том, что преступления Ивана были проявлением его паранойи, а опричнина — следствием этой болезни²⁵, Ключевский отказывался видеть в психическом заболевании оправдание, которое освободило бы Ивана IV от исторической ответственности за его деяния.

Даже Сергей Соловьев, считавший Ивана прогрессивным государственным деятелем и интерпретировавший террор как борьбу царя и созданного им нового сословия — опричников — против бояр, заключал, что опричнина обострила политическую вражду в русском обществе и предопределила то ужасное будущее, которое предстояло России. Соловьев отмечал также нравственное разложение Ивана и полагал, что опричнина

25. Попытки объяснить особенности правления Ивана психическим заболеванием предпринимались в историографии конца девятнадцатого века и время от времени возобновляются и в историографии постсоветской. Например, Сергей Богатырев ратовал за психоаналитический подход к личности и мотивациям Ивана (Богатырев, 1995). К 2020 году взгляды Богатырева изменились настолько, что он согласился с идеями Чарльза Гальперина и Майкла Чернявского относительно искренней набожности Ивана: «Несмотря на то, что они принадлежали к разным конфессиям, Иван IV и Филипп III руководствовались стремлением к тому, что казалось им изначальным, простым, правильным христианством» (Bogatyrev, 2020).

сохранялась в течение всего его царствования, пусть и под другим именем.

В первые годы власти большевиков против этой традиции выступил историк Роберт Виппер, провозгласивший Ивана Грозного гением и предшественником Петра Великого (Виппер, 1944). Виппер объяснял действия Ивана — в том числе и введение опричнины — стратегической целью выхода к Балтике, в результате осуществленной Петром I. Таким образом, создание опричнины было необходимо для централизации государства в условиях «бесконечной войны» Ивана с татарами на юге и с Ливонией на Балтике, на западе. Виппер утверждал в частности, что Филипп был убит потому, что пытался спасти бояр, виновных в измене. Хотя русские историки начала 1920-х годов не придавали значения концепции Виппера, при Сталине она получила поддержку. Кевин М. Ф. Платт показал в своем классическом исследовании апроприации Сталиным Ивана Грозного, что взгляды Виппера были положены в основу реабилитации Ивана в сталинскую эпоху (Platt, 2011: 253).

Сталин хвалил Ивана, опричнину и Малюту Скуратова, бывшего правой рукой царя, за подавление «измены реакционных бояр», которое якобы положило конец феодальной раздробленности страны и способствовало образованию сильного русского государства. Сталину нравилось, когда его сравнивали с Иваном Грозным — инициатором государственного террора на основе единства вождя с народом «против коррумпированных элит и богачей» (Platt, 2011: 189)²⁶. Одиозный советский прозаик Алексей Толстой (1883–1945), бывший пылким последователем сталинской идеологии, также пропагандировал эту интерпретацию в своих произведениях (Толстой, 1972: 449)²⁷. Лучшее всего сталинская реабилитация Ивана отразилась в критических замечаниях Сталина о фильме Сергея Эйзенштейна «Иван

26. См. также: Hellie (1974).

27. Степан Веселовский, который фигурирует далее в этой главе, резко критиковал произведения Толстого об Иване Грозном, в особенности его пьесы «Орел и орлица» (1942) и «Трудные годы» (1943).

Грозный» (1944–1945). Сталину не понравилось, что опричники в фильме были представлены в невыгодном свете, и изображены «как ку-клукс-клан»; в разговоре с режиссером он утверждал, что опричники были «королевским войском», «прогрессивной армией». На этой же встрече Сталин пренебрежительно отозвался об изображении Ивана IV нерешительным правителем, который не осмеливался развернуть террор в полную силу, и хвалил его за то, что тот «ограждал страну от проникновения иностранного влияния». Собственно говоря, Сталин критиковал Ивана Грозного только за то, что тот был недостаточно жесток²⁸. Как мы увидим ниже, впоследствии это замечание сочувственно процитировал Игорь Фроянов. Никакое неодобрение Ивана IV, никакая ирония по его поводу при Сталине не допускались: комедия Михаила Булгакова «Иван Васильевич» (1934–1936), в которой царь переносится во времени в Советскую Россию, прозябала в неизвестности, пока, уже в позднесоветское время, по ней не поставил фильм Леонид Гайдай²⁹.

Доводы Соловьева возродил историк Сергей Платонов (1860–1933), ставший жертвой сфабрикованного НКВД «Академического дела» (1929–1931). Хотя Платонов полагал, что Иван Грозный был выдающимся государственным деятелем своего времени, и утверждал, что репрессии имели благотворный эффект, поскольку они были направлены против бояр, он, тем не менее, считал Ивана злодеем, который — в числе прочих своих преступлений — в молодости разграбил собор Святой Софии в Новгороде (Платонов, 1923: 47). Платонову принадлежит идея о том, что «реформы» Ивана представляли собою колонизацию свободного населения, жившего в так называемом «поле», а опричнина была задумана как земельная реформа, которая должна была лишить

28. Запись беседы с С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный» 26 февраля 1947 года (Сталин, 2006). Анализ фильма см. в: Platt (2019), Neuberger (2018), Neuberger (2019). Нойбергер утверждает, что Эйзенштейн не советует зрителю видеть «хорошее в каждом злодее» (Neuberger, 2019: 304). Культ Ивана Грозного сталинской эпохи — очень хорошо изученная тема, на которой я здесь не буду более задерживаться.

29. «Иван Васильевич меняет профессию» (1973).

русскую аристократию земельной собственности. Он документировал ужасы опричнины и писал, что она была губительной для правления Ивана, предопределила неудачи его внешней политики и к концу его царствования завела Россию в глубокий кризис.

Историк Степан Веселовский не поддержал сталинскую реабилитацию Ивана Грозного. В статье, опубликованной в 1946 году, а также в работе 1963 года под названием «Исследования по истории опричнины», Веселовский утверждал, что опричнина не имела никаких социальных целей и не решила никаких политических задач, а потому не может считаться борьбой нового дворянства, поддерживавшего царя, против бояр. Она привела не к смене политического устройства, но лишь к уничтожению людей, что сделало царствование Ивана одним из самых катастрофических периодов в русской истории (Веселовский, 1963).

Хрущевская кампания десталинизации временно положила конец сталинскому восхвалению Ивана Грозного. Однако марксистская точка зрения, согласно которой опричнина была орудием классовой борьбы, а реакционные бояре действовали в ущерб национальным интересам российского государства, сохранялась в советской историографии 1960-х годов. Эту интерпретацию опричнины разделял, хоть и подчеркивая садистскую жестокость Ивана, Александр Зимин (Зимин, 1964).

В брежневский период, когда образ Ивана Грозного стал средством иносказательной критики сталинизма, позднесоветская историография развивала интерпретацию его царствования как одного из самых разрушительных событий в бурной истории России. Изучая *синодики* (поминальные списки жертв Ивана), всемирно известный исследователь его царствования Руслан Скрынников (1931–2009) убедительно продемонстрировал, что опричнина породила опустошительный, бесцельный террор и погрузила страну в период беззакония, подорвавший русское государство в целом и извративший его политическую культуру:

Принуждение стало неотъемлемой чертой нарождавшейся в России самодержавной системы. При Грозном эта особенность политического строя проявилась наиболее резко.

Скрынников, 1992: 523.

Более того, неуправляемая машина террора в конце концов разложила всю структуру государства:

В обстановке массовых преследований, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел непомерное влияние на политическую структуру руководства.

Скрынников, 1992: 525.

Скрынников показывает, что государственное насилие в России резко контрастировало с более либеральным парламентским правлением ее восточноевропейского соседа, Польско-Литовской Речи Посполитой, где монарха выбирал представительный орган — Сейм. Исследования Скрынникова подтверждают, что единственной целью политики Ивана Грозного было создание режима неограниченной власти над его подданными, которых он натравливал друг на друга, так что единственной движущей силой его правления было насилие. Катастрофические последствия такого режима оставили глубокий след в природе русской монархии и отбросили страну назад в интеллектуальном развитии:

То, что самодержавие родилось в обстановке террора, надолго определило характерные черты складывавшейся политической системы. [...] Террор не сводился к физическому истреблению людей. Опричнина ознаменовалась подлинной катастрофой в сфере идей, идеологической жизни русского общества.

Скрынников, 1992: 526.

По мнению Скрынникова, террор Ивана Грозного свел на нет усилия русского государства по строительству империи и подготовил почву для Смутного времени (Там же: 527–528).

За немногими исключениями (к которым мы еще вернемся) эта либеральная традиция в интерпретации опричнины стала господствующей в советской историографии и продолжилась и

в постсоветское время. В частности такое понимание результатов царствования Ивана Грозного поддерживал Борис Флоря. В исследовании, опубликованном в 1999 году, Флоря заключает, что правление Ивана привело «в конечном итоге к разорению всей страны, сделав ее неспособной отразить наступление своих противников» (Флоря, 2009: 435). Вопреки распространенному мнению о том, что русское общество отвечало на тиранию Ивана молчанием, Андрей Булычев, исследовавший поминовения жертв его террора, заключил, что в эту эпоху проявилась «способность к сопротивлению злой воле государя не только отдельных нравственно здоровых личностей, но и целых коллективов» (Булычев, 2005: 179).

Эту либеральную историографическую тенденцию продолжают исследования Михаила Крома (Кром, 2010; 2018). Центральный тезис Крома состоит в том, что при Иване IV Россия строила типичное для раннего Нового времени государство европейского образца. Земский собор имел черты фамильного сходства с другими «новорожденными» парламентами Европы. Идея общего блага («дело государево и земское»), появившаяся в России в шестнадцатом веке, также была характерна для государств раннего Нового времени, так что тирания Ивана была для русской истории во многом «аномалией». Кром подчеркивает, что «после смерти Ивана IV в стране фактически возникла выборная монархия — форма правления, которую грозный царь откровенно презирал» (Кром, 2018: 198). В построении Крома видно ясное политическое утверждение: в прошлом Россия была нормальной европейской страной и может снова стать таковой. Эта концепция идет вразрез с позицией историка Александра Янова, который видел в опричнине «самодержавную революцию», не позволившую России пойти по европейскому пути. Янов усматривал преемственность между опричниной и большевиками, полагая, что и они, и Сталин проводили свою антизападную авторитарную политику, следуя все той же давней традиции террора (Янов, 1981).

Мистический поворот в историографии опричнины

В конце 1990-х — начале 2000-х годов либеральной историографической традиции бросило вызов новое течение, которое я называю «мистическим поворотом»³⁰. В интерпретации опричнины мистический поворот подчеркивает религиозные мотивы, руководившие Иваном Грозным при установлении опричнины, и ту роль, которую играла в этом процессе православная вера исторических деятелей того времени. Кром, объясняя происхождение этой тенденции, ссылается на усиление научного интереса к средневековому религиозному сознанию (Кром, 2004). В отличие от него Кевин Платт связывает это явление с «религиозным возрождением, которое вызвало к жизни идею канонизации Ивана Грозного в качестве православного святого» и считает его результатом вновь обретенной Россией свободой от цензуры (Platt, 2011: 263)³¹.

Крах коммунистического режима, действительно, привел к исчезновению советского табу на всё религиозное. «Православное возрождение», как его поспешили окрестить, сделало русское православие модной частью постсоветской жизни. Однако, как показали исследования, многие называли себя верующими православными, по сути дела, лишь для того, чтобы утвердить тем самым свою русскость, что далеко не всегда подразумевало понимание даже самых базовых христианских догм и традиций (Митрохин, 2004). Попытки православной церкви заполнить идеологический вакуум, оставшийся после краха коммунизма, сформировали более общий контекст ми-

30. Либеральная традиция сохранилась и в постсоветской науке. Владислав Назаров соглашается со Скрынниковым, добавляя, что опричнина «продемонстрировала функционирование самодержавной власти в обличье террористической деспотии» (Назаров, 2014).

31. Однако Платт согласен с Кромом в том, что «новый сезон» историографии Ивана Грозного начался в 1990-е годы. Он пронципально отмечает, что такие представления национального прошлого сохраняют «давно умолкнувшие голоса, казавшиеся отмершими интерпретации и устаревшие формулировки коллективной идентичности наряду с новыми и новаторскими позициями» (Platt, 2011: 261).

стического поворота в постсоветских исторических исследованиях, в чем можно также увидеть глубокое разочарование в прозападной идеологии.

Еще в позднесоветскую эпоху интерес некоторых российских историков и священнослужителей к истории древней Руси и Византии породил множество каналов общения между этими кругами. Постсоветское «православное возрождение» и тот факт, что некоторые из историков древней Руси оказались верующими православными, еще более укрепил эти связи. Тем временем, все более частые упоминания опричнины в политическом дискурсе и публичных дискуссиях подготовили надежную почву для неомедиевальной политики памяти.

Хотя мистический поворот был не единственной движущей силой превращения опричнины в главный элемент постсоветской мобемори, его вклад был весьма существенным. Для объяснения того радикального изменения интерпретации опричнины, которое произошло в конце 1990-х — начала 2000-х годов, необходимо учесть и влияние царебожия. В то же время, мистический поворот привел к появлению аргументов и идей, которые использовались для подкрепления некоторых догм царебожия, иногда помимо воли участников дискуссии, и быстро проникали в зарождавшуюся неомедиевальную политику памяти.

У мистического поворота были как российские, так и зарубежные последователи, на которые сильно повлияли сталинские взгляды на грозного царя³². Русский эмигрант и американский историк Майкл Чернявский (1922–1973) утверждал, что прозвище Ивана означало не «ужасный» [*terrible*], а «внушающий трепет» [*awe-inspiring*]. Отвергая традиционное мнение о том, что Иван был человеком психологически неустойчивым или

32. О влиянии, которое сталинские взгляды на Ивана оказали на постсоветскую историографию, см.: Platt (2010-b). О сталинском образе Ивана см. также: Clark (2011).

даже больным³³, Чернявский представляет его как личность нового типа, возникшего в шестнадцатом веке как в России, так и в Европе. Эта интерпретация следовала сталинскому дискурсу в отношении Ивана Грозного. Иван, «свободный от старых стандартов», «стоявший над законом человеческим и не зависевший от закона божьего», жил в мире, в котором считались допустимыми любые средства достижения бессмертия. Опираясь на результаты эксгумации тела Ивана, произведенной в 1963 году советским антропологом Михаилом Герасимовым, Чернявский утверждал, что Иван страдал чрезвычайно болезненным заболеванием, вызвавшим у него образование остеофитов, «которые практически сплестили его позвоночник в единое целое». С этой болезнью он «жил в эпоху “грозных” правителей — Ричарда III и Генриха VIII в Англии, Людовика XI во Франции, Филиппа II в Испании, Сиджизмондо Малатесты, Чезаре Борджиа и его отца, папы Александра VI, а также Кристиана II в Дании. Все они были ужасны и *грозны*, и то, что все они жили практически в одно и то же время, не может быть простым совпадением» (Cherniavsky, 1968). Хотя Иван был жертвой своего времени, он, тем не менее, обеспечивал «при помощи жестокого террора [...] правосудие и порядок» (Богатырев, 1995: 211). Идее о том, что этот «внушающий трепет» царь позаимствовал идею террора у своих западных современников, придается немалый вес в неомедиевальном дискурсе постсоветских правых националистов.

Другой американский историк, Эдвард Кинан (1935–2015), утверждал позднее, исходя из лингвистического анализа, что Иван стал «Грозным» лишь через долгое время после смерти, да и то только благодаря уникальному стечению политических обстоятельств:

Царь Московский Иван Васильевич (1530–1584) стал известен под именем «Грозного» [...] только около двух столетий спустя после смерти, когда во все еще находившейся в зачаточном состоянии русской историографии сошлись три элемента:

33. Обзор психологических объяснений правления Ивана Грозного в историографии см. в работе: Богатырев (1995).

врожденная предубежденность против Романовых «старой боярской аристократии» семнадцатого века, западная антиивановская (и по большей части антимосковитская) литературная традиция, основанная на публицистической литературе шестнадцатого века, и свойственная Европе раннего Нового времени практика присваивать правителям прозвища.

Всё это, повторяюсь, не означает, что Иван не был злым; но это совершенно другой вопрос.

Keenan, 2006.

В России мистический поворот предвосхитили труды двух историков, идеи которых относительно Ивана и опричнины в основном не принимались во внимание их коллегами-современниками, — Даниила Альшица и Владимира Шарова. Альшиц (1919–2012), который был больше всего известен как популяризатор русской истории, в том числе как автор нескольких пьес, считал опричнину поворотной точкой истории России. Он утверждал, что опричнина сформировала систему русского самодержавия и для того и была задумана Иваном Грозным. Речь шла не о терроре ради террора, но о построении новой системы власти; не об аномальном событии в русской истории, но об осмысленном результате всей предшествующей истории России, имевшем важные формирующие последствия для государства. Целью опричнины была централизация власти, которую Иван поднял на новый уровень, покончив с феодальной раздробленностью. Поэтому при Иване опричнина так и не закончилась, а лишь сменила название — с опричнины на *двор* (Альшиц, 1988: 112). Взгляды Альшица, которые специалисты его времени по большей части игнорировали, привлекли большое внимание постсоветских поклонников опричнины. Его книги о царствовании Ивана неоднократно переиздавались начиная с 2000-х годов.

Владимир Шаров (1952–2018), романист, начавший свою карьеру как историк, утверждал впоследствии, что был создателем новой и более позитивной интерпретации опричнины: «Я горжусь собственной концепцией опричнины как военно-монашеского ордена, основанного на библейских

началах»³⁴. Его диссертация по опричнине, защищенная в 1986 году в Воронежском государственном университете, в то время не привлекла никакого внимания (Шаров, 1984). Но в начале 1990-х годов его концепция опричнины была представлена им в нескольких лекциях и издана по меньшей мере в двух вариантах, в 1991 и 2003 годах³⁵.

По мнению Шарова, Иван Грозный, проникнувшись ветхозаветной идеей Бога устрашающего и мстительного, хотел, чтобы Москва стала не Третьим Римом, а Вторым Иерусалимом. Шаров полагал, что Иван искренне считал себя истинным помазанником Божиим, богоподобным государем, который может и должен карать своих подданных, — не в последнюю очередь потому, что ему с раннего детства внушали такой образ его власти (Шаров, 2009-б). Для осуществления собственного Страшного Суда царь и организовал своих верных последователей, опричников, в военно-монашеский орден. Гипотеза Шарова следует идее Ключевского о том, что Иван, будучи одержим самолюбием и властью, воображал себя по образу библейских царей (Ключевский, 1988: 181). Однако Шаров утверждал, что представление Ивана о его власти как богоданной было искренним и духовным, порожденным религиозным благочестием, а не жадной неограниченной властью, цинизмом и садизмом, как указывал Ключевский³⁶. Изучая переписку Ивана с Курбским, Ключевский отмечает, что в письмах Ивана «[в]се рабы и рабы, и никого больше, кроме рабов. Курбский толкует царю о мудрых советниках, о синклите [комиссия советников, составленная из представителей аристократии — Д. Х.], а царь не признает никаких мудрых советников, для него не существует никакого синклита, а есть

34. <https://berezin.livejournal.com/957252.html>.

35. В 1989 году — как лекция, прочитанная в Гарвардском университете; первая публикация — в журнале «Родина» (Шаров, 1991); последняя — в Археографическом ежегоднике за 2003 год (Шаров, 2004).

36. Шаров высказывает это мнение и в последней своей книге: (Шаров, 2018-г: 156).

только люди, служащие при его дворе, дворовые холопы» (Ключевский, 1988: 157).

В отличие от Ключевского, Шаров полагал, что Иван действительно верил, будто обладает священным правом карать своих подданных так, как может только Бог. Эта идея, ставшая потом фундаментальной для мистического поворота в историографии, занимает центральное место и в реабилитации Ивана IV, предпринятой Снычевым³⁷. Еще одна черта сходства между концепциями Шарова и Сычева состоит в том, что Шаров, отвергая надежно установленные факты, утверждал, что Иван Грозный был первым миропомазанным русским царем, и что религиозная церемония помазания на царство приравняла его к Христу. Представления Шарова о средневековье, в котором он видит эпоху, отличавшуюся «удивительной цельностью в понимании мира, его сути и назначения», «время абсолютной истины» (Шаров, 2018-г: 143), также очень близко к видению этого периода Бердяевым.

У позиции Шарова есть и другие общие черты с мистическим поворотом в историографии. Он считал, что Иван IV был «склонен трактовать измену Курбского себе³⁸ не как измену вассала сюзерену, а как измену Богу и вере» ([Шаров, 1991: 125] Ср. [Снычев, 2017: 198]). Этот аргумент играет основополагающую роль и в воззрениях Снычева и Фроянова на роль Курбского. В согласии с националистической историографией и вопреки многочисленным доказательствам противоположного Шаров полагал, что Иван был вынужден ввести опричнину из-за

37. «Приучая Русь, что она живет под управлением Божиим, а не человеческим, Иоанн как бы говорил всем: "Как кого ни назови — великим ли князем всяя Руси или Иванцом Васильевым, а царь, помазанник Божий, отвечающий за все происходящее здесь — все же я, и никто не в силах это изменить» (Снычев, 2017: 218).

38. Князь Курбский, близкий друг юности Ивана, бежал от его гнева в Ливонию, тем самым став, можно сказать, первым русским политическим диссидентом в изгнании.

«многочисленных заговоров» против него³⁹. Развивая эту концепцию личности Ивана и его мистических мотивов, Шаров утверждал, что Иван хотел объединить Иерусалим и Русь в новой Святой земле, подчиненной его власти. Установление контроля над Ливонией (бывшими землями Тевтонского ордена, ныне в составе Эстонии и Латвии) было, по его мнению, частью этой геополитической головоломки и причиной, по которой Ивану был нужен военно-монашеский орден, казавшийся «Грозному идеальным решением всех стоящих перед ним проблем, идеальным способом организации военного сословия России» (Шаров, 2004: 127).

С этой точки зрения опричнина была не террористической тайной полицией, учрежденной Иваном для истребления подданных и конфискации их имущества по собственному усмотрению, а организацией со священной миссией, монашеским орденом, который действовал, исходя из взвешенных решений его членов, и вдохновлялся их истинной и искренней верой. Шаров заключает, что Иваном двигало чувство «ответственности за судьбы России»⁴⁰. Ввести же опричнину царя побудило недовольство теми, кто разделял с ним эту ответственность⁴¹. Как мы видим, эти предположения

39. «[П]еревести“ всю систему государственных отношений на религиозную основу Грозный пытается за считанные годы. Эта чрезвычайная ускоренность реформ связана с многочисленными заговорами, а также военными неудачами России, свидетельствовавшими не только о разложении старой государственной системы, но, главное, о том, что Бог отвернулся от своего избранного народа» (Шаров, 2004: 126). Однако Скрынников и другие исследователи показывают, что никаких достоверных свидетельств о существовании таких заговоров нет.

40. Это же суждение он повторяет в позднейшей статье «Переписка Ивана Грозного (1530–1584) с Андреем Курбским (1528–1583)» (Шаров, 2018-г: 151). Эта статья была впервые опубликована в другом сборнике издательством «Лимбус Пресс», известном своими правыми симпатиями, в 2014 г.

41. «Ивана IV полностью не устраивал весь комплекс отношений, сложившихся между ним и другими “властями”, с которыми он исторически принужден был делить ответственность за судьбы России» (Шаров, 2004: 123).

относительно мотивации Ивана — за исключением, может быть, идеи объединения России с Иерусалимом вместо притязаний на византийское наследие в качестве Третьего Рима — очень близки мнениям Снычева об Иване и опричнине. Концепция Шарова о центральной роли, которую сыграло осознание царем его священной миссии для создания опричнины, в то же время является важнейшим элементом защиты опричнины Снычевым. В публицистических статьях Шаров продолжал называть опричнину «реформой» и утверждал, что в идеологии «Москва — Третий Рим» Россия и есть «новая Святая земля», а «русский народ — единственный сохранивший истинную веру, новый народ Божий, а также русских царей — Его заместителей на земле» (Шаров, 2018-г: 257). Эта миссия, по его мнению, позволила «стране в относительной гармонии прожить почти полтора века, в частности, без особых потерь восстановить царство после Смутного времени» (Там же). Таким образом, опричнина оказывается частью «гармоничного прошлого» России.

Трудно сказать, был ли Снычев знаком со взглядами Шарова на опричнину, но он мог узнать о них из статьи Шарова, исходно опубликованной в 1991 в журнале «Родина», имевшем националистскую репутацию. Кроме того, взгляды Шарова на опричнину были представлены в нескольких публичных лекциях, прочитанных до 1991 года.

Чтобы лучше понять контекст построений Шарова, следует добавить, что образ рыцарского ордена — одно из самых распространенных в России клише о средневековой Европе. Хотя некоторые из этих орденов воевали против Руси, для русских они до сих пор символизируют военную мощь и верность. Этот стереотип вероятно побудил Сталина назвать советскую Коммунистическую партию «орденом меченосцев» (Сталин, 1947: 71). Эти тропы могли повлиять на концепцию Шарова, превратившись в метафору опричнины.

В своих исторических работах Шаров оспаривает иностранных мемуаристов, оставивших свидетельства о жизни

в Александровской слободе, и «сожалеет» о том, что они увидели в этом «монастыре» доказательства цинизма и извращенности Ивана:

[З]аписки иностранцев, рисуящие жизнь в Александровской слободе, давно и хорошо известны историкам, выдержки из них можно найти практически в любой монографии, посвященной царствованию Ивана IV. Однако во всех этих работах Опричный монастырь используется, к сожалению, единственно как яркий пример особой извращенности царя.

История военно-монашеских орденов, их решающая роль в поддержке и укреплении власти иерусалимских королей, их великолепные боевые характеристики не могли не натолкнуть Грозного на убеждение, что эти преимущества (в сравнении с обычным рыцарством) объясняются в первую очередь религиозным характером и теснейшим соединением в этих орденах военной и монашеской службы [...] Военно-монашеские ордена должны были показаться Грозному идеальным решением всех стоящих перед ним проблем, идеальным способом организации военного сословия России — новой Святой земли. Воинство, в свое время созданное исключительно для защиты и распространения истинной веры, было именно тем, в чем нуждалась Россия. Записки иностранцев, описывающие жизнь в Александровской слободе — столице опричнины, а также, с одной стороны, те права и привилегии, а с другой — ограничения, которые налагались на опричников, рисуют картину, весьма схожую с бытом военно-монашеских орденов⁴².

Шаров, 2004: 129, 127.

А вот как описывает, следуя историческим источникам, «благочестивую жизнь» в Александровской слободе Ключевский:

[Ц]арь устроил дикую пародию монастыря, подобрал три сотни самых отъявленных опричников, которые составили братию, сам принял звание игумена, а князя Аф[анасия] Вяземского облек в сан келаря, покрыл этих штатных разбойников монашескими скуфейками, черными рясами, сочинил для них общежительный устав, сам с царевичами по утрам лазил на колокольню звонить к заутрене, в церкви читал и пел на кли-

42. Ср. эти пассажи с изложением Снычева в работе: Снычев (2017: 217).

росе и клал такие земные поклоны, что со лба его не сходили кровоподтеки. После обедни за трапезой, когда веселая братия обедалась и опивалась, царь за аналоем читал поучения отцов церкви о посте и воздержании, потом одиноко обедал сам, после обеда любил говорить о законе, дремал или шел в застенки присутствовать при пытке заподозренных.

Ключевский, 1988: 166–167.

Как показывают Платт и Бранденбергер, тезис о том, что негативное видение Ивана IV было плодом западных наветов, широко распространилось в период сталинской реабилитации Ивана Грозного⁴³. В этой идее Шарова тоже подходят очень близко к суждениям Снычева, а также к высказываниям в докторской диссертации и публичных заявлениях Мединского.

Не приводя никаких существенных доказательств, статья Шарова пытается оспорить основанное на источниках утверждение о том, что опричный «монастырь» был святотатственной имитацией церковных ритуалов, происходящей из предложенного Ключевским определения опричнины как богохульного маскарада (Шаров, 2004: 130). В постсоветской историографии Сергей Богатырев, следуя за Дмитрием Лихачевым, уточняет, что «это уже не карнавал в том классическом понимании, как рассматривал его М. М. Бахтин», а, возможно, ««пороговое явление», которое исследователи связывают с карнавалом и одновременно соотносят с такими невеселыми реалиями, как сицилийская мафия и Ку-Клукс-Клан» или то, что Лихачев, говоря о советских лагерях, называет «антимиром» (Богатырев, 1995: 302)⁴⁴.

Статья Шарова 1991 года была вновь опубликована в 2003, когда мистический поворот стал важным историографическим

43. Platt & Brandenberger (2006) приводят английский перевод «Записки секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова И. В. Сталину о пьесе А. Н. Толстого «Иван Грозный»» от 28 апреля 1942 г. (*Гласность*, 1991).

44. Интересно отметить, что Богатырев ссылается на статью Шарова «Опричнина Ивана Грозного» (Богатырев, 1995: 302, примечание 51; Шаров, 2004).

трендом. Вдова историка, Ольга Дунаевская-Шарова, вспоминает, что «ведущий российский специалист по опричнине» Сигурд Шмидт (1922–2013) одобрил его работу и согласился опубликовать ее на том основании, что «[п]ора восстановить приоритеты» (Дунаевская, 2020: 14).

Ниже я рассмотрю отношения Шарова с Русской православной церковью и ее сектами, и мы увидим, что художественные и историко-научные произведения Шарова дают интересный пример для изучения формирования мобемори. Пока что читателю нужно знать, что его покровитель Сигурд Шмидт был сыном героя сталинской эпохи Отто Шмидта, с которым отец Шарова Александр, бывший спецкором «Известий» во время Большого террора, мог быть знаком по его арктической экспедиции 1937 года. Карьера Шмидта-младшего, советского историка и аппаратчика, началась в 1939–1940 годах, когда он, будучи аспирантом Михаила Тихомирова, работал над популярной темой того времени — Иваном Грозным в Александровской слободе. Хотя при Брежневе Шмидт критиковал сталинские подходы к исследованиям Ивана Грозного, он выступал против «отказа от достижений советской историографии» сталинского времени. В своих трудах он осуждал опричнину, но в публичных лекциях 2000-х годов отмечал, что Иван жил в жестокие времена, и сравнивал его террор с жестокостью шекспировских трагедий и казнями в царствование Генриха VIII. Он представлял «театрализацию» опричнины отражением характера Ивана и утверждал, что Иван был человеком истинно и искренне верующим несмотря на его садистские наклонности (Телеканал «Культура», 2015). Теория Шмидта относительно заговоров, окружавших смерть Феодора Иоанновича, сына Ивана (Шмидт, 1999: 3), созвучны мистическому повороту в историографии и, что неудивительно, вызвали позитивную оценку у Фроянова. Вполне может быть, что идеи Шмидта повлияли на восприятие Ивана Шаровым.

Статья Андрея Каравашкина и Андрея Юрганова «Опричнина и Страшный суд», основанная на их предыдущих работах,

обозначила переломный момент в формировании мистического поворота и в то же время стала дополнительной опорой для ультраправых идеологических манипуляций с исторической памятью опричнины (Каравашкин & Юрганов, 2003). Авторы этой работы предлагают поверить в искренность Ивана Грозного и считать его истинно верующим человеком, деятельность которого направлялась его верой. Иван ожидал Второго пришествия в 7070 (1562), а затем в 7077 (1568 или 1569) году и решил помочь российским жителям подготовиться к Страшному суду, создав опричнину, которая обеспечивала им муки чистилища еще в этой жизни (Каравашкин, 2000)⁴⁵. Связывая опричнину с православной доктриной Страшного суда, Каравашкин и Юрганов подчеркивают, что эсхатологические верования были тесно переплетены в России с представлениями о природе власти царя как помазанника Божьего. Не Запад, но «[в]ся русская история, создавшая особый тип сакрализованной монархии, подвела его [Ивана — Д. Х.] к мысли начать собственную борьбу со злом, как он его понимал» (Каравашкин & Юрганов, 2003: 87).

На Каравашкина и Юрганова в свою очередь оказал влияние маститый русский медиевалист Арон Гуревич, представлявший в России подход близкий к французской школе «Анналов». «Герменевтический» подход «Анналов», ставший развитием немецкого историзма, предполагает понимание каждой культуры в ее собственном контексте. Но последователи школы «Анналов» никогда не применяли эту идею к кровавым тиранам. Каравашкин же и Юрганов, напротив, использовали именно этот подход для обоснования идеи о том, что Иваном Грозным руководила не его собственная склонность к зверствам и не жажда неограниченной власти, а вера в то, что опричники были «праведной сил[ой], исполняющей волю

45. Юрганов предполагал в своих предыдущих работах, что Иван верил в наступление Страшного суда в 1562 году и создал опричнину, чтобы заранее очистить русский народ от его грехов. Работа Юрганова «Опричнина и Страшный суд» была включена в книгу Юрганов (1998).

царя и Божью» (Там же: 103). По их мнению, Иван искренне стремился к «утверждению истинного “благочестия” не только во спасение собственной души, но и душ тех грешников, которых он обрекал на смерть». Предположение, что средневековый человек был не в состоянии провести ясного различия между политикой и религией, побуждает авторов этой работы заключить, что опричнина была явлением сакральным и ритуальным, «своеобразной мистерией веры», организованной по образу и подобию Страшного суда, а не отражением неистового политического прагматизма и деспотического террора (Там же: 103–104, 107). Особый упор, который авторы делают на благочестивую религиозность средневекового сознания, якобы понятой в ее собственных терминах, позволяет им использовать распространенность эсхатологических мотивов в качестве главного оправдания чудовищного насилия, несмотря на то, что в других работах Юрганов и называет Ивана жестоким тираном⁴⁶.

Однако Каравашкин и Юрганов никак не объясняют тот факт, что казни обычно производились так, чтобы лишить жертвы и их родственников возможности исполнить погребальные обряды, которые православная церковь считает необходимыми для спасения души. Иван выбирал даже особые способы казни, которые делали умерщвленных им «нечистыми», тем самым лишая своих жертв надежды на спасение⁴⁷. Не объясняют авторы и того, как вписываются в эту картину надежно подтвержден-

46. См. также: Юрганов (1991), Кобрин & Юрганов (1991), Каравашкин & Юрганов (2003). Критикуя «Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности» Каравашкина и Юрганова, Михаил Кром связывает их подход с подходом тех историков, в том числе И. Данилевского и А. Алексеевой, которые, начиная с 1990-х годов, обращали пристальное внимание на древнерусское религиозное сознание и его эсхатологические верования (Кром, 2004: 317). См. также: Кобрин (1989).

47. Предположение о том, что Иван IV использовал особые похоронные ритуалы, чтобы превратить своих мертвых врагов в «нечистых мертвецов», тем самым делая спасение их душ невозможным с точки зрения догм православной церкви, рассматривал Булычев: Булычев (2005: 17).

ные документами случаи пыток, изнасилований и убийств женщин и детей⁴⁸.

Популярность мистического поворота для оправдания опричнины побудила других исследователей поставить под сомнение православную набожность Ивана Грозного и предположить, что им руководили языческие традиции древней Руси. «Полуязыческая» вера Ивана придавала магическое значение царским проскрипциям и его обращению с мертвыми. Андрей Булычев развил эту аргументацию, объясняя жертвоприношения, которые Иван давал церкви на поминание своих жертв, его суеверной натурой (Булычев, 2005: 108–151).

Мистический поворот активно лоббируют ультраправые постсоветские историки, упорно утверждающие, что опричнина была принципиально важной и позитивной составляющей для защиты православного христианства от «Запада». Под их пером опричнина предстает организацией, выполнявшей христианскую миссию России под руководством благочестивого царя. Бывший декан исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Игорь Фроянов (1936–2020), известный своими ультраправыми взглядами, вывел эти представления на новый уровень. На протяжении большей части своей научной карьеры он специализировался по истории Киевской Руси (девятого–двенадцатого веков). В начале 1990-х годов он начал публиковать антисемитские книги по советской истории⁴⁹, а в 2000-х переключился на Ивана Грозного. Яростно критикуя взгляды Скрынникова на опричнину и восхваляя ее как жизненно необходимый политический институт, история которого восходит к предшествующим этапам истории России,

48. Возражение против идеи «священного насилия» Ивана, выдвинутое Нэнси Шилдс Коллманн, состоит в том, что его предполагаемой целью было восстановление социального равновесия и стабильности. Однако разрушительное насилие опричнины находилось «вне норм», что сделало его «произвольным, недолговечным и дестабилизирующим в своей основе» (Kollmann, 2017).

49. См., например: Фроянов (2002).

Фроянов настаивал на двойственной — религиозной и политической — природе опричнины (Фроянов, 2007; 2009-б).

В его построениях нетрудно увидеть связь с царебожием. Сторонники царебожия постоянно интерпретируют «ересь жидовствующих» как войну, которую Запад вел против Руси в шестнадцатом веке; для сражений этой войны и была образована опричнина. Фроянов положительно отзываясь о Снычеве, который, несомненно, оказал на него влияние. Например, измышление Снычева о том, что Польша и Литва экспортировали ересь жидовствующих на Русь, намереваясь извратить русское православие, в конце концов оказалось и в работах Фроянова (Снычев, 2017: 165–68)⁵⁰, а те в свою очередь стали важным источником концепции Мединского об извечной информационной войне Запада против России. Так апологеты новой опричнины обрели видимость академической респектабельности, которой им так явно не хватало.

Фроянов утверждал, что опричнина была единственным способом пресечь заговор, целью которого было изменить религиозные и правительственные системы России по образцу западных монархий. Протопоп Сильвестр и Алексей Адашев пытались помешать национальному развитию России, ограничив самодержавную власть царя и реформировав Русскую православную церковь. Однако Иван раскрыл этот заговор против русской веры и русского государства и сурово покарал их обоих. Осуждает Фроянов и бояр, которые, подобно Курбскому, бежали от гнева Ивана в Литву или Польшу, и объединяет Курбского, Сильвестра и Адашева под одной рубрикой, ибо они, якобы следуя приказам своих западных хозяев, старались насадить на Руси ересь жидовствующих, чтобы уничтожить «русское христианство». Завершает же Фроянов свою книгу заявлением, созвучным некоторым из его более ранних антисемитских утверждений:

50. Фроянов одобрительно цитирует митрополита Иоанна (Снычева) в работе Фроянов (2007: 62).

[Д]еятельность [секты жидовствующих], направленная [...] против самодержавия, апостольской церкви и православной веры поставила Россию на грань национальной катастрофы. Речь по существу шла о переменах, равных ликвидации этих главнейших основ Святой Руси. Необходимы были самые решительные меры, чтобы удержать Русское государство от падения. Поворот к Опричнине стал неизбежным.

Фроянов, 2009-б: 559.

Подход Фроянова, полный идеологических клише и журналистских штампов путинской пропаганды, красноречиво иллюстрирует его стремление представить опричнину в качестве правомерного сценария для современной политики. Он обвиняет «Запад» в попытках «запятнать русский народ антихристианскими ересями». В интервью, которое Фроянов дал в период бурных дебатов вокруг фильма «Царь» Павла Лунгина, (о котором пойдет речь ниже), он выразил свои намерения еще более прямо:

Иван Грозный вступил в борьбу за веру, за Церковь и за самодержавную власть. Он не мог не вступить в эту борьбу ещё и потому, что все три названные мною явления тесно и органически соединены [...] Так что опричнину надо воспринимать как форму борьбы, как институт, как учреждение, обеспечивающее государственную безопасность.

Русская линия, 2009⁵¹.

Профессор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Вячеслав Шапошник также поддержал в книге, изданной в 2006 году, идею о том, что политика Ивана IV была обусловлена его верой, а опричнина была необходимой мерой для завершения создания православной самодержавной монархии (Шапошник, 2006-б)⁵². Важно отметить, что одним из вдохновивших его источников Шапошник называет Ивана Снычева.

51. <https://rusk.ru/st.php?idar=185760>

52. Позиция Шапошника ясно отражена и в другой его книге: Шапошник (2006-а: 456–458).

Реабилитация Ивана и коммерциализация антигуманизма

В 2000-е и 2010-е годы опричнина стала модной темой в историографии и популярной темой диссертаций по истории⁵³. Ею — рассматриваемой в основном сквозь призму «православно-христианского мировоззрения» — изобилуют публикации постсоветских историков, один из которых, например, заявляет, что Россия противостоит неправославному миру, «тонущему» в идеологии потребления. Следовательно, чтобы исправить это положение, России нужна «современная опричнина» «вселенского масштаба», так как Россия одна дает отпор всему миру (Лагунов, 2018).

Защите опричнины и реабилитации Ивана Грозного посвятил свои публикации и выступления в СМИ и профессор Московского государственного университета Дмитрий Володихин, один из главных поборников мистического поворота (Володихин, 2010). В своей книге 1994 года (написанной в соавторстве с Дмитрием Александровым) Володихин утверждал вслед за Робертом Виппером, что опричнина была результатом военной реформы, задуманной для подготовки страны к Ливонской войне, и дала России обученное войско, способное противостоять военной агрессии «Запада» (Володихин & Александров, 1994: 102)⁵⁴. В 1997 году, в попытке дать своей позиции дальнейшее обоснование, Володихин издал книгу, посвященную покойному Роберту Випперу, пропагандировавшему культ Ивана Грозного в его сталинском изводе (Володихин, 1997)⁵⁵.

53. Например, Игорь Данилевский «подтвердил» гипотезу Юрганова, приводя тот довод, что летописцы видели в Иване Грозном нового Иисуса, призванного «очистить» русский народ в преддверии Страшного суда (Данилевский, 2017: 35). См. также: Лагунов (2018), Иванников (2017) и учебное пособие: Каштанов & Стоярова (2020).

54. О переиздании книги Виппера и его апологии у Володихина см.: Platt (2011: 254–56).

55. О воскрешении Виппера в постсоветской историографии см.: Platt (2010-b).

В 1999 году Володихин, пишущий также научно-фантастические книги, основал литературную группу «Бастион», которая поддерживает писателей сходного образа мыслей и претендует на роль консервативного аналитического центра. Он относит эту организацию к разряду «многочисленных попыток скорректировать общественное мнение при помощи [научно-фантастического] романа» (Suslov, 2016-b). По словам Суслова, «Бастион»

не только выпускает художественную литературу, но и служит рассадником нехудожественных манифестов и программных статей, культивирующих такие ценности, как имперский порядок, традиционализм, православный фундаментализм, антиглобализация, монархизм и национализм.

Suslov, 2016-b: 567–568.

В 2010-х годах Володихин продолжал утверждать, что опричнина была результатом военно-административной реформы, чрезвычайным проектом по созданию сильного войска под командованием способных начальников. Но к этому времени он признавал также, что впоследствии опричнина превратилась в «террористическую организацию» и действительно с удовольствием терроризировала своих жертв по приказу Ивана.

Однако в унисон с оформлением кремлевской политики памяти позиция Володихина становилась все более радикальной. В 2018 году он опубликовал новую биографию, «Иван IV Грозный. Царь-сирота», в которой разоблачал как «ультраконсервативные», так и «либеральные» мифы, окружающие Ивана IV. Эта книга, оправдывающая бесчеловечность Ивана, повторяет, что он не задумывал опричнину в качестве орудия террора. Признавая, что Иван действительно был чрезмерно жесток, что такую жестокость невозможно извинить, что опричнина была в конечном счете «реформой» неудавшейся, Володихин тем не менее остается при своем убеждении, что она была полезным институтом, породившим остро необходимую социальную мобильность, которая в долгосрочной перспективе пошла России на пользу. Вопреки всем фактам,

он представляет Ивана человеком, заслуживающим сочувствия читателя, — несчастным сиротой, несостоявшимся мастером, обстоятельства жизни которого сложились так, что, дает понять Володихин, любой на его месте ожесточился бы. Короче говоря, яростные репрессии Ивана изображены как эмоциональный срыв одинокого, лишенного внимания ребенка (Володихин, 2018: 172–73)⁵⁶. Настойчивые заявления Володихина о несчастливом детстве и художественном даре Ивана напоминают изображение молодого Гитлера в фильме Менно Мейеса (2002), наделавшем в России немало шума. Собственно говоря, его реабилитация Ивана Грозного сходна с образами других кровавых чудовищ, в том числе сталинских палачей и нацистских преступников в современной популярной культуре и научном дискурсе⁵⁷.

Отдавая в этой биографии Ивана дань уважения Снычеву, Володихин вступает на почву конспирологической теории, не приводя никаких подкрепляющих ее новых исторических данных. Как исчерпывающе продемонстрировал Скрынников — и признавал в своих предыдущих книгах сам Володихин, — никаких исторических доказательств боярского заговора против Ивана IV у нас нет.

Володихин берет за основу тезис Чернявского, но идет на шаг дальше, утверждая, что опричный террор был скопирован Иваном со стандартов его времени — а то и навязан ему этими стандартами. Поскольку русские якобы по натуре добры, то до Ивана IV никаких массовых репрессий на Руси не существовало, но «западная жестокость заразила и Россию»: другими словами, Иван научился бесчеловечности у Торквемады, Марии Тюдор, герцога Альбы и т. п. Подобно многим постсоветским ультраправым идеологам Володихин обвиняет Запад в том, что «[п]олитическая культура Западной Европы [...] отличалась гораздо большей жестокостью, нежели русская»:

56. Об Иване — несчастном сироте см.: Шаров (2018-а: 157–159).

57. См., например: Кхараева (2021).

Западная Европа вознамерилась преподнести Европе Восточной урок: убивайте! Убивайте больше! [...] Не стесняйтесь количеством жертв! Забудьте о заповеди «Не убий!». Преодолейте ее в себе! Бог потом разберется, были среди пострадавших невинные или нет.

У нас, в России, этот урок оказался, по всей видимости, воспринят как руководство к действию. Русская политическая культура оказалась инфицированной. Вирус массовых казней вошел в нее, жил и действовал в ней с разной интенсивностью до совсем недавнего времени.

Володихин, 2018: 181.

Монография, выпущенная Володихиным в 2018 году и вторившая заявлениям Мединского о том, что западные мемуаристы шестнадцатого века создали злопыхательский «миф» об Иване IV, была жестоко раскритикована в нескольких рецензиях. Рецензия Виктора Дашевского и Семена Чарныя указывала на многочисленные ошибки в аргументации Володихина, решительно осуждая его пренебрежительное и неточное изложение историографии и выборочное использование исторических источников. Другие рецензии приводят множество доказательств того, что мнения Володихина, в особенности относительно влияния «западноевропейской жестокости» на Ивана и утверждения о том, что тот узнал о терроре от Европы, совершенно безосновательны (Дашевский & Чарный, 2019). Константин Ерусалимский также отмечает, насколько сильно на володихинскую концепцию опричнины повлиял Снычев⁵⁸. Тем не менее, как мы увидим ниже, володихинская интерпретация Ивана и опричнины до сих пор используется в дискурсе ультраправых националистов и других поклонников Ивана и энтузиастов новой опричнины в качестве «исторического доказательства» их построений.

Параллели между идеями Снычева и националистическим, антилиберальным дискурсом Володихина, Фроянова и других историков позволяют заключить, что царебожие получило

58. О тесных связях между концепциями Володихина и Снычева см.: Ерусалимский (2020).

мощную поддержку благодаря историографии Ивана Грозного и опричнины. Как мы увидим ниже, взгляды Юрганова и Каравашкина на Ивана также были успешно использованы националистами.

Свой вклад в мистический поворот внес и Александр Филюшкин, также из Санкт-Петербургского государственного университета. Филюшкин развивает рассуждения Мединского об описаниях зверств Ивана иностранцами, давая понять, что русские придания об ужасах опричнины «созданы по иностранным источникам» и основаны на «слухах и легендах». Применяя, хоть и не называя его прямо, постколониальный дискурс и используя термин «исторический код Московской Руси», напоминающий о мистических «кодах» русской культуры Проханова, Филюшкин обвиняет «европейские представления [...] и ценности» в искажении образа России, так как

представления о стране были основаны на кодах и ценностях Европы начала Нового времени. В самом конце пятнадцатого века «Европа открыла Россию» путем создания целого комплекса трудов о России — европейской ее части, — составленных иностранцами. Однако исследования показывают, что информацию из этих источников нельзя понимать буквально, и следует учитывать контекст их появления, искажения и перекондиционировки информации.

Filyushkin, 2021: 388⁵⁹.

Следовательно, чудовищный образ Ивана, ставший «столь сильным стереотипом, что освободиться от его влияния очень трудно», создали именно европейцы (Там же: 393).

Особенную пользу постсоветской мобмемори приносят некоторые заявления иностранных исследователей. Возможно, лучший пример интернационализации мистического поворота можно найти в трудах американского историка Чарльза Гальперина, ученика Чернявского. Реабилитацией Ивана проникнута вышедшая в 2019 году монография Гальперина *Ivan the Terrible:*

59. Ср. *История РФ. Главный исторический портал страны...*, 2020

Free to Reward and Free to Punish [«Иван Грозный: волен награждать и волен карать»], амбициозное исследование, призванное охватить «все аспекты царствования Ивана» и, в точности как книга Володихина, поставившее своей целью развеять «все мифы, окружающие Ивана» (Halperin, 2019). Однако этим общность подходов Володихина и Гальперина не исчерпывается. Вслед за Чернявским Гальперин поддерживает тезис о том, что правление Ивана вообще и его террор в частности имеют много общего с царствованиями его европейских современников, в особенности английского короля Генриха VIII, в результате чего кажется, что Иван, как пишет в рецензии на книгу Гальперина Гэри Сол Морсон, «был плох, но не хуже других правителей того времени» (Morson, 2020). Гальперин утверждает, что опричнина, способствовавшая социальной мобильности, коренится в подъеме новой социальной группы, которую он называет словом *gentry* [джентри — нетитулованное мелкопоместное дворянство] тем самым подразумевая ее сходство со средним слоем английского дворянства, который, согласно некоторым интерпретациям, Генрих VIII использовал в своей борьбе с аристократией. «Раздраженные» и «встревоженные» неблагоприятными экономическими и социальными обстоятельствами, эти опричники-джентри в ответ развязали террор.

Отзывы на книгу Гальперина в англоязычных научных изданиях были противоречивыми. На специальном форуме, организованном журналом *Russian History*, рецензент отметил недостаточность источников для подтверждения его главного утверждения: чтобы обосновать теорию Гальперина о том, что «в развязывании массового террора были виновны опричники-джентри, действовавшие вопреки намерениям Ивана», необходимо более широкое исследование истории Московского царства (Martin, 2020). Другой рецензент указывал, что Гальперин воскрешает «парадигму “ренессансного князя” Майкла Чернявского». В частности, он отмечал, что Гальперин ставит под сомнение источники, рисующие юного Ивана «кандидатом в чудовища» (Goldfrank, 2020). Сходные наблюдения сделал и

Гэри Сол Морсон⁶⁰. Морсон приводит убедительный довод, что историки считают политику Ивана произволом в основном потому, что «хотят увидеть в ней определенную цель», тогда как «главной целью Ивана была попросту стремление исполнять свою волю без всяких ограничений». Сравнивая Ивана со Сталиным, Морсон утверждает, что у ненасытной жажды власти Сталина были хотя бы какие-то идеологические цели, а в случае Ивана никаких целей не было вообще⁶¹.

В противоположность этим критическим рецензиям два российских историка — ученик Фроянова Андрей Дворниченко, ставший его преемником на посту декана исторического факультета СПбГУ, и Вячеслав Шапошник — горячо хвалили книгу Гальперина и его «новую интерпретацию

60. «То и дело преуменьшая ответственность Ивана за его действия — и отрицая, что он этим занимается, — Гальперин утверждает, что ужасы опричнины “несомненно не входили в намерения Ивана”, а были “побочным продуктом”, начали жить собственной жизнью, как часто бывает с террором. Я не думаю, что мы можем быть уверены относительно намерений Ивана, но эта теория кажется особенно сомнительной. [...] В этом же духе Гальперин полагает, что, хотя “Иван решал, какие пытки применять, к кому и как часто [...] сам он никогда не применял огня или других пыточных орудий”, в то время как свидетели говорят об обратном. Гальперин обосновывает это положение тем единственным соображением, что “физически пытать своих подданных было, вероятно, ниже его императорского достоинства“. Отчего же Иван посчитал бы ниже своего достоинства одно, но не другое? Даже если считать, что между участием в пытках и разработкой пыток, отдачей распоряжений о них и управлением ими есть разница, есть ли какая-либо разница с этической точки зрения?» (Morson, 2020).

61. «Сталин тоже использовал произвольный террор, в рамках которого людей арестовывали просто для выполнения плана, и обрел способность делать все, что ему вздумается. Но, в отличие от Ивана, он делал это ради достижения целей, имевших идеологическую основу. Иван желал неограниченной власти ради нее самой [...] Некоторые из персонажей Достоевского стремятся стать тем, что Иван Карамазов называет “человеко-богом”, существом, воля которого будет абсолютно ничем не ограничена: “Для Бога не существует закона! Где станет Бог — там уже место Божие!” К этому состоянию и стремился Иван Грозный, не ради достижения каких бы то ни было конкретных целей, но как к наивысшей цели самой по себе» (Morson, 2020).

опричнины». Особенное восхищение вызывало у них отличие позиции Гальперина от точки зрения «многих зарубежных ученых» и «объективный подход, которого придерживается Гальперин, изучая эту [...] “наболевшую” тему» (Дворниченко & Шапошник, 2020). Энтузиазм Дворниченко и Шапошника можно объяснить тем, что в данном случае независимый американский исследователь высказывает идеи, близкие тем, которые постоянно использует в своей неомедиевальной политике памяти Кремль.

Гальперин продолжил реабилитацию Ивана в своей следующей книге, *Ivan the Terrible in Russian Historical Memory Since 1991* [«Иван Грозный в русской исторической памяти после 1991 года»] (Halperin, 2021: 29). В ней он соглашается с аполгией Ивана у Чернявского и заверяет читателей, что зверства были соразмерными исторической эпохе (правда, на этот раз не ссылаясь ни на какие исторические источники), причем позиция Гальперина оказывается очень близка к точке зрения Володихина и, как мы увидим дальше, к логике теоретиков новой опричнины:

Число насильственных действий, за которые был ответственен Иван, было достаточным, чтобы его можно было назвать жестоким, но свидетельства о его садизме сомнительны. [...] Московское описание одного из допросов опровергает сообщения иностранцев о физическом участии Ивана в пытках. Рассказы о его зверствах, в том числе обвинения в изнасилованиях, по большей части представляют собою клише. Насилие этого царя кажется «хуже» того, что совершалось повсюду в Европе шестнадцатого века, — Варфоломеевской ночи, подавление голландского восстания против Испании, Крестьянской войны в Германии, испанской инквизиции, — потому что историки считают его действия бессмысленными и произвольными, то есть не могут объяснить их такими «рациональными» причинами, как религиозная нетерпимость, национальная вражда или классовая борьба. Эта интерпретация не отражает ничего кроме нашего незнания мотивов Ивана.

Halperin, 2021: 25.

Эта логика весьма созвучна концепции информационной войны (*Правмир*, 2016). Гальперин приписывает образ Ивана как «богоданного самодержца, источник правосудия и благочестия» русским, жившим в его царствование, а образ «чудовищного деспота и тирана» — антирусской военной пропаганде, а именно, публицистическим памфлетам, ливонским хроникам, сообщениям иностранцев и «Истории великого князя Московского», написанной Курбским. Тем не менее, хотя Гальперин заявляет, что его цель — охватить «как можно более широкий спектр нехудожественных публикаций об Иване в России, в научных и популярных монографиях, учебниках, обзорах профессиональной литературы и пропагандистских материалах», в его книге нет ни одного упоминания Мединского или его концепции информационной войны⁶². Собственно говоря, Гальперин полностью игнорирует российскую официальную неомедиевальную пропаганду Ивана, сожалея при этом, что его «личность, его колоссальный образ, его харизма остаются невидимыми» для «непосвященного читателя» в современной России (*ibid.*: 177–78). Полностью разделяя восхищение Иваном Чернявского, Гальперин восхваляет личность царя и заключает свою книгу, заявляя, что Иван «привлекает такое большое внимание потому, что источники по его царствованию представляют нам персону, требующую такого большого внимания», а вовсе не потому, что его царствование было первым в русской истории экспериментом в области государственного террора⁶³. Оправдание Ивана Грозного приводит Гальперина к выводу, необычному для американского исследователя, но типичному для российских почитателей Ивана, побуждая его увидеть позитив-

62. Несмотря на его заявление, что «учитывать следует не только “серьезные” работы, но все работы об Иване» (Halperin, 2021).

63. «Иван IV шествует по истории Московского царства шестнадцатого века как гигант, харизматик, идеальный магнит для всех чаяний и отчаяний прошлого, настоящего и будущего России в русской исторической памяти. Неудивительно, что начиная с 1991 года Иван остается в центре внимания, той осью, вокруг которой обращаются все интерпретации русской истории, какие только можно вообразить» (*ibid.*: 247).

ную роль укрепления крепостного права, пришедшегося на его царствование:

Несмотря на то разорение, которое опричнина Ивана причинила элите в позднейшие годы его царствования, он старался смягчить последствия экономического краха, хотя бы для дворянства, не только освобождением от податей, но и учреждением «заповедных лет», целью которого было обеспечить дворянство рабочей силой, необходимой ему для несения военной службы.⁶⁴

Halperin, 2021: 129.

Хотя Гальперин знает, что русские националисты и последователи фундаменталистского царебожия ратуют за канонизацию Ивана Грозного⁶⁵, он повторяет предположение Чернявского о том, что Иван был предметом «народного почитания» в Московии (*ibid.*: 51), хоть и признает его доказательства не

64. «Заповедными лѣтами» назывались периоды, в которые крепостным было запрещено переходить с места на место. Произвольное применение этого правила окончательно прикрепило крепостных к земле, что привело к полному порабощению русского крестьянства, начиная с 1581 г.

65. Гальперин вполне основательно утверждает, что «политизация образа Ивана, по-видимому, принимается как его защитниками, так и его критиками, и придает исследованиям его личности и его царствования анахронистическую ориентацию» (*ibid.*: 246). Однако он произвольно классифицирует историков, работы которых он одобряет или осуждает, называя их отношение к Ивану «враждебностью», «заблуждением» и т. д. Его список «враждебных» историков возглавляет Скрынников, один из наиболее уважаемых оппонентов взглядов Чернявского и самого Гальперина, которого он, никак не обосновывая своих утверждений, ставит в один ряд с одиозным фальсификатором истории Анатолием Фоменко. «Некоторые специалисты считают анализ [опричнины] Скрынникова лишь немногим более удовлетворительным, чем анализ Фоменко и Носовского» (*ibid.*: 42). «Два Ивана Карамзина и множественные фазы опричнины Скрынникова составляют лишь верхушку айсберга подходов к личности Ивана Грозного, построенных по принципу множественности» (*ibid.*: 42). Он также уподобляет анализ Скрынников построениям ультраправых экстремистов, никак не обосновывая эти заявления, противоречащие как работам Скрынникова, так и его последовательно либеральной политической позиции (*ibid.*: 95).

вполне убедительными⁶⁶. В подкрепление своих взглядов он цитирует Шапошника, который открыто признавал влияние Снычева на свои работы, и Володихина — еще одного последователя Снычева. Соглашаясь с Володихиным по многим вопросам, Гальперин в то же время называет его «еще одним православным консерватором», что, однако, не мешает ему в другом месте хвалить работы Володихина как пример беспристрастных научных изысканий, демонстрирующих «очень высокий уровень профессионализма и объективности» (*ibid.*: 181)⁶⁷.

Упомянув об антисемитизме Снычева, Гальперин тем не менее одобрительно отзывается о его «неподражаемом описании опричнины как попытки Ивана отделить зерна от плевел». Он хвалит Снычева, заявляя, что он «по-видимому, имеет в России не подлежащий сомнению статус высокопоставленного иерарха и богослова» и добавляя, что его научная квалификация подтверждается тем фактом, что Володихин цитировал «его взгляды с большим уважением» (Halperin, 2021, p. 28)⁶⁸. Основной вывод Гальперина состоит в том, что российское общественное мнение расколото по вопросу об отношении к Ивану Грозному, хотя неясно, стоило ли писать ради такого очевидного утверждения целую книгу (*ibid.*: 250).

66. «Таким образом, сторонники канонизации выдвигают свидетельства того, что некоторые русские считали Ивана святым в девятнадцатом и двадцатом веках, более убедительные, чем те, что Черняховский приводит в отношении шестнадцатого и семнадцатого веков» (*ibid.*, note 53: 65).

67. Хотя Гальперин знает, что на Володихина оказало большое влияние царебожие Снычева (*ibid.*: 67), это не мешает ему относить Володихина к враждебным критикам Ивана — вероятно, потому что биография Грозного, выпущенная Володихиным в 2018 году, не входит в библиографию Гальперина, в основном не включающую в себя работы, опубликованные позже 2010-х годов.

68. Отдав дань уважения Снычеву, Гальперин на протяжении многих страниц занимается опровержением многократно раскритикованных измышлений Анатолия Фоменко об Иване Грозном — вероятно, потому что это позволяет ему отмежеваться от тех, кто идеализирует этого царя. См.: Halperin (2021: 39).

Отзвуки мистического поворота в историографии опричнины время от времени бывают слышны в западных работах по более общим темам, касающимся отношений России с Западом. Хороший пример этой тенденции дает книга Марка Смита *The Russia Anxiety: And How History Can Resolve It* [Обеспокоенность Россией, и как история может помочь ее разрешить]. Представляется однако, что эта обеспокоенность уже получила свое разрешение 24 февраля 2022 года. Называя Ивана *Awe-inspiring* [Внушающим трепет], а не *Terrible* [Грозным] и отмечая сложности его правления и результатов, к которым оно привело, Смит подчеркивает несчастливое детство Ивана и особо выделяет тот факт, что опричнина дала ему возможность жить отдельно от его врагов (Smith, 2019). Смит называет опричнину «явлением начала Нового времени, узнаваемым фрагментом Европы шестнадцатого века» и сравнивает Ивана Грозного с Генрихом VIII и императором Священной Римской империи Карлом V (*ibid.*: 160-161). Опричнина, считает он, «не проложила историческую дорогу сталинизму и уж тем более Путину». Эта концепция опричнины помогает ему доказать основной тезис его работы — что «обеспокоенность Россией» (то есть западные страхи и опасения относительно России) есть иллюзия, безосновательный, по сути дела, конструкт, созданный самим Западом. С учетом войны в Украине и ядерного шантажа, который Путин постоянно использует в отношении Запада, этот вывод кажется весьма сомнительным.

Интенсивный диалог между сектантскими верованиями царебожия и постсоветской историографией опричнины, а также периодические отголоски этого диалога в зарубежной историографии, способствовали появлению нового образа средневекового государственного террора. Царебожие и мистический поворот были жизненно необходимы для религиозной и псевдонаучной легитимизации имемори. Вместе они сыграли важную роль в нормализации государственного террора, проводимой кремлевской неомедievalной политикой памяти, и в «исправлении» исторической памяти об опричнине — одного из самых чудовищных эпизодов прошлого России.

IV.

РОССИЙСКИЕ УЛЬТРАПРАВЫЕ В ОЖИДАНИИ НОВОЙ ОПРИЧНИНЫ

Франсуа Фюре утверждал, что террор (в смысле государственной политики, а не индивидуальных террористических актов) «не может быть сведен к историческим обстоятельствам», потому что террор — это еще и «политическая идея» (Furet, 1996: 463). Иными словами, террор становится политической программой отчасти благодаря дискурсу о терроре, как это случилось в преддверии Французской революции, когда, как считает Фюре, дискурс о терроре предшествовал началу реального террора (*ibid.*: 451). Это утверждение справедливо и в отношении последующих случаев государственного террора: и у советского, и у нацистского террора были свои теоретики до введения террористического режима. В этой главе анализируются нынешние предложения по введению и осуществлению государственного террора в России — новой опричнины.

Рассуждения о введении новой опричнины столь важны для многих российских ультраправых идеологов, потому что они видят в ней средство воссоздать сословное общество и восстановить Российскую империю. Но, в отличие от большевиков, они никогда не сравнивают государственный террор своих фантазий с Французской революцией: революция 1789 года положила конец абсолютной монархии и сословному обществу, а

они хотят восстановить и то, и другое. Кроме того, в отличие от последователей мистического поворота в историографии, они понимают опричнину не как историографическую концепцию, а как часть своей политической платформы, и в этом заключается одна из причин, в силу которой они, не смущаясь, не делают значимых различий между опричниной исторической и новой опричниной.

Для российских ультраправых новая опричнина представляет собою не исключительное состояние, но ключевой системный элемент российского общества «каким оно должно быть». Ее учреждение часто становится предметом «мозговых штурмов» в Изборском клубе, дискуссии которого на эту тему вращаются вокруг предательства национальных интересов России коррумпированной элитой и либералами. Идеологи клуба считают опричнину бесценным национальным опытом и «уроком истории», который следует усвоить современным политикам. Идея сплочения вокруг самодержца ради спасения истинной православной веры и России от Антихриста занимает в их мышлении такое же основополагающее место, как и в доктрине царебожия¹. И, хотя те конкретные цели, которых они хотят добиться введением опричнины, могут различаться, их проекты объединяет уверенность в позитивной роли террора. Без него они не в состоянии представить себе будущее России.

Хотя многие члены Изборского клуба единодушны в своем восхищении опричниной, концепции претворения этого «многообещающего орудия» социальных изменений в жизнь активнее всего разрабатывают неоевразийцы и Институт динамического консерватизма (ИДК). «Перекрестное опыление идей» между активистами Изборского клуба, последователями мистического поворота в историографии и приверженцами царебожия позволяет увидеть механизмы формирования мобемори вокруг концепции террора или новой опричнины.

1. О царебожии см. главу 3.

Неоевразийская «реакционная модернизация»

Неоевразийский дискурс о неоопричнине во многих аспектах похож на взгляды других членов Изборского клуба: опричнина есть движущая сила, ведущая в неомедиевальное будущее: «[Н]аш евразийский проект [...] в определенном смысле вполне может быть назван неоопричниной» (*Евразийский союз молодежи*, 2005)². Понятие неоопричнины, тесно связанное с неоевразийцем Александром Дугиным, было уже на слуху к 2000 году, когда он опубликовал свою статью «Заря в сапогах» (*Завтра*, 2000)³.

Определяя неоопричнину как «русскую реакционную модернизацию», «консервативную революцию» и «антизападную мобилизацию», Дугин, как и некоторые другие члены Изборского клуба, хочет гарантировать, чтобы никто не спутал ее с модернизацией западной (*Евразийский союз молодежи*⁴, 2005). Кажущаяся парадоксальность словосочетания «реакционная модернизация» не должна вводить в заблуждение и, как иногда случается, внушать мысль о том, что у неоевразийцев или других российских ультраправых есть какие бы то ни было модернизационные намерения. Как указывает Илья Калинин, «модернизация» в постсоветском контексте фиксируется на прошлом, а не на будущем (Калинин, 2010: 74)⁵. Поскольку отсталость России была общим местом в российских учебниках истории, описывающих допетровскую Россию, империю Романовых, Советский Союз и постсоветскую действительность, на-

2. Выступление Александра Дугина в рамках «Нового университета» (Александровская слобода, дворец Ивана Грозного, 26 февраля 2005 года).

3. Гальперин утверждает в своем кратком обзоре упоминаний новой опричнины в публикациях российских ультраправых, что концепция новой опричнины появилась не в 2000-х, а в 2010-х годах (Halperin, 2021: 88). Он полагает также, что Дугин использовал эту концепцию метафорически и заявляет, что Дугин не публиковал своих идей об опричнине (*Ibid.*: 87).

4. http://rossia3.ru/ideolog/nashi/russ_order

5. Как пишет в связи с кремлевской пропагандой Великой отечественной войны Антон Вайсс-Вендт, «в путинской России одержимость прошлым занимает место планов на будущее» (Weiss-Wendt, 2021-a:2).

ционалисты стремятся избежать «отсталости», а потому ставят себе на службу позитивные коннотации слова «модернизация», не принимая ничего из его истинного значения. Поэтому неомедиевальная Россия будущего, заявляют националисты, ни в коем случае не будет «отсталой». Она будет в точности такой же развитой, как Запад, но во всем отличной от него.

По мнению Дугина и некоторых других теоретиков неоопричнины, опричнина есть вечный, всегда присутствующий в русском сознании, архетип, который может быть активирован в поворотные моменты русской истории. Сталинизм, к примеру, был всего лишь очередным проявлением этого архетипа. Дугин, занятый подобно ультраправому писателю Александру Проханову поисками «таинственных кодов» русской истории, находит их в опричнине. Как уже было сказано, неоопричнина не рассматривается Дугиным, как и другими членами Изборского клуба, как «временная мера» или «исключительное состояние»: она составляет ядро его социального проекта и его видения будущего общественного устройства России. Поэтому маловероятно, чтобы он использовал этот термин метафорически, как иногда думают исследователи⁶.

Дугин называет неоопричнину «новой кастой, новым социальным слоем», необходимым для «перевода страны на рельсы патриотизма» (*Завтра*, 2000). Опричники составят «чистую касту» — этот термин многократно используется в работах Дугина — или элитное сословие, центральный элемент неомедиевального российского общества и «хребет евразийского Возрождения»⁷. Дугин — как и Шаров, и Снычев, — видит в не-

6. Мариэль Вийермарс полагает, что в «Заре в сапогах» Дугина термин «неоопричнина» используется метафорически (Wijermars, 2018: 173–74).

7. Например: «Символизм метлы также имеет два символических уровня: это символ чистоты и может означать особую касту дифференцированных людей. [...] Здесь можно вспомнить иерархию тантрической каула, где на нижнем этаже стоят “пашу”, “звери”, потом идут “герои”, потом “боги”. Это процесс очищения» (*Евразийский союз молодежи*, 2005). См. также: *Завтра* (2000).

оопричнине рыцарский орден и тайное общество, отмеченное «альтернативной сакральностью» (*Евразийский союз молодежи*, 2005)⁸. Его реинтерпретация опричнины в терминах мистического ордена с «грозным гнозисом» отличает его концепцию от других программ, которые мы рассмотрим ниже: оккультный гностицизм играет существенную роль в схемах Дугина. Его «грозная сакральность» находит явные параллели в работах Фроянова и Юрганова, на которые Дугин почтительно ссылается в своих текстах (Дугин, 2011: 41, 42, 136, 386, 387). Чем же священна опричнина? Тем, что опричники служат Москве, Третьему Риму, «священной Родине» и станут орудием возвращения утраченных ею земель и завоевания всего Евразийского континента (*Евразийский союз молодежи*, 2005).

Как и Снычев, Дугин проецирует средневековую историю на нынешние события: опричнина Ивана Грозного была «ответом на угрозу [...] Запада», а Ливония шестнадцатого века — «тогдашним аналогом НАТО» (Там же). Сходные заявления, слишком многочисленные, чтобы их можно было учесть, есть и в работах других членов Изборского клуба, цель которых — развязать «великую войну континентов» — о чем Дугин мечтает с самого начала своей политической карьеры — и уничтожить «агентов влияния [...] противника» внутри страны (*Завтра*, 2000).

Дугин берет на вооружение идею *катехона*, которую он, вероятнее всего, позаимствовал у Снычева. Оба они считают, что только русское царство и русский царь преграждают путь Антихристу, и Иван Грозный был первым царем, осознавшим истинное назначение русской державы:

Очевидно, что сам Иван Грозный осмыслял свое правление как кульминацию мировой истории. Падение Константинополя для всего православного мира означало приближение вплотную к Апокалипсису. [...] На пути антихриста стояло только одно — русское царство и русский царь. Судьбы человечества [...] сходились к Руси. [Для Ивана] русские стали избранным

8. http://rossia3.ru/ideolog/nashi/russ_orden

народом, русская церковь — последним бастионом подлинного Православия, а русская государственность — последним препятствием перед финальной апостасией мира. [...] Отсюда мистический и мистериальный характер правления Грозного, которое проходило как последняя репетиция Страшного суда.

Дугин, 2011: 385–386.

Вслед за царебожниками Дугин хочет канонизировать Ивана Грозного, но заходит в своем определении катехона на шаг дальше Снычева. Он выдвигает еще более глобальное притязание: у него православный царь и его царство становятся центральным элементом всемирной драмы и единственным препятствием, отделяющим весь мир от Апокалипсиса. Важно заметить, что православный царь оказывается вселенским правителем:

С православной точки зрения царство и царь, Император, василевс играют центральную роль в священной истории. Пока есть царь, удерживающий катехон, сын погибели антихрист не может прийти в мир. Пока стоит православное царство, конец света не может наступить. Но не всякий правитель является катехоном, но лишь царь, помазанный и освященный православной церковью как вселенский христианский Император. Иван Грозный был именно таким — первым русским Царем, первым полноценным русским катехоном. При нем Россия стала Третьим Римом. [...] Иван Грозный не просто укрепил наше Государство, продвинул его границы, отбил нападения опасных врагов, отстоял страну. Он был святым царем, в котором отразилась вся тяжесть вверенной ему миссии. Быть Третьим Римом, быть катехоном — это испытание, страшнее смерти, это ответственность, это невероятный трудный подвиг. [...] Люди поклоняются и повинуются священному царю, помазаннику Божьему, как и он сам поклоняется и повинуется сверхчеловеческим силам — Ангелу Смерти. Ему смиренно вверяет свои молитвы и просит передать выше — по иерархии в сокровище нетварного Света.

Изборский клуб, 2016-б.

Дугин называет Ивана Грозного «подлинным именем России» и заявляет, что именно под его правлением русские «осознали себя субъектом истории, носителями самостоятельной

цивилизации и всемирной вселенской миссии — быть защитниками православной веры и православного царства, Империи» (Там же). Благодаря Ивану «Святая Русь» становится «катехоном, последним бастионом истины и любви перед лицом всеобщего отступления — мира антихриста» (Там же) (формулировка Снычева, которую постоянно повторяют российские ультраправые).

Как и Фроянова, которого он почтительно называет «великим ученым», Дугина не заботит то обстоятельство, что Иван Грозный не мог мыслить в терминах «всемирной истории», потому что в его время такой концепции не существовало. Чтобы придать своим работам хотя бы некоторую научную респектабельность, он ссылается на интерпретацию царствования Ивана, предложенную Юргановым.

Эволюция дугинской идеи неоопричнины точно отражает этапы формирования мобемори. В его статье 2000 года «новая опричнина» была неотличима от старого сталинского НКВД/КГБ за исключением дополнительного слоя фашистского мистицизма. В то время он мог описать свою новую опричнину только как «Тотальную Спецслужбу», новую касту, образованную из агентов КГБ, и «пассионариев [термин, вероятно, заимствованный у Льва Гумилева — Д. Х.] нового КГБ», полномочия и привилегии которых в мирное время должны соответствовать тем, которые имеет во время войны верховное военное командование (*Завтра*, 2000). К 2005 году, когда рост популярности Ивана IV среди православных экстремистов, видимо, побудил Дугина вступить в ряды его почитателей⁹, место КГБ в его опричных фантазиях заняло поклонение Ивану Грозному — царю, «классической фигуре евразийства», фигуре сакральной и мистической. Дворец Ивана Грозного в Александрове был даже выбран в качестве места проведения учредительного съезда Евразийского союза молодежи в знак преклонения пе-

9. В середине 1990-х годов Дугин познакомился с Константином Малофеевым, известным почитателем Снычева. Возможно, именно от него он и узнал об идеях царебожия. Они продолжают сотрудничать и по сей день.

ред Иваном IV, подлинно евразийским царем, которого один из основателей неоевразийского движения Павел Зарифуллин назвал в своей речи перед собравшимися «формальным руководителем» Евразийского союза молодежи:

Наше появление здесь — во дворце Ивана Грозного, создание «Евразийского союза молодежи» в сердце опричнины [...] — всё это не случайно. Нас спрашивают — как вы можете восстановить опричнину, если нет самодержца? У нас есть самодержец — Иван Васильевич Грозный, который и был главным евразийцем своей эпохи, окружив себя татарами и представителями других народов, начав войну с Западом, заключив союз с Востоком. Он и является нашим формальным руководителем, шефом «Евразийского союза молодежи»¹⁰.

Лоскутова, 2008: 80.

Открытый четырнадцать лет спустя в Александрове памятник Ивану Грозному символизирует успех политических проектов, пропагандирующих новую опричнину, которая тогда, в 2005 году, казалась просто эксцентричной нелепостью. С тех пор новая опричнина перестала выглядеть выходкой маргинальных экстремистов и превратилась в постсоветскую политическую теорию, направление мемориальной политики и в ультраправый проект будущего российского общества.

«Виртуозная политика»

Восхищение опричниной занимает важное место в работах религиозного писателя и одного из основателей ИДК Виталия Аверьянова. Еще в начале 2000-х годов Аверьянов стал активным участником сайта pravoslavie.ru (исходное название — «православие-2000»), информационной платформы Сретенского монастыря, который возглавлял архимандрит Тихон, ныне митрополит Псковский и Порховский и, по слухам, исповедник Путина (Верховский, 2003: 22–23). Аверьянов поддерживает царебожие и близок к ядру этого учения. Как и

10. Лоскутова цит. Павла Зарифуллина «Евразийская опричнина восстановит в России сакральную власть».

царебожники, он утверждает, что «[о]причина – это правда России XVI века. Дух опричнины правдив и сейчас, отвечает и сегодняшним задачам жизни» (Аверьянов, 2011-а: 197). Иван Грозный «увенчал собою феномен “русского чуда” XV–XVI веков», потому что он сформировал российское самодержавие, завоевал новые земли в Сибири и Поволжье и осуществил переход от древней Руси к Российской империи. При нем «территория и мощь Московского государства возросли кратно» (Там же: 141).

Аверьянов считает, что опричина должна сыграть важнейшую роль в восстановлении Российской империи:

Если при Иоанне Грозном опричина означала созидание империи, то завтра она будет знаменовать ее восстановление.

Тем более что у нас уже есть опыт восстановления империи – в виде Советского Союза. После распада империи Российской.

Там же: 197.

Аверьянов видит в Иване Грозном «символ своеобразного [русского] творчества»: он разработал концепцию русской империи и создал опричину, понимаемую как идеология бескорыстного «государственного служения» (Там же: 147). Введение опричнины Аверьянов называет «виртуозной политикой», результатом которой стал «шедевр самодержавия» (Там же: 182, 197). Иван Грозный сделался излюбленной мишенью русофобов, потому что он олицетворяет для Запада «[ж]уткий феномен русской альтернативы, северо-восточной альтернативы Западу, соизмеримой с ним расово, соизмеримой с ним культурно, наконец, религиозно соизмеримой [...], реинкарнацию проклятой Византии» (Там же: 141).

Аверьянов полагает, что самые значительные нововведения Ивана, которые и привели к строительству империи, относятся к социальной сфере. Опричина позволила Руси перейти от «кланово-тейповой модели» к модели империи (Там же: 159). По его мнению, опричина, основной мишенью которой были «олигархи», представляла собою «референдум о доверии: кого

предпочтет народ». Воскрешая сталинскую схему, он заявляет, что террор породил «смыкание верховной власти с широкими слоями народа — их союз против “сильных” конкурентов верховной власти». Таким образом, «опричнина Иоанна Грозного победила стратегически»: она обеспечила суверенитет и сформировала новое сословие, готовое служить делу национально-имперского единства всеми доступными средствами: «Кого-то он перековал силой убеждения, кого-то через страх и насилия. Кого-то, кто по тем или иным причинам не мог быть перекован, он просто уничтожил» (Там же: 197).

В интерпретации Аверьянова главной целью опричнины Ивана Грозного было изменение структуры общества: «Это была последовательная социальная трансформация, все виды инноваций были производными от социальных и вдохновлялись ими» (Там же: 156). Новая опричнина, о которой он мечтает, должна будет сыграть такую же роль. Сегодня Россия живет под гнетом олигархов — новых бояр, коррумпированных пособников децентрализации, — и опричнина — единственный способ покончить с этим катастрофическим положением вещей (Аверьянов, 2011-б: 17). В конце концов она придет, чтобы «страхнуть вампирический морок со страны!» (Там же: 18).

Стержень взглядов Аверьянова составляет отказ от «демонстративного гуманизма». Высмеивая либеральные утверждения о том, что Россия обычно очень дорого платит человеческими жизнями за отрицание гуманистических ценностей, он поднимает на смех само понятие «гуманизма» и отвергает идею об исключительной ценности человеческой жизни (Аверьянов, 2011-б: 18)¹¹. Сочинения Аверьянова, как и других членов Из-

11. Понятие «демонстративного гуманизма» связано с советской идеологией, которая вслед за Марксом и Лениным презирала «фальшивый буржуазный гуманизм». Максим Горький изобрел печально известный термин «пролетарский гуманизм» (Правда, 1934, 23 мая; Известия, 1934, 23 мая), и он был использован со ссылкой на идеи, высказанные Сталиным в речи 4 мая 1935 года, в статье, опубликованной в «Литературной газете» 9 июля 1935 года.

борского клуба, решительно поддерживают террор, кровопролития и массовое насилие, потому что «даже в казнях отсвет духовного взгляда на происходящее просматривается». Грядущая «модернизация» Россия — новая опричнина — заставит время пойти вспять. Она должна будет «перетряхнуть сложившуюся систему [...], перебрать людишек» (это выражение Иван IV использовал, говоря о казнях, и оно очень нравится его современными приверженцам) и установит новый социальный порядок (Аверьянов, 2011-б: 17).

В рассуждениях Аверьянова обильно используется мистический поворот в историографии. В борьбе с «антиопричным мифом», под которым он понимает либеральную историографическую традицию, Аверьянов опирается на труды «замечательных историков» — Фроянова, Андрея Фурсова (взгляды которого рассматриваются ниже) и Даниила Альшица. Аверьянов вдаётся в конспирологические теории о заговорах новгородцев против Ивана и повторяет довод о том, что с Варфоломеевской ночью, испанской инквизицией и т. п. были связаны гораздо худшие эпизоды истребления невинных. Особенно близки ему антисемитские утверждения Фроянова относительно «ереси жидовствующих, которая была частью идеологической войны Запада против России». Иван защищал от этой ереси истинную православную веру, а задачей опричнины было «подорвать почву для развития этого вируса». Истинно верующий, добрый царь Иван не различал своих личных врагов и врагов народа, потому что для него он сам и его народ были единым целым.

Кроме того, Аверьянов изображает жертв опричнины неисправимыми рецидивистами (Аверьянов, 2011-а: 187, 189). Эти «враги народа» представляли собою «преграду на пути потока народной жизни» (Там же: 186). Пытаясь по возможности уменьшить число жертв Ивана, Аверьянов утверждает — конечно, без каких бы то ни было доказательств, — что жертв террора считали вместе с погибшими в Новгороде от чумы.

Весьма полезной Аверьянову в раскрытии «духовного смысла» опричнины — заключавшегося в том, что Иван пытал и

убивал своих жертв ради «спасения их душ», — оказывается и интерпретация Юрганова и Каравашкина¹². Однако он критикует как Юрганова, так и Каравашкина за то, что те не сумели проникнуться мистическим опытом «истинного православия» и обращают чрезмерное внимание на метонимический, метафорический и символический характер опричнины (Аверьянов, 2011-а: 187). Как и Владимир Шаров, Аверьянов утверждает, что опричнина Ивана Грозного была якобы «братством рыцарского типа», в очередной раз показывая, что русские ультраправые не стесняются использовать рыцарские традиции Запада для возвышения опричнины.

«Единственное спасение России»

Востоковед и африканист, член Изборского клуба Андрей Фурсов называет опричнину самым «оболганным явлением нашей истории» (Фурсов, 2011: 53; *Бизнес Online*, 2017-6). Тем самым он соглашается с заявлением, распространившимся в ультраправых работах в конце 2020-х годов, — а именно, что опричнина есть руководящий принцип русской истории (Фурсов, 2011: 52). Опричнина, осуществляющая процесс «освобождения власти от собственности» и «реализации воли к “чистой власти”», который проявлялся через три этапа «русской модернизации» — Ивана Грозного, Петра Великого и Сталина, — и существующая под разными названиями, от опричнины до ЧК и ГПУ, представляет собою самую суть России и потому вечна (Там же: 84). Эта идея явно созвучна фашистскому культу власти: в работах Фурсова фашистские мотивы не менее откровенны, чем у Дугина, Снычева, Калашникова и Ко. Фурсов провозглашает, что с исторической точки зрения опричнина «выполнила свою чрезвычайную функцию “страха и ужаса”» и разрешила противоречия между популистским, самодержавным, национальным и олигархическим принципами правления. Она воплощает в себе истинную русскую демократию — в отличие от ложной демократии Запада. Фурсов фантазирует, что без

12. Об этих авторах см. главу 3.

опричнины российское государство и российское самодержавие не могли бы быть созданы, и превозносит Ивана за то, что он впервые в истории централизовал русские земли и русскую власть (Там же: 52). С точки зрения Фурсова опричнина — подлинное воплощение русского творческого начала.

Фурсов называет Ивана «блестящим технологом», изобретшим опричнину для централизации русского государства и защиты суверенитета России, «гениальным конструктором», «крупнейшим из авторов русских властных инновационных проектов». Поэтому-то — из-за его достижений — Иван и стал самым оболганным русским царем, что объясняет ту роль, которую он играет в информационной войне, которую ведут против России либералы и Запад (*Бизнес Online*, 2017-6). Заодно со многими своими сотоварищами по Изборскому клубу Фурсов повторяет мнение Сталина об опричнине и заявляет, что, поскольку она действовала в интересах народа и против социальных элит, она была единственным путем антизападного развития России и сложным механизмом общественного управления, компенсировавшим отсутствие в России «очень важной и имеющейся у многих, если не большинства индоевропейских народов сословия (Варны, слоя) воинов (кшатриев)» (Фурсов, 2011: 92). Величайшим ее достижением, которое стало возможным благодаря необычайному характеру ее власти, которую она использовала «внеинституциональным, но легальным способом», стало решение задачи «[стремительного] перераспределения власти и собственности» (Там же: 89).

Что касается опричнины двадцать первого века, которая будет «самым горьким лекарством», Фурсов понимает, что она «ударит [...] не только по виноватым» в постсоветской коррупции; будут и невинные жертвы (Там же: С. 116). Но, учитывая особенности нынешнего «смутного времени», опричнина — этот «сакральный принцип русской истории» — единственное средство, которое может исправить положение. Прислушиваясь к «Музыке Истории», он ожидает «глобальной катастрофы», потому что без опричнины «Россия рухнет». Путь России

в будущее — Новая Империя и Четвертый Рим, и проложит этот путь «новое знание [...] явных и тайных врагов России и русских в мире в целом», а нацистская и сталинская идеологии дают модель того «креативного спецназа», который будет осуществлять эти преобразования (Там же: 131–32)¹³. Завершает его неонацистские элегии образ Четвертого Рима «с сияющей над ним руной Победы» (Там же: 138).

Как и многие члены Изборского клуба Фурсов видит в терроре универсальное очищающее орудие, которое следует применять против соотечественников, к которым он обращается в следующих словах: «Помните, скоты, что вы люди» (Там же: 118)¹⁴. Он часто восторженно повторяет оборот Ивана «перебор людишек» для обозначения террора (Там же: 72–73).

По мнению Фурсова, опричнина изменила «психоисторический код» русского народа, который сформировал уникальный русский национальный характер. Его вера в «тайный код» — русской истории, русской нации и т. д. — заставляет вспомнить Проханова. Не менее явное влияние оказал на него и Фроянов, которого он называет «замечательным историком». Утверждения последнего о том, что опричнина была учреждена для противодействия еврейскому заговору и вела священную войну против тех, кто пытался разложить русское православие при помощи ересей, сохраняются и в публикациях Фурсова.

Российских ультраправых мучает комплекс превосходства/неполноценности по отношению к Западу. Некорректно применяя аргумент Михаила Крома, Фурсов утверждает, что Россия при Иване IV стала европейским государством, равным другим европейским державам того времени. Тезис

13. «Спецназ» — современное русское сокращение названия «формирований специального назначения».

14. Фурсов цитирует здесь «Бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека [в переводе П. Г. Богатырева]. Он добавляет, что коррумпированных опричников «надо отстреливать как бешеных собак» (Там же: 116).

Володихина о том, что опричнина меркнет «по сравнению с тем, что творили современники Грозного царя в Западной Европе», приводит Фурсова к выводу, что «действия Ивана IV выглядят весьма и весьма умеренно». Использует Фурсов и антизападный постколониальный дискурс, утверждая, что очернение Ивана IV якобы помогает Западу «обелить себя [...] табуизировать неприятные темы (инквизиция, религиозный террор, колониализм и др.» (Там же: 74). Продолжая оправдывать опричнину Ивана Грозного, Фурсов объединяет конструкты Майкла Чернявского с тезисом о неотъемлемой жестокости Запада:

[Р]елигиозные войны в Европе велись с такой кровью, какая России и не снилась. Исключительная жестокость вплоть до эстетизации смерти — характерная черта Запада. Въезжавшего в средневековый западноевропейский город встречали виселицы с трупами — на Руси такого не было. [...] XVI век — вообще крайне жестокое время. Иван Грозный был менее жесток, чем его время, тем более что ему приходилось защищаться.

Бизнес Online, 2017-б.

Не вызывает удивления и тот факт, что Фурсов громогласно поддержал войну в Украине, которую, по его словам, спровоцировала «британская русофобия» (*Бизнес Online, 2022*¹⁵).

Тридцать миллионов «деградантов»

В сентябре 2009 года Максим Калашников, один из основателей ИДК, написал открытое письмо президенту Дмитрию Медведеву в ответ на его статью «Россия, вперед!» (*m_kalashnikov, 2010*¹⁶). У российских либеральных журналистов была дежурная шутка, что Медведев «случайно» выбрал письмо Калашникова из многих тысяч ответов на свою статью и на совещании, которое транслировалось по Первому каналу российского телевидения, поручил Сергею Собянину (бывшему тогда вице-премьером) внимательно рассмотреть

15. <https://www.business-gazeta.ru/article/548415>

16. <https://m-kalashnikov.livejournal.com/141905.html?>

основные идеи этого послания (*Радио Свобода*, 2009-б¹⁷, 2009-в¹⁸). В их число входили восхваление фашизма и требование вернуть опричнину. Калашников, никогда не скрывавший своих фашистских и антисемитских взглядов, прямо просил Медведева учредить опричнину и выделить ей причитающиеся ей по праву земли со столицей в Новосибирске. Эти идеи он развил и в других произведениях, в которых он, например, рассуждает о «футурополисах» — городах будущего (Калашников, 2011-в: 37). Их прототипом были советские «закрытые города», у которых не было названий, только номера; в некоторых из них проживало многочисленное гражданское население, имевшее в лучшем случае ограниченное право общения с людьми, жившими в других местах. Калашников воображает, что его военные футурополисы будут в сердце новой опричнины.

Центральное место в концепции новой опричнины по Калашникову занимает социальная реорганизация. Одна из основных целей — создание нового сословия, опричников, элиты самодержавной монархии. Остальное общество должно управляться этой милитаризованной кастой «воинов», которые будут осуществлять «диктатуру честных, умных и компетентных над вороватыми, тупыми и неумелыми» для выполнения «сталинского завета: прежде всего — идеология, планы развития и кадры высшего качества» (Там же: 47). «Лишенные своекорыстных мотивов» опричники «должны составить сплоченное сообщество, способное контролировать госаппарат, выдвигать свои фигуры на ключевые руководящие посты, формировать судейский корпус, прокуратуру, спецслужбы и руководство МВД». Эта корпорация «суровых, но справедливых» судей будет рекрутировать представителей всех классов, используя «современные психотехнологии» для отбраковки садистов (Калашников, 2011-а: 242–243). Опричнина создаст «систему параллельного управления [...] со своими спецслужбами и небольшой

17. www.svoboda.org/a/1847718.html

18. www.svoboda.org/a/1863471.html

армией» (Там же: 243). Опричнина — «путь национального русского спасения» (Там же: 234). Ее цель — «“пересборка” станы, создание и сверхновой России, и сверхнового русского народа» (Калашников, 2011-в: 48). Используя в качестве моделей для своей программы нацистскую Германию и коммунистический СССР (Там же: 39; Калашников, 2011-а: 248), Калашников пророчит славянам мировое господство.

Взгляды Калашникова на эволюцию государства хорошо сочетаются с позицией его коллег по ИДК: опричнина как динамический элемент консервативного российского государства должна двигать его вперед, как это, по его мнению, делали СС в нацистской Германии и делает сейчас «постмасонство, закрытая сеть, которая стоит за спиной государства в США» (Калашников, 2011-в: 46). Он видит пример новой опричнины в Инновационном центре «Сколково» под Москвой, освобожденной от налогов организации, которую обслуживает собственная частная полиция. В интервью «Радио Свобода» Калашников подтвердил, что симпатизирует фашизму, о чем он говорил и вышеупомянутом письме к Медведеву, особенно подчеркивая свое восхищение фашистскими «демографическими программами»:

Я сторонник философии Константина Леонтьева. Я увлекался Ницше в свое время. Я очень ценю Иосифа Виссарионовича Сталина и считаю, что и в Германии 1930-х годов было немало ценного опыта, который мы сейчас можем применить. И не только в экономике, кстати говоря, а в демографии, в подготовке молодежи. Если вы считаете это фашизмом, ну, называйте, как знаете. [...] На самом деле и фашизм, и коммунизм — это будущее мира.

Радио Свобода, 2009-а¹⁹.

Калашников предсказывает, что правление новой опричнины будет жестким и даже кровавым, потому что одна из ее целей — перераспределение богатств. Но коррумпированная элита, которую уничтожит неоопричнина, — не единственная

19. <https://www.svoboda.org/a/18250>

мишень мечтаний Калашникова о крупномасштабном — «как минимум двадцатилетняя диктатура» — терроре. Его жертвами должны стать и обычные люди — около «30 миллионов» (эта цифра может отсылать к числу славян, которых планировал уничтожить Гитлер):

У быдла поломана этика труда: ему хочется только отрываться и отдыхать. Все время. [...] Оно не годится ни в инженеры, ни в рабочие. [...] Дай им право голоса — и это стадо проголосует за тех, кто посулит им сладкую жизнь. Любой ценой. [...] А деградантов немало — как минимум 30 миллионов.

Калашников, 2011-в: 40–41.

Взгляды Калашникова на сограждан сходны со взглядами авторов *Проекта Россия*:

Массы мечутся, точно напуганные пожаром звери. Они не видят выхода из горящего леса, задыхаясь в дыму. И никакие свободные выборы проблему нового целеполагания автоматически не разрешат.

Там же: 27.

Того же мнения о своих согражданах — особенно о тех, кто протестует против путинизма, — придерживаются и другие члены Изборского клуба, и путинские аппаратчики. Так говорит о гражданах России руководитель социологического агентства ВЦИОМ Валерий Федоров: людей, которые «вовлекаются в дискуссии о судьбах России, на самом деле не будучи озабоченными этой судьбой», он назвал «дерьмом» (РБК, 2017). Федоров утверждает, что такого названия заслуживают «вообще порядка 15 %» жителей России, и они «настроены негативно по отношению к курсу Владимира Путина, к его режиму и отчасти к его персоне» (Там же).

ИДК и Изборскому клубу нравится думать, что опричнина была атрибутом царской власти, так как царь воплощает в себе абстрактное множество народа. Александр Елисеев утверждает, что опричнина была сетью людей, всецело преданных царю, которые не считали себя независимыми субъектами в силу

«глубинного сродства душ». В общем, опричники были глазами, ушами и советниками царя по всем вопросам общественной жизни, а также «грозой царевой», когда нужно было покарать «остальную “земщину”» (*Изборский клуб*, 2010).

Председатель совета ИДК Андрей Кобяков особенно хвалит опричнину за то, что «параллельно с опричной централизацией власти развивалась потрясающая по ширине и глубине система местного самоуправления. Подлинная, низовая демократия. Задушил эту систему только “западник” Петр I. Вот и новой опричнине нужно будет опираться на сильное местное самоуправление» (Кобяков & al., 2011: 260–262).

Последователь Изборского клуба Егор Холмогоров, явно раздосадованный военными неудачами России в Украине, заходит на шаг дальше, не стесняясь публично называть Путина «нашим Государем», а российское государственное устройство — «самодержавием», обвиняя во всех трудностях «элиту» и призывая к немедленному введению опричнины²⁰.

Во многом опираясь на догмы царебожия и мистический поворот в постсоветской историографии опричнины, Дугин, Фурсов, Аверьянов и другие и к^о согласно считают опричнину единственной надеждой на национальное спасение России. В ней они видят «замковый камень» будущего российского общества, суть общественного устройства России и надежное средство обеспечить ее будущее.

«Традиция гражданского общества»

Журналист Вячеслав Манягин, написавший несколько книг об Иване Грозном, и председатель Общественной палаты города Александрова Михаил Кривоносов, профессиональный спортсмен, представили опричнину как «русскую традицию гражданского общества» (*Изборский клуб*, 2018-б)²¹. По

20. <https://telegram.me/s/holmogortalks?before=24107>.

21. Манягин был автором нескольких публикаций об Иване IV: Манягин (2002), Манягин (2006). В 2018 году очередную попытку доказать, что России

их мнению, будущее всего мира — это «государства-цивилизации» — западноевропейское, евразийское, китайское, североамериканское и южноамериканское (но они, конечно, не ссылаются на тезис о столкновении цивилизаций Самюэля Ф. Хантингтона [Huntington, 1996]). Возникновение этих государств-цивилизаций — фактор позитивный, потому что оно позволит «перезапустить» существующую ныне социально-экономическую систему без её кардинального слома, сохранив такие привычные институты человеческого общества, как этнос, семья, политическая властная вертикаль, привязанная к определённой территории, и др.». Чтобы избежать перспективы потенциально катастрофической технологической эволюции, инспирированной Западом, чтобы «человек превратился в кибернетический организм», России нужно «решить еще одну задачу: объединение евразийского пространства» (*Изборский клуб*, 2018-б).

В их воображении Россия, вдохновляемая божьим промыслом, должна стать самодостаточной экономической и военной державой, примером для всего остального человечества. Западная модель гражданского общества, «раскольничья» и «уродливая», толкает человечество «к моральной, духовной и физической гибели» и, следовательно, неприемлема для будущего евразийского государства-цивилизации. В западной модели государство и гражданское общество антагонистичны друг другу. Но Россия последовательно развивала на протяжении всей своей истории свою собственную модель настоящего гражданского общества, которая кладет конец этому антагонизму. Для подкрепления своих вымыслов соавторы привлекают два исторических прецедента: Земский собор Ивана Грозного, который обеспечивал «взаимодействие власти (государства) и народа (общества) на благо подавляющего большинства граждан», и Сталина, который предпринял вторую попытку создания «гражданского общества» в 1930-х годах.

не нужна либеральная демократия, предпринял Олег Хархордин: *Kharkhordin* (2018).

По Манягину и Кривоносову, Иван Грозный полностью преобразовал Россию, «хотя и не бескровно, но в основном мирно», и орудием этого преобразования были опричина и местное самоуправление. Иван подавил «боярско-княжескую олигархию», и это позволило России перейти из средневековья в Новое время — что авторы этого доклада, в отличие от неоевразийцев, считают результатом позитивным. Иван Грозный был якобы истинным представителем народа и «выразителем народного единства». В форме Земского собора он создал «народную монархию», сочетающую жесткую вертикаль власти с демократическим самоуправлением. В шестнадцатом веке опричина очистила центральную Россию от инспирируемого боярами сепаратизма. «Перебирая людишек», она открыла возможности социальной мобильности для тысяч людей и показала боярам-олигархам их место (Там же). Почти дословно цитируя Снычева, Манягин и Кривоносов заявляют, что опричина «как инструмент в руках хирурга, позволила царю оперировать точно, оставляя в русском обществе всё здоровое и пригодное для нового мира» (там же).

Идею о том, что *соборность* была основополагающим элементом проекта Ивана Грозного и отразилась в институте самоуправления, Земском соборе, Манягин и Кривоносов, возможно, позаимствовали из трудов Снычева. Они полагают, что Земский собор состоял из «самых доверенных представителей народа, бывших в то же время доверенными представителями государственной власти», то есть у этого института не было никакого родства с западным разделением властей. Николай Бердяев тоже считал, что Земский собор отличался от западных парламентов своей *сословностью* (согласием сословий), но ультраправая интерпретация правления Ивана по Манягину и Кривоносову заходит еще дальше. Они утверждают, что опричина не была единолично навязана Иваном: напротив, предложил эту идею и предоставил царю полномочия для ее претворения в жизнь Земский собор. Но когда дело доходит до исторических источников, которые могли бы подкрепить это

и другие утверждения, у них не находится практически ничего кроме Андрея Фурсова и Льва Тихомирова, религиозного философа девятнадцатого века.

Вторя как Владимиру Шарову, так и Ивану Снычеву, Манягин и Кривоносов настаивают на том, что и Иван IV, и его русские подданные считали Россию монастырем, в котором «каждый человек имеет свое послушание (обязанность) перед государством и его главой, олицетворявшем и представлявшем Бога на земле», потому что Россия, Третий Рим, должна была «нести истину Христову во тьму неверия и язычества». Они восхваляют Ивана за «построение общества социальной справедливости и объединение вокруг Москвы Евразии». Невзирая на исторические факты они полагают, что за царствование Ивана «территория Российского государства увеличилась в два раза, население приросло на одну треть, Россия стала державой мирового уровня и обрела мощь, которая [...] поддерживала её поступательное развитие на протяжении полутора столетий — до реформ Петра I» (Там же).

Вместе с остальными членами Изборского клуба они предлагают «обратиться [...] к тому уникальному опыту, который оставил нам [...] Иван IV». Повторяя, что и Сталин создал свой собственный вариант опричнины, Манягин и Кривоносов утверждают, что «госстроительство» Ивана Грозного должно стать образцом для нынешней России, потому что этот царь преодолел раскол между властью и народом. Следуя его примеру, место классов с их раскольническим мировоззрением займут сословия, которые «трудятся совместно во имя сверхцели, сверхидеи, одинаково важной для всего народа» (Там же).

Новое государство-цивилизация, в центре которого будет находиться новая опричнина, будет иметь «ядро (Россия) и два слоя — “внутренний” (“Русский мир”) и “внешний” (“Евразия”)». Говоря языком программных «Основ государственной культурной политики» (2014) Владимира Мединского, Манягин и Кривоносов хотят, чтобы русские стали государствообразующим народом этого общества будущего,

и предлагают «распустить все партии, включая “правящую” [«Единую Россию» — Д. Х.], и сформировать в России сословную структуру общества, как наиболее пригодную для будущей цивилизационной модели» (Там же).

Манягин и Кривоносов приняли активное участие в кампании за возвращение памятника Ивану Грозному в Александров (*lenta.ru*, 2016-6). Мало того: они рекомендовали также учредить в Александрове Институт развития российской государственности имени Ивана IV Васильевича Грозного.

Опричнина как образ жизни

Возвращение опричнины не следует считать лишь интеллектуальной игрой, досужими домыслами правых экстремистов. В России есть люди, которые действительно предпочитают жить по опричным правилам. На самом деле неоопричнина — это движение, либо основанное на царебожии, либо весьма напоминающее его верования.

Верховский отмечает в своем исследовании ранних стадий движения царебожия, что неоопричники и национал-монархисты считают диктатуру единственным способом установить в России самодержавную монархию, которую они представляют себе в виде корпоративного фашистского государства а-ля Муссолини под управлением русского православного царя²². С самого начала, то есть с начала 1990-х годов, их публикации отличались пропагандой расистских и других ксенофобских преступлений. Концепция «священного террора» против врагов русского народа и Русской православной церкви наводит на мысль об их сходстве с так называемым «русским политическим православием» и террористическими государствами наподобие ИГИЛ. И действительно, некоторые из этих движений, общин и сетей хотят видеть себя воинскими орденами.

22. Например: Александр Елисеев (*Царский опричник*, 2001, http://oprchnina.chat.ru/opr10/10_3.html; *Царский опричник*, 2002, http://oprchnina.chat.ru/opr12/12_5.html).

Заметное место среди неоопричных группировок занимает Союз православных хоругвеносцев, который создал в 1992 году Леонид Симонович-Никшич. Симонович-Никшич твердо верит, что пытки и казни, совершавшиеся опричниками, шли на благо врагам царя, так как давали им возможность искупления грехов и примирения с Богом, тем самым открывая дорогу в рай:

[О]н как бы обращался к своим врагам: «Придите к нам и покайтесь, — и мы упокоим вас! Мы лишим вас тревоги и безпокойства [sic!], и спасем вашу душу для упокоения вечного... Мы вас, конечно, казним, и смерть ваша будет лютой, ибо страдания при жизни, страдания принятые от карающей Царской десницы есть очищение и искупление. Перед смертью вас исповедует священник и вы, прощённые, с отпущенными грехами, пойдёте прямо на Небеса».

Завтра, 2016.

Вера в то, что гнев царский есть также и гнев Божий, а царская кара — способ избежать вечных мук, весьма распространена среди поборников царебожия и последователей неоопричного движения. И патриарх Алексий, и патриарх Кирилл публично чествовали Симоновича-Никшича; церковь не возражала и против сожжения Союзом «кощунственных» книг (в том числе «Дня опричника» и «Сахарного Кремля» Владимира Сорокина и «Евангелия от Владимира», которое написал одиозный путинист, телеведущий Владимир Соловьев), а также афиши фильма «Матильда» (снятого в 2017 году Алексеем Учителем и повествующего о романе Николая II с балериной Матильдой Кшесинской) и фотографии самого режиссера.

В России есть несколько общин, следующих правилам опричнины. Одна из них — «Опричное братство во имя благословенного царя Иоанна Грозного», которое возглавляет Андрей Щедрин (литературный псевдоним — Николай Козлов). Оно базируется в деревне Кощеево Ярославской области, неподалеку от города Любима. Козлов, издающий газету «Опричный листок», придерживается радикально-монархических воззрений

еще с 1980-х годов (Дворкин, 2004). Центральное место в его взглядах занимают мнимый еврейский заговор и позаимствованное у Снычева убеждение в том, что террор Ивана Грозного был единственным средством от евреев, жидовствующих еретиков и их попыток извратить «святое бытие» России. Козлов считает, что Иван Грозный должен быть канонизирован (Там же), превозносит Сталина, которого он называет «Великим инквизитором наших дней», и предлагает канонизировать и его, потому что Сталин «помышлял о возвращении державных двуглавых орлов вместо кровавых жидовских звезд на шпили кремлевских башен» (Там же), — то есть подразумевает, что и большевистская революция была плодом еврейского заговора. Александр Дворкин, много писавший о Братстве, подчеркивает, что в работах Козлова важное место занимают пытки, которые тот оправдывает тем, что палач отпускает грехи своим жертвам и спасает их души, отправляя их напрямиком на небеса (Там же). (Эти идеи напоминают тезис Юрганова о якобы религиозных мотивах опричнины Ивана Грозного.) Опричное братство включает в себя несколько семей и владеет несколькими домами в Кошечее. Дети его членов не ходят в школу; многие из них неграмотны. Мужчины занимаются физическим трудом и разъезжают по всей стране, продавая свои пропагандистские материалы. Неофиты проходят церемонию посвящения. Жизнь общины организуется Козловым, который называет себя «царем-игуменом» и «баринном», а всех остальных — «холопами». У холопов нет имен; барин зовет их по кличкам и постоянно нагружает тяжелой работой. Он выслушивает их исповеди в опричной церкви, а затем соответствующим образом вознаграждает и наказывает своих «детей». Доносы холопов друг на друга — обычное дело; в норме и физические наказания. Как сообщает Дворкин, опричники Козлова — его личная охрана — управляют общиной при помощи силы и запугивания Антихристом, Апокалипсисом и так далее. Известны случаи, когда они нападали на местных милиционеров. Дворкин полагает, что Козлов хотел стать новым русским царем и указывает, что, хотя Козлов обвиняет Русскую православную церковь и ее иерархию

во всевозможных грехах, его влияние распространилось и на верующих за пределами его общины (Там же).

Другую неоопричную группу, «Братство во имя святого преподобного Иосифа Волоцкого», возглавляет Анатолий Макеев, считающий своей миссией бороться с ересями жидовствующих (как боролся с ними в свое время Иван Грозный). Он называет распространителей этих ересей «миссионерами Антихриста», что, естественно, означает, что против них можно применять любые меры²³. Еще одной крупной сектой царбожников, в Боголюбовском монастыре во Владимире, управляет некий отец Петр (*Новая газета*, 2017). Несмотря на жалобы о телесных наказаниях и жестоком обращении с детьми, на момент написания этой книги эта секта еще не была распущена властями.

Возможно, самый красноречивый пример, демонстрирующий не только размах этого движения, но и его социальную организацию, дает неоопричная секта, организованная схиигуменом Сергием, духовником Среднеуральского женского монастыря в Екатеринбургской епархии: он завладел монастырем после бегства его настоятельницы и нескольких монашек. Сергей (род. 1955), закончивший школу милиции и сменивший мирскую фамилию на Романов в честь убитой царской семьи, был в 1986 году приговорен к тринадцати годам лишения свободы за грабеж и убийство (*Компромат1*, 2017). Освободившись в 1997 году, он принял монашеский постриг у архиепископа Екатеринбургской епархии Викентия, хотя православная церковь официально запрещает допускать в монашество осужденных преступников. Сергей участвовал в строительстве монастыря в Ганиной Яме (где, как считают некоторые, были похоронены Николай II и его семья).²⁴ В монастыре проживало около трехсот человек, и его обитатели также находились в деревне Новоселовой (*Новая газета*, 2017). Как пишет «Новая

23. Об этой секте см. текст Лихачева: Центр «Сова» (2003, <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/antisemitism/antisemitism-trends/2003/08/d772/>).

24. О захоронении царской семьи см.: Rapport (2009: 203–205).

газета», в разных отделениях секты было в общей сложности около 1000 активных членов. Как и в других неоопричных общинах, в ней были обычным делом физическое насилие и запугивание (в данном случае этим занимались «опричники» — бывшие заключенные, отбывавшие наказание вместе с Сергием). Неофитов, которыми часто бывали одинокие женщины, принуждали продавать дома и отдавать полученные деньги секте (*Компромат1*, 2017²⁵). Поскольку царебожие утверждает, что паспорта и ИНН — изобретения Сатаны (сходной догмы придерживаются и староверы), новые члены должны были сжигать свои документы, тем самым переставая существовать для государства и, следовательно, попадая в полную зависимость от секты.

У секты Сергия имелись обширные связи, в том числе с несколькими нынешними и бывшими депутатами Госдумы (например, Натальей Поклонской), а также руководителями московских банков и главами преступных группировок (*Новая газета*, 2017). Сергей поддерживал тесные отношения с «крестными отцами» организованной преступности в своей области и за ее пределами, а те оказывали его секте активную поддержку. Этот пример ясно показывает, что царебожие в частности и русское монархистское движение вообще не видят ничего дурного во включении в свою социальную ткань элементов криминальной организации аналогично проникновению мафии во все сферы постсоветского общества. Очевидно, что с точки зрения социальной организации у преступных группировок и неомедиевальных сект есть общие черты.

В открытом обращении, с которым Сергей выступил в июле 2020 года, он потребовал, чтобы Путин отдал ему управление страной на три дня: за это время он обещал «навести порядок в России» (*ura.ru*, 2020)²⁶. Летом 2020 года Екатеринбургская

25. https://kompromat1.online/articles/54958-rejderckij_zahvat_monah_s_kriminalnym_proshlym_i_pokojnyj_vor_v_zakone_chno_svjazyvaet_prokurora_kryma_s_uralom

26. <https://ura.news/news/1052440518>. См. также: Центр «Сова» (2020, www.ura.news).

епархия запретила его в служении, а затем отлучила от церкви. В декабре того же года ОМОН взял штурмом монастырь Сергия, его собственность была конфискована патриархией, а сам Сергей арестован²⁷. В январе 2023 года его судили за экстремизм и приговорили к семи годам заключения.

Несмотря на конфликты Сергия с епархией по вопросам владения недвижимостью, его судьбу, по-видимому, решил прямой выпад в адрес Путина. Это, однако, не отменяет того факта, что царебожие пользуется немалой политической поддержкой, и его влияние продолжает расти. Как пишет Александр Солдатов, «это настоящая “потаенная русская вера”, которая скрыта под покровом Московской патриархии» (*Новая газета*, 2017). Ежегодный крестный ход из Екатеринбурга на Ганину Яму, ставшую теперь главным центром культа царебожия, разросся от нескольких десятков человек в 1992 году до 100 000 в 2018 (*Рамблер*, 2018)²⁸. И, как показывает Маргарет Комер, городские власти Екатеринбурга оказывают гораздо большую финансовую и культурную поддержку мемориалу Романовых, чем мемориалу «12-й километр», созданному на месте многотысячных казней в эпоху сталинского террора: за ним ухаживают лишь немногие оставшиеся в живых родственники жертв (Comer, 2019).

Тот факт, что популярность царебожия и неоопричного движения в России растет несмотря на использование ими принуждения и физического насилия, может, в частности, объясняться широкомасштабной пропагандой террора. Член Библейско-богословской комиссии Русской православной церкви Аркадий Малер заявил, осуждая царебожие, что «[и]з этой установки неизбежно возникает особое понимание морального и физического насилия как единственно возможного способа общения с окружающим миром, — не убеждение, а

sova-center.ru/religion/news/extremism/counter-extremism/2020/07/d42683/).

27. <https://66.ru/news/society/240006/>; <https://lenta.ru/brief/2020/12/29/sergy/>

28. <https://ura.news/news/1052440518>

внушение; не общение, а подавление» (*Татьянин день*, 2010)²⁹.

Два аспекта царебожия — его мобилизационный настрой и его милитаризм (Кнорре & Засядько, 2021) — делают эту секту, вызревшую в лоне русского православия, важным фактором формирования постсоветской мобемори. Некоторые исследователи утверждают, что царебожие видит в «святых Романовых» «в основном [...] нравственные ориентиры — пример для нынешнего русского народа», и их культ создает «новую мораль», служащую нуждам «христианских патриотов» (Rousselet, 2011). Я, напротив, считаю царебожие важной составляющей русского неомедиевализма, проводником неомедиевальной мобемори, которая по разным каналам распространяет в постсоветском обществе пропаганду террора. Уже тот факт, что тысячи человек добровольно живут в общинах опричного типа, красноречиво говорит о социальной привлекательности теорий реставрации опричнины, рассмотренных выше, и демонстрирует, что они органично вписываются в жизнь путинской России.

29. www.taday.ru/text/712171.html

V.

ОПРИЧНИНА И КРЕПОСТНОЕ ПРАВО В ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕБАТАХ

В этой главе я анализирую влияние, которое политический неомедиевализм оказывает на российскую культуру. Эта тема до сих пор не рассматривалась в исследованиях, посвященных изображению насилия в постсоветской популярной культуре¹. Я показываю, что кремлевская неомедиевальная политика памяти обусловила особенности постсоветских репрезентаций насилия и в частности государственного террора, осуществлявшегося опричниной. Одержимость постсоветской популярной культуры образами террора создала уникальный контекст для формирования постсоветской мобмемори.

Тема опричнины, всегда вызывающая множество разногласий, стала предметом ожесточенного литературного спора, который породил знаковые дебаты в российских СМИ и вызвал целый

1. О репрезентациях насилия в постсоветской популярной культуре см.: Borenstein (2008), Lipovetsky & Beumers (2009) и Ямпольский (2018).

спектр политических реакций². Убедительную иллюстрацию того, насколько важное место этот спор занял в постсоветской культурной и политической жизни, дает тот факт, что он фигурирует сразу в нескольких романах — это «Третья Империя. Россия, которая должна быть» Михаила Юрьева (Юрьев, 2007), «День опричника» Владимира Сорокина (Сорокин, 2006), «Кысь» Татьяны Толстой (Толстая, 2000), «День отличника» Максима Кононенко (Кононенко, 2008) и «Дело жадного варвара» Хольма ван Зайчика (Рыбаков & Алимов, 2003). Как будет сказано ниже в этой главе, спор этот, который коснулся также романа Петра Краснова «За чертополохом» (Краснов, 1922) и «Симфонии “Пятой Империи”» Александра Проханова (Проханов, 2007), продолжился и в нескольких фильмах.

Когда писались эти постсоветские романы, неомедиевальная политика памяти еще только создавалась, ультранационалистические движения и секты, которым Кремль в 2010-е годы отдаст на откуп многие из своих политических инициатив, были еще на стадии формирования, а историки только открывали «духовную сторону» террора. Бурные дебаты, вызванные этими литературными произведениями, вдохновлялись в первую очередь не «тонкой обратной связью» между жизнью и искусством³, а прямой связью между художественной литературой и политикой. Интертекстуальный диалог между этими произведениями способствовал поляризации общественного мнения, которая содействовала формированию мобмемори. Однако, хотя популярная культура играла и играет ключевую роль в преобразовании памяти об опричнине в мобмемори, она в то же время представляет собою ту арену, на которой возможно противостояние неомедиевализму и мобмемори. Анализ этого интертекстуального спора помо-

2. О роли и политической контекстуализации истории в литературном процессе начала постсоветского периода см. Marsh (2007).

3. О «тонком и замысловатом контуре обратной связи» между искусством и жизнью в русской литературной культуре девятнадцатого века и его взаимодействии с терроризмом до тираноубийства включительно см.: Palyk (2017). См. также: Gibian (1983) и ответ Нормана Наймарка на эту статью: www.jstor.org/stable/762256.

гает выявить важный механизм формирования мобемори — а именно, влияние, которое оказала на нее «культура селебрити». Поэтому я анализирую эти работы в первую очередь не как литературные тексты, но сосредотачиваюсь в основном на их вкладе в дебаты о неомедиевальной политике памяти.

Опричнина в «Третей Империи»

В 2006 году автор политического памфлета «Крепость Россия» Михаил Юрьев опубликовал утопический роман «Третья Империя. Россия, которая должна быть» (о котором довольно подробно говорилось в предисловии). «Третья Империя» наделала много шума в российской общественной жизни 2000-х годов, но сумела остаться незамеченной исследователями⁴. Поданный в форме учебника истории, сочиненного латиноамериканским автором в 2054 году, роман рассказывает о Третьей Российской империи, которую построили Владимир Восстановитель и его преемники в традициях «великих евразийских империй — Римской, Византийской, Монгольской и Российско-Советской» (Юрьев, 2007: 980). Юрьев превозносит Сталина, которого он называет «Иосифом Великим», основателем российской славы, приписывая ему заслугу восстановления несокрушимой военной мощи России и восхищаясь его свершениями: завоеванием новых земель, уничтожением в эпоху Большого террора бесполезных элит и «внутренних врагов России» и депортацией целых народов во время Второй мировой войны. Ленина же он, напротив, зовет «Владимиром Иудой» за измену русскому национализму и разрушение Российской империи (там же: 16). В утопии Юрьева Россия завоевывает Европу и Соединенные Штаты. Абсолютное военное торжество России отмечается парадом на Красной площади, который Юрьев сравнивает с парадом Победы 1945 года. Среди военнопленных в этом параде унижению подвергнуты не только военачальники, но и представители всех элит США:

4. Я ввела анализ этого романа в научный обиход в статье «Рабские мечты об имперском величии» (Хапаева, 2017).

президент Буш III и бывшие президенты Билл Клинтон, Буш-младший и Хилари Клинтон, действующие и бывшие члены кабинета, конгрессмены и сенаторы, банкиры и промышленники, газетные обозреватели и телевизионные ведущие, известные адвокаты и топ-модели, эстрадные певцы и голливудские актрисы. Все они прошли по Красной площади в наручниках и с табличкой со своим именем на шее [...] Российская власть давала понять и своим гражданам, и всему миру, что Россия воевала и победила не американскую армию, а американскую цивилизацию.

Там же: 91-92.

Тотальная война с Западом велась, чтобы отсрочить Апокалипсис. Император Гавриил — главный герой романа Юрьева — ополчился против Запада главным образом потому, что искал «следы реальных связей с дьяволом, которого считал, как правители Средневековья, абсолютной реальностью и своим личным врагом» (там же: 137).

Призыв к геноциду целых соседних народов — лишь одна из многих неофашистских черт романа. В Третьей Российской империи некоторым народам (например, немцам) позволено выжить и даже предоставлены некоторые права. Другие — балтийские государства, Польша и Украина — должны быть истреблены российскими войсками, которым «была поставлена задача уничтожить максимальное количество живой силы, зданий и сооружений» (там же: 101). Все зарубежные страны — извечные враги России, принадлежащие к миру, «абсолютно чуждому и враждебному» (там же: 277).

Писания и устные заявления ультраправых консерваторов из Изборского клуба рассматриваются иногда как идеологическая подготовка российской военных операций⁵. Утопия Юрьева выделяется на их фоне особенной точностью предсказаний по части российской стратегии гибридной войны и военных кампаний

5. Михаил Сулов отмечает беспрецедентное слияние фантастической литературы с поддерживаемым государством консерватизмом, что свидетельствует о тесных связях пропутинских писателей с президентской администрацией и православной церковью (Suslov, 2019).

России в двадцать первом веке, в том числе и войны против Украины.

В утопическом романе Юрьева, написанном для популяризации и пропаганды неоевразийской доктрины, русские называются «стержневой» нацией. В составе населения Третьей империи «численность русских (по крови) растет, в то время как численность почти всех других народов уменьшалась и продолжает уменьшаться» (Юрьев, 2007: 172). Только русские имеют право выбирать место жительства и род деятельности, а у народов, покоренных Третьей империей, такого права нет (там же: 615).

Однако дело не только в национальности. Юрьевская Россия — империя и самостоятельная цивилизация. (Идеальный мир Юрьева разделен на пять империй — они же цивилизации.) Россия, покорившая целых два континента, изолирована от остального мира как в культурном, так и в экономическом отношении и живет в условиях жесткой диктатуры и цензуры. Четыре основополагающих «источника», жизненно важные для мировоззрения Третьей империи, суть «древняя доэтническая традиция ощущения иноплеменников как абсолютных чужаков, средневековая традиция религиозного отчуждения от окружающего мира, социалистических времен традиция восприятия остального мира как отсталого и недоразвитого и новейшая традиция отчужденного восприятия внешнего мира как априори русофобского»; они «породили современное отношение русских к внешнему миру как к абсолютно чуждому и враждебному, но с нейтральной эмоциональной оценкой, без всякой злобы — как к природной стихии» (там же: 277).

Что же, интересно знать, дала Россия покоренной Европе и США? Предмет особенной гордости Юрьева за русскую цивилизацию составляет общая трапеза (*братчина*), которая заканчивается дракой, «но без злобы». По его мнению, в этом состоит *скрепа* русского общества и отражается главная особенность русского национального характера (там же: 222–224). Однако этих регулярных драк недостаточно: кулачные бои между целыми сосед-

ними общинами также жизненно важны. По Юрьеву, они и есть сокровеннейшая ценность русской цивилизации (там же: 224).

Самый интересный с точки зрения формирования мобемори аспект «Третьей Империи» заключается в том, что Юрьев популяризирует в ней неоевразийский социальный проект, который он всецело поддерживает. В конституции России, изображенной в романе, «имеется ряд принципов, сильно отличающих ее (и как следствие — саму Россию) от остального мира»: Россия представляет собою сословное общество (там же: 274–309). Юрьев уточняет, что русские сословия не аналогичны сословиям феодальным, а также отличаются от марксистских классов, потому что их место в социальной иерархии не зависит от богатства и капитала. Политическую власть имеет лишь одно сословие, опричники — сверхчеловеки, обладающие эксклюзивным правом выбирать членов правительства и даже самого императора (там же: 65, 198). Только они могут служить в государственной администрации, армии и полиции. Есть у опричнины и социальное назначение — управлять этим обществом, «отделять овец [sic!] от козлищ, воинов по духу — от обычных людей, превращая потенциальных врагов режима в его опору» (там же: 203). У двух остальных сословий — духовенства и третьего сословия — никаких политических прав нет. Причем духовное сословие в этой многоконфессиональной империи состоит исключительно из православных священников: все остальные конфессии по определению попадают в третье сословие, в которое входят «предприниматели и работники, ученые и писатели, артисты и инженеры и т. п.»; только оно и платит налоги, в то время как опричники и православное духовенство от налогообложения освобождены (там же: 220).

Нет ни законов, ни обычаев, которые защищали бы третье сословие (*земство*) от опричников или всемогущего императора. Юрьев не заблуждается относительно того, что третье сословие смотрит на опричников и режим в целом со страхом и сдержанной враждебностью. Он не отрицает, что референдум не выразил бы поддержки репрессивной конституции этой страны. Именно

поэтому в принятии политических решений могут участвовать только опричники, и в этом, как утверждает Юрьев, и состоит существенное преимущество конституции Третьей империи перед любой разновидностью демократии (там же: 199).

Государство обеспечивает опричников всем необходимым, так что им — как советским аппаратчикам — незачем «думать о деньгах» или любых других материальных аспектах жизни. Опричники Юрьева, новейшие наследники опричников Ивана Грозного, верны только своему повелителю, императору, и исполняют обязанности тайной полиции, подчиняющейся непосредственно ему. В соответствии со своим историческим наследием они правят Россией посредством неограниченного террора, топя бунты — если таковые случатся — «в крови» (там же: 203). В состав кодекса чести опричников входит средневековая кровная месть, укрепляющая их власть, поскольку она внушает массам еще более сильный страх: они никогда не оставляют смерть своих без отмщения.

Хотя Юрьев заявляет, что опричником может стать кто угодно, будь то мужчина или женщина, если он или она следует правильной процедуре, он подчеркивает, что Третья империя — общество кастовое, и, подобно Дугину, считает эту форму общественного устройства наилучшей (там же: 175). Опричники и остальное население — «это практически разные биологические виды, хотя похожие внешне и способные к скрещиванию» (там же: 197). Кастовая идеология составляет важную часть подготовки опричников, а кастовое отношение к третьему сословию и иностранцам образуют суть российского сословного общества.

Юрьев пишет, что жизнь опричников наполняют «убийства [...], пьянство и блуд», но объясняет, что ни православная церковь, ни отдельные ее священники никогда не осуждают этих явных нарушений Десяти заповедей (там же: 198). Опричники «чувствуют себя поставленным Богом дозором [...], и, когда все вокруг начнет рушиться, это будет для них тем, чего они всегда и ждут и в чем видят смысл своего существования» (там же: 203, 186). В этом он очень близок к доктрине царебожия и ее трактовке

опричников Ивана IV как «небесного воинства», которое будет вести «решающую эсхатологическую битву непосредственно перед “Концом Света”⁶». Такое ожидание конца времен помогает обосновать исключительное место опричников в социальной иерархии Юрьева. Поскольку он, как и Дугин, испытал влияние кельтского мистицизма, его опричники верят, что их судьба — погибнуть в последней гигантской войне богов. Его представление об опричниках как «наследниках варягов» напоминает о бронзовом памятнике варяжскому князю Владимиру, который был воздвигнут на Красной площади в 2016 году (Юрьев, 2007: 186). Наконец, опричники в утопии Юрьева — как и в исторических работах Шарова — образуют «братство». Они воплощают лучшую часть русского народа и «глубинные архетипы народного сознания» (там же: 199). Помимо этого, его опричники одарены некоторыми необычайными физическими способностями, в том числе умением останавливать собственное сердце, чтобы умереть в случае пленения.

Юрьев помещает опричнину в центр своей утопии, но ощущает потребность объяснить, что его опричники лучше, чем были у Ивана Грозного, и даже признает, что опричники Ивана оставили по себе жуткую память. Поэтому его опричники берут себе другую мифологию: они не палачи, а «пастыри народа», а их лозунг — «пасти и защищать». Тем не менее, Юрьев наделяет их функциями и символами власти средневековой опричнины: головой собаки (но овчарки) и метлой (превратившейся в «посох»).

Его попытки отмежевать своих опричников от их исторических предшественников свидетельствуют о том, что в середине 2000-х, когда Юрьев писал свой роман, царевич и Иван IV

6. «Заметим, что вместе с эсхатологическим прочтением фигуры Ивана Грозного происходит и эсхатологическое прочтение опричнины. Если Грозный видится грядущим земным судьей, то опричнина осмысливается как прообраз “небесного воинства”, призванного принять участие в решающей эсхатологической битве, непосредственно перед “Концом Света”. Для подготовки к нему опричнина должна очистить Россию, отделить “добрые семена русской православной соборности и державности” от “плевел еретических мудрствований, чужебесия”» (Кнорре, 2011: 525).

еще не достигли своей нынешней популярности в постсоветском обществе; не укоренилась еще и государственная пропаганда средневекового террора. Осуждение опричнины сохранялось до середины 2000-х годов, когда в религиозном и социальном дискурсе, а затем и среди широкой общественности, начало распространяться более позитивное отношение к ней. Учитывая, что главной целью юрьевского романа 2006 года была пропаганда и популяризация неоевразийского социального проекта, на этой ранней стадии перекройки исторической памяти опричнины ему еще нужно было дистанцировать своих опричников от палачей из средневекового прошлого.

Неоевразийское движение активно пропагандирует роман Юрьева, особо подчеркивая его социальные аспекты. Интернет-портал «Однако», который ведет неоевразиец Михаил Леонтьев, особо акцентирует значение кастового общества в утопии Юрьева. Отрывки из «Третьей Империи», опубликованные на сайте «Однако» для охвата более широкой аудитории, касаются исключительно опричнины и сословного общества. Это сокращенное изложение, озаглавленное «Третья Империя: сословная структура», имеет красноречивый подзаголовок: «Представление об общественно-политическом устройстве России будущего: право на власть принадлежит только воинам — вместе с обязанностью защищать родину и погибать за нее» (*Odnako.ru*, 2007)⁷.

Третья Империя... за чертополохом

В «Третьей Империи» ясно видно влияние Дугина и Снычева, но у нее есть еще один отдаленный и непризнанный, хоть и очень важный идеологический предшественник: Петр Краснов. Хотя ни Снычев, ни Юрьев прямо не ссылаются в своих произведениях на роман Краснова «За чертополохом» (1922), крайне маловероятно, чтобы они не были знакомы с этим эталонным образчиком русского национализма⁸. Хотя роман этот был опубликован в

7. www.odnako.org/almanac/material/tretya-imperiya-soslovnaya-struktura/

8. Роман Краснов, впервые опубликованный в Берлине в 1922 году, был переиздан в Риге в 1928–1929 гг. В постсоветской России он выходил

России только после 2000 года, сам Краснов еще в советское время был культовой фигурой для русских националистов, легендой их исторического пантеона и символом белогвардейского движения, которым они в большинстве своем восхищались. Одна из возможных причин, по которым Снычев, хорошо знакомый с другими трудами русской эмиграции, не упомянул его, могло быть сотрудничество атамана Краснова с нацистами⁹. Несмотря на его собственные неонацистские взгляды и многочисленные параллели между его работами и произведениями Краснова, сталинский миф о Великой отечественной войне, которую он считал важнейшим историческим доказательством мессианского призвания России, был для Снычева настолько важен, что он не мог публично солидаризироваться с пособником нацистов.

Отсутствие ссылок на Краснова у Юрьева можно объяснить аналогичным образом. В середине 2000-х, когда военный миф стал краеугольным камнем путинской политики памяти, сотрудничавший с нацистами Краснов вряд ли годился в приемлемые предшественники тем, кто, как Юрьев, постоянно пытался повлиять на политику Кремля. Однако друг Юрьева Дугин и писатель Эдуард Лимонов, бывший наперсник Дугина, создавший вместе с ним Национал-большевистскую партию, открыто называют Краснова одним из источников своего вдохновения — возможно, не в последнюю очередь потому, что их увлечение фашизмом ни скрыть, ни отрицать невозможно (*ВикиЧтение*¹⁰, б.д.).

В 2000-х и 2010-х годах популярность Краснова среди русских националистов устойчиво росла¹¹. В 2006 году по инициативе атаманов донского казачества ему был воздвигнут четырехметровый памятник в Ростовской области. В 2016 казацкие атаманы

несколько раз: Краснов (2002; 2011; 2014). Кроме того, роман был включен в два собрания сочинений Краснова: Краснов (2000; 2012).

9. См. высказывания Снычева о Сергее Булгакове и Бердяеве (Снычев, 2017: 430–439).

10. <https://history.wikireading.ru/153917>

11. О попытках превратить неоднозначность его образа в политический символ см.: Рвачева (2020).

начали активную реабилитация Краснова, осужденного в 1947 году за сотрудничество с нацистами¹². А в 2020 телеведущий Дмитрий Киселев, которого называют «голосом Кремля», призвал поставить памятники нескольким белым генералам, в том числе Краснову, в программе «Вести недели» на государственном телевидении (*lenta.ru*, 2020).

Несмотря на различия сюжетов утопий Юрьева и Краснова, они едины в видении средневекового будущего России и ее общественного устройства. Действие романа «За чертополохом» разворачивается в конце двадцатого века. Красная армия самоуничтожилась, а также уничтожила миллионы мирных граждан, в безуспешной попытке напасть на Европу с использованием химического оружия. За этим последовали экологическая катастрофа и эпидемия чумы, и в результате Россия оказалась окружена гигантской стеной чертополоха, отрезавшей ее от остального мира на целые десятилетия. В отличие от пораженной социализмом Европы — а либеральную, демократическую Европу Краснов считает своим врагом номер один, а также извечным врагом России, — Россия восстановила свою цивилизацию по образцу допетровского средневекового устройства и теперь готова к новым завоеваниям. Геополитические притязания Краснова те же, что у нынешних российских ультраправых: восстановить Российскую империю. Европа, долго «кравшая» у России земли, должна вернуть их, а взамен ей будет позволено приобщиться «к великой христианской вере, русской культуре». Покорение Европы Россией будет — в той же мере, что и покорение Европы и США в романе Юрьева, — благом для европейских народов:

[Европа] краля достояние российской короны, как крадет вор имущество во время пожара. И украденное должно быть возвращено. Эти куски не так нужны русскому народу, как им самим

12. См. подробности о петиции 2016 года за снос памятника Краснову см. в: *Коммерсантъ* (2016).

*необходимо приобщиться к великой христианской вере, русской культуре*¹³.

Читатель узнает, что Россия по Краснову также планирует завоевать Латвию, некоторые части Польши, Бессарабию, Финляндию, некоторые части Китая и Монголию (там же). В основе имперского видения Краснова — как и у Снычева, Юрьева, Дугина и им подобных — лежит мессианская роль русского народа.

Краснов, которого Дугин называет русским патриотом с европейским уклоном, гораздо ближе к неоевразийской доктрине, чем к ее эмигрантскому евразийскому аналогу (Дугин, 2005: 37). Краснов презрительно называл современных ему эмигрантских евразийских мыслителей «отвратительной помесью коммунистов со славянофилами», потому что они не мечтали о мировом господстве России и не скрывали своего отрицательного отношения к русскому шовинизму¹⁴. Другое важное отличие Краснова и неоевразийцев от мыслителей русской эмиграции состоит в том, что последние считали рабство абсолютно неприемлемым.

Текст Краснова, до гротескности пронизанный мотивами и выражениями из русского фольклора, прославляет самодержавие и сословное общество (Краснов, 1922: 196). Крестьяне называют всякого дворянина «барином», воспитываются «в труде и смирении» и должны «иметь любовь в сердце своем» к своим господам (там же: 103). Барина они приветствуют в выражениях, традиционно использовавшихся русскими крепостными при обращении к господам (там же: 98). За сельскохозяйственное оборудование и скот, предоставленные им царем и боярами, крестьяне расплачиваются своим трудом.

Краснов рисует яркую картину «перевоспитания» тех, кого он считает пьяницами и люмпенами: их «посылают на тяжелые работы и заставляют там научиться уважать труд и собствен-

13. Если не оговорено иное, цитаты приводятся по изданию Краснов (1922, здесь: 222).

14. Краснов хорошо знал, что они не разделяют его взглядов на будущее России.

ность» по образцу древней Руси, которая «поработила никчемных пьяных людей и заставила их работать так, как только и умеет работать русский крестьянин — от зари до зари!» (там же: 216, 263). В этом обществе, в отличие от того, что Краснов называет «прогнившими европейскими демократиями», больше нет ни бродяг, ни других отбросов общества, а бездельничать позорнее всего (там же: 37, 134). Центральное место в социальной концепции Краснова занимает общественное устройство, основанное на рабском труде. Рабы занимаются самым тяжелым физическим трудом, но «отлично содержатся» и имеют надежду на социальную мобильность, если они «талантливы и усердны». Однако Краснов, по-видимому, относился к русскому крестьянству более сочувственно, чем Дугин, Юрьев или идеологи Института динамического консерватизма (ИДК) относятся к низшим классам нынешней России. В отличие от Максима Калашникова из ИДК он хотя бы не предлагал истребить их в количестве «порядка 30 миллионов».

Как и у Юрьева, утопию Краснова скрепляет государственный террор. В его романе военные контролируют все аспекты жизни общества (там же: 119). Крестьяне и рабочие трудятся под их непосредственным началом, и те, кто не подчиняется приказам, подвергаются жестоким телесным наказаниям (например, вырыванию языка). Страх физических наказаний заставляет крестьян трудиться даже при лунном свете ночью (там же: 98).

Место человека в общественной иерархии отражается в убранстве его жилища, так как, хотя в утопии Краснова все живут в достатке, домашняя роскошь положена только военному сословию (там же: 107). Однако даже военные, повелители общества, не могут владеть никакой собственностью: все принадлежит государству и предоставляется им, чтобы предотвратить коррупцию (эта черта также есть и в утопии Юрьева). Прибегая к прямой аналогии с правлением Ивана Грозного и связанной с ним исторической терминологии, Краснов называет аристократию «ближними боярами». Они, как и юрьевские опричники, отвечают за положение дел в стране непосредственно перед царем. Еще один

средневековый термин, отсылающий к допетровскому царству, — *рынды*, личная стража царя. У Краснова рынды воплощают в себе власть царя казнить подданных по собственному усмотрению, хотя смертных приговоров в его России не существует (там же: 237). Помимо военных, роль «истинного защитника в несчастье» и гаранта общественного порядка играет полиция (там же: 185). Кроме того, есть еще городская стража, которая наблюдает за политическим поведением граждан.

Несмотря на эти многочисленные сходства, сравнение утопий Краснова и Юрьева ясно указывает на различия между общественным отношением к опричнине в начале двадцатого века и в постсоветской России. Отсутствие «опричнины» и «опричников» в романе Краснова говорит о продолжавшемся господстве чрезвычайно негативной памяти об опричнине и свидетельствует о том, насколько сильно выросла ее популярность при Путине.

Предсказывает роман Краснова и некоторые из постулатов царебожия. Восстановление допетровских традиций в утопии Краснова привело к возвращению традиционных нарядов и обычаев русского средневековья, которые — в той же мере, что и в работах Снычева, — дополняет полное господство «Домостроя» в общественной и семейной жизни и образовании (там же: 103). Подобно Снычеву, Краснов считает «Домострой» идеальным рецептом общественной организации. В его романе наконец осуществляется «Россия для русских». Центральное место в его воображаемом русском обществе занимает архаическая большая семья, членами которой считаются и домашние слуги. В этом патриархальном раю женщины и дети не участвуют в пирах вместе с гостями отца, а если и присутствуют, то молча. Образование в утопии Краснова предусмотрено разное для разных полов: женщины учатся только тому, что нужно для воспитания детей и ведения домашнего хозяйства (там же: 107). Хотя главный отрицательный герой «За чертополохом», социалист Дятлов, отзывается об этой новой России неодобрительно («Эх, вы! Опустились в средневековье»), в романе этот возврат к средневековым кор-

ням России преподносится как самое значительное достижение страны (там же: 157).

Еще одна черта, связывающая Краснова, Снычева и Юрьева, — это фиксация на священной фигуре царя. В «За чертополохом» юный русский царь, которого называют «земным богом», спасает Россию, почти уже уничтоженную большевиками. Краснов описывает распространившиеся среди отчаявшихся русских людей, преследуемых голодом, чумой и смертью, слухи о пришествии нового царя, «молодого, прекрасного, как ангел», называя его «олицетворением сказки», «чудом милосердия Божия» (там же: 197). Описанный в претенциозном стиле Краснова образ царя выглядит положительно гротескным:

Царственный юноша [...] был «грезой мечты золотой», звавшей в царство радости и счастья, он только миловал и никогда не казнил. Он был Царь — Помазанник Божий, и его имя было священно.

Там же: 117, 114.

Экономическое процветание, поразительный технический прогресс и социальный мир вернули Россию к жизни, как только на престол взошел новый Романов. Здесь — как и в «Самодержавии духа» Снычева (Снычев, 2017) и «Третьей Империи» Юрьева (Юрьев, 2007), — самодержавная монархия оказывается не просто наилучшей моделью государственного правления, но единственно возможным способом управления русским народом. В тексте Краснова Николай II, культ и канонизация которого играют основополагающую роль в царебожии, последовательно называется «святым императором» и «великомучеником» (там же: 226, 349). Единственное критическое замечание в отношении Николая касается его отречения, которое, по мнению Краснова, было причиной всех бед России. Излагает Краснов и центральную догму царебожия, а именно, что убийство Николая II было святотатством, и страна может прийти к спасению только через общенациональное покаяние: Россия может надеяться спастись единственно «[п]окаянием всенародным... Чудом милосердия Божия» (он описывает коленопреклоненный народ, бьющий

земные поклоны в экстазе любви к православной вере и царю) (там же: 89, 120). Только искупив грех убийства Николая II и его семьи, сможет Россия вернуться к жизни в мире и изобилии.

Николай II занимает Краснова гораздо больше, чем Иван Грозный: убийство царской семьи произошло всего за четыре года до публикации его романа. Однако мысль о том, что Николай II и Иван IV, «святые цари» России, будут воскрешены в недалеком будущем, также высказывается в «За чертополохом». Во время церковной службы главный герой романа художник Коренев восклицает: «Чаю воскресения мертвых!» — после чего появляется процессия призраков канонизированных русских правителей, среди которых выделяются мученики Борис и Глеб и царевич Димитрий «в кровавой рубашечке» (там же: 232). Следуя традиции дореволюционных русских националистов, Краснов называет русский народ *богоносцем*, мессианским народом; эту концепцию постоянно использует в своих работах и Снычев (там же: 37). То обстоятельство, что сегодня царебожники почитают самого Краснова как великомученика, лишний раз показывает, что его идеология, в которой отразился культ Николая II среди послереволюционной русской эмиграции, могла повлиять и на царебожие, и это помогает нам выявить корни постсоветской мобемори¹⁵. Таким образом, мы видим, что утопия Юрьева продолжает старую традицию русской ультраправой мысли с тем характерным отличием, что в ней проявляется гораздо более глубокое презрение к непривилегированным классам.

Сопrotивление новой опричнине в художественной литературе

В 2006 году Владимир Сорокин — вероятно, самый популярный из постсоветских писателей — опубликовал в ответ на утопию Юрьева свой собственный роман, антиутопию «День

15. См., например: iia-rf.ru (2020).

опричника» (Сорокин, 2006)¹⁶. Сорокин описывает новое средневековье, простирающееся далеко в будущее России. Действие романа разворачивается в 2027 году, после периода беспорядков, в котором читатель легко узнает очернительную, пропутинскую трактовку демократических реформ Ельцина. Россия, ставшая теократической монархией с сословным обществом, которое практически повторяет социальную структуру средневековой Руси, отделена от остального мира «Великой Русской Стеной». В ней есть *столбовые бояре*, высшая бюрократия, опричники и крепостные, они же *смерды* (средневековое название крестьян) (Сорокин, 2006: 21). Управляется эта Россия будущего посредством террора и репрессий, которые осуществляют новые опричники.

Как и в утопии Юрьева, в «Дне опричника» опричнина находится в центре общественного устройства, а террор скрепляет это общество. Антигерой книги, опричник Комяга, ездит на «мерседесе», к которому прикреплены собачья голова и метла. Одна из сцен в начале романа реалистично описывает убийство отца семейства, обвиненного в неверности правителю, и групповое изнасилование его жены. Отношения между опричниками напоминают отношения между членами банды; это впечатление усиливается благодаря обильному использованию постсоветского криминального жаргона, пересыпанного выражениями из русского фольклора: цинизм и преступность опричников органично сочетаются с постсоветскими нравами. Хотя обычаи русского средневековья соседствуют с передовыми китайскими технологиями, Сорокин высмеивает средневековые мечты неоевразийцев, обнажая присущий им культ насилия и террора. В его саркастической трактовке неомедиевализм лишается имперских притязаний: Россия не только не объединяет Азию и Европу под своим владычеством, но и становится экономическим придатком Китая. Российская экономика выживает за

16. В отличие от романа Юрьева, антиутопия Сорокина была предметом бесчисленных литературоведческих исследований. Однако ее описание неомедиевального общественного устройства России и значение для формирования постсоветской исторической памяти еще ждут полноценного анализа.

счет торговли нефтью и газом, а также пошлин, сборов и налогов, получаемых от переправки китайских товаров в Европу.

В противоположность мнению о том, что книга Сорокина была «прямым ответом на публикацию романа Краснова»¹⁷, есть веские основания утверждать, что мишенью «Дня опричника», который был опубликован после «Третьей Империи», был роман Юрьева. Во-первых, этого мнения придерживался сам Юрьев, о чем он говорил в интервью:

— А Сорокин не с вашей книги писал свой знаменитый «День опричника»?

— С нашей. И с нашего согласия. Он с Михаилом Леонтьевым, моим соавтором, разговаривал. Мы не возражали, он предупредил, что это будет сатирическое. Ну и на здоровье... Опричники Сорокина ничего общего с моими не имеют. Но это даже полезно, что он показал, как может быть, если сделать [опричнину — Д. Х.] неправильно?

BeZформата, 2019.

Сказанное в этом, опубликованном посмертно, интервью подтверждает литературный критик Виктор Топоров, главный редактор издательства «Лимбус Пресс», в котором увидел свет роман Юрьева:

Политологи [...] из прокремлевского клана упрекают писателя в заимствовании на грани плагиата: сорокинская «Москва-опричная» списана один к одному из «Третьей империи» Михаила Юрьева; патриотическая утопия вывернута наизнанку и превращена в антипатриотическую антиутопию.

О том, что речь идет именно о сознательном посягательстве на чужую интеллектуальную собственность, а не о невольном совпадении замыслов, автору этих строк говорил, например, известный тележурналист Михаил Леонтьев. Впрочем, Сорокин наверняка возразил бы на такие упреки тем, что, будучи принципиальным постмодернистом, подходит к классической

17. Марина Аптекман полагает, что Сорокин решил выступить в 2006 году с «Днем опричника» в ответ на переиздание «За чертополохом» в издательстве «Вагриус» (Аптекман, 2009). См. также: Аптекман (2018).

проблеме inventio|imitatio [«свое-чужое»] с поздневозрожденческой и барочной индифферентностью. Или, как говорил Маяковский про чужие рифмы: я эту птичку проглотил — и не заметил.

Частный корреспондент, 2008.

Русские ультраправые — например, Виталий Аверьянов, — не сомневались относительно того, что было мишенью романа Сорокина, видя в нем нападки на утопию Юрьева (Аверьянов, 2011-а: 153). Поэтому Союз православных хоругвеносцев счел «День опричника» (и его «сиквел», «Сахарный Кремль») угрозой для растущего влияния ультраправой идеологии. Союз устроил публичное сожжение обеих книг¹⁸.

Есть и другие доводы в пользу того, что роман Сорокина был ответом Юрьеву. Один из них состоит в том, что опричники занимают центральное место как в романе Сорокина, так и в утопии Юрьева, в то время как у Краснова, как уже было сказано, они не упоминаются вовсе. Вообще говоря, выступив против образующейся неомедиевальной политики памяти и нарождающейся мобмемори, Сорокин вызвал в российской культурной и политической жизни такой резонанс, которого никак не смогла бы произвести пародия на роман 1922 года. Роман Юрьева — это недостающее звено в интертекстуальном диалоге между Сорокиным и Красновым.

Сам Сорокин объяснил в одном интервью, как именно у него возникла идея этого романа. Обращаясь напрямую к своим соотечественникам, он сказал, что хотел «смоделировать ситуацию, о которой мечтают многие наши опричники, считая, что Россия должна отгородиться от Запада» (Трефилова, 2012). (Необходимость изоляции России от Запада — также центральная тема романа Юрьева, продолжающего в этом отношении основную идею «Крепости Россия».) Сорокин объяснял, что России, в которой опричнина продолжает жить в качестве политического проекта, еще только предстоит проработать подсознательную

18. www.sova-center.ru/religion/news/community-media/morality-defense/2008/11/d14688/

травму террора (*ИноСМИ*, 2015; Сорокин, 2021)¹⁹. Он подытожил главную мысль своего романа следующим образом: «Человек, приближенный к власти, [...] может стать оккупантом в собственной стране». Развивая эту идею, он сказал, что российские власти продолжают вести себя как опричники, тем самым становясь «наследием опричнины» (Трефилова, 2012). Ранее Сорокин подчеркивал в интервью «Известиям», что

Грозный [...] был по-настоящему больным человеком. И его личная шизофрения воплотилась в идею опричнины. [...] То есть он разделил русское общество и натравил одну часть на другую, это стало зарождением гражданской войны в России.

Известия, 2006.

Стилистическое и тематическое сходство между Сорокиным и Красновым можно проследить: Сорокин использует множество псевдофольклорных выражений, типичных для русских националистов всех времен (Artekman, 2009: 249), а также скрыто отсылает к роману Краснова, разрабатывая красновские технологические фантазии²⁰. Но, повторим, Сорокина по определению гораздо больше интересуют Юрьев и его прославление опричнины, которая, как выразилась Светланы Алексиевич, «стала нашей реальностью» (*Youtube*, 2018²¹).

Помимо утопии Юрьева целью пародии Сорокина, возможно, было высмеять и романы Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимova «Дело лис-оборотней» (Рыбаков & Алимов, 2001) и «Дело жадного варвара» (Рыбаков & Алимов, 2003); оба они вышли под именем выдуманного ими Хольма ван Зайчика²². В этих романах, которые некоторые критики прочли как апологию русского шовинизма, идиллическое государство Ордусь объединило средневековые остатки Золотой Орды, России и Китая в великую евразийскую

19. См. также рецензию Кевина М. Ф. Платта на «День опричника»: Platt (2012); <https://www.publicbooks.org/dress-up-games-with-russian-history/>

20. Например: Краснов (1922: 255, 173).

21. www.youtube.com/watch?v=OuVNzaF2jSs

22. О китайских мотивах у Сорокина см.: Погорелая (2012).

империю. Воспевая антимоdern, ван Зайчик помещает в центр своей «Евразийской симфонии» средневековый Китай, представляя его своим социальным и культурным идеалом²³.

Критики часто сравнивают роман Сорокина с книгой Татьяны Толстой «Кысь» (Толстая, 2000), также использующей неомедиевальную тематику²⁴. Этот роман, опубликованный в самом начале правления Путина, изображает российское общество после ядерной катастрофы, почти полностью уничтожившей Россию и, возможно, остальной мир. Центральное место в этой постапокалиптической антиутопии занимают отсталость, неграмотность и насилие. Картину неомедиевального общества завершают политика изоляционизма, примитивные орудия, отсутствие технологий и знаний, псевдофольклорный язык и языческие верования. «Русский мир» сократился до пары мелких, нищих общин, организованных в сословное общество.

Главный герой романа, Бенедикт, родился в семье *Прежних*, которые еще помнят доапокалиптическую жизнь, ценят культуру, знают грамоту и продолжают споры, начатые еще до катастрофы: в последних читатель узнает культурные и политические диспуты конца 1990-х. Прежние образуют замкнутый круг, которому постоянно угрожают власти, конфискующие якобы «заразные» книги и подавляющие память о развитом доапокалиптическом обществе. Бенедикт принадлежит к угнетенному большинству, которое называют *голубчиками*. Он не понимает свою мать-Прежнюю и считает ее друзей, споры и книги бессмысленной тратой времени.

Низшую касту этого общества образуют *перерожденцы* — люди, генетически модифицированные в результате ядерной катастрофы, из-за их многочисленных физических и умственных увечий. Тех, кто читает книги и/или не согласен с властями (тем

23. Об этих романах как апологии имперской идеологии см.: Невское время (2001, https://orduss.pvost.org/old/pages/press_all.html). Об антизападной идеологии романов см.: *Сегодня* (2000: 6). Анализ работ Хольма ван Зайчика см. в: Ермаченко (2003).

24. О сопоставлении этих романов см.: Радио Свобода (2006), Грешилова (2017).

самым совершая грех *своеволия*), ловят наводящие ужас санитары и забирают на «лечение». Поскольку с «лечения» почти никто не возвращается, общество живет в постоянном страхе санитаров, а те властвуют над ним.

Маленьким поселением, в котором живет Бенедикт, правит *Набольший Мурза*. Власть его абсолютна, непостижима и недоступна для голубчиков, с которыми обращаются как с детьми, нуждающимися в повседневной жизни в постоянном наблюдении и строгом руководстве. То, как голубчики приветствуют своего мурзу, напоминает традиционные обращения русских крепостных к господам, полные преувеличенных восклицаний, благих пожеланий и подобострастия (Tolstaya, 2003: 52, 55). Слово «мурза», означающее титул монгольской родовой знати, может также намекать на исторические теории, которые приписывают происхождение насилия в российской политике, в том числе опричнины и сталинских репрессий, многовековому татарскому владычеству²⁵.

Главное событие (и основная идея) романа — это трансформация Бенедикта. Бывший некогда обычным голубчиком, который боялся санитаров и сочувствовал их жертвам, он женится на дочери Главного Санитара и превращается в нелюдя, работа которого заключается теперь в бессмысленном и безжалостном уничтожении себе подобных²⁶. Самое важное сходство между романами Толстой и Сорокина состоит в том, что оба они посвящены теме террора, развязываемого государством и осуществляемого тайной полицией, которая управляет кастовым обществом, принудительно загнанным в состояние социальной и экономической деградации. Террор, лежащий в основе социальной структуры, легко превращает обычных людей в палачей.

«День опричника» (Сорокин, 2006) отличается от «Кыси» погруженностью в современные политические дебаты. Дискурс

25. Например: Vernadsky (1969).

26. Марк Липовецкий связывает эти аллюзии с посткатастрофическим «Русским миром» и «мелкомасштабным террором» (Липовецкий, 2008-6).

Сорокина напрямую борется против прославления возврата к средневековью в дискурсе российских ультраправых. Его антиутопия — это, по сути дела, программный памфлет, обличающий мобемори на ранних стадиях ее формирования. Напротив, роман Толстой, одним из первых предвидевший возможность возникновения в российской политике неомедиевальных тенденций, являлся постапокалиптической умозрительной фантастикой, пока не обернулся российской реальностью после начала войны против Украины.

Месть опричнины

Ответы на антиутопию Сорокина не заставили себя ждать. В 2007 году, через год после ее выхода в свет, председатель Изборского клуба Александр Проханов опубликовал эссе под названием «Симфония “Пятой Империи”» (Проханов, 2007). Проханов, профессиональный писатель, возможно, выбрал жанр эссе, чтобы отстраниться от «Третьей Империи»; в то же время он явно намекает на название широко известной книги Юрьева и выдвигает очень похожий набор идей. Однако в отличие от Юрьева, заглавие которого отсылает одновременно к Москве — Третьему Риму и к гитлеровскому Третьему Рейху, точка зрения Проханова в первую очередь русоцентрична. Он перечисляет пять периодов русской истории и лишь после этого доходит до Пятой империи своих чаяний:

«Пятый» драгоценный кристалл в своих гранях сбережет отражение Новгородской республики, образ Московского царства, дерзновение Петровской империи, порыв Сталинской «красной» державы, не отринув мучительной для России эры либеральных исканий.

Проханов, 2007: 65.

Проханов, подобно Юрьеву и другим ультраправым писателям, считает Россию высшей в духовном отношении цивилизацией, которой в конце концов суждено покорить весь мир. Но если Юрьев использует риторику прагматическую и рационализирующую, то Проханов охотно выдвигает гипотезы о том, что

в русской истории могут быть найдены магические и мистические «коды», и даже считает их залогом «победы России» над «фашистской Украиной» (*Завтра*, 2022-а). Его основная задача в «Пятой Империи» — предложить читателю концепцию российской цивилизации, которая охватывала бы все периоды русской истории в беспроблемном героическом нарративе, а именно, «соединить разорванную русскую историю», вернуть ее в изначальное состояние, «в непрерывный поток, в лучистую энергию исторического творчества». Эта непростая задача вынуждает его, в отличие от неоевразийцев и многих других членов Изборского клуба, позитивно отзываться даже о Петре Великом, который, с точки зрения ультраправых, осквернил идиллию русского средневековья, навязав стране западные обычаи. Хотя опричнина упоминается у Проханова лишь косвенно, он расточает обильные похвалы достижениям Ивана Грозного.

Центральное место в прохановском видении будущего российского общества занимает «Религия русской победы» — исповедальная энергия армии Пятой Империи. «Символ веры» новой военной аристократии, кадровой элиты страны». Точнее говоря, «победой “русской цивилизации”» объявляется триумф Сталина в 1945 году (Проханов, 2007). Преклонение Проханова перед военной славой России звучит как отсылка к утопии Юрьева, а в свою очередь влияние Проханова на ультраправых тоже очевидно: отзвуки его литературного стиля слышны в работах Дугина, а Виталий Аверьянов заявил в связи с началом войны в Украине, что «пятая империя уже ступила на порог» (*Изборский клуб*, 2022²⁷). Прославляя в 2007 году славную преемственность российской истории, Проханов хорошо отразил дух этого времени, в особенности кремлевскую политику рестаилинизации. Это показывает, как тесно постсоветская литература переплетена с политикой памяти, и как глубоко может проникать влияние ультраправых в кремлевскую политику памяти.

27. <https://izborsk-club.ru/22582>

Известный своими антилиберальными взглядами блогер и журналист Максим Кононенко, автор интернет-проекта «Владимир.Владимирович™», собрания комплиментарных виньеток о Путине, опубликовал в 2008 году роман-антиутопию «День отличника» (Кононенко, 2008). О том, что эта книга была ответом на знаменитый роман Сорокина, говорит не только заглавие: один знакомый Кононенко якобы видел, как тот обдумывал ответный ход, читая книгу Сорокина в самолете (*Livejournal*, 2008²⁸). В романе Кононенко, действие которого тоже переносит читателя в неомедиевальное будущее, в постсоветской России произошла «Березовая революция», установившая неомедиевальные порядки. Революция закончилась победой либерально-демократической интеллигенции, а название правозащитной организации Human Rights Watch приобрело статус символа²⁹. Теперь Россия — эгалитарное общество, которое победило коррупцию, отменив деньги и запретив добычу нефти и газа и использование электричества. Природные ресурсы России проданы корпорации «Проктэр энд Гэмбл», которая считается благодетельницей России. Россия живет в обстановке террора, установленного правозащитниками («а теперь получается, что тюрьма — это все, что снаружи камер правозащитников?» [Кононенко, 2008: 285]) и квазисредневековой нищеты. Единственный вид транспорта — лошади; «уютные» жилые трейлеры освещаются свечами и отапливаются березовыми дровами. Свобода слова сократилась до обязательных митингов, которые проводятся на площади, названной именем антироссийского президента Украины Виктора Ющенко. Там выступает со своими устаревшими концертами демократический журналист Виктор Шендерович (там же: 15). Отзвуки романа Краснова, в котором лошадь считалась лучше любого автомобиля, тоже слышны в пародии Кононенко.

Иерархию антиутопического общества по Кононенко олицетворяет 140-этажный *Фридом Хауз*, по этажам которого в соот-

28. <https://users.livejournal.com/-arlekin-/1066498.html>

29. Революцию возглавил некто Борис Березовский (в московских кругах Березовский был известен под прозвищем «Береза»).

ветствии со своими рангами распределены высшие чиновники. Доступ на верхний этаж закрыт даже российским правозащитникам: он принадлежит руководству «Проктэр энд Гэмбл». Общественная структура этой новой республики, которая называется «Д.Россия» (Демократическая Россия), напоминает демократию Древней Греции: все русские равны, но всю тяжелую работу выполняют домашние рабы, *Бахтияры* (выходцы из бывших советских республик Средней Азии):

Да, денег в свободной Д.России не ходит — они порождают коррупцию. Но товары! Товары-то у нас все таки есть! И чем выше твой статус — тем больше тебе достается товаров. Если ты мальчик — то тебе полагается столько-то, если же ты Бахтияр — то столько-то. [...] Прохудились коммуникации? В топку такие коммуникации! Воду принесут трудолюбивые Бахтияры. Помоги вынесут тоже они.

Там же: 105, 164.

Хотя роман Кононенко привлек меньше внимания читателей и исследователей, чем «День опричника» (Сорокин, 2006), он важен твердой уверенностью в том, что какой бы путь развития ни выбрала Россия, все равно ее неизбежное будущее — это сословное общество и рабство.

Еще одним ответом на роман Сорокина было не произведение художественной литературы, а историческое исследование «Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного» Игоря Курукина и Андрея Булычева (Курукин & Булычев, 2010) (последний из авторов — историк опричнины). Постмодернистская пародия Сорокина прямо указывается в ней в качестве одного из предметов исторической критики авторов. Их цель — противопоставить гипотезам, которые образовались «под сильным влиянием идей европейского Просвещения и выпестованной ими либеральной идеологии», неприменимых к средневековой Руси, попытку «познакомить читателя с людьми [...], служившими не в вымышленной, а в реальной опричнине; [...] проникнуть во внутренний мир наших соотечественников, живших в другую эпоху и по другим законам» (Курукин & Булычев, 2010: 9, 12). Хотя

в библиографии Курукина и Булычева приводятся и источники, говорящие о кровавой тирании Ивана Грозного и бесчинствах опричников, в ней также упоминаются в качестве авторитетных историков Володихин, Снычев и Дугин.

Опричнину также прославляет одно из бесчисленных произведений бульварной литературы, посвященных русскому средневековью, — роман «Виват Император!» чрезвычайно плодовитого писателя Романа Злотникова, бывшего чиновника Министерства внутренних дел. В этой книге, входящей в серию «Империя», описываются студенты Терранского университета, человеческая биология которых изменена в результате серии мучительных экспериментов, напоминающих ритуалы инициации. В результате они становятся новой кастой и даже новым биологическим видом, задача которого — восстановление монархии в России. По словам Злотникова, если тиран умен и талантлив, то «наилучшей формой правления, обеспечивающей наивысшее процветание государства и счастье народа, является именно тирания (суть [sic!] абсолютная монархия)» (Злотников, 2001). Максим Калашников (теоретик неоопричнины, которого читатель помнит по главе 4) приветствует новую опричнину в представлении Злотникова как «путь национального русского спасения» (Калашников, 2011-а: 234).

Сопrotивление новой опричнине в постсоветском кино

Еще одно измерение центральной роли опричнины в русской исторической памяти помимо литературных споров вокруг неомедиевальных утопий и антиутопий дают бурные дебаты о фильме Павла Лунгина «Царь» (2009), который и сам, несомненно, был реакцией на кремлевскую неомедиевальную политику памяти и усиление влияния ультраправых³⁰. Действие фильма, разделенного на четыре части — «Молитва царя», «Война царя», «Гнев царя» и «Веселье царя» — охватывает период с 1566 по 1568 год, время расцвета опричнины, когда Ливонская война была в самом разгаре. Сюжет фильма сосредоточен на бессмысленных зверствах

30. Обзор этих дебатов см.: Михайлова (2015).

Ивана Грозного — отвратительного, чудовищного царя, пытающего и убивающего своих подданных с садистской жестокостью. В центре внимания — Филипп Колычев, друг детства Ивана, которого тот назначает митрополитом Московским. Сначала Филипп пытается умиротворить царя, но, видя бесплодность своих усилий, отказывает ему в благословении во время церковной службы. Нравственное сопротивление Филиппа и его убийство главой опричников Ивана Малютой Скуратовым образуют главный эпизод фильма.

Роли Ивана и Филиппа в этом фильме, который был представлен на Каннском фестивале 2009 года, исполнили две звезды позднесоветского и постсоветского кинематографа — Петр Мамонов и Олег Янковский соответственно. Лунгин объяснял, что задумал картину, которая должна была реалистично показать ужасы опричнины, заявив, что Иван Грозный затормозил естественный процесс развития России, «надломил что-то и не допустил Возрождения» (*Radio France Internationale*, 2009³¹). Лунгин называл Ивана символом российской традиции государственного насилия и отмечал ту странную притягательность, которой могут обладать для зрителей подобные Ивану массовые убийцы.

Автор сценария фильма Алексей Иванов работал над ним в сотрудничестве с богословом Александром Дворкиным. В интервью газете Екатеринбургской епархии (а именно в Екатеринбурге находится географический центр царебожия) Иванов заявил, что Иван Грозный хотел, чтобы его подданные почитали его как Бога и повиновались ему как Богу. Его мессианские притязания и были главной причиной конфликта с глубоко верующим митрополитом Филиппом, который не мог мириться с кощунством царя (*Новый компаньон*, 2009). Другими словами, «Царь» оспаривает главное утверждение мистического поворота, отрицая искренность веры Ивана и открыто нападая на сектантство царебожия и неоопричнины. Патриарх Алексей, сопротивлявшийся попыткам царебожников канонизировать Ивана, поддержал съемки фильма

31. http://www1.rfi.fr/acturu/articles/113/article_3264.asp

и одобрительно отозвался о нем. Олег Янковский получил от самого Алексея благословение на исполнение роли митрополита Филиппа.

Говоря словами Кевина Платта, «Царь» «обсуждает отношения между подданными и государством и наследие деспотической авторитарной политики в нынешней России» и должен рассматриваться как «манифест о состоянии современного общества и политики» (Platt, 2010-a³²). Политическая мобилизация и выступления российских ультраправых против этого фильма дают превосходный пример стычек вокруг опричнины на этом важном этапе формирования мобмемори.

2 ноября 2009 года Союз православных хоругвеносцев (*Portal-Credo.ru*, 2009) и Союз православных братств устроили на Тверском бульваре в центре Москвы демонстрацию протеста против «несправедливого изображения царя Ивана Васильевича» и сожгли там афишу фильма и репродукцию картины Ильи Репина, известной в народе под названием «Иван Грозный убивает своего сына». На этом мероприятии также присутствовали лидеры неоопричного движения, историк Игорь Фроянов, несколько высокопоставленных православных священнослужителей и немалое число правых журналистов, писателей и критиков. Василий Бойко-Великий написал тогдашнему президенту Медведеву письмо, в котором обвинил Лунгина в клевете на Ивана и святотатстве (*Portal-Credo.ru*, 2010). Теоретик неоопричнины и автор книги «Правда Грозного царя» Вячеслав Манягин также обратился к Медведеву с письмом, в котором требовал запрета фильма за «фальсификацию русской истории». Его формулировка была аналогична той, которую использовала созданная самим Медведевым президентская Комиссия по противодействию «попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», запретившая любую критику действий Советской армии во время Второй мировой войны. Манягин же утверждал, что негативный образ Ивана Грозного — «собирателя Государства

32. <https://www.kinokultura.com/2010/28r-tsar-kp.shtml>

Российского» — искажает позитивный образ России на Западе, тем самым нанося ущерб интересам России³³.

Рецензия на «Царя» в прохановской газете «Завтра» обвиняла Лунгина в неуважении к православной вере и объявила отсутствие в сценарии боярского заговора против Ивана противоречащим исторической правде (*Завтра*, 2009). Фроянов, также высказавшийся о фильме, подчеркивал, что «Иван Грозный был в высшей степени религиозным человеком, искренним, всей душой и телом преданный Христу», и проводил параллели между Иваном и Сталиным, утверждая, что Сталин не осуждал жестокости Ивана и не считал его террор ошибкой, хотя казнив кого-нибудь, Иван проводил целые дни в молитве и покаянии: «Иван Грозный напоминает Сталина, деятеля национально ориентированного, отвергающего Запад (ведь Сталин опустил „железный занавес“). Именно поэтому, на мой взгляд, Грозный и Сталин до сих пор подвергаются ожесточенным нападкам» (*Русская линия*, 2009)³⁴. Не преминул поучаствовать в обличении фильма и Виталий Аверьянов, заявивший, что фильм Лунгина встал на сторону Сорокина в спорах о книге последнего, и предположивший, что Сорокин и Лунгин повинны «в особых сентиментально-интимных отношениях с западными странами и в особых патологических “контрах” с Россией» (Аверьянов, 2011-а: 154). Кроме того, он обвинил Лунгина в том, что тот якобы состоит на службе у современной плутократии, «которая в глубине души страшится опричнины» (там же: 150). «Известия» также раскритиковали фильм за слишком очевидные аллюзии на сталинизм: один из его эпизодов сравнивался в рецензии с документальной кинолентой 1931 года, запечатлевшей снос храма Христа Спасителя в Москве: «Даже купол горящей церкви падает у Лунгина, как в хронике 1931 года с храма Христа Спасителя» (*Известия*, 2009).

Наконец, впечатление, что Лунгин поддержал видение опричнины Сорокина как оргии бессмысленного террора, вызвало

33. <http://council.gov.ru/events/news/20058/>

34. См. также: Фроянов (2009-а).

реакцию российских официальных кругов. Многочисленные телесериалы и кинофильмы, прославляющие Ивана Грозного и опричнину, о которых я говорила в главе 2, были сняты при финансовой поддержке российского правительства и демонстрировались гораздо шире, чем фильм Лунгина. Все они так или иначе оспаривали взгляды на опричнину Лунгина и Сорокина, как и либеральную историографическую традицию в целом.

Бурные споры в 2010-х годах вызывали не только правление Ивана Грозного и его опричнина, но и его тяжелое наследие. Из-за неясности положения с наследованием российского престола, вызванной убийством Ивана, старшего сына и тезки Грозного, русское царство оказалось в руках второго сына царя, болезненного Феодора Иоанновича, который умер бездетным, тем самым оборвав династию Рюриковичей. После его смерти престол захватил брат жены Феодора, Ирины, и зять Малюты Скуратова Борис Годунов.

Фильм Владимира Мирзоева «Борис Годунов» (2011), производящий сильное впечатление на российского зрителя, был снят на основе одноименной трагедии Пушкина, написанной в 1825 и впервые поставленной в 1826 году. Чтобы взойти на престол, царь Борис, которого Пушкин осуждает — «зять Малюты, / Зять палача и сам в душе палач» — приказал убить последнего сына Ивана IV, царевича Димитрия. Видения убиенного младенца сводят Годунова с ума, и он умирает в муках. Хотя в конце советской эпохи трагедия Пушкина все еще появлялась в театральном репертуаре, она производила впечатление моралистическое и эстетическое, но не вызывала заметного политического резонанса.

В фильме Мирзоева действие перенесено в современную Москву, а средневековый антураж служит метафорой постсоветского государства. Бояре ездят на «мерседесах», Пимен пишет свою летопись Руси на «макбуке», а указы царя транслируются в эфире. Критики приписывали успех фильма необычайному ощущению подлинности, которое породил сплав средневековых аллюзий с постсоветскими реалиями. Картина покорила зрителей благодаря тому, что поднесла Кремлю критическое

зеркало и умело использовала абсурдные черты неомедиевальной политики памяти.

Направляя общественное внимание на опричнину и социальную систему, отвергающую гражданские и личные права человека, неомедиевальная политика мобилизует как сторонников, так и противников государственного террора. Важно отметить, что образы средневековья используют для выражения своих взглядов на будущее России не только антилиберальные писатели (Юрьев, Проханов и Кононенко), но и критики авторитарного режима Путина (Сорокин, Лунгин и Мирзоев). В сердце их воображаемых миров регулярно оказываются государственный террор, наследственное социальное неравенство и личная зависимость.

В 2000-х и 2010-х годах попытки противодействия мобмемори в романах и фильмах вышли на первый план общественного внимания. Чем большее внимание привлекали эти споры, тем более сильным был их резонанс среди постсоветской аудитории, и тем более российское общественное мнение осваивалось с идеей опричнины. Государственная политика памяти, поддерживавшая внедрение позитивного образа опричнины, поставила себе на службу механизм культуры селебрити. Предлагая снятые при поддержке государства фильмы и сериалы, приукрашивающие Ивана Грозного и опричнину, в качестве бесплатного развлечения на государственных каналах, она извлекла выгоду из видного места, занятого опричниной в общественных дебатах.

Несмотря на усилия либеральных писателей и кинематографистов, массированная совместная кампания государственной пропаганды и ее помощников — ультраправых движений, мистического поворота в историографии и фундаменталистских религиозных сект — смогла представить опричнину в качестве позитивного эпизода национальной памяти. Опираясь на свою значимость в публичной сфере, неомедиевальная политика памяти победила в этом споре, после чего перешла к популяризации других средневековых персонажей и событий, олицетворяющих те же антидемократические ценности. Игнорируя или искажая исторические факты, неомедиевальная политика памяти,

по сути дела, заменила историческую память об опричнине на мобемори. Пользуясь коммерциализацией антигуманизма — всемирным увлечением насилием в популярной культуре, — эта политика памяти придала русскому средневековому террору и тираническому сословному обществу привлекательный и модный вид, представляя их вкладом России в захлестнувшую весь мир индустрию неомедиевальных развлечений.

Постсоветские холопы

Прославление новой опричнины во всех ее изводах — российской государственной политике памяти, идеологических конструктах российских ультраправых политических движений и сект и воображении постсоветских литераторов и кинематографистов — предполагает видение общества, основанного на различных формах несвободы. Анализ описания рабства и крепостной зависимости позволяет показать, как трансформировалось, под влиянием неомедиевальной политики памяти, постсоветское отношение к этим крайним формам закабаления³⁵.

В школьных учебниках истории советского времени обличение ужасов крепостного права при царизме (оно было отменено в России в 1861 году) было общим местом. Советская власть апроприировала и единодушное осуждение крепостного права в «великой русской литературе», назначив многих русских литературных классиков своими предшественниками в «революционной борьбе против царизма». При этом обличения крепостничества и рабства транслировались советской пропагандой в стране, покрытой сетью трудовых лагерей ГУЛАГа, тюремщики которых заставляли миллионы заключенных работать в нечеловеческих условиях, лишали их всех прав, морили голодом, мучили и убивали³⁶. Более того, лагерная система была не единственным выражением несвободы в «государстве рабочих и крестьян». До 1974 года советским

35. В обиходной речи девятнадцатого века русских крепостных могли называть рабами, и по юридическому статусу и социальному положению они, действительно, были очень близки к рабскому состоянию.

36. Воспоминания о ГУЛАГе см.: Солженицын (1989), Шаламов (1992).

крестьянам не выдавали внутренних паспортов, чтобы они не могли убежать из колхозов или совхозов и перебраться в города. Обязательная регистрация по месту жительства — *прописка* — лишала всех советских граждан свободы передвижения, а «железный занавес» не позволял им свободно ездить за границу.

Важным достижением СССР называлось «отсутствие антагонистических классов», в то время как на самом деле советское общество было резко разделено неравными возможностями доступа к привилегиям. В связи с постоянной нехваткой продуктов и товаров заметную роль в советской экономике неизбежно играл черный рынок, что только усугубляло неравенство разных социальных групп. К концу брежневской эпохи, когда общее разочарование в циничной идеологии компартии подрывало фундамент коммунистической системы, идея социального равенства стала восприниматься исключительно как сарказм. Внедрение рыночной экономики и частной собственности в начале 1990-х годов побудило «новых русских» заявить об отказе от социалистических принципов, объявив их лицемерными клише советской пропаганды. «Социальное равенство» и «социальную справедливость» стали презирать не только банкиры и богатые воротилы, старавшиеся доказать, что социальное неравенство необходимо для «здорового общества». В широких кругах либеральной интеллигенции эти понятия тоже стали восприниматься как навязчивые призраки советского прошлого.

Этот сдвиг постсоветского мировоззрения отражен в рассказе Владимира Тучкова «Стеной барин», написанном в 1999 году. В стиле, подражающем классической русской литературе, «Степной барин» рассказывает историю успешного «нового русского» — банкира Дмитрия, который «был продуктом великой русской литературы» (Тучков, 1999). Дмитрий решает воссоздать русское средневековое общество в своем имении: он строит барский дом для себя и намеренно ветхие хижины для своих «крепостных», или холопов. Крепостные нанимаются к нему, обязуясь беспрекословно подчиняться любым его капризам и работать в поле. *Барин*, как он сам себя называет, оставляет за собою право пороть

их, когда ему вздумается, и разрешать их споры по своему усмотрению — в точности как русские феодальные землевладельцы до 1861 года. Крепостные могут разорвать контракт только раз в году, на Юрьев день, как это было заведено до конца шестнадцатого века: впоследствии и это право было постепенно уничтожено.

Дмитрий становится настоящим рабовладельцем: он безнаказанно насилует женщин и избивает мужчин. В ответ рабы у Тучкова впадают в зависимость от своего господина, ощущая, что без него они просто не смогут жить, поддерживать порядок и трудиться. В конце концов они начинают почитать его как «отца родного». Анализируя корни ностальгии по патриархальному обществу и отпечаток крепостного права на русском национальном характере — эти темы активно обсуждались в начале 1990-х постсоветскими интеллектуалами, пытавшимися объяснить провал советского социализма в СССР, — Тучков создает злую карикатуру:

К барину стали относиться уже не как к чудаковатому богачу, а как к отцу родному, строгому, но справедливому, беспрестанно пекущемуся об их благе. Каждый из них в глубине души осознавал, что без барина они бы ни пахать не стали, ни в церковь ходить и друг друга поубивали бы.

Там же: 17.

Намекая на трудности адаптации к постсоветским реалиям, с которыми столкнулись в то время многие рядовые коммунисты, и высмеивая недостатки патриархального советского общества, Тучков заключает, что крепостные Дмитрия уже не смогли бы приспособиться к условиям рыночной экономики, которые «показались бы им дикими и бесчеловечными» (там же). Элиот Боренштейн предложил интерпретировать отношения власти в «Степном барине» с фуколдианских позиций:

Тучков показывает нам «нового русского», одержимость властью которого категорически требует, чтобы от ее осуществления страдали другие. [...] Дмитрий в «Степном барине», будучи продуктом великой русской литературы, даже более демоничен [чем Патрик Бэйтмен в романе Брета Истона Эллиса «Американский

психопат» — Д. Х.]: всю жизнь он принимает со всех сторон культурные сигналы, требующие сочувственной реакции, но в результате отождествляет себя с проводниками жестокости. Культура не гарантирует от дикой эксплуатации...

Borenstein, 2019.

Концепция неомедиевализма дополняет эту интерпретацию. Жестокость Дмитрия, его неуважение к нижестоящим в социальной иерархии — это воплощение в рамках неомедиевальной «утопии» той модели общественного устройства, которая возникла в то время в постсоветской действительности, и которую впоследствии отразила и закрепила постсоветская мобемори. Чтобы еще более заострить образ своего героя, Тучков намеренно опускает какую бы то ни было критику «лицемерной советской морали», сформировавшей Дмитрия и ему подобных. Вместо этого он дает нам реалистичное описание «новых русских», которые в конце 1980-х и начале 1990-х годов энергично уничтожали любые понятия, напоминающие о гуманизме, презрительно отвергая его как ханжеский пережиток советской идеологии. Малообразованные и социально ущемленные гоголевский Акакий Акакиевич и «бедные люди» Достоевского вызывали у них не симпатии или сочувствие, а воспринимались как неудачники, отбросы общества. А свойственная «новым русским» ностальгия по обычаям и нравам дореволюционной России и их стремление ощутить себя не бесправными подданными тоталитарного государства, а хозяевами и повелителями быстро и прочно закрепились у постсоветской элиты, возникшей на развалинах коммунистического строя.

Тучков, одним из первых писателей исследовавший позитивное отношение к социальному неравенству, которое олицетворяется в его рассказе крепостничеством, осуждает это отношение и в особенности присущий ему антигуманизм. В отличие от посвященных опричнине произведений постсоветских идеологов и монархистов из Изборского клуба, Дмитрий и его рабское общество должны, по замыслу Тучкова, ужаснуть читателя, вызывать у него отвращение. Рассказ предполагает, что крепостничество

и рабство по-прежнему считаются абсолютным социальным злом и могут быть использованы для порицания социальной несправедливости.

«Степной барин» не был сатирой на неоопричнину, хотя рассказ был опубликован в то время, когда уже формировалась доктрина царебожия и начинали появляться неоопричные секты, разыгрывающие сценарий Тучкова в своих общинах. Как и Дмитрий, все вожди неоопричнины и теоретики опричнины, о которых говорилось в главе 4, — люди образованные и начитанные, выросшие на русской классической литературе, которая была неременной частью программы советской средней школы. Таким образом, Дмитрий представляет собою ранний диагноз возникшего неомедievalного мировоззрения и помогает выявить причины того успеха, который оно обрело в недалеком будущем.

Сравнение тучковского саркастического подхода к нормализации крепостничества в конце 1990-х с кинокомедией «Холоп» (2019) Клим Шипенко показывает, какой огромный сдвиг произошел в постсоветском отношении к крепостничеству и рабству всего за пару десятилетий. Этот поразительный фильм, действие которого происходит в Москве наших дней, рассказывает историю Гриши (которого играет сербский актер Милош Бикович), ни на что не годного, развращенного западными нравами сына постсоветского олигарха³⁷. Решив перевоспитать Гришу, отец нанимает кинопродюсера и съемочную группу, и они воссоздают на киностудии дореформенную русскую деревню девятнадцатого века. В один прекрасный день, после подстроенной автомобильной аварии, Гриша приходит в себя после наркоза и думает, что провалился во времени. Чтобы воспитать его и сделать хорошим человеком, его решили попросту превратить в крепостного, в *холопа*. Изнурительный крестьянский труд и жестокие физические наказания за невыполнение приказов барина делают из

37. По-английски этот фильм назывался *Serf* [Крепостной] или *Son of a Rich* (дословно [Сын богача], но с прозрачным намеком на выражение *son of a bitch* [сукин сын]). Его кинематографическим предшественником можно считать фильм «Шоу Трумана» (*The Truman Show*, 1988).

него мужественного русского героя, который спасает свою возлюбленную от захватчиков.

Вернувшись в современную Москву, Гриша чувствует себя не на месте в постсоветском обществе; его дом теперь в фальшивой неомедиевальной деревне. В конце фильма Гриша возвращается на студию, которую тем временем превратили в центр перевоспитания таких же избалованных бездельников, как он. В этом неомедиевальном мире он берет на себя «социально полезную» роль палача, который доводит гадких отпрысков богачей до нравственного совершенства поркой. Как объясняет Гришину отцу один из основных персонажей фильма, режиссер, управляющий инсценировкой неомедиевальной деревни, «Мы делаем великое дело. Мы не просто хотим твоего сына вернуть: по сути, мы создаем нового человека»³⁸. (Собственно, эта фраза была девизом фильма.) Режиссера играет популярный актер и сценарист Иван Охлобыстин — царебожник и бывший священник, который, как, возможно, помнит читатель, называл своим учителем Снычева. В интервью Изборскому клубу Охлобыстин объясняет, как очистить российское общество от нынешней коррупции:

Я бы опричнину ввёл, вот, ей-богу, я бы ввёл опричнину, потому что, видать, добрым словом денег не добьёшься у этих людей, у которых они есть. Они у них гниют в подвалах, это всё можно пустить на восстановление заводов, это всё на зарплаты учителям, врачам, самым основным, на ком зиждется общество.

Изборский клуб, 2019-б.

Опричнина, полагает Охлобыстин, и есть то лекарство, которое восстановит российское общество и положит конец коррупции, чуждой, по его мнению, русской культуре и навязанной ей вместе с западным капитализмом и его ложными ценностями. В речи в поддержку войны в Украине, которую он произнес на Красной площади 30 сентября 2022 года, он то и дело выкрикивал крово-

38. www.youtube.com/watch?v=C8m6K_Er3BI.

жадный средневековый боевой клич опричников Ивана Грозного «Гойда!» (*Afisha Daily*, 2022)³⁹.

В отличие от книг и фильмов, о которых шла речь выше, «Холоп» не вызвал скандала и понравился почти всем. Один из критиков назвал его «качественным и милым жанровым фильмом» и «нестыдной российской комедией» (*Kino-teatr.ru*, 2020). По данным государственного новостного агентства ТАСС, его кассовые сборы за первые выходные показа были выше, чем у любого другого российского фильма последних десятилетий. Другой источник называет его вторым по доходности фильмом в истории постсоветского кинематографа (ТАСС, 2019; *Красная весна*, 2020). На волне успеха этого фильма 1 января 2024 года было выпущено продолжение, «Холоп 2», а в 2025 году должен выйти «Холоп 3».

От общепризнанного мнения о том, что крепостничество — отвратительное преступление, главной идеи, обеспечившей успех рассказа Тучкова в 1990-е годы — постсоветское общество пришло к нормализации рабства и крепостничества. Поддержка социального неравенства как основы стабильности обеспечило торжество памяти палачей.

Такое отношение к крепостничеству и рабству рассеяно по бесчисленным постсоветским романам неомедиевального толка. Как правило, авторы обращают особое внимание на подробности русской средневековой жизни, а господство православной церкви в повседневности играет важную роль для сюжета. Однако в отличие от работ Сорокина, Лунгина и Мирзоева, эти романы не критикуют средневековое российское общество, средневековый террор или путинизм и его неомедиевальную политику памяти. Напротив, они горячо поддерживают неомедиевализм и ревностно восхваляют православное средневековье России со всем предписанным и ожидаемым от них энтузиазмом.

39. См. также: *The Moscow Times* (2022-a).

Неомедиевальная эстетика и рабство в популярной культуре

Среди постсоветских неомедиевальных романов, по большей части слишком непритязательных, чтобы привлечь внимание критики, широкую положительную оценку в СМИ получили «Современный патерик. Чтение для впавших в уныние» (2004) Майи Кучерской и «Лавр» Евгения Водолазкина (Водолазкин, 2012; Vodolazkin, 2015)⁴⁰. В «Современном патерике», опубликованном во время первого президентского срока Путина, неомедиевализм находит свое выражение в акценте на православии, что и неудивительно для страны, только что освободившейся от семидесяти лет большевистского атеизма (Кучерская, 2004). Критики, как религиозные, так и светские, хвалили эту книгу — возможно, не в последнюю очередь потому, что она появилась в удачный момент (Роднянская, 2004). В начале 2000-х годов в постсоветской прозе как раз вошли в моду повествования о православной церкви, православных верующих и православных обычаях (Короленко & Голубева, 2006).

В эту же тенденцию вписывался и «Лавр» Водолазкина. Его автор, несомненно, хорошо осознавал связь между успехом книги и ее средневековым антуражем. Водолазкин — историк по образованию, специалист по древней Руси, православный верующий и член Президентского совета по культуре и искусству с 2018 года — говорит, что его научная работа в целом посвящена «демифологизации российского средневековья», то есть его задача — просвещать в лекциях и публикациях западную публику по части того, какой прекрасной была средневековая Русь по сравнению со странами Запада того же времени. Он особенно почитает Ивана Грозного, которого считает сложной и трагической фигурой, и одобрительно отзываясь о попытках Мединского представить средневековый период истории России

40. Все цитаты приводятся по изданию: Водолазкин (2012). «Российская газета» расточала этому роману обильную хвалу, назвав его «главным литературным событием 2012 года»: Российская газета (2013).

эпохой добра, а российское средневековое общество — идиллической общественной моделью (Vodolazkin, 2015: 318–319). Поскольку он не возражает против сравнения своего романа с трудами митрополита Тихона⁴¹, неудивительно и то, что он также утверждает безо всяких колебаний, что «не империи страшны, а их развал» (Труд, 2016).

«Лавр» полон описаний чумы, смерти и разлагающихся трупов. Главное лекарство от болезни — молитва, а смерть — событие радостное: «Плачь и молись, Арсение. И не бойся смерти, потому что смерть — это не только горечь расставания. Это и радость освобождения» (Vodolazkin, 2015: 30). В романе, как и во многих других постсоветских текстах, преобладает гротескная антимодернистская эстетика:

В домах Завеличья стоял дым, смешанный с паром. Там сушилась одежда и кипели щи. Там били детей, кричали на стариков и совокуплялись в общем для всех пространстве избы. Перед едой и сном молились. Иногда сваливались спать без молитвы — наработавшись до потери сил. Или напившись. Ноги в сапогах забрасывали на подложенную женами ветошь. Громко храпели. Вытирали текущие во сне слюни и отгоняли мух. Со звуком терки водили рукой по лицу. Матерно ругались. С треском портили воздух. Все это не просыпаясь.

Там же.: 148.

В отношении Водолазкина к пыткам просматриваются явные параллели с сектантскими догмами и мистическим поворотом в историографии. В «Лавре», например, крестьяне, изловившие и ненамеренно умертвившие разбойников, которые убили святого старца, решают, что оказали им услугу, дав этим грешникам лучшие шансы на покаяние и прощение на Страшном суде. Как и в догмах сектантов, насильственная смерть разбойников на этом свете позволяет им освободиться от вечных мук на том свете (там же.: 36–37).

41. О его отношении к сравнениям его романов с «Несвятыми святыми» Тихона Шевкунова, см.: Российская газета (2018).

Водолазкин одобряет отказ русского средневековья от концепции индивидуальности. И сам он, и некоторые литературные критики считают это положение одним из его главных идеологических тезисов и важным элементом его романа (Vodolazkin, 2016: 8–9, 32⁴²; Шмид, 2020: 362). В своем восхвалении средневековой деиндивидуализации он очень близко подходит к мнению Дугина о том, что

«[с]редневековый порядок» в его религиозном (католическом), сословном (феодальном) и имперском (универсалистском) измерении как раз предписывал человеку его содержание, делал его частью внешней механической иерархической структуры, в которой просто не было места внутреннему измерению. Человек был частью механизма — церковного, политического и социального, за рамками которого у него не было и не могло быть никакой идентичности.

Изборский клуб, 2019-а.

Водолазкин разделяет веру многих членов Изборского клуба в то, что средневековая история повторяется в современном мире, и, очевидно, не считает, что это плохо. Как отмечал Ульрих Шмид, он хотел бы, чтобы средневековый образ мыслей с его набожностью стал моделью для нынешнего «безбожно-рационалистического мировоззрения» (Шмид, 2020: 363). Взгляды Водолазкина на средневековую историю России — и историю вообще, так как Водолазкин утверждает, что средневековые хроники помогают ему понимать современный мир лучше, чем любые газеты, — чуть ли не совпадают со взглядами Владимира Шарова. Заявив сперва, что древнерусская история практически неотличима от богословия, он предполагает затем, что она по большей части занималась пониманием тех способов, какими проявлялось на протяжении всей истории человечества Божественное Провидение⁴³. По его мнению, российское понимание исторических

42. www.firstthings.com/article/2016/08/the-new-middle-ages.

43. О прозе Водолазкина как альтернативной истории см.: Чернышова (2018: 139–43). О Водолазкине как «постсекулярном» писателе см.: Pospíšil (2018: 178–88).

событий направляется видением истории, которое выделяет нравственный аспект более всех прочих (Vodolazkin, 2015: 332). От этого он вполне логично переходит к идее «нового ценностного консенсуса в России», включающего в себя возникновение новой «святой земли» — путинской России (Эхо Москвы, 2017).

Каким бы абсурдным ни показалось это утверждение американскому читателю, в российской мобемемори, несмотря на уникальный историко-политический контекст, в котором она была сформирована, вполне можно увидеть модель более широкого значения. На пользу политическому неомедиевализму, все более овладевающему воображением общественности во всем мире, идет эстетическое увлечение всем, связанным со Средними веками, и увлечение это распространяется далеко за пределы постсоветского контекста.

К примеру, американская популярная культура активно продвигает неомедиевальную культурную продукцию, выводя ее популярность на общемировой уровень. Американское неомедиевальное фэнтези обнаруживает черты сильного сходства с постсоветскими неомедиевальными романами и фильмами, и этот жанр транслирует в массы сходные антидемократические и антимодернистские взгляды на общество. Одержимость всем тем, что отличает Средние века от современного мира, занимает центральное место в этих текстах и определяет их успех. Увлечение грязью и телесностью и натуралистические описания естественных отправления и болезней образуют эстетику стандартного неомедиевального нарратива, как в России, так и в Соединенных Штатах. Например, в ставшем всемирным бестселлером телесериале «Игра престолов» [*Game of Thrones*] телеканала HBO (снятом по мотивам серии романов Джорджа Р. Р. Мартина «Песнь льда и огня» [*A Song of Ice and Fire*]), который был не менее популярен в России, чем в остальном мире, можно найти бесчисленные

параллели с постсоветскими неомедиевальными утопиями и антиутопиями, о которых я говорила в этой книге⁴⁴.

Положительные персонажи в «Игре престолов» — Старки и «одичалые» — чумазы и немывые, и их условия жизни не отличаются чистотой. Забота о физической гигиене и вообще чистоплотность — черта, кажется, только неприятных южан. Такая антимодернистская эстетика противопоставляется «скучной» обеззараженной современности: грязь символизирует радикальный отказ от норм модерна, если не бунт против них. Таким образом, главная черта антисанитарного средневековья, которую так презирали гуманисты и философы Просвещения, обретает новую привлекательность для людей, которые, возможно, ни дня в своей жизни не провели не помывшись. Примитивность и отсталость экономики Севера противопоставляется консюмеризму Юга, который вполне может быть прочтен как олицетворение капитализма.

Антимодернистская эстетика — не единственная черта, которой постсоветская неомедиевальная продукция так похожа на американскую. Хотя в США невозможно представить себе какую бы то ни было государственную поддержку рабства, рабство резко осуждается, и любая попытка изобразить его в позитивном свете равнозначна политическому самоубийству, популярная культура может безнаказанно любоваться социальным неравенством. «Игра» — как и бесчисленные кинематографические блокбастеры, литературные бестселлеры, ролевые игры, компьютерные игры и исторические реконструкции, — внушает аудитории сочувственное отношение к «органической» средневековой организации общества.

Сага Джорджа Р. Р. Мартина выставляет напоказ готическое и гротескное, и у его вымышленного общества есть очевидные черты сходства с постсоветской неомедиевальной пропагандой и социальными проектами российских ультраправых. Мир «Игры»,

44. Его приквел «Дом Дракона» (Martin & Condal, 2022), также вышедший на канале HBO, тоже был чрезвычайно популярным.

с его теократическими монархиями и сословными обществами, нормализует квазифеодальные социальные структуры и государственный террор. Как и в постсоветских литературе и кинематографе, в сердце этих эрзац-средневековых обществ находится культ насилия — будь то государственный террор, который царит во всех Семи Королевствах «Игры», или сексуальное насилие и кровная месть. В этом мире, основанном на жесткой наследственной социальной иерархии и личной зависимости, основные понятия, которые определяют права и судьбы героев, — это кровь и родословная. Правда, в отличие от «Игры» с ее вымышленными культурами, в центре постсоветских неомедиевальных произведений находится православный фундаментализм со своими догмами, что говорит об их тесных связях с имперскими замыслами Кремля. Но тот факт, что в «Игре» обнаруживаются те же эсхатологические ожидания, что и в постсоветских произведениях, указывает на важность ретроградной темпоральности для поклонников неомедиевализма⁴⁵.

«Игре престолов» наполнила американское воображение социальным неравенством и рабством так же, как постсоветская неомедиевальная политика памяти — постсоветское мировоззрение (хотя, разумеется, без всякой политической поддержки). Рабство и крепостничество кишмя кишат в кровавом мире «Игры». Работоторговля — важная отрасль экономики, объявленная вне закона лишь в одной части этого мира, — выглядит вполне обыденным делом, если почитать подробные разъяснения на энциклопедическом сайте *Wiki of Ice and Fire*, который поддерживают фанаты «Игры»⁴⁶. Железнорожденных с Железных островов принуждают заниматься подневольным трудом, мало отличающимся от рабского. Рабство распространено и в большинстве Вольных городов — например, в Лисе с его огромным рынком рабов. Дотракийцы обращают в рабство захваченных на войне пленных и покоренные народы. В Эссосе рабство считается нормой. Королева Дейенерис

45. Об апокалиптических мотивах в «Игре престолов» см.: Baker & Rutherford (2018: 315–25).

46. <https://awoiaf.westeros.org/index.php/Slavery#Westeros>.

Таргариен освобождает рабов, когда ей это выгодно, но в конце концов ее охватывает родовое безумие Таргариенов, и она начинает кровавый террор против собственных подданных. Может быть, самый красноречивый пример, который сильнее всего сближает мир «Игры престолов» с фильмом «Холоп», состоит в том, что на севере Вестероса, где правит Нед Старк (самый положительный из всех положительных персонажей как книг Мартина, так и сериала), запрещено рабство, но не крепостная зависимость. Клан Старков — идеальная семья, и патриархальные отношения между его членами распространяются только на «своих» — людей, социально зависимых от лорда Старка; Старки изображаются «добрыми господами» своих подданных. Крепостные (они называются у Мартина *smallfolk*⁴⁷ — что звучит пародийной отсылкой к *poor folk*, «бедным людям» Достоевского) обязаны отправляться на войну по призыву своих господ, которые имеют право судить и казнить их. О том, что такие воззрения могут легко перетекать из фантастического мира литературы в жизнь, говорит встревоженная реакция генетика Крейга Вентера на культовый кинофильм Ридли Скотта «Бегущий по лезвию» (*Blade Runner*, 1982), где в антиутопическом американском обществе 2019 года существует класс рабов, состоящий из искусственных людей — биороботов. Дело в том, что ученому стали поступать просьбы разработать человекоподобных слуг:

В этом фильме подразумевается предпосылка, с которой я никак не могу согласиться: что люди хотят, чтобы существовал класс рабов. [...] меня спрашивают, могу ли я разработать тупого человека, чтобы он мог прислуживать. Я получал письма от заключенных с просьбами сконструировать женщин, которых они могли бы держать у себя в камерах⁴⁸.

Неомедиевальная продукция, возвращенная на антигуманизме и отвержении демократии, процветает и вне постсоветского кон-

47. *Smallfolk* — неологизм Мартина, «мелколюдые». В русском переводе романов «Песни льда и огня» передается словом «простонародье».

48. www.nextbigfuture.com/2007/09/craig-venter-billionaire-geneticist.html. Фильм «Бегущий по лезвию» снят по мотивам романа Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (Dick, 1968).

текста. Ибо, как было сказано в заголовке статьи в онлайн-журнале Salon в 2016 году, «Наши фантазии об “Игре престолов”: В Вестеросе почти не существует демократии — и это именно то, что нам нравится»⁴⁹.

В конечном счете радикальное отрицание гуманизма, лежащее в основе нынешнего увлечения «всем средневековым», отражает глубокое разочарование в человечестве и гуманистических ценностях далеко за пределами путинской России. Предлагая антидемократические модели для решения проблем современного общества, политический неомедиевализм — поддерживаемый государственной пропагандой и внедренный в политику, как в постсоветской России, или предоставленный самому себе в царстве теорий и вымыслов, как на Западе — проявляет пугающую способность питать мировоззрение, одобряющее режим государственного террора.

49. «Простонародье просят не беспокоиться: наша вера в республику настолько слаба, что в вымыслах мы почти всегда правим железом и кровью» (Salon, 2016); www.salon.com/2016/05/01/our_game_of_thrones_fantasy_democracy_is_almost_nonexistent_in_westeros_and_we_like_it_that_way/. См. также: McCutcheon (2015).

VI.

РЕСТАЛИНИЗАЦИЯ В ПУТИНСКОЙ РОССИИ

Неомедиевальную политику памяти Кремля и формирование позитивной памяти о терроре — мобмемори — невозможно оценить без понимания их связи с ресталинизацией. По ходу эволюции политической ситуации в постсоветской России политический неомедиевализм и ресталинизация превратились во взаимодополняющие тенденции путинской исторической политики. И неомедиевализм, и ресталинизация были жизненно важны для формирования постсоветской мобмемори; обе эти тенденции сфокусированы на воспевании террора — опричнины и сталинизма — и прославлении осуществлявших его палачей. В сочетании они создали особый режим памяти, память палачей — одну из основ общественного договора между путинизмом и его сторонниками.

Ресталинизация не была вызвана внезапным поворотом российского общественного мнения, как иногда предполагают наблюдатели, а стала результатом политики памяти, последовательно проводившейся в течение двух последних десятилетий. В состав этого многопланового процесса входят как государственные мероприятия, так и низовые инициативы, направленные на нормализацию и прославление сталинизма. В структурном отношении ресталинизация демонстрирует заметные черты

сходства с неомедиевальной политикой памяти и включает в себя разнообразные инициативы, спектр которых охватывает законодательство, памятники, музеи, образование, популярную культуру и историографию.

Ресталинизация похожа на неомедиевализм тем, что она не ограничивается официальной политикой: это еще и массовое движение. Тем не менее, то, что ресталинизация подразумевает одобрение сталинского террора со стороны Кремля, не значит, что Путин и его клика поддерживают коммунистическую идеологию. Хотя Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) оказалась при Путине по большей части под каблуком у властей, формально она остается крупнейшей оппозиционной партией в российском парламенте, и прославление Сталина составляет важную часть ее платформы. Ностальгия по Сталину, культ Второй мировой войны, националистические симпатии и парадоксальный (с точки зрения идеологии марксистского материализма) союз с православной церковью позволяют этой партии выступать в роли проводника политики Кремля, в том числе и политики ресталинизации.

Тема постсоветского прославления Сталина, хорошо изучена¹, как и давняя традиция считать Ивана Грозного и Сталина историческими двойниками. Ее корни уходят в сталинскую позитивную оценку Ивана конца 1930-х и 1940-х годов (Perrie, 2001; Platt & Brandenberger, 1999). Сталинский террор, что неудивительно, часто сравнивается — как его сторонниками, так и критиками — с опричниной, причем дело доходит до утверждений об их историческом родстве. Однако тот факт, что путинская мнемоническая политика ресталинизации и неомедиевальная политика памяти имеют общие цели, пока не получил признания среди исследователей и аналитиков². Поэтому эта глава не исследует рестали-

1. О «невидимом сталинизме» см.: Adler (2012: 126). О постсоветской реабилитации Сталина см.: Dubrovskiy (2017), Morenkova Perrier (2018), Glisic & Edele (2019: 95–119), Bækken & Enstad (2020: 321–44), Mälksoo (2021: 489–507), Turdiyeva (2021: 1–14).

2. Я предложила это сравнение в статье: Kharaeva (2016).

низацию как таковую, а анализирует инициативы, сыгравшие в постсоветский период важную роль в сращивании сталинизма с фальсифицированной памятью опричнины. Она показывает, что «народ *может* осуществлять репрессии психологически безнаказанно; его коллективная память может быть изменена без “возвращения вытесненного”» (Kansteiner, 2002: 186).

Ресталинизация России для «денацификации» Украины

При советской власти история легитимизировала советский режим утверждениями о неизбежности Октябрьской революции и преимуществах социализма над капитализмом. Исторический материализм изображал большевистский переворот логическим следствием закона истории. Начиная с середины 1930-х годов русский патриотизм стал неотъемлемой частью советской исторической политики, и вплоть до конца 1980-х марксистская философия и русский национальный нарратив оставались основными столпами советской идеологии. Горбачевская гласность (1986–1991) еще более политизировала историю, так как российские демократы превратили ее в свое основное орудие дискредитации советской системы, сосредоточившись на неэффективности социалистической экономики и коммунистических репрессиях (Smith, 1996). В то время политика формулировалась и высказывалась, по сути дела, на языке мнений о советском прошлом. Хотя к концу перестройки экономическая система советского социализма казалась окончательно дискредитированной, его поспешное обличение не подорвало основ официальной версии советской истории в умах бывших советских граждан, особенно в том, что касалось советских клише об уникальности и величии советской державы, а также верности некоторым символам советской исторической пропаганды, в том числе пантеону советских полубогов, коммунистических «небесных покровителей» различных сфер советского общества (Kharaeva & Korossov, 1992).

После начала рыночных реформ в 1992 году интерес ответственности к советскому прошлому стал быстро рассеиваться. Тому было несколько причин, в том числе то обстоятельство, что

рыночные реформы поддерживала коалиция бывших советских элит, помощь которых была необходима для противостояния коммунистическому реваншу.

Однако, в отличие от стран Восточной Европы, за крахом советского коммунизма 1991 года не последовала люстрация коммунистических руководителей, исполнителей советских преступлений или осведомителей КГБ. Реформаторы осуждали абстрактный «режим» вообще, а не его конкретных представителей. Попытка Ельцина окончательно запретить КПСС удалась лишь отчасти (в 1992 году Конституционный суд осудил компартию за узурпацию государственных структур и присвоение государственной собственности, но отказался признать коммунизм преступной идеологией, что позволило образоваться новым коммунистическим партиям)³. Особый вклад в деполитизацию советского прошлого внесла массовая идеализация Запада (о которой говорилось во введении). Представление о том, что рыночная экономика автоматически обеспечит благосостояние и демократизацию помогает понять, почему прения начала 1990-х о том, какой экономической модели следовать «Новой России», вытеснили дебаты о прошлом. «Страх гражданской войны», о котором так много говорилось в конце 1980-х и начале 1990-х, окончательно скрепил постсоветский «пакт о забвении» и позволил всем желающим причислить себя к «жертвам тоталитаризма».

Иными словами, осуждение «преступлений сталинизма» было недолговечным политическим проектом, сформировавшимся в атмосфере конца восьмидесятых и начала девяностых. Оно не только не сумело глубоко затронуть сознание постсоветского человека, но напротив, заложило фундамент для постепенной реставрации позитивного переосмысления советского опыта (Хапаева, 2007; Кхараева, 2012). Постсоветское нежелание «поработать» (используя термин Теодора Адорно) советское прошлое подготовило почву для новой кремлевской мнемонической

3. В 2008 году Анатолий Хазанов подчеркнул тот факт, что советские палачи остались безымянными; не идет речи и ни о какой политической ответственности (Khazanov, 2008: 293–310).

политики ресталинизации, которую Путин и проводит в жизнь с самого момента вступления в должность⁴.

Собственно говоря, в ограниченных масштабах реабилитация Сталина началась еще до прихода Путина к власти, хотя тогда это не было официальной политикой государства⁵. В изменение отношения к советскому прошлому внесли свой вклад разочарование в Западе, который якобы недостаточно помог России в переходе к рыночной экономике, распад веры в политику реформ и сожаление об «утрате великой страны»⁶. Усиливающаяся ностальгия по прошлому и формирование коммунистической и националистической оппозиции ельцинским реформам начали поднимать Сталина в рейтингах популярности исторических фигур еще в 1994 году (в большинстве случаев он занимал в 1990-х и 2000-х годах второе, третье или четвертое место после Петра Великого, Екатерины Великой и иногда Ленина) (Копосов, 2011). Но, хотя радикальные националисты и коммунисты совместными усилиями пропагандировали его образ, государственная политика памяти и господствующий общественный дискурс оставались в 1990-х годах решительно антисталинистскими, и учебники истории этого периода в основном придерживались той же линии.

Попыткам ресталинизации придали новый импульс несколько сравнительно осторожных, но легко считываемых символических жестов Путина в самом начале его пребывания у власти. 20 декабря 1999 года на собрании высшего командования ФСБ по случаю Дня чекиста (то есть годовщины основания КГБ, который часто называли большевистской аббревиатурой, ЧК) Путин, бывший тогда премьер-министром, выступил с речью, в которой сообщил, что «группа сотрудников ФСБ, направленная в командировку для работы под прикрытием в правительство [Россий-

4. Анализ реабилитации Сталина в первые годы президентства Путина проводит Марк Крамер (Kramer 2001: 3–4). См. также: Nelson (2019).

5. Геннадий Бордюгов говорит о «стыдливой ресталинизации» при Брежневе, начиная с 1969 года (Бордюгов, 2019).

6. О военной мифологии Путина и его стремлении вернуть России статус великой державы см.: Walker (2019).

ской Федерации — Д. Х.], на первом этапе со своими задачами справляется» (*Новая газета*, 2004–6). 22 февраля 2000 года Путин, уже исполняющий обязанности президента, посетил военный мемориал на Мамаевом кургане в Волгограде и встретился там с ветеранами войны. Его присутствие стало источником вдохновения для нескольких местных попыток переименовать город в Сталинград, как он назывался с 1925 по 1961 года (подробнее об этом речь пойдет ниже). 30 декабря 2000 года указом Путина государственный гимн Российской Федерации стал исполняться под музыку Советского гимна. Сергей Михалков, написавший слова как исходного сталинского гимна, так и его десталинизированного варианта 1970-х, еще раз слегка изменил свои стихи для этой постсоветской перелицовки. Однако самым значительным из этих событий был грандиозный парад в День победы 9 мая 2000 года, воскресивший в памяти советский милитаризм и ясно давший понять, что российская политика памяти сменила курс⁷. Сталинский миф о Великой отечественной войне — неотъемлемая часть кампании ресталинизации — оказался теперь на острие поисков новой российской идеологии⁸.

Этот миф, созданный еще при Сталине, был центральным элементом позднесоветской идеологии (Jones, 2012: 357–76). Отвергая обвинения в том, что Россия развязала Вторую мировую войну, заключив пакт Молотова — Риббентропа в августе 1939 года, и другими военными приготовлениями, миф провозглашает, что политика Советского Союза была исключительно миролюбивой — как если бы не было войны с Финляндией, участия в разделе Польши и аннексии Западной Украины, Западной Белоруссии, части Румынии, части Финляндии и балтийских государств в

7. Нина Тумаркин выразила надежду 1990-х годов на конец милитаризации России (Tumarkin, 1994).

8. «Превратив Вторую мировую войну в свое личное, и в то же время священное, событие, Владимир Путин создал миф и ритуал, возвышающие лично его...» (Wood, 2011: 172–200). Развитие мифологии вокруг Великой отечественной войны анализировали несколько исследователей: Weiner (2001), Merridale (2006), Uldricks (2009: 60–82), Zhurzhenko (2010), Журженко (2011: 134–157).

1939 и 1940 годах⁹. Кроме того, согласно этому мифу, советская власть под руководством Сталина спасла СССР и весь мир от вселенского зла, фашизма. Следовательно, весь мир в долгу у советского народа, заплатившего за победу величайшую цену, и любая критика России и ее политики есть проявление в лучшем случае неблагодарности, а в худшем — поддержки фашизма.

Одной из основных функций этого мифа было избавление советских людей и их потомков от коллективной ответственности за сталинский террор и участие в репрессиях советского периода. Он был призван противопоставить реальные ужасы войны с нацистской Германией вымышленной благополучной жизни в довоенном Советском Союзе и скрыть каждодневное насилие, чинившееся советским режимом до и во время войны. Этот заградительный миф блокировал память о лагерях и заменял воспоминания о бессмысленных страданиях жертв коллективными воспоминаниями о патриотической борьбе против нацистов, преобразуя травматический опыт террора в ощущение участия в героическом нарративе¹⁰. Еще одной его функцией было уверить, что мессианская жертва русских людей во время войны дает им исключительное право выступать против мирового политического порядка. Русский народ, утверждает миф, на протяжении всей истории жертвовал собою ради человечества: в тринадцатом веке он заслони́л Европу от татарского вторжения, затем избавил мир от Наполеона и наконец спас цивилизацию, победив фашизм.

Центральное место в сталинском мифе о войне всегда занимали лидирующая роль Сталина — главнокомандующего победоносной Советской армией. Однако до определенного момента официальные заявления Путина о Сталине лично оставались достаточно осторожными. Это не помешало робкой ресталинизации начала 2000-х перерасти в политику памяти, направленную на реабили-

9. О советском империализме см.: Dallin (1960).

10. Анализ функции военного мифа в постсоветском дискурсе см.: Хапаева (2007: 77-96).

тацию Сталина. Миф о Великой Победе был призван компенсировать отсутствие ясной идеологической программы, так как тогда открыто провозгласить своей целью восстановление империи было еще невозможно¹¹. Восточноевропейские соседи России увидели в попытках Кремля возродить культ войны проявления неоимперских притязаний¹², особенно когда, в 2004 году, в ходе подготовки к празднованию шестидесятой годовщины победы над фашистской Германией, он вырос в крупномасштабную мемориальную кампанию. Вмешательство Кремля в украинские выборы осенью 2004 года сопровождалось стремлением использовать военный миф в качестве орудия агитации за прорусского кандидата Виктора Януковича и дискредитации его соперников, которых российские СМИ, транслирующие на Украину, называли профашистскими бандитами (отсылая к украинскому антисоветскому сопротивлению во время войны) (Портнов, 2010).

В середине 2000-х начались войны памяти между Россией и восточноевропейскими странами, среди которых следует особенно отметить Польшу, балтийские страны и Украину. Эти страны утверждали, что были жертвами двух оккупаций (нацистской и советской) и обвиняли Россию в коммунистическом терроре и военных преступлениях. В число этих преступления входили Голодомор — искусственный голод на Украине, унесший в 1932 и 1933 годах три миллиона жизней украинцев¹³, — уничтожение 22 000 польских военнопленных в Катыни и тысяч жертв советских репрессий в балтийских странах в 1940 году и после войны. Кремль, в свою очередь, ответил этим странам обвинениями в пособничестве нацистам во время войны и неуважении к памяти советских воинов, спасших их от фашизма. Нужно признать, что все это происходило на фоне роста национализма в Восточной

11. О том, как Путин использует Великую отечественную войну в своей агрессивной политике, см.: Stallard (2022).

12. Например: Kuzio (2016: 87–99).

13. Об украинцах как главной мишени устроенного Сталиным искусственного голода и роли исторической памяти о нем в постсоветской антиукраинской политике см.: Applebaum (2017).

Европе, где в ряде стран власти быстро воспользовались возможностью переложить вину за преступления местного населения в военное время на Россию и Германию, замалчивая тот факт, что значительное число их граждан также сотрудничали с нацистами и/или участвовали в Холокосте (Korosov, 2017: 239–99). Однако следует подчеркнуть, что львиная доля ответственности за развязывание войн памяти с восточноевропейскими государствами лежит на России, и движущей силой этих войн был сталинско-путинский военный миф.

В мае 2009, вскоре после вооруженного конфликта с Грузией 2008 года, Дмитрий Медведев, бывший местоблюстителем Путина с 2008 по 2012, а ныне ставший главным милитаристским «ястребом», создал комиссию, которой было поручено противодействовать «попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Ее главной целью была защита сталинского нарратива о советской победе 1945 года. Эта концепция — постсоветский извод печально известного памфлета «Фальсификаторы истории», опубликованного в 1948 году под личным наблюдением Сталина: он был призван защитить СССР от обвинений в развязывании Второй мировой войны совместно с Гитлером. В августе 2009 года Медведев направил президенту Украины Виктору Ющенко открытое письмо, в котором оспаривал его трактовку Голодомора, который Ющенко назвал геноцидом украинского народа, сравнимым с Холокостом. Тогда же, в мае, правящая партия «Единая Россия» предложила проект закона о памяти, якобы криминализующего «реабилитацию нацизма», но на деле защищающего сталинский миф о войне. Если в Западной Европе законы о памяти защищают память тех, кто пострадал от преступлений, совершенных государством или при его поддержке, то российский законопроект должен был прежде всего защитить память сталинского государства от тех, кто обвинял его в военных преступлениях (Korosov, 2017: 292). В мае 2014 года, после аннексии Крыма, этот слегка видоизмененный закон был принят. За «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР» во время Второй мировой войны он предусматривает

наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет. В 2021 году в этот закон были внесены поправки, запрещающие любые сравнения целей Советского Союза и нацистской Германии во Второй мировой войне (*BBC News*, 2021-a¹⁴). Этот новый раунд усиления российского законодательства о прошлом совпал с эскалацией конфликта между Кремлем и Западом, в ходе которого Путин начал открыто угрожать Западу новым вторжением в Украину.

То, насколько важен Кремлю миф о войне в деле милитаризации страны, видно из трех последовательных редакций «Концепции внешней политики Российской Федерации», принятых в 2008, 2013 и 2016 годах. В них говорится о борьбе против «исторического ревизионизма» (то есть утверждений, противоречащих политике памяти Кремля и его интерпретации Второй мировой войны) (Korposov, 2021-a).

Сосредоточенная на войне историческая политика, войны памяти в Восточной Европе и неоимперская внешняя политика Кремля очевидным образом взаимосвязаны. Путин, как и его сторонники, считает крах СССР главной геополитической катастрофой двадцатого века (*ТАСС*, 2021-г)¹⁵. Следовательно, бывшие советские сателлиты, в особенности бывшие республики СССР — и в первую очередь Украина, должны быть возвращены в сферу влияния России; таким образом, этим независимым государствам отказывается в их субъектности и суверенности¹⁶.

Побочным эффектом войн памяти была реанимация русского/советского мессианского нарратива, созвучного мыслям многих путинистов и сфокусированного на Сталине и «его великой Победе». В 2017 году Путин сказал Оливеру Стоуну в докумен-

14. www.bbc.com/russian/news-55803253

15. По данным Левада-Центра, о распаде Советского Союза сожалеют 56 % жителей России (www.levada.ru/2016/04/19/raspad-sssr/; www.levada.ru/eng/stalin).

16. См. полемику по этому вопросу между Стивеном Коэном и Тимоти Снайдером: Cohen (2014), Snyder (2014). См. также: Korposov (2014).

тальном фильме «Интервью с Путиным», что Сталин был «сложной фигурой» и «продуктом своего времени», признал, что его родители восхищались Сталиным не меньше, чем весь остальной советский народ, и что, хотя не следует забывать «все ужасы сталинизма», было бы ошибкой рассматривать сквозь эту призму современную Россию (*РИА-Новости*, 2017-б)¹⁷. 10 мая 2019 года Путин похвалил «потомков тех, кто поднимался в атаку с криком “За Родину, за Сталина!” идя на пулю, почти на верную смерть» (*Красная весна*, 2019)¹⁸.

Несмотря на утверждения некоторых исследователей, ресталинизация не ограничивается государственной политикой памяти. Она, как и неоопричина, существует еще и на уровне низового движения, и именно там она приобретает свое истинное значение и размеры. Вместе с правительством ей оказывают поддержку местные органы власти, политические партии (в особенности Коммунистическая партия), общественные ассоциации, корпорации и частные лица. КПРФ постоянно предлагает различным муниципальным советам и даже Государственной Думе устанавливать памятники Сталину. Обычным предлогом для таких петиций бывает приближение очередной годовщины Победы. Кроме того, КПРФ активно включает в свой дискурс концепцию «православного Сталина» (то есть Сталина, считающегося искренне верующим православным) (*Инопресса*, 2008¹⁹; *newsru.com*, 2012²⁰).

Музеефикация и монументальная пропаганда входят в число главных орудий, используемых политикой ресталинизации. Памятники Сталину, вновь покрывшие всю Россию, — видимое проявление не только государственной политики памяти, но и «ресталинизации на местах». Начиная с 2001 года такие памятники были воздвигнуты во Владимире, Пензе, Тамбове,

17. <https://ria.ru/20170616/1496623625.html>

18. <https://rossaprimavera.ru/news/7a1417ef>

19. www.inopressa.ru/article/21jul2008/repubblica/communist.html

20. www.newsru.com/religy/20jul2012/zyuganov.html

Сочи, Мирном, Липецке, Орле, Якутске, Оренбурга, Новосибирске и многочисленных более мелких российских городах и селах. Со временем скорость их распространения только росла. Зачинателем этой монументальной рестаилинизации стала Северная Осетия — регион, жители которого были депортированы в конце Второй мировой войны (*Росбалт*, 2015; *JAM News*, 2020; *The Moscow Times*, 2022-b). Бюсты или статуи обычно устанавливают по частной инициативе местных жителей или отделений КППФ, часто при поддержке местной администрации. Например, 1 февраля 2023 года такой бюст был установлен в Волгограде в преддверии визита Путина.

Особенно громкий скандал, который даже привлек внимание западных СМИ, вызвала в России реставрация станции метро «Курская» в Москве (*The New York Times*, 2009). Эта станция была впервые открыта для пассажиров в 1950 году. Ее оформление — имитация храма, в ротонде которого стояла статуя Сталина, — символизировало торжество советских войск во Второй мировой войне. Потолок украшали слова советского гимна: «Нас вырастил Сталин на верность народу / На труд и на подвиги нас вдохновил». В 1961 году, в период хрущевской оттепели, как статую, так и эту надпись убрали. Но по завершении реставрации 2008–2009 годов славословия Сталину вновь оказались на месте (*lenta.ru*, 2009²¹).

В декабре 2015 года в провинциальном городе Пензе открылся Сталинский центр, задачей которого была объявлена «популяризация и актуализация тех практик, которые применялись в сталинские времена и которые актуальны и сейчас» по всей России (*grani.ru*, 2015²²). Центр был создан в качестве дискуссионного клуба обкомом компартии, который относит к позитивным чертам сталинизма борьбу с коррупцией и плановую экономику. Инициаторы специально отмечали привлекательность личности самого Сталина, поскольку в нынешнем политическом климате людям нужен настоящий герой, «который воплощал

21. <https://lenta.ru/news/2009/10/24/words/>

22. <https://graniru.org/Politics/Russia/Parties/m.247176.html>

бы все положительное, доброе, вечное, являлся бы примером для молодого поколения» (*progorod58.ru*, 2015²³). (Это заявление сродни ультраправому клише, выдающему кровожадного диктатора за бесстрашного борца с коррупцией.)

В июле 2015 года музей, посвященный Сталину, был открыт в деревне Хорошево близ маленького провинциального города Ржева, бывшего во время Второй мировой войны местом бойни, по большей части вызванной ошибками советского высшего командования. Сталин посетил Ржев в августе 1943 года. Собственно говоря, это был единственный раз за все время войны, когда он оказался в некоторой близости к линии фронта: он, как и Путин, не особенно любил подвергать себя опасностям войны. Музей прославляет Сталина, демонстрируя мелкие (но, очевидно, призванные вызвать умиление) подробности его повседневной жизни, в том числе изысканный фарфор, на котором диктатор ужинал, когда останавливался в скромной избе местной крестьянки. Создание музея финансировал через одну из своих ассоциаций Владимир Мединский, тогдашний министр культуры России (*Tverigrad.ru*, 2015). В сентябре 2017 года бронзовый бюст Сталина работы нынешнего российского «придворного скульптора» Зураба Церетели был установлен на Аллее правителей России в центре Москвы. Центральная мозаика подмосковного Главного храма Вооруженных сил Российской Федерации, освященного в 2020 году, изначально изображала Сталина, Путина и других нынешних руководителей (*ТАСС*, 2020-в; *Новая газета*, 2020), но впоследствии эти изображения убрали. А в мае 2021 года было объявлено о планах построить в городе Бор под Нижним Новгородом Сталин-центр, в котором особое внимание будет уделено героической истории Советского Союза и личности Сталина. Лидер местных коммунистов Владислав Егоров дал интервью, в котором рассказал о назначении этого музея более развернуто:

23. <https://progorod58.ru/news/25571>

Сталин-центр — музей созидательной эпохи нашего государства, а Ельцин-центр [в Екатеринбурге — Д. Х.] — музей, демонстрирующий разрушение того, что было создано в советский период истории. [Он также должен] противодействовать фальсификациям [...] истории Великой Отечественной войны. РБК, 2021-б.

В августе 2022 года украинская газета сообщила, что российские оккупанты открыли в Крыму новую выставку, посвященную тому, как Сталин проводил там летний отпуск на государственной даче (*Украинская правда*, 2022-б)²⁴.

Но пока открывали одни музеи, другие закрывали или реорганизовывали, чтобы привести их в соответствие с победоносной памятью палачей. Особенно поучительным примером стало закрытие музея «Пермь-36» и его превращение в мемориал палачей. Музей был основан в 1994 году на территории советского трудового лагеря в память жертв сталинизма и советского террора. При поддержке правозащитников всей страны он быстро вырос в важный культурный центр. Но в начале марта 2015 года местные власти прибрали музей к рукам и убрали из него все упоминания о преступлениях Сталина. Директор «Перми-36» Виктор Шмыров назвал это символическим жестом в стране, идущей к воссозданию «государства сталинского типа» (*BBC News*, 2015²⁵). К концу марта музей закрыли, а затем снова открыли, но уже в качестве музея, посвященного «администрации и персоналу советских лагерей». Это больше не мемориал жертв политического террора; теперь он увековечивает «тяжелый труд» палачей, рассказывая о системе лагерей, а не о политзаключенных (*DW*, 2014; *Новый компаньон*, 2015²⁶; *Радио Свобода*, 2015²⁷).

Памятники и музеи — далеко не единственный способ возвеличения Сталина и его правления. С начала 2000-х годов еще

24. www.pravda.com.ua/rus/news/2022/08/3/7361657/

25. https://www.bbc.com/russian/russia/2015/03/150304_gulag_museum_perm

26. <https://www.newsko.ru/news/nk-2325388.html>

27. www.svoboda.org/a/26885761.html

одной яркой чертой ресталинизации стали попытки переименовать Волгоград в Сталинград. Исходно город назывался Царицыным; в 1925 году он получил имя Сталина, а в 1961, в ходе хрущевской кампании десталинизации, стал Волгоградом. С 2003 года начались бесчисленные кампании за новое переименование города. В 2004 году Путин распорядился заменить название «Волгоград» на «Сталинград» на мемориальной могиле Неизвестного солдата в Москве (*lenta.ru*, 2004), и это подняло новую волну местных попыток вернуть городу имя Сталина. 30 января 2013 года депутаты волгоградской Городской думы постановили называть город Сталинградом по особым случаям и в ходе «мемориальных мероприятий»²⁸. В июне 2014 года, после аннексии Крыма, Путин предложил вынести вопрос о переименовании города на референдум волгоградских горожан, подчеркнув при этом, что право принимать подобные решения принадлежит городским властям. Однако 25 февраля 2015 года российский парламент отверг соответствующее предложение, внесенное в Госдуму фракцией КПРФ (*lenta.ru*, 2014). В феврале 2023 город переименовали в Сталинград на один день, по случаю празднования годовщины Сталинградской битвы 1942–1943 годов и визита Путина. При этом Путин снова подчеркнул важность исторической памяти о Второй мировой войне.

Середина 2000-х годов отличалась настойчивыми попытками украшения улиц и площадей российских городов портретами Сталина при праздновании Дня победы. Иногда это бывали частные инициативы, чаще всего ветеранов войны и/или членов КПРФ. Дебаты вокруг этих инициатив становились особенно бурными в 2005 и 2010 годах, к 60-й и 65-й годовщинам победы во Второй мировой войне. В 2010 году Московская городская дума обсуждала предложение разместить по городу плакаты и информационные киоски для информирования общественности о той важной роли, которую верховный главнокомандующий Сталин играл во время войны, но в конце концов решила отказаться от

28. О деятельности городских чиновников по части переименования см.: *grani.ru* (2013-a).

этого проекта (*Интерфакс*, 2010²⁹). Но в День победы 2010 года члены КПСС пронесли портреты Сталина по Санкт-Петербургу (*Sankt-Peterburg.ru*, 2010³⁰); по нескольким российским городам в тот же день ездили «автобусы победы», также украшенные его портретами (*grani.ru*, 2013-б³¹). Как отмечает историк, член «Международного Мемориала» Никита Петров, изображения Сталина были популярным элементом наглядной агитации ко Дню победы с конца 2010-х годов (Petrov, 2018: 16).

Портреты Сталина выставлялись также на выставках изобразительного искусства под предлогом демонстрации эстетических достоинств соцреализма (главной художественной догмы советской литературы и искусства). Из них выставка под названием «Миф о любимом вожде», организованная в московском Историческом музее в 2014 году, наверное, наиболее недвусмысленно сформулировала свою главную идею³².

Как и следовало ожидать, изображения Сталина используются в качестве символа поддержки путинского режима вне России. Несколько памятников Сталину было установлено в декабре 2015 года в контролируемом сепаратистами украинском городе Луганске (*Украинская правда*, 2015)³³. Портреты Сталина также выставлялись на всеобщее обозрение в центре Донецка, еще одного оплота сепаратистов на востоке Украины (*The Guardian*, 2015). На время местных мемориальных мероприятий сепаратисты планировали переименовывать город в Сталино (*Новости Украины и мира*, 2020)³⁴ (исходно он назывался Юзовкой, в 1924 году получил название «Сталин», в 1932 — «Сталино», а в 1961

29. www.interfax.ru/russia/129101

30. <http://saint-petersburg.ru/m/spb/old/236092/>

31. <https://graniru.org/opinion/milshtein/m.212036.html>

32. Эти выставки широко обсуждались в российских СМИ (*Коммерсантъ*, 2014; *Радио Свобода*, 2014).

33. www.pravda.com.ua/rus/news/2015/12/19/7093027/

34. <https://nv.ua/ukraine/events/voroshilovgrad-i-stalino-boeviki-pereimenovuyut-lugansk-i-do-neck-novosti-ukrainy-50084316.html>. О навешивании на украинцев ярлыка фашистов см.: (Sweet, 2016).

— «Донецк»). Военные парады на Красной площади в Москве и общая атмосфера празднеств в третьем тысячелетии в целом убедительно напоминают праздники эпохи Холодной войны.

В этом контексте не вызывает удивления, что российские чиновники и политические активисты высказываются о Сталине все более позитивно, а временами даже восторженно. Путин, хотя обычно и осуждает Сталина как диктатора, находит в нем позитивные отличия от Гитлера, так как Сталин «не был нацистом» (Регнум, 2005)³⁵. В 2021 году министр иностранных дел России Сергей Лавров причислил «нападки на Сталина» к элементам «атаки» Запада «на итоги Второй мировой войны» (BBC News, 2021-б)³⁶. Журналист Максим Шевченко, входящий в состав Президентского совета по правам человека, открыто идеализирует сталинизм, высказываясь о нем в следующих выражениях:

[С]талинские наркомы — Сталин, Молотов, Каганович, Жданов и так далее — [...] это были люди, которые служили не себе и не своим семьям. Они служили стране [...]. Народу. Это не апологетика сталинизма. Это просто я пытаюсь сейчас дать трезвый исторический взгляд на эту проблему.

granir.ru, 2016³⁷.

Наблюдая за волнами увековечения Сталина в России, Марк Крамер спрашивает, как были бы восприняты миром памятники Гитлеру или его нацистам, будь они установлены в городах Германии (Крамер, 2017: 418). Энн Эпплбаум сравнивает отношение к символике фашизма и советского коммунизма, утверждая, что свастика остается неприемлемой, тогда как советская символика сходит за дозволенный китч (Appelbaum, 2004): так, во всяком случае, обстояло дело до начала войны в Украине.

35. В интервью ТАСС в 2020 году Путин назвал утверждения о том, что Гитлер и Сталин сыграли одинаковую роль в развязывании Второй мировой войны «чушью собачьей» (<https://putin.tass.ru/ru/o-75-letii-pobedy/>).

36. www.bbc.com/russian/news-58364125

37. <http://graniru.org/blogs/funnycouple/entries/251292.html>

Сталин — не единственный советский палач, которого публично чествуют российские власти. Еще один герой исторической политики — Феликс Дзержинский, известный в советской традиции под прозвищем «Железного Феликса». Он был основателем и «святым патроном» советской тайной полиции (ЧК) и ее преемников — НКВД, КГБ и ФСБ. В период Красного террора по его приказу были убиты тысячи ни в чем не повинных людей. В Санкт-Петербурге его статуи стоят перед региональным управлением пограничной службы и во дворе бывшего Военно-морского инженерного училища имени Дзержинского³⁸. На фасаде бывшего здания ЧК дома 2 по Гороховой улице в Петербурге — где после большевистского переворота производились казни — есть мемориальная доска в его честь, установленная еще в советское время. Новые памятники Дзержинскому были установлены в подмосковном городе Дзержинский в 2004 году, в сибирской Тюмени в 2012 и в Кирове в 2017. В 2021 году в честь 114-летия со дня рождения Дзержинского ему были открыты два памятника, в Крыму и в Краснодаре. Его статуя долго стояла как символ советского тоталитаризма напротив штаб-квартиры ЧК-НКВД-КГБ-ФСБ на Лубянской площади в Москве. В 1991 году, после провалившегося августовского путча, ее снесли, а вместо нее установили Соловецкий камень — памятник жертвам советского террора, привезенный в Москву обществом «Мемориал» с Соловецких островов в Белом море (где находился самый первый лагерь ГУЛАГа).

О важности этого памятника Дзержинскому в качестве символа памяти палачей свидетельствуют продолжающиеся до сих пор дебаты о его возвращении на прежнее место. В ходе политического столкновения 2002 года Владислав Сурков, вскоре после этого ставший главным кремлевским идеологом, возражал против намерения мэра Москвы Юрия Лужкова, известного националиста, призывавшего к аннексии Крыма, восстановить Железного Феликса. В 2005 году памятник, который хранился в выставочном парке монументов советской эпохи, перевезли во двор дома 38

38. Ныне Военно-морской политехнический институт (без имени Дзержинского). Расположен в комплексе зданий Адмиралтейства.

по улице Петровке, штаб-квартиры московской милиции. В 2008 партия «Единая Россия» выступила с требованием вернуть его на прежнее место, но Кремль не стал поддерживать эту инициативу. В 2015 году памятник был отреставрирован, в результате чего с него исчезли граффити, появившиеся при его сносе в 1991 году, в числе прочего называвшие Дзержинского «убийцей» и «палачом».

Торжество памяти палачей наглядно продемонстрировало закрытие Международного общества «Мемориал» в декабре 2021 года, после многочисленных угроз со стороны путинской администрации. «Мемориал», основанный в 1987–1989 годах бывшими советскими политзаключенными, правозащитниками и историками коммунистических репрессий, которых возглавлял знаменитый советский диссидент академик Андрей Сахаров (1921–1989), стал ведущей российской правозащитной организацией и важным исследовательским центром, который внес выдающийся вклад в увековечение памяти жертв коммунистического террора и изучение советского периода. Неудивительно, что он постепенно стал одним из главных оппонентов кремлевской политики памяти и эскалации нарушений прав человека и демократических свобод в России со стороны властей.

После вооруженного конфликта с Грузией в 2008 году Кремль квалифицировал деятельность общества «Мемориал» как «антипатриотическую» и угрожал ему «административными мерами». Возможно, первым случаем осуществления таких угроз был налет силовиков на санкт-петербургское отделение «Мемориала» в том же 2008 году, совпавший с международной конференцией по сталинизму, проводившейся «Мемориалом» в Москве. 19 декабря 2021 года общество «Мемориал» было закрыто решением Верховного суда по требованию Генеральной прокуратуры на том основании, что оно нарушало некоторые из ограничений, предусмотренных одиозным путинским законом об «иностранных агентах» (в последние годы эта категория расширилась и охватила большинство правозащитных организаций, а также многих независимых журналистов, НПО и аналитических центров). Однако власти даже не пытались скрыть тот факт, что истинными

причинами закрытия «Мемориала» были его правозащитная деятельность и критика Кремля и его политики памяти. Или, как сказал прокурор Алексей Жафяров, «Мемориал» был виноват в том, что «создавал лживый образ СССР как террористического государства» и «искажал историческую память — в первую очередь, о Великой Отечественной войне» (*Новая газета*, 2021-в). Теперь трудно сомневаться в том, что уничтожение российской оппозиции, в том числе «Мемориала» и организации Алексея Навального, было частью подготовки к войне против Украины.

Поддерживаемая государством ресталинизация время от времени сопровождается противоречивыми заявлениями Кремля о сталинизме, которые ученые иногда ошибочно принимают за попытки Кремля «адаптироваться к господствующим западным оценкам сталинизма» (Sherlock, 2011: 93). Но постсоветская политика памяти не просто «отделяет Сталина-командующего Красной армии, обеспечившего победу на войне, от Сталина, организовавшего террор против собственного населения» (Wijermars: 2018, 205). Разделение этих двух образов российскими пропагандистами призвано маргинализировать образ Сталина-палача, представить его преступления как незначительные (хотя и порицаемые) мелочи и прославить его как великого лидера. Более того, репрессии Сталина все чаще рассматриваются как достижение, хотя это представление развивают пособники Кремля, а не сам Кремль.

Чтобы лучше понять смысл ресталинизации, необходимо помнить об одной важной черте путинизма: его склонности цинично присваивать, извращать и эксплуатировать дискурсы его же политических оппонентов. Эта стратегия ясно проявляется в создании «официальных» государственных или прогосударственных правозащитных организаций по мере подавления независимых ассоциаций и активистов. Например, на момент написания этой книги все еще существует путинский Совет по развитию гражданского общества и правам человека³⁹. Но кремлевские мнемотехнологи считают, что для их целенаправленных

39. <http://kremlin.ru/structure/councils#institution-18>

усилий по расширению своей базы поддержки и подавлению любых других нарративов «все средства хороши», в том числе и пренебрежение противоречивостью информации, которую они адресуют разным аудиториям, внутри страны и за рубежом, через самых разнообразных посредников.

То же относится и к институтам исторической политики. Под контроль государства был взят Музей истории ГУЛАГа, созданный в Москве в 2001 году по инициативе советского диссидента Антона Антонова-Овсеенко. Теперь он не имеет никакого отношения к оппозиции и правозащитному движению, а его главная цель — заслонить «Мемориал» и вытеснить его из российского общественного мнения и политической жизни, предлагая прилизанную версию памяти о советском терроре, избегающую любых ассоциаций между сталинским террором и режимом Путина. Этим же объясняется и решение Путина установить в Москве официальный мемориал под названием «Стена скорби».

Хотя публичное поминовение жертв коммунистических репрессий с самого начала входило в программу деятельности «Мемориала», ему удалось открыть лишь десятки мемориальных досок по всей стране, но не общенациональный мемориал в Москве. Вместо него это сделал в 2017 году, к столетию большевистской революции, Путин, с явным намерением представить советский террор результатом политики коммунистов (Petrov, 2018). Главная задача «Стены» — ослабить символическое значение Соловецкого камня, у которого правозащитное сообщество проводит 30 октября каждого года акции поминовения жертв репрессий. Власти заявили, что теперь местом проведения таких поминальных церемоний — но под эгидой государства, а не общества «Мемориал» — будет путинская Стена скорби.

На открытии «Стены» Путин признал, что «Сталин и его окружение действительно заслуживают многих обоснованных обвинений» и упомянул «ужас массовых репрессий». Однако уже в следующей фразе он похвалил «советских лидеров» за правильное понимание внешних угроз стране и намекнул, что репрессии против «пятой колонны» были не таким уж плохим делом (*Известия*, 2020). (Эта

ремарка предвосхитила репрессии против «иностранных агентов» и «национал-предателей», протестовавших впоследствии против войны в Украине.) В июле 2020 года пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков официально заявил о несерьезности сравнений путинского правления со сталинским и пренебрежительно отозвался о попытках назвать путинский режим «неосталинизмом» (*РБК*, 2020⁴⁰). Война в Украине развеяла последние сомнения в том, что Путин испытывает глубокую ностальгию по сталинизму и стремится восстановить советскую империю.

Ресталинизация в образовании, архивах и историографии

Чтобы защитить и укрепить память палачей, ресталинизация также затрагивает исторические архивы (частично открытые в 1990-х годах при Ельцине). Закон 2004 года о защите личной информации российских граждан значительно ограничил доступ общественности к личным делам как палачей, так и жертв и сильно затруднил расследование преступлений, совершенных в советское время (Чудакова, 2005). На доступ к этим делам без прямого разрешения лиц, которых они касаются, или их родственников был наложен 75-летний запрет (Рамазашвили, 2004). На этот закон ссылались в 2016 году, когда «Мемориал» опубликовал дела почти 40 000 сотрудников НКВД, замешанных в сталинских репрессиях (*DW*, 2016).

2000-е годы были важны для ресталинизации и еще в одном отношении: именно в это время путинская администрация начала пытаться взять под свой непосредственный контроль преподавание истории в школах. Официальной целью была стандартизация интерпретации истории в учебниках и превращение отечественной истории в основу для патриотического воспитания. Путин разъяснял эти цели на встрече с «учеными-историками» в 2003 году:

40. www.rbc.ru/rbcfreenews/5fo8447f9a794789da71e08b

Современные [школьные и вузовские — Д. Х.] учебники не должны становиться площадкой для новой политической и идеологической борьбы. [Н]еобходимо излагать только факты истории, вызывая у молодых людей чувство гордости за свою страну.

www.kremlin.ru/events/president/news/29821

На прошедшей в июне 2007 года встрече Путина с директорами школ и учителями истории стала заметна растущая озабоченность режима тем, что учителя могли свободно выбирать из нескольких разных учебников, предлагающих конкурирующие версии советской истории. Путин подчеркнул, что история снова стала мощным орудием идеологической пропаганды, одновременно подтвердив свою устойчивую враждебность к Западу: «Многие наши учебники пишут люди, которые получают иностранные гранты. Исполняют польку-бабочку, которую заказывают те, кто платит!» (*Коммерсантъ*, 2007). Все собравшиеся согласились, что российским школьникам и России в целом нужно позитивное изложение отечественной истории, что учебники истории должны воспитывать оптимистическое отношение к настоящему, и что российских учащихся нужно осчастливить единой, одобренной государством версией советской и постсоветской истории. При этом, хотя участники встречи были, несомненно, тщательно отобраны, их взгляды вполне могли отражать мнение многих их коллег по всей стране. Например, когда одна из лучших тележурналисток ельцинской эпохи Светлана Сорокина спросила директора одной из московских школ о Сталине, назвав диктатора «людоедом», в разговор вмешался автор учебника, сказавший: «Даже Сталина нельзя просто проклясть. [...] Вот нельзя, потому что это предок» (*Эхо Москвы*, 2008).

Через четыре дня после встречи Путина с учителями истории комитет Государственной Думы по образованию разослал местным властям список учебников, утвержденных для российских школ. Еще через три месяца, в сентябре 2007 года, при поддержке Кремля было выпущено методическое руководство для преподавателей вузов. Эта книга, изданная под именем путинского «политтехнолога» Александра Филиппова, охватывала россий-

скую историю с 1945 до 2007 года и предлагала столь желанное позитивное видение советского прошлого — в том числе сталинизма. Первая редакция приобрела скандальную известность благодаря тому, что Сталина называли в ней «эффективным менеджером», а окончательная содержала следующий пассаж: «Империя Сталина» — сфера влияния СССР — территориально превосходила все евроазиатские державы прошлого, даже империю Чингисхана» (Филиппов, 2007: 63). Сталина сравнивали с Петром Великим; ему в заслугу ставили и то, что «была расширена территория страны, достигшая границ бывшей Российской империи (а где-то превзошедшая их)», и победу «в величайшей из войн». Книга оправдывала политические репрессии их результативностью с точки зрения экономического развития СССР и необходимостью модернизации страны (там же: 93)⁴¹. Другими словами, она точно следовала логике рестаилинизации. Авторы этой книги страстно настаивали на последовательной стратегии рестаилинизации в преподавании истории и очерчивали империалистические цели будущего России. На них явно оказали влияние Юрьев, Дугин и другие ультраправые гуру. (Дугин предлагал свой собственный учебник, но его предложение не было принято — что, разумеется, не означает, что он не приложил руку к руководству, которое приписывается Филиппову.)

Вскоре после этого Александр Филиппов и декан исторического факультета Московского государственного педагогического университета Александр Данилов написали учебник для студентов, основанный на вышеупомянутом руководстве для учителей. Министерство просвещения одобрило его и рекомендовало для использования в вузах (*Независимая газета*, 2007⁴²; *Новая газета*, 2008). Он развивал положительную оценку роли Сталина в советской истории и свидетельствовал о появлении в постсоветской историографии нового течения: эпоха «постправды» еще не наступила, а Филиппов и Данилов уже предлагали приравнять историческую правду к популярной точке зрения на

41. Об этой книге см.: Zubkova & Fedyashin (2009: 861–868).

42. www.ng.ru/politics/2007-12-25/1_uchebnik.html

события прошлого. Раз уж, заявляли они, по данным опросов общественного мнения большинство жителей России вспоминают о Сталине с симпатией (на самом деле в то время эта цифра составляла около 50 %), значит, он был хорошим руководителем. Они ясно сформулировали эту точку зрения в статье «Рациональный подход», в которой было представлено кремлевское понимание роли Сталина и целей российской политики памяти в противовес видению постсоветской исторической памяти, сформулированному в моих работах:

Картина народной памяти вызывает изрядное раздражение у многих наших оппонентов. Кандидат исторических наук Дина Хапаева выразилась без обиняков: «Народ хочет забыть свое преступное прошлое, и долг интеллектуала — противостоять этому».

Мы придерживаемся прямо противоположного мнения. Воевать с народной памятью — бессмысленно и опасно. Бессмысленно — потому что эта память в более или менее долгосрочной перспективе все равно окажется сильнее, чем учебники и книги. [...] Опасно — потому, что это значит вести своего рода гражданскую войну. Так что если в народном самосознании кроме репрессий остался и тот факт, что Сталин сделал больше хорошего, чем плохого (а об этом свидетельствуют все опросы), то мы не будем скрывать [от читателей — Д. Х.] и этого.

Независимая газета, 2008-б⁴³.

Здесь Филиппов и Данилов имели в виду опрос «Имя Россия — Исторический выбор», модераторы которого якобы убрали Сталина с первого места, заменив его на средневекового князя Александра Невского⁴⁴.

43. www.ng.ru/politics/2008-09-17/4_history.html

44. В этом опросе, проводившемся с мая по декабрь 2008 года с участием более 1,3 миллиона человек, самым популярным деятелем, по слухам, оказался Сталин, хотя наблюдатели отмечали, что его рейтинг могли искусственно завесить ультраправые силы (www.nameofrussia.ru/person.html?id=87; *Независимая газета*, 2008-а, https://www.ng.ru/politics/2008-09-01/3_stalin.htm). См. также: *lenta.ru* (2008). Тогда, в 2008 году, Кремль еще не видел

Поскольку случаи вмешательства Кремля в преподавание истории в России хорошо исследованы, я завершу это обсуждение, упомянув лишь созданный в 2022 году обязательный идеологический курс для студентов вузов, исторический модуль которого написал Мединский (*Медуза*, 2022-д⁴⁵).

Образовательные инициативы Кремля пали на хорошо подготовленную почву. Спектр бесчисленных биографий диктатора простирается от прочувствованных повествований о его личной жизни до восхвалений «великого государственного деятеля» и настоящих религиозных житий⁴⁶. В конце 1990-х годов постсоветская историография уже начала пересматривать преимущественно негативные воззрения на Сталина и сталинизм, бывшие типичными в конце 1980-х и начала 1990-х. Олег Хлевнюк подытоживает эту версию советской истории следующим образом:

Формально упоминая о многочисленных жертвах террора и негативных последствиях стратегии скачков, [эта идеология] исходит из представлений о безусловной органичности и безвариантности сталинской модели как метода «модернизации» послереволюционной России. Сталин — выразитель объективной потребности, пешка в игре исторической стихии. Его методы если и достойны сожаления, то необходимы и даже эффективны [...]. В этих суждениях мы без труда прочитываем укоренившиеся предрассудки российского общественного сознания — об абсолютном приоритете интересов государства и ничтожности личности, о жесткой обусловленности хода истории закономерностями высшего порядка.

Khlevniuk, 2015: xi.

возможности открыто воспользоваться растущей популярностью Сталина и объявить его главным историческим символом России.

45. <https://meduza.io/feature/2022/10/25/molodye-dolzny-ponimat-kuda-idet-rossiya>

46. Например: Прудникова (2005). Поскольку биография Сталина была предметом пристального внимания исследователей, я не пытаюсь охватить здесь эту литературу.

Однако тенденция к нормализации Сталина зашла гораздо дальше. Вот лишь один пример: известный специалист по истории России Борис Миронов выдвинул тезис о необходимости такой отечественной истории, которая избавит россиян от «общенационального комплекса неполноценности» и положит конец «несправедливому унижению русского национального достоинства». Историю следует поставить на службу изображению советского периода «нормальным периодом модернизации», которую российское общество прошло вместе «с остальным цивилизованным миром» (Миронов, 2003: 16–17). Подобно многим своим коллегам, Миронов решительно защищает российскую историю от менее «патриотичных» историков:

Советская историография, на мой взгляд, отличалась негативизмом в отношении отечественной истории дооктябрьского периода, подобно тому, как современная историография — в отношении советского периода. [...] Пожалуй, нигде в мире истории не изображают столь негативно историю собственной страны. [...] Россия — не ехидна в ряду европейских народов, а нормальная европейская страна, в истории которой трагедий, драм и противоречий несколько не больше, чем в истории любого другого европейского государства.

Там же: 15, 17.

Эти попытки снабдить русских «пригодным к употреблению прошлым» напоминают позицию, которую заняли в дискуссии о нацистском прошлом — так называемом *Historikerstreit* [спор историков] — немецкие историки Эрнст Нольте и Андреас Хильгрубер. Нольте и Хильгрубер утверждали, что нацистский террор не был таким уникальным, каким его иногда изображают, что другие диктаторские режимы (в том числе советский) совершали преступления сравнимой природы, и что Гитлер мог позаимствовать идею концентрационных лагерей из советского эксперимента. Юрген Хабермас, напротив, выступал против нормализации нацистского прошлого.

Однако между ситуациями в России в Германии есть важные различия. Ко времени *Historikerstreit* Германия уже приложила

беспрецедентные усилия по осознанию своих преступлений против человечности, и *Historikerstreit* помог консолидировать общенациональный (и международный) консенсус относительно недопустимости нормализации истории нацизма, тем самым укрепив демократические основы германской политики. В России не было победы аналогичного антисталинского консенсуса. Вместо этого стержнем исторической политики стала нормализация сталинизма⁴⁷.

«Сталин жив!»

Общественное мнение и популярная культура⁴⁸

В постсоветскую эпоху отношение россиян к персоне Сталина претерпело существенные изменения, которые трудно не связать с успехами политики ресталинизации. В начале 1990-х позднесоветская и ранне-постсоветская общественность почти единодушно осуждала Сталина как жестокого тирана и создателя неэффективной модели общества, в котором эта общественность жила. Однако уже в 2001 году 38 % респондентов опроса Левада-Центра назвали свое отношение к нему «восхищением, уважением или симпатией», а негативно высказались 43 %⁴⁹. К 2016 году число жителей России, позитивно оценивающих роль Сталина, выросло до 54 % (*Левада-Центр*, 2019-а)⁵⁰. Опрос, проведенный Левада-Центром в апреле 2021 года, показал, что 56 % респондентов согласились, что «Сталин был великим руководителем», а не

47. Эти идеи обильно присутствуют в учебниках истории для средних школ и вузов. См., например: откровенную пропаганду русского национализма и мессианской роли русского народа, а также прославление империалистических политических притязаний и идеологии: Чубайс (2004), Данилов & Косулина (2008).

48. Здесь я перефразирую название важной книги Нины Тумаркин *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia* (Tumarkin, 1983).

49. Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, какую роль сыграл Сталин в жизни нашей страны?» было следующим: «положительную» — 16 %, «скорее положительную» — 18 %, «скорее отрицательную» — 18 % (www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/).

50. <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>

согласились с этим 14 % ((Левада-Центр, 2021-а)⁵¹. Доля тех, кто положительно оценивает роль Сталина в истории России, была еще выше в 2019 году, когда она достигла поражающих воображение 70 % (Левада-Центр, 2019-а). Исследователи Левада-Центра считают основной причиной такого изменения в оценке Сталина сдвиг мнений среди молодежи (Левада-Центр, 2021-б)⁵².

Как и в случае Ивана Грозного, изменения отношения к Сталину хорошо коррелируют с мерами государства по пропаганде его образа в популярной культуре. Начиная с 2000-х годов, помимо бесчисленной художественной и научно-популярной литературы, восхваляющей Сталина, при поддержке государства было снято несколько фильмов и телесериалов, показанных в прайм-тайм по государственным телеканалам.

Эти фильмы следуют схеме *палаческого поворота*, недавней тенденции в популярной культуре и историографии, главным образом в исследованиях культуры и памяти, которая перемещает внимание с жертв, бывших до этого главным предметом интереса, на палачей⁵³.

Центральным элементом постсоветского палаческого поворота был акцент на том, что и у Сталина, и у других коммунистических руководителей, были человеческие эмоции, призванные вызвать к ним сочувствие. (Аналогичным образом палаческий поворот нашел свое выражение в нескольких выпущенных за последние десятилетия западных фильмах о Гитлере и других нацистских преступниках, несмотря на то, что эта культурная продукция была порождена совершенно другим политическим контекстом и преследовала цели, отличные от тех, которые ставились в пост-

51. www.levada.ru/2021/06/23/otnoshenie-k-stalinu-rossiya-i-ukraina/

52. www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu/. По данным опроса Левада-Центра в 2021 году, 60 % поддерживали создание Сталин-центра.

53. Более подробное рассмотрение палаческого поворота см.: Кхараева (2021).

советской России⁵⁴). Так, в телесериале «Сталин. Live» (2006) Дмитрия Кузьмина, Григория Любомирова и др., который был объявлен «первой попыткой дать слово “поруганному” вождю», повествование ведется от лица Сталина, так же как и в некоторых фильмах, где в роли повествователей выступают нацистские палачи. Зритель видит происходящее глазами диктатора, и это существенно меняет восприятие Сталина и побуждает зрителя отождествлять себя с ним. Фильм «Диван Сталина» (*Le Divan de Staline*, 2017; реж. Фанни Ардан) и телесериал «Товарищ Сталин» (2011; реж. Ирина Гедрович) описывают последние дни и смерть диктатора с несомненным сочувствием к страданиям старика. В телефильме «Власик. Тень Сталина» (2017; реж. Алексей Мурадов) Сталин и его семья показаны с той симпатией, какую испытывал к ним центральный персонаж фильма, верный охранник Сталина, генерал НКВД Николай Власик⁵⁵.

Еще несколько лент были посвящены семье Сталина. Телесериал «Сын отца народов» (2013; реж. Сергей Гинзбург, Сергей Щербин), показанный по Первому каналу российского телевидения, изображает сына Сталина Василия не разнузданным пьяницей (каким он был, например, в снятом в 1991 году фильме Виктора Садовского «Мой лучший друг — генерал Василий, сын Иосифа»), а трагическим героем, верным сталинцем и преданным сыном. В телесериале «Светлана» (2018; реж. Евгений Звездаков) мелодраматические любовные истории дочери Сталина подчеркивают образ Сталина — строгого, но любящего отца (что не обязательно соответствует впечатлению от нашумевших мемуаров

54. Среди фильмов, изображающих разные периоды жизни Гитлера, см.: «Гитлер: Восхождение дьявола» (*Hitler: The Rise of Evil*, 2003; реж. Кристиан Дюгей), «Макс» (*Max*, 2002; реж. Менно Мейес), «Молох» (1999; реж. Александр Сокуров), «Бункер» (*Der Untergang*, 2004; реж. Оливер Хиршбигель) и «Мой фюрер, или Самая правдивая правда об Адольфе Гитлере» (*Mein Führer — Die wirklich wahrste Wahrheit über Adolf Hitler*, 2007; реж. Дани Леви). Тем, что эти фильмы изображают Гитлера «живым человеком», они отличаются от своих предшественников, которые сохраняли этическую дистанцию (Rosenfeld, 2015: 235, 239).

55. О создании этого фильма см.: Тойменцев (2020: 129–147).

самой Светланы). Стратегии, которые российское телевидение применяет для оживления памяти о Сталине, представляя его жестокость привлекательной чертой, ясно сформулировал кинокритик Даниил Дондурей (Дондурей, 2012). Я бы добавила к этому, что рост популярности коммерциализованного антигуманизма во всем мире делает изображение бесчеловечной жестокости тирана успешным приемом для усиления его притягательности.

Сталина, подобно Гитлеру⁵⁶ и Ивану Грозному, часто изображают жертвой несовершенного общества. Трудное детство — клише, распространенное в советских и постсоветских биографиях Сталина, — используют для оправдания его характера и доказательства его «народности». Однако в отличие от западных фильмов про Гитлера, некоторые российские документальные фильмы оправдывают не только личность Сталина, но и его действия и решения (*grani.ru*, 2013-в⁵⁷). Например, в анонсе первой серии телесериала «Сталин с нами» (2012; реж. Владимир Чернышев), показанного на канале НТВ, говорилось, что Сталин — это «человек, определивший образ страны на десятилетия вперед. Лидер, определивший образ современной Европы⁵⁸».

Противоречивость этих представлений и их историческая недостоверность мало заботят путинскую пропаганду, которая пытается ловко, (хоть и неубедительно), отделить Сталина-революционера от Сталина — государственного деятеля и победителя в мировой войне. Путин и его пропагандисты не принимают наследия Октябрьской революции, которую они считают незаконным свержением легитимной власти, государственной изменой, совершенной в военное время большевиками и приведшей в конце концов к утрате империи. Поэтому в постсоветских фильмах о революции — например, в телесериале «Троцкий» (2017; реж. Александр Котт) — Сталин-революционер предстает цинич-

56. Например, Элис Миллер утверждала, что Гитлер стал тем, кем стал, потому что в детстве с ним жестоко обращался отец (Miller, 1983).

57. <https://graniru.org/opinion/sokolov/m.212231.html>

58. <https://tvshowguide.ru/details/stalin-s-nami/>

ным бандитом. Но как только дело доходит до его изображения в бесчисленных постсоветских фильмах о Второй мировой войне, он оказывается национальным героем. Показательна история с франко-британской черной комедией «Смерть Сталина» (*The Death of Stalin*, 2017; реж. Армандо Ианнуччи), высмеивающей Сталина и его бандитскую клику: когда фильм вышел на российский рынок, Министерство культуры под руководством Мединского отозвало его прокатное удостоверение под предлогом содержащихся в этой кинокартине «экстремистских высказываний» (Министерство Культуры РФ, 2018⁵⁹; ТАСС, 2018).

Тесная связь между политикой памяти и пропагандой Сталина в популярной культуре проявилась в одном интересном инциденте. Сравнение Сталина с Микки-Маусом, которое должно было затушевать кровавый характер его правления, побудило российских законодателей потребовать, чтобы председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин возбудил против директора московского Пушкинского музея Елизаветы Лихачевой дело в соответствии с законом № 278 об «оскорблении» памяти ветеранов войны⁶⁰.

Если в отношении общественности к личности Сталина происходили заметные сдвиги, воспоминания о сталинизме оставались гораздо более стабильными, что объясняет эти сравнительно быстрые колебания. Несколько опросов общественного мнения показывают, что правление Сталина сохранилось в памяти большинства советским «Золотым веком».

В июле 1990 года, когда массовое разочарование в советском режиме достигло апогея и наблюдатели в большинстве своем утверждали, что Россия порвала с советским прошлым, мы с Николаем Копосовым провели в Ленинграде один из первых социологических опросов о российской исторической памяти. Наши данные показали, что миф о сталинском Золотом веке

59. https://culture.gov.ru/press/news/kommentariy_glavy_minkultury_rossii_vladimira_medinskogo_v_svyazi_s_otzyvom_prokatnogo_udostovereniya/

60. <https://msk1.ru/text/politics/2023/04/16/72225113/>

благополучно пережил откровения гласности. Такой же опрос, повторно проведенный в 2007 году засвидетельствовал живучесть этого мифа. В 2007, как и в 1990, около двух третей респондентов вспоминали сталинскую эпоху как время, когда «дружелюбные, открытые, трудолюбивые, бескорыстные и доброжелательные люди жили в атмосфере радости и оптимизма». Почти половина респондентов 2007 года утверждала, что советское прошлое оказывает позитивное воздействие на постсоветскую культуру и нравственность. На имевшийся у них образ счастливой жизни при Сталине никак не повлияло то, что они обладали достоверными знаниями о репрессиях (Kharaeva & Korossov, 1992: 974). По данным того же опроса 2007 года, 92 % знали о репрессиях при Сталине, а две трети не питали никаких иллюзий относительно масштабов террора: 63 % полагали, что число его жертв составляло от десяти до пятнадцати миллионов. Результаты Левада-Центра подтвердили эти данные в 2017 году: около 80 % респондентов этого опроса казались хорошо осведомленными о репрессиях. Между 2008 и 2017 годами осведомленность изменилась незначительно, в то время как симпатии к Сталину усилились (*Левада-Центр*, 2017⁶¹; 2019-б⁶²).

Многие слависты, пытаясь осмыслить эти постсоветские настроения, утверждали (по меньшей мере до начала войны с Украиной), что русские настолько травмированы сталинизмом, что до сих пор никак не способны выразить свои истинные чувства и нравственную озабоченность. Как и в послевоенной Германии, «проработка травмы» должна занять некоторое время, считали они.

Разумеется, понятие травмы широко использовалось в исследованиях Холокоста: масштаб травматического опыта жертв сделал понятным распространение концепции травмы не только на индивидуальных, но и на коллективных жертв геноцида. Немцы также интериоризовали чувство исторической вины и раскаяния,

61. <https://www.levada.ru/2017/09/07/16561/>

62. <https://www.levada.ru/2019/05/17/proshloe-kak-budushhee/>

как на индивидуальном, так и на национальном уровне. Поэтому, несмотря на спорность применения психоаналитических концепций к историческим событиям, понятие травмы в этом контексте не противоречит ни языковой интуиции, ни здравому смыслу. Однако не вызывает сомнений и то, что концепцию травмы можно применять к Холокосту, только если нацизм считается преступлением как на государственном уровне, так и населением страны. Использование концепции травмы в постсоветском контексте также основывается на невысказанном предположении, что постсоветское общество дает сталинским репрессиям негативную оценку, хотя, как мы видели, многие граждане России сохраняют о сталинизме самые светлые воспоминания.

Политики и лидеры общественного мнения, занимающие руководящие позиции в постсоветском истеблишменте, — которые в большинстве своем оказываются потомками сталинской элиты во втором или третьем поколении — обычно вспоминают свое детство с нежностью и утверждают, что их отцы и деды были «самыми добрыми людьми»⁶³. Даже те, кто высказывается о сталинизме критически, — как, например, Виктор Ерофеев в опубликованной в 2009 году книге «Хороший Сталин», посвященной его воспоминаниям о счастливом детстве, — тоже не скрывают ностальгии по прошлому. Сейчас советских аппаратчиков почти неизменно представляют в научных публикациях и популярной культуре людьми, «искренне преданными» делу коммунизма, которые сами пали жертвами созданного ими же режима, а потому (как по меньшей мере подразумевается) также достойны сочувствия и сострадания⁶⁴.

63. О «выживании» советской элиты в постсоветскую эпоху и о преобразовании советской элиты в постсоветскую см.: Nuzov (2013–2014: 273), Snegovaya & Petrov (2022: 329–348).

64. См., например, книгу Юрия Слезкина «Дом правительства. Сага о русской революции» (Слезкин, 2019), в которой описываются судьбы высокопоставленных советских функционеров, живших в начале 1930-х в печально знаменитом «Доме на набережной»: почти все они сгинули в сталинских чистках. В книге Слезкина есть всё — «Ожидание», «Свершение», «Второе пришествие», «Тысячелетнее царство», «Страшный суд» и «Другая

Но можно ли применять концепцию травмы к потомкам палачей, которые считают, что их деды и отцы «жили нормальной жизнью в великой стране», и гордятся преступлениями своих предков⁶⁵? Вот пример: прокремлевский политик Вячеслав Никонов, глава фонда «Русский мир» и внук Вячеслава Молотова, который был правой рукой Сталина, публично заявляет, что гордится своим дедом-убийцей. В его объемистой биографии «Молотов. Наше дело правое» (2017) Никонов утверждает, что Молотов был не марионеткой Сталина, а преданным сталинцем, который разделял взгляды Сталина и неуклонно руководствовался ими в жизни и работе (Никонов, 2017).

Международное давление, побуждавшее Россию проработать ее «непреодолимое прошлое», было несравненно слабее, чем то, которое оказывалось на послевоенную Германию. В постсоветском обществе так и не было создано никаких комиссий согласия и примирения, подобных тем, что были учреждены в других странах, также переживших тоталитарные или диктаторские режимы⁶⁶. После краха коммунистической системы не было ни судов над палачами, ответственными за массовые преступления, ни люстраций. Даже ноябрьский 1991 года указ президента Ельцина о запрете коммунистической партии не позволил призвать советский коммунизм к ответу, и вскоре после него была учреждена новая политическая организация коммунистов — КПРФ⁶⁷.

жизнь». Нет в ней только разговора о нежелании россиян признать свою ответственность за преступления, совершенные при советской власти. См.: Платт (2019).

65. Применение концепции травмы к советскому опыту было поставлено под вопрос в книге (Merridale, 2002).

66. О том, что Россия так и не разобралась со своим прошлым, см.: Merridale (2002), Applebaum (2004).

67. О недолговечном интересе к репрессиям, преобразовании советской элиты в постсоветскую и отсутствии в России комиссий истины и коллективной исторической ответственности см.: Khazanov (2004: 33). О борьбе Коммунистической партии против указов Ельцина, приостановивших ее деятельность и объявивших ее вне закона, см.: *AP News* (2002: 11–30).

Нежелание осудить сталинизм и советскую систему создало широкую базу для формирования путинизма и облегчило милитаризацию российского общества. Легитимизация террора в путинской России отзывается в зверствах, которые российская армия совершает в Украине.

Ресталинизацию иногда считают набором отдельных, несвязанных событий, что свидетельствует об успехе тактики Кремля, отдающего свою политику памяти на откуп многочисленным акторам, действующим — в той или иной степени — при поддержке государства (Nadkarni & Shevchenko, 2014: 77), например:

[Н]екотрые выражения «поддержки Сталина» могут не иметь легко заметных политических последствий, а [...] [их] политические коннотации не всегда можно смоделировать на оси «авторитаризм — демократизация».

Kalashnikov, 2018: 624.

Однако непоследовательность этого подхода становится очевидной, когда тот же наблюдатель утверждает, что «русский человек, надевший футболку с серпом и молотом, едва ли прославляет ГУЛАГ, тогда как немец со свастикой, вероятно, поддерживает идеи расового превосходства, антисемитизма и культа насилия» (Ibid.: 621). Тут нужно выбрать что-то одно: либо политическая символика имеет отношение к политической ориентации, и политика памяти формирует политические мнения при помощи этой символики, либо нет.

Некоторые наблюдатели отрицают само существование кремлевской мнемонической политики ресталинизации: «При Путине была предпринята краткая попытка реабилитации репутации Сталина, но она потерпела неудачу, в том числе по причине расхождения мнений историков» (Halperin: 2021, 119). Я надеюсь, что читатель теперь может вынести собственное суждение по этому вопросу.

Двойники путинизма: Иван и Сталин

Если бы члены Изборского клуба, русские монархисты и пророки неоопричнины придавали хоть какое-нибудь значение историческим фактам, они не питали бы к Сталину ни малейшей симпатии. Краеугольный камень их верований — сакральный союз между царем и русским народом, а их главная мечта — восстановление в России теократической монархии. Однако Сталин — коммунистический вождь и атеист — сыграл решающую роль в создании большевистского режима, уничтожившего монархию и казнившего последнего царя. В 1920-х и 1930-х годах, в значительной мере под руководством Сталина, Русская православная церковь подвергалась жестоким гонениям: тысячи священников были убиты, а атеистическая и антирелигиозная пропаганда была исключительно агрессивной. Но в воображении большинства ультраправых Сталин отделен от гибели империи Романовых. Вместо этого он предстает строителем империи, которому удалось покорить пол-Европы и восстановить Великую Россию под именем СССР.

Как мы уже видели, ультраправые приписывают основание Российской империи Ивану IV, хотя на самом деле она была провозглашена лишь при Петре I, в 1721 году. Такая перелицовка истории явно мотивируется необходимостью низвести с пьедестала западника Петра. Поэтому Ивана и Сталина вместе взятых сделали частью континуума русской истории, направленного главным образом на строительство империи. Кроме того, оба они — лучшие символы государственного террора, который, как помнит читатель, российские ультраправые считают единственным средством восстановления империи и совершенствования российского общества⁶⁸.

Мемориализация Ивана и Сталина, весомая составляющая российской ультраправой политики памяти, вносит значительный вклад в рост их популярности и влияния. Александр Дугин, выра-

68. Кроме того, существует длительная историографическая традиция сравнения этих фигур. См.: Platt (2011: 260).

жаясь на свойственном ему невнятном мистическом жаргоне, признает Сталина реинкарнацией Ивана Грозного и прославляет его как воплощение якобы абсолютной смерти, которую Дугин — последователь Хайдеггера — считает позитивной ценностью, самой важной силой и сущностью бытия⁶⁹. Дугин почитает диктатора, потому что «Сталин выражал дух советского народа, советского общества». Он был «красным русским царем» «абсолютным монархом», «величайшей личностью» в русской истории. Если Иван Грозный построил московско-русское государство, то Сталин создал «советскую империю», победоносную страну, которая восторжествовала в Великой отечественной войне; поэтому «величие этого исторического деятеля не подлежит сомнению» (Дугин, 2001-а: 468; *subscribe.ru*, 2013⁷⁰). То обстоятельство, что он был еще и массовым убийцей, очевидно, ничуть не мешает этой положительной оценке.

Другие идеологи Изборского клуба (Андрей Кобяков, Егор Холмогоров, Александр Елисеев, Сергей Алферов и прочие) восторгаются Сталиным и Иваном Грозным как двумя реформаторами, мудро использовавшими опричнину — русское национальное средство, позволяющее России исполнить ее всемирное предназначение. Напротив, большевики при Ленине смогли создать лишь пародию на нее, потому что Красный террор не достиг своих целей и не внес вклада в построение империи. Будь Сталин жив сегодня, мечтают они, он освободил бы постсоветское общество от коррупции, власти олигархов и недостатка неонацистской «воли к власти».

Елисеев считает, соглашаясь в этом с доктриной царебожия, что единственный недостаток Сталина по сравнению с Иваном состоит в том, что первый не был должным образом миропомазанным православным царем (Аверьянов, 2011-а: 163; Кобяков, 2011: 268). Игорь Фроянов ставит Сталину в заслугу создание

69. «Сталин видится новым воплощением Ивана Грозного» (Дугин, 2011: 216, 336, 400; www.imaginaire.ru/content/dugin-ag-sociologiya-russkogo-obshchestva-chast-1). См. также: Дугин (2009-а).

70. <https://subscribe.ru/digest/business/psychology/n890014.html>

панславянского союза с Россией во главе, который, по его мнению, осуществил националистическую мечту панслависта Николая Данилевского. Фроянов убежден, что Сталин был истинно православным руководителем, потому что он «способствовал спасению России» — мессианской страны (*Полярная звезда*, 2004)⁷¹. В этом он тоже сближается с мнением Снычева о том, что Сталин положил конец «деградации» русской истории и национальной культуры, происходившей при Ленине (Снычев, 2017: 461–462). Александр Проханов уравнивает Ивана и Сталина, предлагая назвать «Иваном Грозным» танк — по аналогии с советским танком ИС («Иосиф Сталин») времен Второй мировой войны (*Изборский клуб*, 2019-е)⁷². В свою очередь, Максим Калашников и Сергей Горяинов с особенным почтением отзываются о Лаврентии Берии (главе сталинских спецслужб) и его «опричнине», восхваляя его как человека из народа в окружении Сталина (Калашников, 2011-б: 199–226). Это напоминает почитание царебожниками Григория Распутина, выходца из народа при Николае II.

Русские ультраправые пытаются убедить своих соотечественников, что и Сталин, и Иван пали жертвой лжи и измышлений, придуманных российскими либералами и Западом, чтобы принизить их великие достижения и выдающееся служение отечеству⁷³. Вторя Мединскому, Андрей Фурсов называет обоих жертвами «информационной войны Запада и наших либералов против государства Российского»:

Удары по Ивану Грозному — это удары по основанию государства Российского. Здесь такая же логика, как с так называемой «десталинизацией». [...] Удары по Сталину — это удары по СССР. [...] Иван Грозный и Иосиф Сталин [...] — ось [российской] истории; выдерни их — и посыплется остальное. Очерняя Ивана IV, наши противники хотят доказать, что у истоков

71. <https://infopedia.su/19x2918.html>

72. <https://izborsk-club.ru/18363>

73. Среди нескольких научно-популярных работ, которые сравнивают Ивана и опричнину со Сталиным и его репрессиями, см., например: Кремлев (2018).

России были жестокость, грязь, кровь и отношение к нам нужно выстраивать с учетом этого. [...] Памятники Ивану Грозному, так же как и Иосифу Сталину, должны стоять в городах России. [...] Для меня ненавистник Ивана Грозного и Сталина — либо русофоб, либо работающий на чужие интересы [...].

Бизнес Online, 2017-б.

Как и историография опричнины, слияние неомедиевализма и рестаилинизации в постсоветской мобмемори находит свои параллели и в зарубежной историографии. Книга американского историка Джима Куртиса «Советский монастырь Сталина. Новая интерпретация российской политики» [*Stalin's Soviet Monastery: A New Interpretation of Russian Politics*] переносит на исследования сталинизма мистический поворот и использует в своем анализе сталинизма интерпретацию, предложенную Майклом Чернявским в отношении Ивана Грозного (Curtis, 2020)⁷⁴. Созвучны его рассуждения и работам Шарова и Гальперина (на книги которых Куртис в своем тексте не ссылается).

Куртис утверждает, что большевистский проект был проектом «нео-феодальным», и что Сталин применял к советской России «принципы средневековой теократии». Подобно Шарову и Снычеву, которые заявляли, что Иван построил опричнину по монастырской модели, он выдвинул тезис о том, что Сталин и его большевики тоже вдохновлялись примером русского средневекового монашества. По его мнению, Сталин был «человеком своего времени», у которого было «много общего с папами эпох Возрождения и барокко». Он объясняет поведение Сталина, уже находившегося у власти, его юношескими травмами: то же самое Чернявский и Володихин утверждали относительно Ивана IV. В точном соответствии с мистическим поворотом в историографии опричнины он предполагает, что «лучше всего осознать отношения Сталина с советским народом можно, приняв их

74. Книга Куртиса напоминает некоторые более ранние западные публикации, в том числе «Ивана Грозного» Иэна Грея (Ian Grey, 1978), в которой тот сравнивает Ивана IV, Петра I и Сталина, утверждая, что Сталин воплощал в себе глубоко укоренившуюся русскую традицию сильной власти.

аналогичными отношениям Иеговы с народом Израиля». Эта логика приводит его к выводу, что Сталин считал свои лагеря «экстремальным вариантом монастырской дисциплины, которую старейшины налагают на монахов и монашек», и «убедил себя, будто приведение зеков к смирению в то же время делает их счастливыми» (Curtis, 2020: xviii)⁷⁵. Куртис безоговорочно принимает идею российского историка Илизарова о том, что, заставляя людей при помощи пыток признаваться в деяниях, которых они не совершали, Сталин, по-видимому, просто «воспроизводил формы церковной жизни» (Илизаров, 2015: 326; Curtis, 2020: 167). Как мы уже неоднократно видели, этот тезис занимает центральное место и в предлагаемой мистическим поворотом интерпретации террора Ивана Грозного.

Сплав неомедиевализма и ресталинизации проявляется и в отношении к Ивану и Сталину Русской православной церкви и разнообразных религиозных сект. Хотя и тот, и другой осуществляли гонения на русское священство, некоторые высокопоставленные религиозные деятели современной России, в том числе митрополит Тихон и епископ Августин, почитают этих политических двойников (Bodin, 2009; *Новая газета*, 2016). Эта тенденция, несомненно, не ограничивается рамками того, что исследователи называют — в основном метафорически — «советской светской религией» (имея в виду разнообразные коммунистические ритуалы), и указывает на возникновение чисто религиозного культа Сталина, построенного по образу и подобию культа Ивана Грозного (Jones, 2013: 202).

Некоторые священники, имеющие тесные связи с царем-богом, поклоняются Сталину как русскому святому, выставляют его иконы и утверждают, что он был истинным русским православным вождем, посланным Богом, чтобы покарать русских за убийство последнего царя. Царем-богом и неоопричниками пользующиеся все большей поддержкой среди православной

75. См. также рецензию Николая Копосова на эту книгу: *Slavonic and East European Review*, 2021, 99/3: 585–87.

паствы (Кнорре, 2011: 521), ратуют за канонизацию Сталина⁷⁶. Ярый сталинист и бывший узник ГУЛАГа Дмитрий Дудко (1922–2004), веривший, что пытавший его следователь НКВД принес ему много пользы, рационализировал свое восхищение Сталиным в чисто царебожнических выражениях:

[У] нас в России подвергаются осуждению те, кто имеет государственное направление. Государственность причисляется к какому-то пороку, преступлению. Так осудили государственника Ивана Грозного, расширившего границы России, обвинив его в жестокости. Хотя стоило бы задуматься, мог ли молиться за всех казненных жестокий человек? Не есть ли здесь акт любви? Как это ни странно, за многие годы за Ивана Грозного подали голос только Сталин и в наше время — митрополит Иоанн Санкт-Петербургский [Снычев — Д. Х.].
great-country.ru, 2011⁷⁷.

По мнению руководителя «Опричного братства» Щедрин-Козлова, Сталин — один из святых русских царей (но не «Красный царь», как его часто называют) (Montefiore, 2003). Как утверждает Александр Дворкин, Козлов верит, что России указали путь к спасению через «игру “таинственных сил”» три мистических царя — «царь-мученик» Николай II, «царь-победитель» Иван Грозный и «Великий инквизитор» Сталин (Дворкин, 2004)⁷⁸.

Еще один поучительный пример слияния рестаилинизации и неомедиевализма дает светская секта, которая видит общественный идеал в неопричнине, считает Ивана IV совершенным политическим лидером и хочет восстановить СССР. Речь идет о движении «Суть времени» и его общине в деревне Шегары Костромской области, которые основал политолог и медиамагнат Сергей Кургинян. Община занимает заброшенную фабрику, переименованную в Александровскую слободу в честь столицы

76. О попытках канонизировать Сталина см.: Bodin (2009).

77. www.great-country.ru/articles/sss/sov_governor/stalin/ooo2o.html

78. [https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslavniya-i-okolopravoslavnyiesektyi/oprichnoe-bratstvo/psevdopravoslavniya-sekta-%c2%aboprichnoe-bratstvo%c2%bb-i-ee-rukovoditel-n.-kozlov-\(A.A.-Shhedrin\).html](https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslavniya-i-okolopravoslavnyiesektyi/oprichnoe-bratstvo/psevdopravoslavniya-sekta-%c2%aboprichnoe-bratstvo%c2%bb-i-ee-rukovoditel-n.-kozlov-(A.A.-Shhedrin).html)

опричины. Журналисты-расследователи утверждают, что Кургинян владеет крупным земельным участком в Шегарах, а также самой фабрикой и лесопилкой, на которой работают на него его последователи (*Новые известия*, 2017⁷⁹; *FLB*, 2020⁸⁰). Он разработал целую собственную космологию — «красную метафизику», как называет ее он сам. В его космологии Создатель покорила часть Тьмы и населил ее хилиастами, которые должны бороться с нею. Победа хилиастов приведет к воссозданию сталинистского СССР-2.0, «рая на земле» (Кургинян, 2009).

Общие черты неомедиевализма и ресталинизации часто проявляются в поддерживаемых государством инициативах по установке памятников Сталину и Ивану Грозному, которых, как кажется, часто считают фигурами взаимозаменяемыми. Например, говорят, что памятник Ивану в Орле был поставлен в 2016 году в порядке компенсации за то, что из-за протестов горожан не удалось установить памятник Сталину. То же, по-видимому, произошло и в 2017 году в Рузе. Еще один символический пример смешения неомедиевализма и ресталинизации в постсоветском контексте дают предложения заменить статую Дзержинского на Лубянской площади памятником Ивану Грозному. (С одним из таких предложений выступил в 2016 году Леонид Симонович-Никшич.) В 2021 году «группа российских творческих активистов», в которую входили Александр Проханов, ультраправый писатель Захар Прилепин, поддерживающий войну в Украине и художник-неоевразиец Алексей Беляев-Гинтвот подали мэру Москвы Сергею Собянину петицию за возвращение Железного Феликса на старое место (*РИА-Новости*, 2021-а). Правительство Москвы быстро отреагировало на этот запрос, составив список исторических деятелей и выставив его на голосование. В число средневековых конкурентов Дзержинского входил дед Ивана Грозного, Иван III, но в результате Александр Невский набрал 55 % голосов, а основатель ЧК — лишь 45 % (*РБК*, 2021-а). На момент написания этой книги решение так и не было принято,

79. www.compromat.ru/page_37824.htm

80. <https://flb.ru/1/4078.html>

зато Союз русских офицеров попросил Московскую прокуратуру рассмотреть законность сноса памятника в 1991 году, и прокуратура ответила, что снос был незаконным (ТАСС, 2021-а).

Рост популярности Ивана IV и Сталина коррелирует с ростом одобрения их внутренней политики. Если в начале 2000-х годов главной целью путинизма было подавление памяти о репрессиях и их нормализация, то современная постсоветская мемориализация превратила государственный террор в настоящий источник формирующегося имперского самосознания⁸¹.

Однако отношение к террору в нынешней России необходимо рассматривать в более широком историческом контексте, поскольку положительная оценка террора всегда занимала важное место в марксистской и официальной советской доктрине. Собственно говоря, привлекательность террора была укоренена в советском наследии, так как три поколения советских людей, которых обучали марксизму, усваивали прославление террора еще со школьных уроков истории: в особенности Красный террор оправдывался как единственная возможная внутренняя политика и необходимая политическая мера, обеспечившая выживание большевистского режима. Большевики никогда не чурались террора; насилие и принуждение были их любимыми политическими орудиями, как в теории, так и на практике. Ленин, которого советская пропаганда окрестила «самым человеческим человеком», призывал к террору и претворял его в жизнь⁸².

Вполне возможно, что терпимость жителей России к идее государственного террора объясняется столетней традицией восхваления террора и нежеланием осмыслить советские преступления. Социологический опрос, проведенный Левада-Центром весной 2016 года, показывает рост популярности репрессий как политической меры и позволяет заключить, что в России существует

81. О постсоветском имперском самосознании см.: Klimenko (2018: 141–162). Об «имперском повороте» см.: Brouwer (2016: 138). См. также: Регнум (2018).

82. Подборку некоторых красноречивых ленинских цитат о терроре см.: *демократия.ru* (2018, www.democracy.ru/article.php?id=4432).

«приспособленность к государственному насилию, к государственному произволу» (*Левада-Центр*, 2016-а)⁸³. По данным социологов, доля тех, кто оправдывает сталинские репрессии, считая их необходимым с исторической и политической точки зрения, выросла с 9 % в 2007 году до 25 % в 2017, а число респондентов, считающих репрессии непростительным преступлением, упало с 72 % в 2007 до 39 % в 2017 (*Левада-Центр*, 2017)⁸⁴. Важно отметить, что жители России не питают никаких иллюзий относительно сталинского террора: число тех, кто полагает, что движущей силой террора было произвольное государственное насилие или личная зависть, мало изменилось между 2007 и 2017 годами (44 % и 45 % соответственно) (там же). Политическая апатия и безразличие к путинским репрессиям до войны в Украине, а также принятие и поддержка самой этой войны, надежно встроены в постсоветскую политическую реальность (*Левада-Центр*, 2021-в⁸⁵).

Существующее в России отношение к тиранам и государственному террору поразительным образом отражается в фольклоре. В бесчисленных советских и постсоветских анекдотах Сталин может выглядеть жестоким и кровожадным, но никогда не бывает мишенью шутки. Он предстает мужественным и остроумным, вызывает восхищение, а не отвращение (Борев, 1990). И этот фольклорный образ Сталина хорошо соответствует тому образу, который присущ в фольклоре Ивану Грозному. Морин Перри говорит об Иване: «Как это ни парадоксально, его образ в фольклоре гораздо более благоприятен, чем можно было бы предположить, исходя из его исторической репутации» (Perrie, 1987: 114). Но скорее всего, популярность этих тиранов, Ивана Грозного и Сталина, не связана с идеей насилия ради торжества справедливости. Добродетелью и мерой успеха считается скорее

83. <https://www.levada.ru/2016/03/14/obshhestva-v-rossii-net/>

84. <https://www.levada.ru/2017/09/07/16561/>

85. <https://www.levada.ru/2021/11/01/pochemu-rossiyane-ravnodushny-k-proishodyashhim-segodnya-repressiyam-otvechayut-sotsiolog-politolog-istorik-i-psiholog/>

сама способность прибегать к насилию. Правление Путина подтверждает устойчивость этого культурного стереотипа.

Ресталинизация и неомедиевализм в действии: группа «Вагнер»

Естественным этапом развития путинизма стала опора на террор, осуществляемый частными военизированными силами. Частную наемническую армию, известную под названием группы «Вагнер», можно считать высшей точкой кремлевской политики памяти и практическим воплощением ресталинизации и неомедиевализма. Российские журналисты проследили ее происхождение от «Славянского корпуса» — первого частного формирования российских наемников, образовавшегося в 2013 году в Сирии; там этот корпус потерпел поражение в столкновениях с ИГИЛ и был эвакуирован в Россию. (Вскоре после этого те же люди были привлечены в качестве «зеленых человечков» к участию в аннексии Крыма Россией [*fontanka.ru*, 2015⁸⁶]). В 2014 году Евгений Пригожин сформировал группу «Вагнер» и стал ее публичным представителем и владельцем. Название «Вагнер» происходит от прозвища командира группы Дмитрия Уткина, бывшего подполковника ГРУ (подразделения внешней разведки российских вооруженных сил), взявшего этот псевдоним с намеком на свои симпатии к Гитлеру и фашизму. В ходе подготовки к нападению на Украину — страну со славянским населением — «Славянский корпус» был переименован в ЧВК (частную военную компанию) «Вагнер».

Ранее группа «Вагнер» совершала массовые преступления в нескольких странах Африки (Мали, Центральноафриканской Республике) и эксплуатировала природные ресурсы этого континента. Интересно, что правозащитная организация Human Rights Watch опубликовала результаты своего расследования

86. www.fontanka.ru/2015/10/16/118/

ее преступлений в ЦАР только в мае 2022 года (*Human Rights Watch*, 2022)⁸⁷.

Российские журналисты выявили личные связи Путина с группой «Вагнер» еще в 2015 году. Российское новостное агентство «Фонтанка» сообщало, что группа «Вагнер» принадлежит Пригожину — «повару Путина» и бывшему заключенному, приговоренному в 1981 году к двенадцати годам лишения свободы за кражу и разбой. До мятежа, поднятого в июне 2023 года, Пригожин, который был удостоен высочайших военных наград Российской Федерации⁸⁸, занимался международной коммерческой деятельностью в Центральноафриканской республике, Иране и Судане (*Financial Times*, 2023-a)⁸⁹. По данным «Новой газеты», в 2022 году компании Пригожина получили государственных заказов в общей сложности на 83,4 миллиарда рублей, в 1,7 раза больше, чем в 2021, и в два раза больше, чем в 2020. «Новая газета» пришла к выводу, что Пригожин финансировал из этих бюджетных средств группу «Вагнер» (*Новая газета*, 2023). Путин также демонстрировал членам группы свою личную поддержку, наградив нескольких из них военными орденами и медалями. Например, в 2016 году он провел официальную церемонию награждения Уткина («Вагнера») и других бойцов группы (*fontanka.ru*, 2016⁹⁰; ТАСС, 2016). Однако западные СМИ не обращали особого внимания на связи группы «Вагнер» с путинским режимом вплоть до войны в Украине, когда участие «Вангера» в крупных военных операциях и массовых преступлениях против гражданского населения Украины стало очевидным.

До войны утверждения о террористической природе путинизма считали предвзятыми и паническими. Главная задача состояла — и до некоторой степени состоит до сих пор — в том, чтобы

87. <https://www.hrw.org/news/2022/05/03/central-african-republic-abuses-russia-linked-forces>

88. <https://t.me/milinfoolive/85766>.

89. См. также: <https://strana.today/news/423383-prihozhin-ne-rukovodit-shtabom-chvk-vahner-eho-osnovnaja-funktsija-medijnaja.html>.

90. www.fontanka.ru/2016/12/12/064/

«не провоцировать» Путина, «не пересекать красных линий» и «избегать эскалации».

Война продемонстрировала, как в группе «Вагнер» возрождались советские обычаи. Прекрасный пример практической рестаилинизации дает кампания Пригожина по массовой вербовке российских заключенных, осужденных за тяжкие преступления вплоть до убийства (по некоторым оценкам их число составило около 24 000 [BBC News, 2023-б]⁹¹). Сталинская традиция использовать заключенных в качестве пушечного мяса восходит ко Второй мировой войне, в которой Красная армия формировала из узников ГУЛАГа штрафные батальоны (*штрафбаты*). В 1941–1942 годах были созданы особые формирования НКВД — «заградительные отряды» (позже вошедшие в систему контрразведки под сокращенным названием «СМЕРШ»); они развертывались в тылу у этих, потенциально ненадежных, подразделений и должны были расстреливать «трусов» на месте. После 28 июня 1942 года, когда Сталин подписал печально известный приказ № 227, «Ни шагу назад», требовавший истреблять на месте всех, признанных «паникерами», так стали поступать и с обычными воинскими частями, набранными из призывников.

Российские правозащитники подтверждают, что подразделения группы «Вагнера» регулярно использовались в Украине в качестве заградотрядов (*Радио Свобода*, 2023)⁹². (Аналогичным образом, но в тылу регулярных российских войск, действовали чеченские части Рамзана Кадырова [*Кавказ.реалии*, 2022]⁹³). Бывший командир группы «Вагнер» Андрей Медведев, бежавший в Норвегию, описывает, как заключенных, отказывающихся воевать, публично казнили перед строем новобранцев (*CNN*, 2023). (Это тоже делалось в сталинской Красной армии, чтобы у

91. <https://sova.news/2023/01/05/strashnyj-chelovek-chto-izvestno-o-pomilovannom-zaklyuchennom-voevavshem-v-ukraine-v-sostave-chvk-vagnera/>

92. www.svoboda.org/a/oni-vozvraschayutsa-zaklyuchennyye-iz-cvk-wagnera-vyhodyat-na-volyu/32246049.html

93. www.kavkazr.com/a/v-ukraine-zayavili-ob-ispoljzovanii-kadyrovtsev-v-kachestve-zagradotryadov/31992920.html

подразделений из заключенных не возникало искушения отказаться от роли пушечного мяса.) По словам одного украинского офицера, солдаты «Вагнера» «наступают под огнем, [...] устилая землю своими телами» (*BBC News*, 2023)⁹⁴.

Обычная тактика кремлевской пропаганды состоит в обвинении в преступлениях, совершенных Россией, ее противников. Поэтому Путин утверждал, что заградотряды применяют против своих же войск украинцы, и даже сослался на источник своей информации: «ребята рассказывали» (*ТАСС*, 2023)⁹⁵.

Кремлевская пропаганда одобряет не только опричнину, но и сталинский военный террор. В 2007 году режиссер Сергей Лялин выпустил телесериал «Смерть шпионам!», прославляющий сталинский СМЕРШ. У этого сериала было несколько продолжений, в общей сложности из тридцати серий — «Крым» (Анна и Марк Гресь, 2008), «Скрытый враг» (Эдуард Пальмов, 2012), «Лисья нора» (2012), продюсер Александр Даруга, запомнившийся читателю прославлением Ивана Грозного в «Грозном времени») и «Ударная волна» (Даруга, 2012). Их показ в 2013 году, во время празднования Дня победы, вызвал бурную полемику. Оппозиционный политик Леонид Гозман (уехавший из России после тюремного заключения за участие в антивоенных протестах в 2022 году) отметил, что сотрудники НКВД должны считаться преступниками, как эсэсовцы, а не изображаться героями в фильмах, снятых на государственные средства⁹⁶. В ответ журналистка Ульяна Скобейда выразила в одной из крупнейших прокремлевских газет сожаление, «что из предков сегодняшних либералов нацисты не наделали абажуров»⁹⁷ (прозрачный намек на еврейское происхождение Гозмана). После этого диалога Гозман потерял работу в госкомпании РОСНАНО. Но кинематографическое прославление сталинского СМЕРШа продолжалось. В 2019 году

94. www.bbc.com/news/world-europe-64153581

95. <https://tass.ru/politika/16882117>

96. <https://leonid-gozman.livejournal.com/150225.html>

97. <https://graniru.org/files/66621.jpg>

был показан в прайм-тайм еще один телесериал под названием «СМЕРШ» (реж. Олег Фомин), а в 2022 вышел сериал «СМЕРШ. Продолжение» (Олег Фомин, 2022), прославляющий СМЕРШ и его «героизм» во время Второй мировой войны.

Советская власть всегда считала уголовников «социально близкими» и использовала их для слежки за политзаключенными ГУЛАГа и их притеснения — возможно, не в последнюю очередь потому, что и сами большевики занимались грабежами. Заключенные, завербованные группой «Вагнер», среди которых много профессиональных преступников, служили в «Вагнере» без контрактов и не имели при этом никаких прав. Тем не менее, им было обещано — а в некоторых случаях и предоставлено — помилование, которое в России возможно только в форме президентского указа (*РИА-Новости*, 2023-а).

Российские правозащитники идентифицировали нескольких из двух десятков заключенных, сфотографировавшихся с Пригожиным после возвращения в Россию, как преступников, ранее осужденных за вооруженные грабежи и даже убийства (*BBC News*, 2023-а)⁹⁸. Наблюдатели были убеждены, что сроки их наказания сократили исключительно за службу в заградотрядах в Украине. Та легкость, с которой российское общество приняло восстановление этих бесчеловечных практик, вряд ли может не иметь никакого отношения к успеху кремлевской политики памяти.

Обращаясь к своим «ветеранам» — то есть вернувшимся в Россию заключенным, — Пригожин сказал, что они «научились убивать врага», но потом добавил: «Хочется, чтобы вы эту практику не применяли на запрещенных для этого территориях» (*Зеркало*, 2023⁹⁹). Тем не менее, считать ту угрозу, которую эти обученные военные преступники представляют для российского общества, чем-то новым было бы ошибкой: как будет показано в заключительной части книги, путинизм уже давно преобразовал

98. www.youtube.com/watch?v=xgRMSfIN4yA

99. <https://news.zerkalo.io/world/29710.html>

отношения между *зоной* (советскими и постсоветскими лагерями) и российским обществом.

До неудавшегося июньского мятежа 2023 года пригожинские преступники без труда находили в путинской России весьма солидную поддержку. Генерал в отставке Андрей Гурулев, входящий в состав комитета по обороне Государственной Думы, даже заявлял, что члены группы «Вагнер» могут, повоевав, сделать успешную политическую карьеру в Госдуме (*focus.ua*, 2023). И действительно, в российском парламенте, в котором уже есть несколько депутатов с криминальным прошлым, их присутствие вовсе не казалось бы неуместным (*Compromat.ru*, 2002)¹⁰⁰. Другие российские политики, в том числе лидер парламентской партии «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» Сергей Миронов, энергично поддерживали группу «Вагнера» и, несомненно, приветствовали бы ее представителей среди своих коллег. Миронов даже опубликовал свою фотографию с подаренной Пригожиным кувалдой, украшенной эмблемой «Вагнер», горой черепов и пространной дарственной надписью на рукоятке (*Радио Sputnik*, 2023)¹⁰¹. Дальновидный министр иностранных дел Сергей Лавров еще в 2018 году предлагал узаконить наемничество и предусмотреть юридическую защиту военнослужащих частных армий (*Коммерсантъ*, 2018-а)¹⁰². Его предложение перефразировало формулировки российского закона о памяти 2014 года, запрещающего упоминать о преступлениях Красной армии во время Второй мировой войны. Впоследствии сам Пригожин просил спикера Госдумы Вячеслава Володина внести в российский уголовный кодекс поправки, запрещающие «дискриминацию» бывших заключенных, ставших «ветеранами специальной военной операции» (*РИА-Новости*, 2023-а).

Война в Украине также позволила найти практическое применение не только ресталинизации, но и неомедиевализму. Хотя в

100. www.compromat.ru/page_10134.htm

101. <https://radiosputnik.ria.ru/20230120/deputat-1846332087.html>

102. www.kommersant.ru/doc/3521006

конституции и уголовном кодексе России участие в наемнических силах и их финансирование (как в России, так и за рубежом) считаются преступлением, неомедиевальные частные армии, подобные группе «Вагнер» открыто воюют в интересах своих предводителей, не обращая на конституцию ни малейшего внимания. Ставя преступников выше закона, как это делала опричнина Ивана Грозного, эти армии безошибочно указывают на существование юридического статус-кво, совершенно не принимающего во внимание индивидуальные права рядовых граждан. Поскольку эти армии финансируются частными лицами, они могут быть использованы в любых целях по усмотрению их предводителей, что превращает управляющих ими индивидуумов в новую политическую силу. Помимо группы «Вагнер» к таким организациям относятся получастная путинская Росгвардия и чеченская гвардия Рамзана Кадырова, а также военизированные филиалы различных агентств, в том числе частная армия ГРУ — ЧВК «Редут» (*Медуза*, 2022-в)¹⁰³. В июле 2022 года сообщалось, что в Москве вербуют наемников в так называемый «собянинский полк» (по имени мэра города, Сергея Собянина) (*Медуза*, 2022-б)¹⁰⁴.

Вопрос, разумеется, состоит в том, сможет ли Путин в будущем контролировать эти порождения своего режима. Неомедиевализм и ресталинизация, орудия кремлевской политики памяти, откровенно прославляют все антидемократические аспекты непростого исторического наследия России, и представляют безудержный террор лучшим, если не единственным, способом управлять Россией.

103. См. также: *РИА-Новости* (2023-б).

104. <https://meduza.io/news/2022/07/13/v-moskve-sformirovan-sobyaninskiy-polk-v-nego-nabirayut-naemnikov-dlya-voyny-v-ukraine>

VII.

ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО ПО-РУССКИ: МОБМЕМОРИ В ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА ШАРОВА

Произведения Владимира Шарова и реакция на них обнажают вызовы, которые бросает наследие государственного террора постсоветской России. Проза Шарова, которую называют одним из самых важных достижений постсоветской художественной литературы, послужила предметом серьезных литературоведческих исследований (Emerson, 2020). Я же рассматриваю здесь его тексты преимущественно сквозь призму политики памяти. Особенный интерес представляет роман Шарова «Царство Агамемнона» (Шаров, 2018-в), так как он выражает самую суть формирования постсоветской мобмемори опричнины и сталинского террора и показывает, как происходит слияние неомедиевализма с рестаилинизацией в путинской России¹.

1. Брэдли Горски предложил интерпретировать прозу Шарова с точки зрения неомедиевализма, и я согласна с его подходом (Gorski, 2018). Хотя некоторые критики считают Шарова элитарным писателем, проза которого не имеет никакого отношения к популярной культуре, я согласна с Джеффри Бруксом, замечательная книга которого — Brooks (2019) — убедительно демонстрирует, что взаимопроникновение между русской «высокой» и «популярной» коммерческой культурой существовало уже во второй половине девятнадцатого века.

Шаровы и сталинизм

Для понимания творчества Владимира Шарова необходимо представить себе, что происходило с его семьей в годы сталинских репрессий. По словам его близких друзей и критиков, сохранение памяти о его родителях — а также дедушках и бабушках — занимало чрезвычайно важное место среди его творческих задач. Его друг Михаил Шишкин, также писатель, утверждал в некрологе Шарову, что адекватно понять его прозу невозможно, не понимая его отношений с отцом, который оказал на юного Владимира влияние, сформировавшее его характер (Шишкин, 2020: 48–49, 45). Другой друг, кинорежиссер Владимир Мирзоев, пишет также, что на прозу Шарова сильно повлияло участие его родственников в революции 1917 года и репрессии, которым они подверглись впоследствии (Мирзоев, 2020: 83). Марк Липовецкий подчеркивает, что «гротескное сознание Шарова выросло на почве невозможности совместить историю семьи [...] со вписанной в эту историю катастрофой» (Липовецкий, 2020: 321). Поэтому, прежде чем заняться разбором романов Шарова, следует поговорить о роли его родных в репрессиях.

Бабка Шарова по мужской линии, Фанни Ефимовна Нюрина (урожденная Липец) (1885–1938), принадлежала к могущественному клану Антонова-Овсеенко. Владимир Антонов-Овсеенко, секретарь Военно-революционного комитета Петроградского совета, возглавлял штурм Зимнего дворца в октябре 1917 года и прославился подавлением крестьянского сопротивления большевикам, в том числе восстания 1920–1921 годов в Тамбовской губернии. Там он вместе с будущим маршалом Михаилом Тухачевским приказал использовать отравляющие газы против мирного населения и разработал стратегию массового террора против деревень, присоединившихся к антисоветским повстанцам (частью этой стратегии были расстрелы заложников) (Сенников, 2004). Впоследствии Антонов-Овсеенко, ставший главой Политуправления Красной армии и ближайшим соратником Троцкого, принял сторону последнего в борьбе со Сталиным за наследие Ленина, что привело к его падению и казни в 1938 году.

Фанни Нюрина сделала при поддержке Антонова-Овсенко выдающуюся карьеру, которая началась в 1928 году, когда она возглавила отдел общего надзора прокуратуры Российской республики. Затем, в мае 1934 года, Антонов-Овсенко стал генеральным прокурором Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), а Нюрина была назначена его заместительницей. В сентябре 1936 она заняла пост своего покровителя (отправленного в Испанию для организации там Красного террора), став исполняющим обязанности генерального прокурора, и оставалась на этой работе до августа 1937. В этой должности она лично отвечала за репрессии в РСФСР на начальном этапе Большого террора (*proza.ru*, 2017²). В 1938 году Нюрина была объявлена врагом народа, осуждена и казнена. Ее брат, также влиятельный советский аппаратчик Давид Петровский (Липец), и его жена были казнены еще раньше, в 1937.

Нюрина вышла замуж за советского журналиста Израиля Нюренберга (арестован в 1947 году, умер в лагере в 1949). Их сын и отец Владимира Шарова Шер Нюренберг (1909–1984) начал блестящую журналистскую карьеру обозревателем «Правды» и «Известий» — двух главных советских ежедневных газет и главных орудий советской пропаганды. В 1938 году, после ареста матери и дяди, он сменил фамилию и стал называться Александром Шаровым. Смена имени и публичное отречение от осужденных родственников были обычной советской практикой, которая, правда, не всегда помогала избежать репрессий. Однако Александру Шарову удалось сохранить работу спецкором «Известий». Переехав в 1938 году из Москвы в Ростов-на-Дону, в последующие годы он много путешествовал по Советскому Союзу с разными журналистскими заданиями. В 1941 году он записался в Красную армию и служил во время Второй мировой войны военным корреспондентом. В конце 1940-х — начале 1950-х Александр Шаров переключился с журналистики на детскую литературу и продолжал заниматься ею до смерти в 1984 году.

2. <https://proza.ru/2017/05/11/1723>

Владимир Шаров очень гордился отцом и оставил много лестных воспоминаний о нем. Он изображал его добрым человеком с трагическим мировоззрением, который, тем не менее, временами мог быть веселым и смешным (*Эхо Москвы*, 2011³; Шаров, 2018-а: 11). В мемуарах Владимира Шарова — написанных им незадолго до смерти и посвященных в качестве последнего подношения тем, кто повлиял на него, — множество страниц занимают рассказы отца о войне и репрессиях.

В этих рассказах Александр Шаров предстает в исключительно положительном, даже героическом, свете. Сын пересказывает его истории, полные доблестных и в то же время почти фарсовых подробностей, без малейшего намека на критику. В одной из них Шаров-старший и маститый советский композитор Марк Фрадкин спали на немецких минах, используя их вместо подушек (Шаров, 2018-а: 19)⁴. Однако Михаил Шишкин усомнился в правдивости этих рассказов и даже проверил один из них. История, пересказанная Владимиром Шаровым в мемуарах, начиналась с интервью, которое Александр Шаров взял у знаменитого биолога Абрама Берлина, который, по словам Шарова, работал над вакциной от чумы. По словам Шарова-старшего, Берлин героически испытывал на себе эту вакцину во время ужасающей эпидемии (там же: 23–24). Шишкин, однако, уточняет, что Берлин на самом деле «трудился над разработкой бактериологического оружия» и ставил опыты не на себе, а на заключенных:

Один клик в интернете — и из небытия восстают совсем другой Берлин и совсем другая история. Вакцину от чумы открыли давно, до Берлина, а в Саратове в засекреченном институте он трудился над разработкой бактериологического оружия. Опыты проводились над заключенными. В 1939 году он приехал на совещание в Москву, и у него открылись все симптомы чумы. Для предотвращения эпидемии было задействовано

3. <https://represnews.blogspot.com/2012/01/blog-post.html>

4. Одна из этих историй рассказывает, как в 1938 году, после перевода в Ростов-на-Дону, совесть не позволила Шарову-отцу вселиться в пустующую квартиру местного аппаратчика, которого репрессировали вместе со всей семьей. Вместо этого он так и прожил все те годы, что работал в Ростове, в неудобной гостинице (Шаров, 2018-а: 25).

НКВД. [...] Вот такая история. Taste the difference [Почувствуй разницу (англ.)].

Шишкин, 2020: 44.

В отличие от историй отца Шарова арест и казнь Нюриной не занимают в мемуарах ее внука практически никакого места. В 2011 году, когда Владимира Шарова спросили в интервью, как его отцу удалось спастись после ареста матери, он ответил, что «отец выжил случайно» (Ларина, 2011). Интервьюер ошибочно истолковала эти слова в том смысле, что Александра Шарова ребенком спасли родственники: такой сценарий выживания в эпоху террора был вполне правдоподобным. Однако Шаров объяснил к удивлению интервьюера, что отец его был взрослым и чудесным образом спасся благодаря тому, что у него была второстепенная награда — орден «Знак почета». По его словам, «орден давал какую-то защиту». Это объяснение кажется странным, поскольку в то время и военачальников самого высокого уровня, и политиков, удостоенных высочайших советских наград, казнили во множестве и часто вместе с семьями.

В этом интервью Шаров упомянул о бабушке всего один раз, сказав, что она «была расстреляна сразу», а «вся семья сидела». Его нежелание говорить о том, кем была его бабушка, что с нею случилось, почему его отец сменил имя, и как отцу удалось остаться в живых, настолько очевидно, что интервьюер в конце концов замечает: «Не хотите про это говорить» (там же). Удивление интервьюера совершенно оправдано: автор нескольких объемистых книг, посвященных сталинским репрессиям, не захотел обсуждать какие бы то ни было подробности участия своих родных в Большом терроре или делиться своими мыслями о тех этических вопросах, которые ставит история его семьи.

Как уже было сказано, дед Владимира Шарова, Израиль Нюрнберг, был арестован в 1947 году и погиб в лагерях, но и судьба отца ничего не изменила в успешной карьере Александра Шарова. Владимир Шаров прекрасно знал, что корреспонденты центральных газет были членами советской элиты: он называет их «не только “рупором”, но и своего рода “оком” Кремля по всей стране», добавляя: «[в]о всяком случае, известно, что Сталин и

члены Политбюро читали эти газеты от корки до корки» (Шаров, 2018-а: 25). Шаров, несомненно, понимал, что его отцу пришлось пойти на компромиссы, чтобы выжить после казни матери и ареста отца (деда В. Шарова), и что — каковы бы ни были его чувства — он был вынужден продолжать играть роль одного из верных идеологов режима. В интервью Шаров переводит разговор на другую тему, вспомнив, как в конце 1960-х отец подписывал письма в защиту Андрея Синявского, Юлия Даниэля и Александра Солженицына. Как это ни удивительно, он отмечает, что самым мрачным в жизни его отца было не время Большого террора, когда была казнена его мать, и не период послевоенных репрессий, когда погиб его отец, а 1969 год, когда остановили издание его нескольких книг и разорвали договоры на другие книги из-за того, что Шаров-отец поддержал диссидентов (Ларина, 2011).

Однако Шишкин опять проливает свет на стратегию выживания Шарова-старшего:

Когда после войны начались гонения на «космополитов» и разоблачения псевдонимов, когда стали исчезать ближайшие друзья, твой отец [Александр Шаров — Д. Х.] писал агитки под видом научпопа [...] Твой отец должен был славословить убийц родителей и друзей. Он вынужден был это делать, чтобы выжить, чтобы появился ты.

Шишкин, 2020: 45.

Шишкин добавляет к этому и некоторые другие подробности:

Даже имя — свидетель страха. Шера Нюрнберг, чтобы выжить, должен был стать Александром Шаровым. Твой отец сменил имя после ареста родителей. [...] Невозможно представить себе, что творилось в душе твоего отца, у которого родителей только что казнили, а он должен был летать от газеты в полярные командировки и восторженно описывать арктические достижения палачей⁵.

Там же: 44.

5. Шишкин допускает некоторые ошибки в семейной истории Владимира Шарова: его бабка была арестована после возвращения Александра Шарова, (отца Владимира) из экспедиции, а отец Александра Шарова дожил до 1949 года. Упомянутая газета — «Известия». Отец Владимира Шарова вернулся из арктической экспедиции в 1937 году.

Подтверждая мои предположения, Шишкин продолжает:

Твои бабушка и дедушка были убиты той властью, за которую они сражались. Все твои романы — попытка ответить на вопрос, почему твои деды и бабки строили рай, а построили ад, почему так получилось, что Россия не стала новой Землей Обетованной, а вернулась в рабство — в Египет.

Шишкин, 2020: 45.

Учитывая те компромиссы, на которые отцу Владимира Шарова пришлось пойти ради выживания, Шишкин подразумевает, что отношение Шарова к революционному террору, жертвой которого пали его родные, было неприязненным. Тем не менее, он допускает, что старшие Шаровы хотели построить рай на земле и намекает, что в это верил и сам Владимир Шаров.

Владимир Мирзоев также указывает, что взгляды Владимира Шарова на революцию и ее последствия, в том числе террор, были в высшей степени неоднозначными. Он говорит о «сложности» и «раздвоенности» шаровского восприятия «революции, ее печальных итогов», объясняя этим романтизацию революции в прозе Шарова:

Дед и бабка со стороны Володиного отца попали в жернова сталинских репрессий. Второй дед, со стороны матери, тоже сгинул в лагерях. Бабушка со стороны матери, отсидев свое как член семьи изменника родины, еще несколько лет провела на поселении. При этом все они были профессиональными революционерами — отсюда Володина раздвоенность, сложность его восприятия революции, ее печальных итогов. Эта родовая травма, кровоточащая память о расстрелянных членах семьи во многом определила поэтику шаровских романов.

Мирзоев, 2020: 83.

Шишкин доброжелательно предполагает в своем некрологе, что целью Шарова было предостеречь постсоветское общество от опасностей диктатуры. Однако он тут же усложняет эту прямолинейную интерпретацию, добавляя, что Шаров также стремился писать «о том, как [...] страна и люди понимали себя» при Сталине. Он утверждает, что Шаров пытался сохранить «чью-то память», вернуть память «потерявшимся в складках истории», «восстано-

вить их представления о жизни, о мире, в котором они жили, их понимание добра и зла», намекая при этом, что демонстрация того, как советские палачи оправдывали и рационализировали свои деяния, была важной частью проекта Шарова (Шишкин, 2020: 46). Сам Шаров сказал об этом так в одном интервью:

Я пытаюсь понять, что такое революция, [...] чем люди руководствовались, когда ее задумывали и совершали, когда мечтали о прекрасном и шли на чудовищные преступления ради нее.

Дружба народов, 2004⁶.

Владимир Шаров всегда решительно настаивал, что центральное место в его творчестве занимали поиски смысла в истории — в особенности смысла русской революции и советского террора (Gorky.media, 2018⁷). Можно предположить, что причастность его родных к этому террору, их стратегии выживания и поиски хоть какого-нибудь смысла в этих событиях были достаточным стимулом для рационализации советского террора в его прозе. Сам Шаров говорит:

И вот я стараюсь по возможности вернуть им место в истории, понять и восстановить их представления о жизни, о мире, в котором они жили, их понимание добра и зла.

Борисов, 2020: 671.

Ему вторит его друг Шишкин:

Ты говорил, что самое больное для тебя было то, что люди исчезали и их сразу окружало молчание, будто их никогда и не было. Это молчание было самым страшным. Твои родные, как и миллионы других уничтоженных, уходили в небытие, окруженные молчанием, ничего после себя не оставив. И тебе было важно вернуть им место в истории, понять и восстановить их представления о жизни, о мире, в котором они жили, их понимание добра и зла.

Шишкин, 2020: 46.

6. <https://magazines.gorky.media/druzhba/2004/8/ya-ne-chuvstvuyyu-se-bya-ni-uchitelem-ni-prorokom.html>

7. <https://gorky.media/context/zhizn-eto-tolko-ispytatelnyj-srok/>

«Благоволительницы» в «Царстве Агамемнона»

В романе Шарова «Царство Агамемнона» (Шаров, 2018-в), анализирующем сталинские репрессии, есть немало параллелей с получившей широкую известность книгой Джонатана Литтелла «Благоволительницы» [*Les Bienveillantes*] (Littell, 2006), посвященной теме Холокоста (Littell, 2006; Литтелл, 2012). Шаров прямо не ссылается на Литтелла, но, поскольку «Благоволительницы», изданные в русском переводе в 2012 году в издательстве Ad Marginem, стяжали к тому моменту мировую славу и широко обсуждались в России, трудно вообразить, чтобы Шаров не знал о них. Более того, ниже мы увидим, что черты сходства между этими двумя романами заставляют предположить, что роман Литтелла оказал значительное влияние на Шарова.

Разумеется, романы Литтелла и Шарова во многом различаются, как и личные позиции их авторов в отношении описываемых ими событий: если предки Шарова были непосредственно замешаны в сталинских репрессиях, то Литтеллы были бы — и не могли не быть — только мишенью и жертвами нацистского режима. Если Шаров отказывался высказываться о политике, то Литтелл опубликовал несколько ярких статей по политическим вопросам, в том числе с высказываниями в поддержку Украины и советами гражданам России относительно стратегий сопротивления путинскому тоталитаризму (хотя некоторые могут счесть это попыткой опровергнуть критиков, обвинявших его прозу в сочувствии к палачам) (*Медуза*, 2022-а; 2022-г). Другое принципиально важное отличие состоит в том, что в романе Литтелла нет ни религии, ни средневековой истории, а в книге Шарова сравнение с опричниной Ивана Грозного играет ключевую роль в его интерпретации сталинизма, поэтому и религия и средневековая история имеют для него основополагающее значение⁸. Тем не менее, эти различия не должны заслонять черты поразительного сходства.

8. О важности средневековых категорий для мышления Шарова см.: Emerson (2019-а: 600).

Первая из них касается выбора рассказчика и главного героя. Главный герой Литтелла, вспоминая описанные в книге события, — Макс Ауэ, офицер СС, служивший в 1941 году в Украине в составе *Айнзацкомmando 4а* [*Einsatzkommando — оперативная команда*]. Повествование приглашает читателя исследовать чувства Ауэ, которые он испытывал, убивая женщин и малолетних детей: читатель видит его глазами участие в расстреле в Бабьем Яре. Повествование ведется от первого лица героя — нераскаявшегося нациста, палача, с которым предлагается отождествить себя читателю, что позволило этому роману продемонстрировать весь потенциал палаческого поворота в современной популярной культуре и историографии⁹. Критики подметили, что «Благоволительницы» положили начало «эре палачей» (*Libération*, 2006)¹⁰ и обнажили «тайны психологии палачей» (*Lemonier*, 2007: 9; *Nouvel Obs*, 2010)¹¹. Хотя роман Литтелла вызвал немало споров¹², многие хвалили его за то, что он позволил показать, в особенности благодаря близости, которую дает повествование от первого лица, «уникальное представление о внутреннем мире палача» (Everaert, 2014: 19–21)¹³.

Нераскаявшийся нацист Ауэ оказывается уникальным главным героем еще и потому, что он человек образованный, интеллеktуал, проницательный философ и превосходный лингвист, тонкий знаток музыки и искусства (а не какой-нибудь там истеричный

9. О палаческом повороте см. главу 6.

10. https://www.liberation.fr/evenement/2006/11/07/les-bienveillantes-roman-a-controverse_56610/?redirected=1&redirected=1

11. <https://www.nouvelobs.com/romans/20100705.BIB5425/generation-littell.html>

12. См., например: Blanrue (2006), Husson & Terestchenko (2007).

13. См. также: Eaglestone (2011: 17). В другой работе (Kharaeva, 2021: 66, 73–77) я показываю, что роман Литтелла внес вклад в формирование палаческого поворота. Распространение «симпатичного нациста» в качестве главного героя произведений западной популярной культуры также совпало с возникновением «живого интеллектуального интереса к палачам» в историографии: например: “About: *Focus and Scope*,” *The Journal of Perpetrator Research*. <https://jpr.winchesteruniversitypress.org/about>.

антисемит, объясняет автор). Как говорит Пьер Кормари, «Вчера шорикующим было высказывание, что палач — обычный человек. Сегодня шокирующим высказыванием стало, что палач — блестящий интеллектуал» (*Salon littéraire*, 2013)¹⁴.

Литтелл признает, что отождествляет себя со своим главным героем:

Я понимаю, что в этом высказывании содержится очень неоднозначный смысл, но я использовал в качестве модели этого героя самого себя. Его мировоззрение не так уж отличается от моего, хотя я нахожусь на одной стороне, а он — на другой.

Littell & Nora, 2007: 29.

Другими словами, даже сам автор хотя бы отчасти поддался очарованию этого «классного преступника» (Cormary, 2013), чем помог превращению нацистского палача в «образец для человечества» (Murat, 2012)¹⁵.

В романе Шарова о сталинском терроре рассказывает Галина Николаевна, которая кажется противоположностью Ауэ во всех отношениях кроме одного: она тоже должна вызвать у читателя сочувствие, если не сострадание. Эта восьмидесятилетняя женщина, живущая в доме престарелых, изображена приятной, отзывчивой и беспомощной. Из ее рассказов без каких-либо дополнительных оговорок выясняется, что она переписывала набело доносы своего отца следователям НКВД, в том числе обвинения ее самой, ее ближайшей подруги и отца этой подруги, которого судили и расстреляли по этим ложным обвинениям, а также что ее любимый муж был одним из палачей НКВД. Главный герой романа, отец Галины Николай Жестовский, также выступающий иногда в роли рассказчика, — интеллектуал, как и Ауэ: он писатель и религиозный гуру.

14. <http://salon-litteraire.com/fr/jonathan-littell/review/1837051-les-bienveillantes-de-jonathan-littell-resume>

15. www.revue-critique-de-fiction-francaise-contemporaine.org/rcffc/article/view/fx09.13/904.

Галина Николаевна рассказывает историю своей жизни и жизни своего отца, угощая чаем с печеньем молодого историка Глеба, который восстанавливает написанное Жестовским по его НКВД-шному делу, найденному в архивах КГБ. Действие романа начинается в 2015 году, когда Глеба арестовывают по ложному обвинению в шпионаже на Америку. Через восемь месяцев допросов и одиночного заключения на Лубянке, в печально известном московском центре сталинского террора, его выпускают. С самого начала романа читатель узнает, что Глеб симпатизирует своему следователю и даже обнимается с ним на прощанье: примирение палачей с жертвами составляет одну из главных тем романа Шарова (Шаров, 2018-в: 17).

По мере развития сюжета в романе Шарова происходит, говоря языком теоретиков палаческого поворота, «постепенная гуманизация палачей», позволяющая читателю полностью «проникнуться их чувствами»¹⁶. Ближайший друг Жестовского — высокопоставленный следователь НКВД Сергей Телегин, приемный отец Галины/Электры, а впоследствии и ее муж. Фамилия Телегина, несомненно, отсылает к роману «Хождение по мукам» (1921–1941) Алексея Толстого, советского писателя, и ревностного сталиниста. (Как, возможно, помнит читатель, он же был автором сталинской апологии Ивана Грозного.) Главный герой «Хождения по мукам», Иван Ильич Телегин, — архетип большевика из советской пропаганды: добрый, надежный, красивый, целеустремленный, отзывчивый и твердо следующий в жизни высоким коммунистическим принципам. Многие из этих черт есть и у шаровского Телегина. Он тоже хорош собою, и, хоть и не очень умен, тоже неспособен поступать наперекор своей совести. Телегин становится «вторым отцом» двум детям Жестовского и нежно любит обоих, а они в ответ любят его. Правда, у этого «неплохого человека» «на руках оказалось столько крови», но

16. Об утверждениях о том, что читатели должны «вовлечься в кинетический процесс» «сочувственного отождествления с палачами Холокоста», см., например: McGlothlin (2016: 271).

это, как сообщается читателю, «не его вина, а в первую очередь — времени» (Шаров, 2018-в: 47).

Телегин и Жестовский работают вместе, единой командой, — один в качестве офицера НКВД, другой — в качестве провокатора. Однажды Жестовский берет на себя роль психолога: он разрабатывает план, который помогает Телегину, действующему по приказу Сталина, «сломать» одного необычного узника, Гавриила Мясникова. Реальный Гавриил Мясников (1889–1945) был большевистским боевиком, участвовавшим в 1918 году в организации убийства великого князя Михаила Александровича (Романова). Однако в романе Мясников — политический оппонент Сталина и важный персонаж в творчестве Жестовского¹⁷. Допросы и пытки вымышленного Мясникова изображены захватывающим интеллектуальным поединком, требующим от этой «семейной бригады» немало воображения и упорного труда. В конце концов узник оказывается психологически сломлен и казнен.

В отличие от Литтелла, Шаров не признавался в том, что он отождествлял себя со своими героями, но за него это сделали его друзья, например, Шишкин: «Ты потом отдал свой [необычный] почерк Жестовскому в “Царстве Агамемнона”. [...] Ты все свои мысли отдавал своим героям» (Шишкин, 2020: 42). Того же мнения придерживается и Мирзоев, говорящий, что голоса героев Шарова неотличимы от голоса самого писателя: хор этих голосов не образует диалога, а сходится в авторский монолог, единый авторский голос (Мирзоев, 2020: 90).

Эти наблюдения подтверждают распределение ролей и разделение труда между персонажами «Царства Агамемнона». Шаров разделяет две свои профессиональные идентичности — писателя и историка — между двумя центральными героями романа, Жестовским и Сметониным. Оба одинаково важны для предпринятого Шаровым воссоздания сталинского террора и причины Ивана Грозного: Жестовский, автор «Царства

17. В романе обильно цитируются мемуары реального Мясникова об убийстве Михаила Романова.

Агамемнона», обеспечивает историческое и религиозное оправдание и утверждение сталинизма, а Сметонин, историк и юрист, изображен автором нескольких работ по опричнине. Идеи Сметонина, высказываемые в романе, весьма близки к собственным историческим трудам Шарова. Это подтверждает важность опричнины и сталинизма как исторических аналогов для представлений Шарова о терроре.

Другая черта сходства между двумя романами еще более очевидна: древнегреческий миф об Оресте служит обоим своего рода канвой для развития сюжета. В повествовании Литтелла это трилогия Эсхила «Орестея» — «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды» — которая заканчивается тем, что Афина прощает Оресту матереубийство. По мнению Шарлотты Лакост, написавшей самый тщательный анализ роли «Орестеи» в «Благоволительницах», этот миф позволяет Литтеллу представить Макса Ауэ (которого Лакост называет «страдальцем-экстерминатором» [Lacoste, s.d.]) Орестом, самого Литтелла — его защитником, а читателя — судьей, который должен в конце концов оправдать Ауэ (Lacoste, 2010: 68, 29).

В «Царстве Агамемнона» параллели между мифом и сюжетом романа столь же явны. Галина Николаевна, повествовательница и дочь главного героя, называет себя Электрой и интерпретирует собственную биографию в рамках такого самоопределения. Своего отца — Жестовского — она называет Агамемноном; у нее, как и у Электры, есть брат. В романе Шарова Жестовский пишет книгу о сталинском терроре под тем же названием, что и роман самого Шарова — «Царство Агамемнона». Кроме того, Жестовский — бывший заключенный и осведомитель-энтузиаст, доносы которого во времена сталинских репрессий привели к гибели многих людей. «Агамемнон» Эсхила заканчивается двусмысленным сообщением о том, что Орест с помощью Электры отомстит за смерть их отца Агамемнона, и в конце все будут оправданы. Та роль, которую этот миф играет в романе Шарова, кажется очень близкой к его функции «Благоволительницах», и прочтение Шарлотты Лакост, которая считает «Орестею» возвышающей метафорой в повествовании Литтелла, видимо, применимо и к книге Шарова.

Экономика террора

Поскольку сталинизм и опричнина неразделимы в постсоветских политических дебатах и политике памяти, объяснение одного из этих явлений через другое то и дело используется в постсоветском дискурсе для историзации и нормализации террора. В «Царстве Агамемнона» сталинизм постоянно представляется историческим аналогом опричнины, если не ее реинкарнацией. Это сопоставление помогает нам разобраться со значением террора в прозе Шарова и выявить механизмы формирования постсоветской мобмемори.

Иван Грозный является важнейшей фигурой для героев Шарова в их поисках смысла в русской истории. Галина Николаевна/Электра постоянно славословит царя; для нее он был великим государственным деятелем, основателем русского государства, который «расширял [...] территорию Святой земли» (то есть России), но в то же время и трагической фигурой, окруженной боярскими заговорами и изменой, инспирированной Западом. Поэтому, продолжает она, опричнина была неизбежна:

В то время — речь о тридцать восьмом годе [1938, пике сталинского террора — Д. Х.], — продолжала Электра, — и ясно, что по прямому указанию Сталина, у нас решили реабилитировать царя Ивана Грозного. Мол, он и не тиран, и не злодей, а деятель прогрессивный, истинно народный. Опять же опричнина, без нее было не обойтись, потому что изменники-бояре на деньги Римской курии и иностранных правительств — Речи Посполитой, Швеции — плели заговоры, пытались извести Ивана Грозного ядами, наслать на него порчу. На самом же деле, писали тогда ученые, если смотреть на историю объективно, Иван IV — тот русский царь, который взял штурмом Казань, покорил наших вечных врагов, прямых наследников Золотой Орды — Казанское и Астраханское ханства, потом в придачу к ним и Сибирское. Правитель, который во много раз расширял не просто свое государство, а территорию Святой земли, и провел необходимые реформы — раньше их ошибочно приписывали Избранной Раде.

Шаров, 2018-в: 44.

Этот взгляд выглядит чрезвычайно похоже на те мнения, которые Шаров выражал в своих работах по истории: он возлагал

вину за террор Ивана на изменнические заговоры бояр и писал, что Иван был великим государственнымником. В романе эти идеи высказывает историк Сметонин. Ссылаясь на «работы Сметонина», Галина Николаевна на самом деле излагает суть статьи Шарова «Опричнина Ивана Грозного: что это такое?», (подробно рассмотренную в 3-й главе). В этой статье Шаров-историк предложил теорию, согласно которой политика Ивана Грозного — и в особенности опричнина — была основана на его искренних религиозных убеждениях. Иван непритворно ощущал, что ему, помазаннику Божьему, дана власть судить своих подданных по собственному усмотрению, и верил, что страдания его невинных жертв на этом свете позволят им по смерти отправиться прямо на небо, избежав тех мук, которые уготованы грешникам Божьим судом (Шаров, 2018-в: 96; 2004: 116–130)¹⁸. Вот как выражает эти взгляды в той же статье Шаров-историк:

Грозный пытается придать своим отношениям с подданными строго религиозный облик, воспринимая свою власть, как и власть Бога, неподсудной и не нуждающейся в защите и обосновании. [...] [В] отношении опричнины ни в одном из источников нет даже намек на возможность ее «веселого» [карнавального — Д. Х.] истолкования.

Шаров, 2004: 130.

Из исторических исследований Шарова эти идеи переходят прямо в учение его героя, Жестовского:

Оттого [...] Грозный и писал — ясно, что так и думал, — что каждый, кто невинно погибнет от рук его, праведного царя и наместника Бога на земле, будет спасен. Именно это слово «спасен», — объяснял он, — тут главное; вдобавок освобожден от мук Страшного суда.

Шаров, 2018-в: 45.

Поскольку в прозе Шарова религиозное объяснение российского государственного террора — как при Иване, так и при Сталине, — занимает центральное место, важно задуматься о его

18. Как мы уже видели, эта статья была предвестником мистического поворота в постсоветской историографии опричнины и, возможно, послужила толчком для его формирования. Очень похожие идеи содержатся в доктрине царебожия Снычева.

собственном отношении к религии. Интерес Шарова к русскому православию вряд ли можно переоценить. По словам Кэрил Эмерсон, исследование религиозной мысли в России было исключительно важным для его проекта (Эмерсон, 2020: 231):

У нас есть все основания предполагать, что мотивы эсхатологии и религиозных скитаний не были для Шарова только лишь повествовательными приемами, необходимыми для оформления политических суждений¹⁹.

Там же: 253.

Действительно, если верить ему самому и его близким друзьям, Шаров рассматривал мир как Священное писание и верил, что все люди — Божьи дети. С его точки зрения, все действия русского народа были комментарием к Евангелию. Именно так интерпретирует взаимоотношения между верованиями Шарова и его прозой Шишкин:

Для тебя мир был написанной Богом книгой. Бог — автор всех живущих и неживых, это все его дети. Ты говорил, что в русской истории все замешено на вере, что Библия и сейчас так же жива, как была, когда ее писали. Для тебя народы, живущие в «библиосфере», иудеи, христиане, мусульмане всей своей жизнью, каждым своим шагом, каждым «да» и каждым «нет» комментируют Священное Писание. Ты же просто эти комментарии записывал.

Шишкин, 2020: 52.

Некоторые критики предлагали читать прозу Шарова как постмодернистскую иронию, но прежде чем мы примем к рассмотрению такую интерпретацию, необходимо задаться вопросом, подразумевало ли его отношение к русскому православию хоть какую-нибудь иронию. Некоторые критики принимали религиозность Шарова всерьез и считали, что он был «радикальным христианином» (Надточий, 2020: 548) и что, хотя он открыто и не принадлежал ни к одной из конфессий, религиозность влияла

19. Эмерсон отмечает влияние «секулярной проработки» религиозных, сотериологических и эсхатологических верований, которое следует учитывать при изучении секулярных теорий и события в истории России двадцатого века (там же: 227).

на его толкование террора. Вдова Шарова вспоминает, как ему предлагали возглавить общину адвентистов. Он отказался, но это предложение глубоко его потрясло. Некоторые из друзей считают также, что этот случай повлиял на его самовосприятие и стал в его жизни важным поворотом, который мог способствовать его фиксации на эсхатологических верованиях (Дунаевская, 2020: 17). И Шишкин, и Мирзоев вспоминают, как Шаров говорил об этом эпизоде. Мирзоев также замечает, что Шаров любил рассказывать, как совершенно незнакомые люди принимали его за Христа или Ивана Грозного:

Володя рассказывал: во времена его юности к нему часто бросались полубезумные люди: одни падали перед ним на колени, пытались целовать ему руки, называя Христом, другие осеняли себя крестным знамением, плевались и узнавали в нем царя Иоанна Грозного (точнее, его реинкарнацию). Случались эти выразительные эпизоды где угодно: среди бела дня на людной улице, в метрополитене имени Лазаря Кагановича. Особенно часто почему-то в Воронеже, куда Володя приезжал дважды в год сдавать экзамены в университете.

Мирзоев, 2020: 91–92.

Тот факт, что он делился воспоминаниями об этом и других подобных эпизодах с друзьями, наводит на мысль, что такие случаи — воображаемые или реальные — могли играть в персональной мифологии Шарова важную роль. То обстоятельство, что в этих эпизодах фигурирует Воронеж, несомненно, связано с его работой над диссертацией об Иване Грозном, которую он защищал в Воронежском университете. Однако так относились к автору не только городские сумасшедшие. Собратья-интеллектуалы тоже грешили чисто религиозным прочтением его прозы. Некоторые из них воспринимали его роман «Воскрешение Лазаря» (Шаров, 2019) без тени постмодернистской иронии. Например, критик Александр Гаврилов вспоминает, что они с друзьями считали этот текст сакральным и «даже читали его вслух, как некую ораторию», стоя рядом с Ново-Иерусалимским монастырем (Журбин, 2020: 183). Такой восторженный взгляд на этот текст вряд ли можно списать на неспособность наивного читателя распознать иронию автора. Понимание прозы Шарова

как религиозного учения явно приветствовалось читателями и почитателями, активно пытавшимися переосмыслить сталинизм сквозь призму православной доктрины. Вот снова Гаврилов:

Всей понятной и непонятной, всей невыносимо жестокой или вовсе бесчеловечной русской истории Шаров как будто бы придумывал новые смыслы. [...] Чудеса были не вместо, а поверх настоящей жизни — в этом чувствовалась сила веры и сила истины.

Гаврилов, 2020: 150.

В том же ключе звучат и воспоминания вдовы Шарова об инциденте, подтолкнувшем его к написанию последнего романа:

Толчком же к девятому роману стал один вечер, когда в гостях Володя услышал фразу, вошедшую в текст. Обсуждались сталинские репрессии, и один наш старый приятель, православный человек, сказал: «Да, все страшно, но зато теперь у Русской земли много молитвенников перед Господом. Столько святых-страстотерпцев, сколько дало сталинское время, Россия еще не знала».

Володя был потрясен.

Дунаевская, 2020: 32.

Сотериологические и эсхатологические верования православных сект играют важную роль в шаровском «Агамемноне». Подобно Снычеву и другим сторонникам царебожия, герои Шарова видят в убийстве Николая II в 1918 году загадочно парадигматическое событие русской истории, источник всех последующих бедствий. Убийство великого князя Михаила представлено в «Царстве Агамемнона» катализатором, который определяет дальнейший ход русской истории и предвосхищает царевубийство Николая (Снычев, 2017: 7)²⁰.

Гражданская война, по отцу, как бы детское место, а убийство великого князя Михаила, которому Учредительное собрание твердо собиралось передать российский престол, — зародыш тех бедствий, что ждали нас впереди. [...] Потому что не убей он, Мясников, Михаила Рома-

20. Хотя Жестовский и объявляет себя великим князем Михаилом и, подобно другим самозванцам, бродит по деревням, собирая крестьянские подаяния, роман, несомненно, не о феномене самозванства, как предположил Гарри Уолш (Уолш, 2020: 646).

нова, а следом за ним не убили бы других великих князей в Алапаевске и Николая II в Екатеринбурге, Гражданская война длилась бы годы и годы, и неизвестно, чем бы закончилась.

Шаров, 2018-в: 84.

Рестаурация династии Романовых в России — цель одного из персонажей книги, Евгения Романова, потомка царской династии и шпиона на службе КГБ. Идея о том, что антихрист властвует над Россией, потому что Бог оставил ее после цареубийства — центральная догма царебожия. Из той предпосылки, что Россию взял в заложники сатана, исходят и работы Снычева. Она открывает его писания и в дальнейшем предоставляет ему предлог перекраивать русскую историю как ему угодно. Как и Снычев, герои Шарова подозревают, что советская Россия находится во власти сатаны:

В романе [Жестовского] Советская Россия есть царство сатаны. Бесы, которых Господь некогда низверг в ад и на прокорм им отдал души закоренелых грешников, теперь, стоило нам изменить вере, всей своей несчетной ордой, всеми своими несметными тьмами выбрались из бездны; Спаситель ушел, освободил трон, который занял сатана.

Шаров, 2018-в: 91.

В «Царстве Агамемнона» Шаров вставляет в роман Жестовского те же самые идеи, который его герой якобы вычитывает из исторических статей Сметонина (там же: 97): «Опричное право при Иване Грозном», «Божественное и гражданское право в делах о староверческой ереси» и «Правосознание русской общины» (там же: 113).

Тезис Сметонина состоит в следующем: если на территории, находящейся под юрисдикцией крестьянской общины совершалось тяжкое преступление, община «чтобы уладить дело, выдавала на правеж кого-то из самых пустых и никчемных своих членов». Этот человек, «без вины виноватый, [...] шел на каторгу, понимая, что крестьянский “мир” наконец сыскал ему применение. Подобрал очень важную и очень нужную службу, благодаря которой у общины и дальше не будет недоразумений с полицией». После чего Сметонин утверждает, что «иногу пути спасения мира, воз-

вращения в него Спасителя нет» (там же: 97). Это, разумеется, отголосок славянофильской идеи *соборности*.

Герои романа считают государственную власть священной, поскольку «любая власть есть воплощение Бога на земле» (несмотря на то, что советской Россией якобы завладел сатана). Повторяя слова апостола Павла, Жестовский проповедует, что всякая власть от Бога, в том числе и советский режим, который божествен, потому что противостоит хаосу и защищает своих подданных (там же: 106). Это положение кажется очень близким к Снычеву, понимающему природу советского режима как часть Божьего промысла в отношении России: «Советская власть — это не только безбожие и величайшая в мире гроза, это также и некая тайна и орудие Божьего Промысла...» (Снычев, 2017: 482).

Рассуждения о священной природе власти приводят персонажей Шарова к выводу, что допрос, по существу, неотличим от церковной исповеди. Жестовский говорит, что признание, сделанное им на допросе, — то есть клевета, предательство или донос на ни в чем неповинных друзей и знакомых — давало ему удовлетворение не менее эйфорическое, чем религиозная исповедь. Божественная природа государственной власти преобразовывает пытку в акт творения — не сексуальный, как в других работах Шарова, но в духовный акт исповедального катарсиса.

Меня [Жестовского — Д. Х.] день за днем тягали на допросы, но я твердо стоял на своем, отказываясь давать какие-либо показания. А потом, сам не знаю как это вышло, может, просто накопилась усталость, я ответил на совершенно невинный вопрос, и будто плотину прорвало. Я говорил, говорил — и не мог остановиться. Закончил уже под утро — и вдруг почувствовал в себе такое же ликование, как после исповеди.

И дальше так было всякий раз, когда давал признательные показания. То же было в ссылке или уже на воле, когда я писал еженедельные отчеты [доносы — Д. Х.] районному уполномоченному, который меня прежде завербовал, [...] и тут, на зоне, когда со мной хочет переговорить лагерный кум. [...] Но однажды вдруг понял, что это не просто правильно, а так и было задумано, потому что в царстве сатаны

кабинет следователя или подобный ему кабинет оперуполномоченного есть наша настоящая исповедальня.

Шаров, 2018-в: 108.

Таким образом, в романе Шарова идея жертвоприношения придает страданиям жертв смысл и цель. Они уже не случайные пострадавшие от бессмысленного государственного произвола; они исполняют свой духовный долг в акте религиозного самопожертвования, необходимого для спасения как их собственных душ, так и душ других грешников. Святой Руси нужны эти невинные жертвы, чтобы они молились за нее на небесах и искупили грехи русского народа. В этой жестокой логике все, что происходит во время допроса, — доносы на родных и друзей, акты трусости и предательства — оправданы и заслуживают прощения. Вот как один из персонажей романа, духовный ученик Жестовского, также узник ГУЛАГа, описывает это Галине Николаевне:

«Нет, — сказал Жестовский, — обязательно подписать [признание]. Почему так? [...] [Ч]тобы нас отмолить, спасти, божий мир должен до краев наполниться благодатью. То есть необходимы тысячи тысяч новых святых и великомучеников. Государство, которое заставляет нас давать показания на будущих невинно убиенных, и мы, которые их даем, сообща творим эту искупительную жертву. [...]»

«То есть всё не зря — и наши страдания, и наши смерти, не зря даже наша трусость, когда в последней надежде спасти шкуру мы одного за другим закладывали всех, кого знали». То есть он [Жестовский — Д. Х.] объяснил нам нашу вину, цель и назначение того, что мы приняли, и вдруг оказалось: мы не случайные жертвы, наоборот, честно и без ропота несем всё, что предназначили именно нам. Многим это дало силы, чтобы дожить до дня, когда окажемся на свободе.

Там же: 110.

Экономика палачей подразумевает убийство невинных ради умножения числа праведников, молящих Господа на небесах: чем больше невинных будет убито, тем больше молитвенников будет и у России, и у палачей для их общего спасения. Сталинские палачи, бессудно убивающие невинных людей, воплощают в себе — как и опричнина Ивана Грозного — божественное правосудие:

«А что получается, когда их убивают?» — спрашивает отец [Жестовский — Д. Х.] и сам же отвечает: «Получается, что на небе делается больше мучеников и страстотерпцев, больше молитвенников и заступников. И все они дружно возносят молитву за когда-то святую землю и за когда-то святой народ. Хором взывают к Спасителю, просят и просят его вернуться, покарать антихриста. Снова взять под крыло народ, который он когда-то избрал». [...] [И] тут следует новый сметонинский парадокс: «Своими собственными руками убивая праведников, плодя и плодя новых мучеников, мы не просто готовим конец сатане, мы сами себя спасаем. Это несомненно. Тут и спорить не о чем».

Там же: 112.

Палаческая экономика террора конвертирует мучения и смерть невинных жертв в коллективное жертвоприношение во имя Святой Руси, тем самым давая живым — палачам — шанс на спасение.

В том же ключе Жестовский объясняет, говоря о терроре Ивана Грозного, что это был ритуал жертвоприношения, акт «неизреченной милости», потому что если «мы [т. е. народ] одно», то все виновны по определению, но после жертвоприношения те, кто остается в живых, могут надеяться на спасение (там же: 45). Это положение хорошо согласуется с учением Снычева о «[тайне] церковной соборности, когда каждый молится и просит за всех как за себя» — и каждый отвечает за всех в целом (Снычев, 2017: 8). Рационализация репрессий в прозе Шарова созвучна взглядам как сталинских ревизионистов, так и царебожников:

Как утверждает Дудко [Дмитрий Дудко, бывший узник ГУЛАГа, ставший апологетом Сталина и царебожником — Д. Х.], Сталин не уничтожал людей, а спасал их. Это мнение представляет собою полный пересмотр истории гонений советского периода.

Bodin, 2009: 162

Стремление царебожников канонизировать всех правителей России, в том числе Сталина, (основанное на вере в сакральность государства российского) странным образом сходно с описанием Ленина и Сталина как святых в прозе Шарова. Как и Иван Грозный, они приносили в жертву невинных людей, чьей миссией стало молиться на небесах о Божьей милости и спасении Святой

Руси. В этой теологии Сталин оказывается духовным лидером, который неустанно приносит жертвы во искупление пороков русского народа (Шаров, 2018-в: 66).

Как мы уже видели, требования канонизации Ивана Грозного как основателя российского государства идут рука об руку с кампанией за канонизацию Сталина как строителя советской империи. Поэтому Галина/Электра вслед за Жестовским — и подобно царебожникам и российским ультраправым — не терпит никакой критики Сталина:

Тысячи тысяч убиенных, угодников, заступников наших святых, потому что тех, кого [Сталин — Д. Х.] убил, он всех спас и всех оправдал, через ров Страшного суда самолично на руках перенес.

Там же: 280.

Эти идеи созвучны религиозной философии Николая Федорова (1829–1903). Федоров, оказавший влияние сразу на нескольких русских писателей, рассматривал русское мессианство как средство создания русского националистического рая на земле. Он верил, что наука найдет способ воскрешения мертвых, и это положит конец размножению и сделает женщин — и грехи, которые они приносят в мир — ненужными. Его антииндивидуалистическое, антизападное и женоненавистническое учение прославляет российское самодержавие и русскую крестьянскую общину. Средневековое Московское царство идеализируется как государство истинной веры, тогда как «Запад и его рознь» предаются анафеме. Вера в воскрешение мертвых отцов их сыновьями привела Федорова к полному отрицанию христианской догмы о личном спасении, которое он заменяет спасением общим, достигаемым через «любовь к отцам». Идеалом будущего он считает культ предков, насаждаемый военным государством, а необходимым условием для этого — «воскрешение отцов» (Федоров, 1982).

Никто из критиков Шарова не спорит с тем, что он прочитывает русское мессианство сквозь призму философии Федорова²¹.

21. О влиянии Федорова и Платонова на Шарова см.: Emerson (2019-a: 598), Липовецкий (2020: 325), Фортель (2020: 494).

Разногласия начинаются лишь по вопросу об отношении Шарова к этой философии — был ли он ее сторонником или саркастичным критиком. Тот факт, что последователи Федорова сожгли чучело Шарова под окнами писателя, считается доказательством того, что Шаров на самом деле пародировал федоровскую философию (Липовецкий, 2020: 326). Однако Борис Белкин полагает, что Шаров питал слабость к идеям Федорова именно потому, что учение последнего было важным средством объяснения той роли, которую предки Шарова сыграли в осуществлении террора:

Похоже, что и сам Владимир Шаров при всем неприятии тоталитарного характера федоровской «Философии общего дела» не избежал (как и многие, в том числе известные, умные и глубокие люди) ее дикого обаяния; она крайне удачно, если так уместно здесь выразиться, легла на отношение Владимира Шарова к собственному отцу и к судьбе его расстрелянных бабушки и дедушки.

Белкин, 2020: 121.

На одержимость Шарова воскрешением мертвых указывает и Шишкин: у Шарова есть даже целый роман, «До и во время» (Шаров, 1993), посвященный этой теме. В публицистических статьях Шаров сообщает читателям, что в философии Федорова содержится «бездна интуиций, бездна провидений и предвидений», и называет его человеком «святой жизни и самых чистых устремлений» (Шаров, 2018-а: 229-230)²². В другой статье, обсудив женоненавистническое требование Федорова отказаться от размножения и половых сношений с женщинами, которые «[уводят] человеческий род все дальше от Бога» (там же: 263), Шаров восхваляет Федорова в еще более однозначных словах:

[Федоров] дал один из тех гениальных ответов, в которых удалось совместить Бога и земную человеческую жизнь, и это высвободило море энергии, породило невероятный подъем, которым страна жила и питалась еще почти столетие. Федоров — волшебный ключик, с помощью которого можно понять и ту жизнь, которую Россия уже прожила, и ту судьбу, что предстояла ей дальше. Пожалуй, именно в его «Философии общего дела» наиболее четко и полно сформулирован

22. Говоря о философии Федорова, Шаров использует местоимение множественного числа, «нам».

комплекс представлений России о себе самой, о своей истории, о путях, которыми она должна идти, и, главное, о предназначении, миссии, на нее возложенной.

Там же: 263.

Еще один источник влияния на Шарова, слишком значительный и очевидный, чтобы критики могли списать его на иронию или пародию, — это знаменитый советский писатель Андрей Платонов (1899–1951)²³. «Должен сказать, — пишет Шаров, — что на всю первую половину русского XX века я давно уже смотрю через Платонова и понимаю её во многом благодаря ему» (Шаров, 2018-б: 246). Платонов был пылким сторонником большевизма. С самого большевистского переворота его привлекало тоталитарное единство человечества, «одна цель, и один смысл жизни, и один путь» (Платонов, 2011, Т. 8: 16)²⁴. Он выражал свою поддержку большевизма и большевистского террора в весьма агрессивных политических публикациях. В статье «О нашей религии» (1920) он заявляет: «Ненависть — душа революции» (Платонов, 2016: 85). А революционный террор — по-видимому, единственный способ достичь царства Христова. В статье «Христос и мы» (1920) Платонов ни в чем не уступает героям Шарова по части восхваления террора:

Свинцом, пулеметами, пушками выметаем из храма жизни насильников и торгашей мы. [...] Не покорность, не мечтательная радость и молитвы упования изменят мир, приблизят царство Христово, а пламенный гнев, восстание, горящая тоска о невозможности любви. Тут зло, но это зло так велико, что оно выходит из своих пределов и переходит в любовь — ту любовь, ту единственную силу, творящую жизнь, о которой всю свою жизнь говорил Христос и за которую пошел на крест.

«Христос и мы», там же: 32.

Не герои Платонова, но сам Платонов наставляет своего большевистского читателя в статье «Всероссийская колымага» (1920):

23. См.: Emerson (2019-b).

24. Я цитирую по изданию 2016 года — собранию публикаций Платонова 1920-х годов, изданному его политическими поклонниками в современной России (Платонов, 2016).

Надо разрушить действительность и создать то, чего нет. Надо больше ненавидеть, чтобы дойти до любви.

«Всероссийская колымага», там же: 215.

Как и постсоветские поклонники террора, Платонов утверждает, что ненависть и террор — единственные истинные пути любви.

В прозе Платонова также очевидно влияние Федорова. Платонов хочет избавиться от женщин и половой любви ради бессмертия (там же: 124-125). Как Федоров до него и герои Шарова после, Платонов разделяет веру в воскрешение мертвых при помощи науки. В «Вечной жизни» (1920) смерть должна быть уничтожена нечеловеческим «пролетариатом» будущего, потому что «через труд, через миллионы машин, через войны, через смерть, через ошибки [лежит] путь человека к бессмертию, путь к познанию всего, путь к слиянию с бесконечностью» (там же: 71). Платонов хочет убить «древнего, бессильного, ветхого, страдающего человека и родить здесь на земле новое существо невиданной силы» — высказывание с явными ницшеанскими обертонами (Ницше действительно был чрезвычайно популярен в России на пороге двадцатого века). Этот-то сверхчеловек и достигнет бессмертия и преобразует человечество, придав ему форму «единого, всемогущего, светлого существа» (там же: 72). Финальное пламя апокалипсиса должно очистить мир и создать бессмертие через гнев и месть²⁵.

Согласие Шарова с идеями Платонова порождает еще один мостик, сокращающий расстояние между романтизацией террора в его прозе и у российских ультраправых, несмотря на

25. «Человек и труд овладели друг другом. И с этого момента мир стал обреченным на уничтожение, а человек начал впитывать в себя все явления, каждое дрожание и изменение мира, и превращать во что желает — на усиление, обессмертввание своей жизни. Человек обрек себя на царство бесконечности и бессмертия, на царство свободы и победы. Первый камень, которым первый человек раздолбил дерево для своих нужд, — был концом природы и началом человека. Первая вспышка гнева и мести за нечаянную смерть ребенка или жены — начало бессмертия.» (Платонов, 2016: 52–53).

враждебность последних к большевизму и коммунистической идеологии. Для большевика Платонова, как и для Дугина и других ультраправых, ненависть и террор — двигатели социальных перемен:

Человечество было немного ценнее любого семейства растений, ибо и у него вся суть культуры сводилась к производству двух половых клеток [...] Работа-любовь началась сложенной теплотой двух тел, [...] а кончится перестроенной вселенной, где понятий работы, сопротивления, матери, человека и т. д., конечно, не будет.

«О культуре запряженного света и познанного электричества», там же: 246–247.

Такие апокалиптические пророчества делают Платонова истинным провозвестником общих для современных российских ультраправых верований в конец света (о чем мы поговорим в заключительном разделе) (там же: 263)²⁶: этот несовершенный мир нужно разрушить, чтобы смог воскреснуть прекрасный, «изумрудный», невинный первозданный мир, существовавший, пока он не был разврощен.

Идея уничтожения несовершенного человечества в апокалиптическом пламени особенно нравится Дугину, который подражает стилю Платонова. Восхищение Дугина Платоновым просто не знает пределов:

Для нас Платонов — доктрина. Мы берем ее на себя и интеллектуально оправдываем все вплоть до прямого геноцида отчуждающих классов и рациональных структур. Мы принимаем как догму чевенгурское безумие [...] Мертвые сгрудились над нами, от них тесно и душно. История давит себя последней гадкой петлей²⁷.

26. Об апокалиптической тематике у Платонова см.: Bethea (1989).

27. В знак почтения к Платонову Дугин даже изобрел особый термин, «магический большевизм», отсылающий к «магическому реализму» западной литературной критики и ставший предвестником применения слова «магический» к самым разным литературным явлениям постсоветскими интеллектуалами (Дугин, 2001-б). О чертах сходства между Платоновым и Дугиным см. статью Михаила Эпштейна «Сатанодицея: религиозный смысл русской истории по Владимиру Шарову» (Эпштейн, 2020: 280–282), хотя Эпштейн считает, что Шаров отстранился от этого направления мысли.

В романе Шарова добросердечная Галина/Электра, переписчица отца-доносчика и любящая жена мужа-палача, формулирует вывод романа, который вполне может быть и выводом шаровских поисков смысла истории его собственной семьи. Дедов и отцов, палачей и пособников нельзя судить по делам их, потому что виноваты не они, а сумасшедшая эпоха, безумный *Zeitgeist*:

Понятно, что не раз и не два отцовская честность кончалась для людей, которых он знал, долгими сроками заключения, а то и расстрельными приговорами. За это и сейчас отца многие проклинают, даже слышать о нем не хотят. Но мне и тогда казалось, и теперь я думаю то же самое, что за зло надо спрашивать не с него — вина лежит на нашем безумном времени.

Шаров, 2018-в: 89.

Эта развязка созвучна политическому климату и культурной атмосфере постсоветской России. Но попытки рационализации сталинизма вызвали другую реакцию у писателя Дмитрия Быкова, непримиримого критика путинизма: «Не пытайтесь найти логику в ужасных вещах. В них нет причины, и им нет объяснения. Не пытайтесь их оправдать» (*Наша газета*, 2019²⁸).

Стратегия рационализации террора в «Царстве Агамемнона» (Шаров, 2018-в) идет по следам Литтелла, воскрешая не память невинных жертв режима, а память его ревностных кровожадных пособников, чтобы воссоздать «их представления о жизни, о мире, в котором они жили, их понимание добра и зла» (Липовецкий, 2008-а²⁹). В основу этой стратегией вполне могло лечь болезненное увлечение палачами (некоторые из которых сами стали мишенями созданного ими террора).

Постмодернистская ирония над сталинизмом

Непростая работа приспособления творчества Шарова к либеральной политической перспективе выпала на долю его

28. <https://nashgazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dmitriy-bykov-roman-opravdanie-byl-popytkoy-borbys-imperskim-kompleksom>

29. <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/kazhdyy-moj-novyy-roman-dopolnyaet-predydushhie.html>

близких друзей, которые сочли своим долгом подчеркнуть в посмертных выступлениях, что Шаров якобы не поддерживал авторитарные тенденции в России и презирал постсоветскую имперскую идеологию³⁰. Однако Шаров никогда не критиковал путинизм и не выступал с публичными заявлениями от своего имени. Его друзья считают, что это было следствием травматической истории его семьи: «он редко высказывался публично по поводу актуальной политики [...] — это была не трусость, но знание, за которое дорого заплатили близкие» (Мирзоев, 2020: 83).

Вопрос об интенциях Шарова весьма интересует исследователей, которые предложили несколько разных интерпретаций его взглядов на террор. Когда он только начинал свою творческую карьеру, критики Сергей Костырко и Ирина Роднянская упрекали его в том, что он оправдывает террор и намеренно создает «новый национальный миф» (Костырко & Роднянская, 1993: 186–187, 189)³¹. Другие исследователи, напротив, интерпретируют его романы как упражнения в постмодернистской иронии, направленные на деконструкцию сталинского террора «изнутри». Хотя сторонникам постмодернистского толкования не пришло в голову сравнить Шарова с Мартином Эмисом, в романе которого «Стрела времени, или Природа преступления» [*Time's Arrow, or The Nature of the Offense*, 1991]³² на читателя намеренно возложена вся работа по интерпретации, они утверждают, что Шаров хочет заставить читателя самого «деконструировать» свое теологическое объяснение террора³³. Оправдание террора как путь к русскому общинному

30. Михаил Эпштейн утверждает, что произведения Шарова — один сплошной гротеск; он определяет их словом «сатаноидея», близким по смыслу к тому, что Липовецкий называет «теологией террора» (Эпштейн, 2020: 262–266).

31. О национализме Шарова см.: *noblit.ru* (2019, <https://noblit.ru/node/3638/>).

32. В русском переводе: Эмис (2011).

33. Например, Александр Горбенко прочитывает прозу Шарова как деконструкцию террора и революционного дискурса: Горбенко (2020: 465, 466). Липовецкий считает, что Шаров пытается не «оправдывать террор», а «пародировать советскую теологию насилия» (Липовецкий, 2020: 311).

спасению, на котором бесчисленные невинные жертвы должны искупить грехи Святой Руси перед наступлением Апокалипсиса, выявляет — по логике этого рассуждения — абсурдную, несообразную природу террора, демонстрирует бессмысленность сталинских репрессий и вооружает читателя против реабилитации этого режима (там же: 340, 341). Деконструкция, утверждает Липовецкий, «неотъемлемо вписана в ткань прозы [Шарова]», чтобы помочь читателю разобрать на части мессианский миф России (там же: 334).

Другие критики предложили противоположную интерпретацию шаровской иронии. Так, друг писателя Борис Белкин полагает, что Шаров использует иронию не для деконструкции террора, а чтобы «смягчить остроту и драматизм жизненных противостояний» (Белкин, 2020: 121). Другими словами, цель Шарова была терапевтической — сделать террор более терпимым для самих жертв (и их потомков), в точности так, как говорят об этом шаровские герои.

Однако не во всех интерпретациях прозы Шарова подчеркивается использование иронии, чтобы настроить читателя против террора или ради заживления ран прошлого. Еще один друг Шарова, Вячеслав Курицын, отмечает расхождение между предположительно либеральными политическими взглядами автора и раскрытием темы террора в «Царстве Агамемнона». Авторитарные практики, утверждает Курицын, «даже и в шутку не заслуживают рассмотрения в сложных религиозно-мифологических контекстах», особенно с учетом все более распространенного применения таких практик в нынешней России. Курицын пишет, что «Шаров рассыпал слишком много бисера совсем не там, где он был бы уместен» (Урал, 2019³⁴). Это означает, по самой меньшей мере, что попытки Шарова иронически нейтрализовать наследие террора потерпели неудачу — если именно это было его целью, с чем Курицын, по-видимому, не согласен.

34. <https://magazines.gorky.media/ural/2019/1/sled-v-sled-2.html>

Некоторые историки понимают размышления Шарова о терроре и жертвенности буквально. Так, Александр Дмитриев воспринимает шаровский проект (который он решительно отвергает) как поиск «общего спасения и благочестия посреди мора и смерти» (Дмитриев, 2020: 360). Ирина Ащеулова, напротив, считает подход Шарова продуктивным и полагает, что он пытался осмыслить абсурдную историческую реальность, показав, что бесчеловечная природа истории и революции не принижает значения жертвенного героизма. Она заявляет без тени иронии, что революционеров можно сравнить с христианскими святыми, и что Шаров рассматривал большевизм и сталинизм как комментарий к Священному писанию. Она обосновывает свои рассуждения, подчеркивая влияние Платонова на шаровское понимание революции как попытки создать рай на земле³⁵.

В свою очередь, Полина Димова утверждает, что Шаров искал объяснений русской революции и сталинизма в культурной истории России, и вчитывался в духовную историю русской революции³⁶. Димова также берет на вооружение троп «жертвенного террора», который не только уравнивает жертвы и палачей, но и выражает их взаимоотношения в сексуальных терминах. Проза Шарова, полная размышлений о сексуальности террора, его эротической природе и единстве жертвы и палача, несомненно, открывает широчайшие возможности для такой интерпретации, как, например, в следующем пассаже из «До и во время»:

...[Г]лубочайший мистический эротизм, сексуальность террора, ведь он даже приходит под маской женщины — революции, в ее одеждах и уже во время акта — превращение из женщины в мужчину — тут особый эротизм. И такая же мистическая неразрывная связь палача и жертвы,

35. «[Б]есчеловечный характер истории-революции [...] не [отменяет] значение жертвенного подвига. [...] [О]тсюда образы революционеров-мучеников в русской истории, которые ничуть не уступают христианским святым» (Ащеулова, 2015: 81, 83).

36. См.: Димова (2020: 559, 578). Вдова Шарова также свидетельствует, что ее покойный муж уделял серьезное внимание казавшимся ему очевидными связям между сектантами и большевиками (Дунаевская, 2020: 17).

невозможность, неполнота одного без другого, их неразделимость, их слитность и слиянность, как во Христе — человека и Бога.

Шаров, 2005: 244–245.

Некоторые критики, принимающие мистицизм Шарова за чистую монету и находящие в нем политический смысл, искренне полагают, что Шаров ратовал за полное примирение сталинских жертв и палачей ради их общего спасения. К примеру, Эдуард Надточий считает, что эта идея обладает терапевтической силой и должна быть внедрена в постсоветскую политику памяти. Примирение палачей и жертв может, по мнению Надточего, помочь в деле «воскресения исторической памяти [без] разделений на абсолютное добро и абсолютное зло» и устранить разъединение постсоветского общества, раскол между сталинистами и анти-сталинистами, мешающий привлечению всех к одному «общему делу» (Надточий, 2020: 548). По Надточему, логично допустить, что Лазарь Каганович, один из организаторов массовых убийств Большого террора, звонящий в рассказе Платонова «Бессмертие» начальнику железнодорожной станции, — это «на самом деле Бог, говорящий с возлюбленным Сыном своим» (там же). Другие постсоветские читатели также могут воспринять буквально заявление Шарова, что «те, кто в ней [Гражданской войне в России — Д. Х.] убивал, и те, кто погибли, каждый на свой лад хотели спасения человеческого рода» (Знамя, 2008)³⁷.

Палачи прошлого тоже высказывались — без малейшей «отстраняющей иронии» — за возможность прощения их преступлений безо всякого наказания или раскаяния. Петр Краснов, сам бывший палачом во время Белого террора, совершенно серьезно обсуждает такое примирение (в котором он видит единственный путь к спасению России) в романе «За чертополохом». Пламенный сталинист Дмитрий Дудко считал, что пытавший его палач способствовал совершенствованию его личности, и даже хотел встретиться с ним после своего освобождения (Фома, 2020).

37. См. также: Габриэлова (2020: 613).

Мог ли Шаров, писавший свои романы в годы триумфальной победы постсоветской памяти палачей, вскормленной кремлевской политикой памяти, не сознавать, что наивный читатель может принять эту часть его дискурса за чистую монету?

Независимо от того, входило ли это в намерения Шарова, присущая его прозе неразличимость добра и зла, жертв и палачей, хорошо укладывается в кремлевскую политику памяти и находит отклик у значительной части постсоветской общественности. Россия так никогда и не предала суду палачей, повинных в массовых преступлениях, но зато праздновала некоторое время День национального согласия и примирения³⁸.

Шаров возражал, когда его называли постмодернистом, говоря: «Я, когда пишу, тому, что пишу, верю» (Борисов, 2020: 672)³⁹. Он заявлял, что знает истинный смысл истории и выражает его через свою прозу; противопоставление его «пророческой» прозы чуждой ему постмодернистской иронии явно было важно для его самосознания. Не приветствовал он и применение к своей прозе понятия гротеска⁴⁰. Такое понимание его миссии проясняет причины, по которым Шаров столь высоко ценил свою ипостась историка, а некоторые из его друзей упорно настаивали на том, что он «добросовестно» относился к воспроизведению исторических фактов (Бердичевская, 2020: 162). Он действительно снабжал свои фантазмагорические романы подлинными историческими подробностями и даже сделал одного из героев «Царства Агамемнона», историком, в уста которого вложил свои идеи.

Искаженное изображение сталинизма и русской революции у Шарова привело к тому, что его творчество стали относить к жанру альтернативной, или параллельной, истории (Бавильский,

38. Этот праздник отмечался 7 ноября с 1996 по 2004 год.

39. См. также: Шаров (2013).

40. «[Борисов:] Володя, я уже заводил речь о сарказме, гротеске в твоём романе, но вместе с тем в нём и очень много печали. [Шаров:] И то, и другое лишь в малой степени мое» (Борисов, 2020: 670).

2020: 395)⁴¹. Но сам Шаров возражал против такой классификации своей прозы, называл ее чушью и требовал, чтобы его считали реалистом (*Московские новости*, 2002; *Дружба народов*, 2004)⁴²: «я всегда писал честно, никогда ничего не искажал в том слое истории, который для меня важен. Я считаю себя глубочайшим образом реалистом» (Березин, 1996: 176). Однако его друзья чувствовали в его романах стремление перелицевать чудовищное прошлое в согласии с глубинной «сутью мироздания», основанной на «любви и вере в чудо». Например, Шишкин предлагает следующее прочтение прозы Шарова:

Смысл был не в соответствии с внешней реальностью, а с сутью мироздания. Именно так живет твоя проза. Врач — для спасения людей, а не для убийства. Власть, полиция, тайные службы — для того, чтобы беречь нас. Мы идем в Землю Обетованную, а не возвращаемся в Египет. Суть мироздания — в любви и в вере в чудо.

Шишкин, 2020: 48.

Здесь Шишкин показывает, как, «в соответствии [...] с сутью мироздания», террор может обретать позитивный смысл. Проза Шарова предлагает стратегию «проработки прошлого» по-русски, которая сводится к культивированию памяти палачей. Неслучайно его тексты полны утверждений о благодетельности советского режима:

[Н]овая власть не просто пришла пограбить, она тоже мечтает о торжестве духа над плотью, значит, христианству родственна. Может, и неправильно понятому, но она оттуда, растет из того же корня.

Шаров, 2019: 193.

Шаров называет эмоции палачей и свидетелей «бесценным чувством радости, богатства жизни и справедливости»:

41. О произведениях Шарова как альтернативной истории («аллоистории») см.: Walsh (2002: 565–85).

42. Анализ Шарова как реалиста см.: Emerson (2020). Об уважении Шарова к исторической правде см.: *Российская газета* (2014-6).

[Э]тот энтузиазм [...] шел от [...] возвращенного [...] в русскую жизнь чувства правоты, веры в то, что мы идем туда, куда и должно идти. Это было бесценное чувство, и отказаться от него не был готов никто. Люди были согласны на любое количество жертв, на любое количество невинных людей, которых убивали рядом с ними, радостно соглашались ничего об этом не знать и не слышать, только бы снова его не потерять. В конце концов никто не мешал совсем скоро, когда будет построен коммунизм, вновь воскресить убитых.

Шаров, 2009-б: 48; см. также: Шаров, 2009-а: 163.

Несмотря на свое постмодернистское прочтение Шарова, Липовецкий тем не менее подчеркивает, что Шаров считал это парадоксальное «чувство правоты, [...] возможно, самым драгоценным аспектом революционной эпохи» (Липовецкий, 2020: 328)⁴³. Но, вопреки логике постмодернистской иронии над террором (Липовецкий, 2020: 344, 346, 348), это чувство «бесценно» только для тех, кто хочет оправдать палачей и примирить их с жертвами без наказания и раскаяния, именно так, как это случилось в России после краха советского режима.

Шаровская концепция российского террора уходит корнями в его теорию опричнины, которую он воспринимал в рамках особой теософской доктрины, где жертвы террора оказываются жертвенными агнцами, а палачи — «верховными жрецами» сакральной истории России. Она берет свое начало в самооценке Ивана Грозного и повторяет его оправдание террора. «Тайное знание» о том, что палачи будут оправданы, потому что их преступления — часть духовной мистерии, жизненно важно для работы постсоветской мобемори. Попытки Шарова осознать прошлое собственной семьи, возможно, подтолкнули его еще в 1980-х годах (когда изучение сталинизма вне официальной советской догмы было невозможно) выбрать темой своей диссертации историю опричнины. Вероятно, опричнина дала Шарову возможность снабдить сталинизм глубокой исторической

43. Однако даже Липовецкий не уверен, до какой степени те идеи, которые Шаров высказывал в своих произведениях и эссе, расходились с его личными убеждениями. В его романах существует, пишет Липовецкий, «“мерцающая” дистанция между автором и повествователем» (Липовецкий, 2020: 318).

перспективой, позволив ему придать как средневековому, так и коммунистическому террору мистический смысл. Как мы видели, прозу Шарова легко истолковать как историзацию и обоснование террора в постсоветской России — стране, на его глазах завершавшей переход от авторитаризма к тоталитаризму.

Реконструкция сталинизма в художественных произведениях Шарова — сексуализированная, натуралистическая, переполненная таинственными несообразностями — хорошо сочетается как с памятью палачей, так и с проявлениями культа смерти в постсоветской популярной культуре⁴⁴. Она вносит развлекательный элемент в разрозненные фрагменты кровавого прошлого. В произведениях Шарова история советских массовых преступлений предстаёт перед своими наследниками такой же нереальной, как соитие мадам де Сталь со Сталиным в романе «До и во время» (1993). Наполняя государственный террор тайным религиозным смыслом, «Царство Агамемнона» синтезирует из неомедиевализма и рестаилинизации постсоветскую позитивную память террора — мобмемори.

Против романтизации сталинизма:

«Оправдание» Дмитрия Быкова

Роман Дмитрия Быкова «Оправдание» (Быков, 2001), написанный, когда поддерживаемая государством мнемоническая политика рестаилинизации находилась еще на ранней своей стадии, предлагает подход к террору, значительно отличающийся от интерпретации сталинизма по Шарову, впервые высказанной им в «До и во время». Сюжет «Оправдания» строится вокруг семейной истории, которая разворачивается в Москве в период Большого террора. Слава Рогов, внук ученого, убитого в эпоху сталинского террора, увлечен советской историей и судьбой

44. О постсоветском культе смерти см. в русском переводе моей книги *The Celebration of Death in Contemporary Culture* (Хапаева, 2017); «Занимательная смерть: развлечения эпохи антигуманизма» (Хапаева, 2020).

деда⁴⁵. Под влиянием соседа, некоего Кретова, бывшего лагерника и преданного сталиниста, Слава проникается убеждением, что Сталин хотел использовать механизм репрессий, чтобы отобрать лучших из людей — тех, кто вынесет все ужасы пыток НКВД и выживет, не предав невинных. Сталин пытался создать «человека нового типа» (что, кстати, соответствует официальной формуле коммунистической партии, обозначавшей новый вид морального субъекта — «советского человека», впоследствии удачно названного *Homo soveticus*). Слава становится историком, специалистом по сталинизму, и продолжает искать информацию о прошлом своего деда. Автор намекает, что эти поиски в конце концов доводят Славу до сумасшествия. Он отправляется в Сибирь, надеясь найти Чистое — секретный лагерь, якобы выделенный Сталиным для выживших узников и их потомков: там и должно было быть построено это неиспорченное общество (Быков, 2001: 54). Слава попадает в поселение сектантов, которое он принимает было за Чистое, но быстро понимает, что жизнь в нем неотличима от жизни в лагере и построена вокруг бесконечных пыток и бессмысленного страдания. Осознав свою ошибку, Слава убегает из секты, чтобы продолжить поиски Чистого, и тонет в таежном болоте.

О сталинизме читатель узнает отчасти из сцен 1930-х годов, изображенных в романе, но в основном из представлений о нем главного героя, Славы. С самого детства Славе нравилось воображать, что в его стране царит порядок. СССР представляется ему четко работающей железной дорогой, внушает ему ощущение уверенности и безопасности. Слава знает о зверствах, пытках и издевательствах сталинизма, но это не противоречит его романтическому видению советской истории:

В таинственной и праздничной советской истории, похожей в его [Кретова — Д. Х.] изложении на густую морозную ночь с гирляндами огней, страху не было места — вернее, то был именно детский святочный страх, ничего общего не имевший с серым ужасом очердеёй.

Там же: 25.

45. Имя главного героя отсылает к слову «слава», а его фамилия происходит от слова «рог», что может быть аллюзией на фамилию самого Быкова.

На фоне полноты жизни этой эпохи с ее искренними чувствами, яркими цветами, горячей кровью и героическими свершениями Славных предков бледная реальность позднебрежневского периода, в котором живет Слава, кажется такой же бессмысленной и тоскливой, как бесконечные очереди в продуктовых магазинах. Как и следовало ожидать, Слава раздражен тем, что ему отказано в этой таинственной, полномерной красоте прошлого. И это раздражение побуждает его отправиться на поиски чистого общества — в Сибирь, где он и гибнет.

Поиски чистого мира укрепляют романтический образ сталинизма и восхищение Сталиным, которому «присуще величие души». Однако имя Сталина в романе ни разу не упоминается. Его называют «Верховным», а имя его остается произнесенным, как сакральное имя Бога. Еще один мотив, побуждающий Славу искать лагерь деда, — его тоска по *Верховной проверке*, которая кажется ему необходимой для стабильной, по-настоящему хорошей жизни. Такие проверки существовали в сталинском обществе, но с тех пор их секрет был утерян, а без проверок Верховного остаются только осыпающиеся здания, попустительство и необязательность позднесоветской эпохи. Другими словами, социализм и/или Россия могут успешно работать только под властью террора. Слава мечтает, что и сам пойдет по стопам деда и станет предметом такой проверки:

Он и сам втайне мечтал о Верховной проверке: без нее любая доброта казалась ему неполной и неподлинной. Да он и не любил доброты. Чаще всего она была ограниченной, напористой и агрессивной. Он ценил не доброту, а надежность, добротность [...] Доброта потакала человеку и расслабляла его до того невыносимого состояния, в котором находился теперь весь мир вокруг Рогова — мир попустительства, необязательности и осыпающихся зданий.

Там же: 55–56.

Эстетическое восхищение Славы сталинизмом сродни садистскому вуайеризму человека, с удовольствием наблюдающего зверства и пытки. Для него пытка — часть самой сути жизни:

Стоило ли развлекаться, ссориться, любить, если предельным выражением жизни, ее наиболее насыщенной формой была казнь, сочетающая в себе и подспудный эротизм, и соблюдение сложного закона, и чувство справедливости, и элемент воспитательного развлечения для наблюдателя? Что было интересного, кроме казней, что более предельное мог измыслить человеческий мозг и что еще было делать людям, чьи родители ушли от мира?

Там же: 107.

Сотрудничество жертв с палачами во имя «общего дела» и «общего блага» на постановочных судебных процессах 1930-х годов (описанное многими, в том числе Артуром Кестлером в «Слепящей тьме» [*Darkness at Noon*, 1940]) (Кестлер, 1989) действительно сыграло свою роль в легитимизации репрессий. Привлекательность сталинизма для Славы проистекает из ощущения, что этот режим и есть сущность бытия и сущность истории, в которой жестокие пытки и «праздничные» сценарии советского прошлого не исключают, но дополняют друг друга.

Славин сосед Кретов объясняет ему, что репрессии вовсе не были бессистемными: они были подчинены блистательному, но тайному плану создания совершенного общества. Такая рационализация репрессий усиливает общее впечатление о таинственной красоте сталинизма; его зверства вплетены в могущественную ткань отваги и славы. Когда Славина бабушка размышляет в юности об основополагающей логике репрессий, которые впоследствии убьют ее мужа, а саму ее доведут до безумия, она мыслит не в терминах статистики, но в терминах гармонии. Аресты необходимы, чтобы поддерживать в обществе веселье: она сравнивает эту взаимосвязь с сочетанием теплых и холодных красок (Там же: 9). С точки зрения самого Славы, в великом плане Верховного только пытка могла выявить истину, суть советской жизни, а «все прочее заслоняло ее». Для Славы истинный смысл жизни — причинять и испытывать боль — «боль утонченного мучительства, боль-катарсис, боль-облегчение» (Там же: 112). Как и в прозе Шарова, пытка занимает центральное место в сталинизме и выражает «сущность бытия» через «метафизику

наказания». Однако Быков в отличие от Шарова откровенно пародирует эти идеи:

Только под пытками открывалась истина, все прочее заслоняло ее. [...] Смысл жизни был [...] в причинении и переживании боли, бессмысленной и бесполезной, то угнетающей, то возвышающей душу. Боль была поставлена во главу угла — не тупая боль избиваемого животного, но высокая метафизика наказания, перед лицом которого все равны; боль утонченного мучительства, боль-катарсис, боль-облегчение! Этот поистине сверхчеловеческий замысел имел единственный недостаток — он был слишком высок; но когда-нибудь дозреют же все!

Там же: 110.

То, как Слава понимает человеческое страдание, выставляет напоказ уродство восхваления террора ультраправыми и дугинской тяги к мучительным ритуалам инициации. «Оправдание» обнажает эстетическую привлекательность сталинизма в постсоветской культуре, героизацию и эстетизацию террора. Этот роман помогает объяснить, почему сталинизм и опричнину вообще романтизируют, тем самым выявляя истоки неомедиевальной политики памяти в современной России:

И хотя ночной, мучительный телесный страх боли и постоянного дискомфорта внушал ему, что такая жизнь не для него, — он ясно понимал, что мечта его, мечта о справедливом мире, где люди заботятся не только о жратве, — осуществилась тут. Правда, без всякого искусства, без какого бы то ни было просвета, — но все искусство ушло в пытки, а разве пытка не есть концентрированное выражение той же литературы, которую Rogov еще имел наивность любить? Что делает литература? Транслирует чужой опыт, чаще всего опыт боли. Пытка транслировала тот же опыт, давая почувствовать себя то средневековым колдуном, то советским партизаном. Если где-то в мире еще существовала интенсивная жизнь с концентрированной, невыносимо сгущенной любовью, страхом и надеждой, — это было здесь, в Чистом, и только потомки любимых питомцев Верховного могли до такого додуматься. Вот откуда была физически осязаемая густота бытия в фильмах тридцатых годов и в музыке, скажем, сороковых.

Там же: 111.

Неоднозначный посыл романа Быкова отражает дух 1990-х и начала 2000-х годов. Осуждая сталинизм и террор, он предполагает, что историческая память сталинизма бессмысленна в двух отношениях. Во-первых, поскольку сталинизм был всего лишь преступной, зверской дикостью, он не требует дальнейших объяснений; его историю невозможно написать из-за его иррациональной природы. Доводя Рогова, который хочет написать эту историю, до безумия, автор показывает, что попытки осмыслить ее ведут в никуда, и тем, кто подобно Славе остается заморожен ею и не может отделаться от нее, нет места в жизни. Во-вторых, все то, о чем Слава узнал или догадался относительно прошлого своей семьи и советского прошлого в целом — из ночных кошмаров, из своих странных галлюцинаций, из письменной советской истории, из рассказов соседа, выжившего в лагерях, — все это оказывается абсолютной фальшивкой. В завершение Быков объясняет даже, что все собранные Славой «свидетельства» о прошлом деда не имеют никакого значения. Другими словами, советские изображения сталинизма не имеют ничего общего с реальностью прошлого. Одно из возможных прочтений этой книги состоит в том, что ужасы сталинского террора невозможно передать через исторические или литературные нарративы.

Герои Шарова, выступая в духе зрелого путинизма, выражают псевдорелигиозное значение жертвенного сталинизма и опричнины, внедряя торжество памяти палачей в постсоветскую мобмемори. Быков же, напротив, в наказание за попытки рационализировать террор в конце концов топит своего героя в сибирской грязи, тем самым недвусмысленно выступая против романтизации сталинизма. В «Оправдании» религия — не орудие рационализации террора, а средство продемонстрировать абсурдность религиозного фанатизма и связанных с ним зверств. Быков своими глазами наблюдал жизнь сектантов, выполняя журналистское задание, и отшатнулся от нее с ужасом и отвращением: на его взгляд, она лишена какого бы то ни было позитивного смысла. В отличие от Шарова он развенчивает миф сектантской идеологии, хотя то особое внимание, которое уделяется в обоих романах

православным сектам, многое говорит о влиянии их доктрин на постсоветское общество. Быков отличается от Шарова и тем, что объясняет читателю: восхищение былым величием Советского Союза есть не что иное как выражение имперских притязаний (*Наша газета*, 2019).

В «Оправдании» Быков обличал свои собственные остаточные иллюзии относительно советской власти. В одном из интервью он говорил об этом романе в очень личных выражениях, отождествляя себя с главным героем и признавался, что утопил Славу, чтобы проработать самого себя и напомнить себе о том, как опасно идеализировать террор и поддаваться обаянию советского тоталитаризма:

И вот этот мой герой, Рогов, который и пытается оправдать этот проект, найти в нём разумное зерно и таким образом выстроить логику террора, был для меня таким саморазоблачением. Поэтому не случайно многие критики [...] писали, что Быков и Рогов — это явно такой некий смысловой консонанс. Конечно, переключка тут прямая, конечно, Рогов — это я, но с той только разницей, что Рогов безумен, [...] а я от этого безумия себя удержал.

И там вот этот ключевой эпизод, когда герой видит перед собой, казалось бы, утопию, вот этот лагерь чистых людей в селе под названием Чистое, видит необычайно красивую летнюю поляну, бежит по этой поляне и проваливается в зловонную страшную трясиину, — вот это было такое предупреждение самому себе. [...] И во многих отношениях, надо сказать, я и сам себя в этой книге бил по рукам.

TV Rain, 2017⁴⁶.

Обнажая внутреннюю логику своих иллюзий относительно сталинизма, Быков дает себе — и своему читателю — шанс вырваться из плена идеологии, оправдывающей сталинизм, и противостоять ресталинизации. Вероятно, этот роман помог Быкову — в отличие от Шарова — стать одной из главных фигур антипутинской оппозиции. Тот урок, который Быков преподавал сам себе, написав «Оправдание», легко применим и к прозе Шарова:

46. https://tvrain.ru/lite/teleshov/sto_leksij_s_dmitriem_bykovym/etot_roman_byl-453037/

[К]ак только ты начинаешь искать логику в терроре, ты немедленно становишься на сторону террора. Это очень важная вещь, потому что, конечно, в терроре никакой логики нет, это был способ выживания системы, у неё не было другого способа. Если бы она не поддерживала постоянно ужас, она бы погибла гораздо раньше.

Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: АПОКАЛИПСИС КАК ПРАКТИКА

В этой книге я утверждаю, что политический неомедиевализм — увлечение антидемократическими аспектами средневекового прошлого, в том числе крайним социальным неравенством, нарушениями личной свободы, деспотической монархией, государственным террором и реконструкцией империи — стал фундаментальным элементом политики памяти путинского режима.

Несмотря на свои архаические лозунги, политический неомедиевализм — явление, по существу, сугубо современное, не столько воссоздает старые формы несвободы, сколько легитимизирует новые. Мы еще не знаем, как именно будут развиваться эти формы. Однако можно с уверенностью сказать, что эти новые формы не будут средневековыми ни в каком значимом смысле этого слова.

Неомедиевализм — не первая в новейшей истории попытка поиска общественных моделей в прошлом. Однако он радикально отличен от концепции времени, сформированной вокруг теории прогресса. Он исходит из видения будущего как конца человеческой цивилизации. Ретроградная темпоральность, заложенная в неомедиевальное мировоззрение, создают иллюзорное представление о том, что историю можно повторить и разыграть заново. Поэтому не вызывает удивления то обстоятельство, что

для ультраправого дискурса и в России и на Западе характерны апокалиптические фантазии. Он принадлежит к одному и тому же типу исторического воображения, подражающего апокалиптическим настроениям средневековой культуры. В России ретроградная темопральность легла в основу государственной политики.

Несмотря на особенности постсоветской России — например, развитие неомедиевальной политики памяти параллельно с реставлизацией и культом «Великой победы» — в ней можно найти подсказки, помогающие понять мировое увлечение «всем средневековым», которое я считаю выражением нынешнего кризиса будущего и упадка либеральной демократии. Политический неомедиевализм пропагандирует архаические формы общественной и политической организации, изображая их ценным культурным наследием. Он также способствует усилению антигуманизма, значимого течения в современной культуре, выражающего глубокое разочарование в человеке. Как и общественные движения, отвергающие антропоцентризм и ставящие своей целью исчезновение человечества, апокалиптический и постапокалиптический жанры можно считать законченным проявлением коммерциализированного антигуманизма. Изображая конец света желанным будущим, антигуманизм помогает неомедиевализму в пропаганде апокалипсиса как телеологической цели истории.

Путинизм и апокалипсис

Путинизм — это режим нового типа (Кхараева, 2023; Хапаева, 2007). Попытки проецировать на него старые модели — например, фашизм или советский коммунизм — могут только помешать нам понять его суть. В путинизме нет социалистических аспектов советского режима, его эгалитарных догм, патриархального государства и идеологии, ориентированной на будущее. Единственный проект будущего, который Кремль предлагает России, — это реконструкция империи и возвращение в средневековое прошлое.

Исследователи спорят о том, можно ли считать путинизм специфической формой фашизма¹. Трудно отрицать, что между ними есть некоторые черты сходства, в том числе культ вождя, культ силы, агрессивная внешняя политика, государственный террор, гностические верования и ностальгия по Средним векам. Как мы уже видели, некоторые из кремлевских идеологов испытывают нескрываемую тягу к фашизму. Желание назвать путинизм фашизмом, разумеется, можно понять, поскольку те, кто поддерживает эту точку зрения, хотят, чтобы путинизм признали преступным режимом.

Хотя преступность путинизма трудно отрицать, фашизм — не единственный преступный режим в истории. Один из современных примеров такого рода дает ИГИЛ, причем у путинизма и ИГИЛ тоже есть много общего. Например, в российское законодательство постепенно проникает страстное стремление ультраправых подчинить нормы повседневной жизни средневековому «Домострою»: в 2017 году Путин утвердил законодательную поправку о декриминализации некоторых видов домашнего насилия. Другая черта сходства — усиление роли «политического православия» в общественной жизни и репрессиях против сообщества ЛГБТ. Группа «Вагнер», детище путинизма, возможно, подражала ИГИЛ, когда выпустила «неподтвержденную видеозапись» казни захваченного в плен «предателя» Евгения Нужина, которому разmozжили голову

1. О фашистских корнях путинизма и дискуссии о том, представляет ли путинизм собою фашизм, см.: Motyl (2016: 25–36; 2022), Inozemtsev (2017), *The Conversation* (2022-a; 2022-b), Snyder (*The New York Times*, 2022; <https://www.nytimes.com/2022/05/19/opinion/russia-fascism-ukraine-putin.html>). Марлен Ларуэль утверждает, в полном согласии со своей толерантностью к путинизму, что его следует считать режимом не фашистским и даже не преимущественно ультраправым, а просто «нелиберальным» (Laruelle, 2021). Она же призывает своих читателей «анализировать неоевразийство, не осуждая его» (Laruelle, 2008: 13).

кувалдой, — жуткое напоминание о публичных казнях с использованием бензопилы, которые устраивало ИГИЛ².

Однако у путинизма есть важные черты, отличающие его от фашизма. При всей своей ностальгии по средневековью фашизм содержал модернистскую составляющую и предлагал проект будущего, стремясь, как и коммунизм, создать — чудовищное — общество нового типа. У национал-социализма тоже была своеобразная социалистическая составляющая: его расистская теория обещала пангерманское благоденствие, к которому предполагалось прийти через завоевание всего мира, уничтожение евреев и цыган и порабощение славянских народов. Фашисты в большинстве своем считали себя атеистами и не были склонны к религиозному мессианству. Хотя Муссолини поддерживал хорошие отношения с римско-католической церковью, у «Тысячелетнего Рейха» не было никакой мессианской атрибутики. Для Кремля же, напротив, имеет большое значение православное мессианство, и в его политике памяти Русская православная церковь и ее секты играют жизненно важную роль.

Еще в меньшей степени можно считать путинизм повторением Средних веков или возвратом к средневековой структуре общества. Независимо от того, служит ли политический неомедиевализм Кремлю для манипулирования общественностью, или же кремлевские идеологи искренне верят в собственную пропаганду и хотят вернуться в средневековую Русь, — в любом случае, это не означает, что Россия «возвращается в средневековье». Средневековые аллюзии, доминирующие в российском публичном пространстве, не столько проясняют, сколько маскируют внутренние механизмы постсоветского общества. Они подменяют анализ постсоветских реалий идеями о том, что «средневековье возвращается».

Путинизм не имеет ничего общего с отсылками к средневековым рыцарям в блестящих доспехах или феодальному «обществу

2. www.reuters.com/world/europe/sledgehammer-execution-russian-mercenary-who-defected-ukraine-shown-video-2022-11-13/.

сословий», хотя пособники Путина и любят такие возвышающие средневековые метафоры. Как я говорила в других работах, путинизм скорее представляет собой общество беспредела (Хапаева, 2007; Кхараева, 2009-а, b, c, 2011). Сложное современное общество управляется путинской кликой, состоящей из структур ФСБ и организованной преступности. Она контролирует большинство сфер деятельности государства как свои частные владения. Путинизм — это режим, в котором нет юридической системы, защищающей рядовых граждан от насилия властей.

Извращенная память о терроре — самый важный элемент преемственности между СССР и постсоветской Россией. Эпизоды террора, которые так и не были проработаны и осознаны как преступления, принимают новое обличье в российской повседневной жизни. Историческая память *зоны* — советской и постсоветской тюремно-лагерной системы, — которую путинизм поставил себе на службу, формирует постсоветскую мобемори и укрепляет память палачей.

В отличие от нацистских лагерей, которые, как и сам нацизм, существовали в течение нескольких лет, советские лагеря возникли вместе с большевистским режимом. Они существуют и по сей день, хотя их теперь называют «колониями». За семьдесят лет советской власти через них прошли, в качестве заключенных или охранников, миллионы человек. Зона была органической чертой советского социализма (даже после официального упразднения ГУЛАГа) и неотъемлемой частью жизненного опыта трех поколений советских и постсоветских людей. Как отмечает Хлевнюк, «[Лагерная] культура, разносимая миллионами бывших заключенных и охранников, распространилась по всей стране и затронула все советское общество» (Khlevniuk, 2004: 234). Лагеря точно отражали черты породившего их общества: «один и тот же подневольный труд, от которого старались отлынивать, одних и тех же тупых и преступных бюрократов, одну и ту же коррупцию, одно и то же злобное пренебрежение человеческой жизнью» (Applebaum, 2004: xxviii). Неслучайно заключенные называли советскую жизнь за пределами лагеря «Большой зоной».

С момента создания ГУЛАГа большевики практиковали содержание политзаключенных вместе с закоренелыми уголовниками; эта практика используется и в нынешней России. Советский режим считал уголовников «социально близким элементом» — возможно, не в последнюю очередь потому, что и сами большевики изначально представляли собою полууголовную организацию, частично финансировавшуюся за счет «экспроприации экспроприаторов» (или, проще сказать, вооруженного грабежа). Тесные связи с преступным миром, власть террора и агрессивный империализм — вот главные черты, объединяющие путинизм с большевиками и советской властью.

В советских лагерях профессиональным преступникам, приговоренным к тюремным срокам для «перевоспитания», позволялось навязывать свои уголовные порядки остальным заключенным, тем самым помогая охране управлять лагерной системой. Политические заключенные занимали самый нижний этаж этого кастового общества. Незабываемое описание этого порядка вещей оставил Варлам Шаламов:

[В] этом аду только урки живут сравнительно хорошо, с ними считаются, их побаивается всемогущее начальство. Они всегда одеты, сыты, поддерживают друг друга. [...] Интеллигент-заключенный подавлен лагерем. Все, что было дорогим, растоптано в прах, цивилизация и культура слетают с человека в самый короткий срок, исчисляемый неделями.

Аргумент спора — кулак, палка. Средство понуждения — приклад, зуботычина.

Шаламов, 1992, Т. 1: 138.

В течение «советского века», как удачно назвал его Моше Левин, советская зона выработала свои собственные нормы отношений между людьми, руководствующиися исключительно садизмом и культом силы. Даже после краха коммунистического строя постсоветские тюрьмы сохранили дух пропитанной террором советской системы. Многие тюрьмы и лагеря продолжили работать в тех же местах, без перерывов и уж точно без каких бы то ни было

улучшений, как это описала в своей знаменитой монографии о ГУЛАГе Энн Эпплбаум (Applebaum, 2004: 574).

При Путине зона превратилась в господствующую матрицу социальных отношений, нормализовав псевдо-кастовую структуру общества. Анализируя черты сходства между зоной с ее похожей на мафиозную социальной организацией и раннефеодальными племенными структурами, выдающийся археолог Лев Клейн, описавший свой опыт узника совести в 1980 и 1981 годах, заключает: «эта лагерная воровская стихия оказала огромное воздействие на всю культуру нашей страны» (Клейн, 2010: 210)³. Политические репрессии путинского режима, опасно соскальзывающего все ближе к тоталитаризму, реанимировали давнюю традицию государственного насилия. Искусственно выстроенная постсоветская мобемори поддерживает это социальное вырождение и способствует ему. В 2006 году, когда эта социально-культурная система только начинала складываться, я назвала ее *готическим обществом* (Хапаева, 2006: 39–52).

Масштаб постсоветского неравенства подозрительно напоминает те утопические и антиутопические художественные произведения и неомедиевальные памфлеты, которые мы рассматривали в этой книге. Российские оппозиционные СМИ, политические аналитики и исследователи сходятся во мнении о том, что Россией управляют несколько семейств из ближнего окружения Путина, образующие мафиеподобную организацию, что порождает крайнее имущественное неравенство⁴. Хотя отсутствие достоверной статистики чрезвычайно сильно затрудняет рассуждения о социальной структуре постсоветского общества, кое-какую информацию о появляющихся практиках и общественных отношениях можно извлечь из сообщений в СМИ. По некоторым оценкам, большей частью национального богатства

3. Лев Самойлович Клейн (1927–2019) описал свои тюремные впечатления под псевдонимом Лев Самойлов в статье книжного формата (Самойлов, 1989).

4. О ближнем окружении Путина и его финансовом положении в России см.: Belton (2020). См. также: *Инопресса, Business Week*, 2011, www.inopressa.ru/article/20may2011/businessweek/russia.html.

владеют от 1 до 3 % населения (для сравнения, в США аналогичный показатель составляет 42 %) (Remington, 2018: 398)⁵.

Усиление неравенства и укрепление диктатуры, обманувшие заветные надежды на посткоммунистический переход к демократии, приводят к проникновению в русский язык средневековой терминологии. Однако и это не означает, что в Россию вернулось средневековье. Более того, приложение средневековых концепций к постсоветским реалиям служит лишь историзации и нормализации усиливающегося социального неравенства, путинской автократии и политических репрессий. Например, термин «сословие», используемый в официальных документах и процедурах, отражает то, насколько серьезно путинский режим воспринимает политический неомедиевализм как способ легитимизации социального неравенства и несправедливости. В нескольких судебных делах, о которых сообщали российские СМИ, полицию называли «социальной группой» или «сословием» (*Медуза*, 2018-б)⁶. Путин назвал «сословием» российских бизнесменов⁷, а бывший директор ФСБ Николай Патрушев, ныне секретарь Совета безопасности⁸, называл своих чекистов «новым дворянством» (*Ведомости*, 2018)⁹. Шедшую в России перед войной борьбу за привилегии между ФСБ, полицией и армией, которую освещали — хоть и отрывочно — российские новостные издания, красноречиво называли столкновениями «сословий» (*Свободная пресса*, 2011¹⁰; *Радио Свобода*, 2021-б). Газета «Ведомости» писала: «Обособление отдельных каст

5. Также см.: *DW* (2019). «Несколько сотен богатейших россиян владеют 40 % всех финансовых активов, принадлежащих гражданам страны, оценила Boston Consulting Group. Это более \$600 млрд» (*РБК*, 2021-в).

6. Например, в процессах, возбужденных Саввой Терентьевым и Иреком Муртазиным (*Радио Свобода*, 20 апр. 2010) См. также: *gazeta.ru* (2011, <https://www.gazeta.ru/social/2011/10/11/3797846.shtml>), *Центр «Сова»* (2011).

7. <http://premier.gov.ru/events/news/18052/>.

8. В мае 2024 г. переведен на должность помощника президента РФ.

9. О силовиках как высших сословиях России см.: <https://echo.msk.ru/blog/btiraspolsky/927556-echo/>.

10. <https://svpressa.ru/society/article/50424/>

внутри правящего класса и его отделение от остального населения приближают — и возвращают — Россию к феодальным и советским порядкам» (*Ведомости*, 2018).

Разумеется, подельникам Путина приятнее считать себя феодальными сеньорами, чем обычными бандитами. Государственным чиновникам, по-видимому, нравится называться «людьми государевыми»; в то же время привлекательность неомедиевальных самоопределений для элиты отразилась в использовании средневекового слова «холоп», как называют себя теперь рядовые граждане. Обиходное употребление этого слова выражает, с одной стороны, ощущение социальной несправедливости и отсутствия равенства перед законом, очень сильное в постсоветской действительности. С другой стороны, оно свидетельствует о распространенности пренебрежительного отношения к тем, кого считают низами общества. Как мы видели в главе 5, российская позиция по отношению к рабству претерпела значительную трансформацию — от признания рабства и крепостной зависимости социальным злом до терпимого и даже одобрительно отношения к ним.

Путинизм породил новую общественную систему, основанную на новых формах социального неравенства, важную роль среди которых играет современное рабство. Оно проникает в различные сферы постсоветской жизни и затрагивает все общество. Россия остается одной из немногих стран, так и не подписавших Конвенцию Совета Европы о противодействии торговле людьми, которая действует с 1 февраля 2008 года¹¹. По данным Глобального индекса рабства, в России поработаны и занимаются принудительным трудом или находятся в сексуальном рабстве около миллиона человек¹². Российских рабов — в основном, но не исклю-

11. www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/197/signatures.

12. Последние данные Глобального индекса рабства относятся к 2018 году. В 2018 году Россия занимала по уровню рабства, который определяют по доле населения, находящегося в рабстве, и предположительному количеству поработанных людей в стране, 64-е место из 167 (США были на 158 месте). Один из структурных элементов, способствующих существованию рабства в

чительно женщин и детей — продают для принудительного труда и сексуальной эксплуатации более чем в пятидесяти странах. Судя по скандальным случаям, просачивавшимся в СМИ до 2019 года, когда подавление свободы слова стало особенно жестким, рабский труд распространен не только в сельском хозяйстве и строительстве: он проникает почти во все сферы российской экономики (Тюрюканова, 2006¹³; *Tengrinews*, 2009¹⁴; *Радио Свобода*, 2008; *Красноярская правда*, 2011; *The Guardian*, 2018)¹⁵. Приведем лишь один пример: в провинциальном городе Туле, особенно известном домом-музеем Льва Толстого в Ясной Поляне, российских граждан принуждали работать в условиях, похожих на рабские, в городских больницах (*Демократор*, 2013).

Неоплачиваемый принудительный труд считается в порядке вещей в российской армии, которая до сих пор пополняется в значительной степени за счет призыва. Российские СМИ довольно часто сообщали о случаях эксплуатации солдат офицерами; их в частности принуждают строить загородные дома для командиров, заниматься всевозможным ручным трудом и работать домашними слугами (практически крепостными) (Зайцева, 2012). Более того, путинские СМИ иногда изображают такие практики, существовавшие еще в советской армии и даже раньше, в положительном свете, утверждая, что они способствуют

России, — роль страны в торговле людьми: до установления квазитотального политического контроля государства над информацией, в том числе о рабстве, независимые исследователи называли Российскую Федерацию одним из лидеров в этой области (Левченко, 2004: 28–29).

13. www.un.org/ru/rights/trafficking/human_trafficking_russia.pdf

14. <https://tengrinews.kz/accidents/rossii-fabrike-ispolzovali-rabskiy-trud-detey-immigrantov-35237/>

15. См. также: *BBC News* (2012, https://www.bbc.com/russian/russia/2012/11/121121_moscow_slaves_case_closure_confirmed), *РБК* (2014, <https://www.rbc.ru/magazine/2014/03/56bc7ee79a794701b81d2bdb>), *Аргументы и факты* (2015, https://aif.ru/society/people/uroki_rabskogo_truda_skolko_v_rossii_stoit_nevolnik), *gazeta.ru* (2015, www.gazeta.ru/politics/2015/10/23_a_7839791.shtml), *Новая газета* (2015), *The Insider* (2015, <https://theins.ru/longread/3850>), *Российская газета* (2015), *The Guardian* (2017).

установлению позитивных, «патриархальных» семейных отношений между солдатами и их командирами.

Еще один анклав принудительного труда в Российской Федерации — это тюрьма. Каждый год заключенные зарабатывают для системы миллиарды рублей (*newtimes.ru*, 2014). В 2019 году Государственная Дума приняла новую поправку к Уголовно-исполнительному кодексу, легализующую использование труда заключенных на частных предприятиях и федеральных стройках (Федеральный закон от 18.07.2019 № 179-ФЗ), тем самым фактически разрешив такой же рабский труд, как в сталинских лагерях, в которых это было обычной практикой (*Коммерсантъ*, 2015)¹⁶. В 2021 году, под влиянием пандемии, российские власти рассматривали возможность использовать труд заключенных в крупных строительных проектах — например, на Транссибирской железнодорожной магистрали (*Коммерсантъ*, 2021).

Высокопоставленные российские чиновники не стесняются публично высказываться в поддержку рабства. Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин ностальгически писал в «Российской газете», официальном органе Правительства РФ, о том, как крепостное право помогало сохранять целостность дореволюционного российского общества:

При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации. Не случайно же крестьяне, по свидетельству историков, говорили своим бывшим господам после реформы [отмены крепостного права — Д. Х.]: «Мы были ваши, а вы — наши» [...] основная линия социального напряжения — между властью и крестьянскими массами — лишилась важнейшего амортизатора в лице помещиков. И это стало одной из существенных причин роста «бунташных», а затем и организованных революционных процессов в России на исходе XIX и в начале XX вв.

Российская газета, 2014-в.

16. См. также: *Русь сидящая* (2014). Прокремлевские журналисты и комментаторы поддержали этот закон и даже ратовали за восстановление в постсоветской России трудовых лагерей, см.: *РИА-Новости* (2021-б, <https://ria.ru/20210523/gulag-1733466440.html>). Соцсети о предложении возродить в России ГУЛАГ, см.: *Север. Реалии* (2021, www.severreal.org/a/31270882.html).

Хотя высказывания Зорькина возмутили либеральную прессу, они не повредили ни его положению, ни его репутации в Кремле: на момент написания этой книги он по-прежнему оставался председателем Конституционного суда Российской Федерации.

Рабство тесно связано с российскими имперскими притязаниями. Российские ультраправые воображают, что низшие сословия или касты будут сформированы из иммигрантов из бывших советских республик (например, таджиков), представителей национальных меньшинств (например, башкир) и мигрантов из Северной Кореи и Китая. Например, в 2011 году Северная Корея увеличила число корейцев, отправленных работать в России: они обязаны были возвращать в бюджет КНДР до 70 % своих месячных заработков (около 100 долларов) (*newsru.com*, 2015¹⁷). Жили они в условиях, похожих на условия в советских трудовых лагерях (там же). Сегодня мирных жителей Украины, взрослых и детей, насильно переселяют в Россию, уничтожая их паспорта и лишая их самых элементарных прав. Надежды на то, что они будут защищены от современного рабства лучше, чем простые жители России, крайне мало.

На фоне нынешних российских реалий, которые усугубила война против Украины, социальные проекты ультраправых кажутся больше похожими на предложения узаконить и расширить существующее неравенство под маркой «возврата к средневековой Руси», чем на бредовые фантазии.

Современное рабство свидетельствует о возвращении к средневековью не в большей степени, чем к древнему Риму или Северной Америке семнадцатого века. Зато оно демонстрирует, что общества некоторых типов — например, путинская Россия — поддерживают крайние формы социальной несправедливости и чудовищной эксплуатации. Новые формы социального неравенства не превращают путинизм в средневековье, но вскрывают его бесчеловечную природу.

17. <https://www.newsru.com/finance/24jul2015/runorthkoreanlabor.html>

Политика ретроградного времени

Закат гражданских прав — и элементарных прав человека — в России тесно связан с постсоветским пониманием истории. Эсхатологические ожидания, составляющие важную часть неомедиевального сознания, создают более широкий контекст для все более частых упоминаний о конце света в путинских и кремлевских выступлениях, в которых угрозы ядерного Армагеддона сочетаются с религиозными аллюзиями.

С самого начала войны против Украины Путин последовательно запугивает мир ядерным уничтожением (*grani.ru*, 2022¹⁸). Однако этот ядерный шантаж — не просто следствие колоссальных неудач российской армии на поле боя: он уже давно стал неременной частью кремлевской политической программы. Новая военная доктрина, содержащая завуалированную ядерную угрозу Западу, была изложена еще в 2000 году, в первый же год президентства Путина. В 2010 году, когда президентом был путинский местоблюститель Дмитрий Медведев, эта угроза была высказана более прямо: было объявлено, что ядерное оружие может быть использовано для «защиты», в ответ на «угрозу существованию российского государства».

В 2010-х годах Путин говорил о «ядерном апокалипсисе» больше, чем любой западный лидер, заставляя думать, что он уже тогда начал угрожать НАТО и Соединенным Штатам¹⁹. При этом Путин обычно возлагает вину за любые катастрофические варианты развития события на Запад, представляя гипотетическое применение Россией ядерного оружия возмездием или ответным ударом. В интервью Оливеру Стоуну в 2017 году Путин заявил,

18. <https://graniru.org/War/Arms/Nukes/m.286907.html>

19. Есть что сказать на эту тему и его пропагандистам. Например, «голос Кремля» Дмитрий Киселев заходит еще дальше, утверждая в своей программе «Вести недели» на официальном телеканале «Россия-1», что Россия «способна превратить США в радиоактивный пепел» (www.fontanka.ru/2014/03/17/030/). О путинском ядерном шантаже Запада см.: *Project Syndicate* (2019); <https://www.project-syndicate.org/commentary/nuclear-war-putin-orthodox-approval-by-dina-khapaeva-2019-01>.

что в войне между Россией и США не выживет никто. Когда его спросили, есть ли еще надежда избежать такого исхода, он ответил: «Надежда есть всегда. Пока нас не понесут в белых тапках на кладбище» (Интерфакс, 2017-г²⁰). В марте 2018 года, выступая с президентским посланием Федеральному Собранию, Путин обрушился с критикой на тех, «кто на протяжении последних 15 лет старается раздувать гонку вооружений, пытается получить в отношении России односторонние преимущества». Он обвинил Запад в установлении в ответ на аннексию Крыма «незаконных» ограничений и санкций, цель которых — «сдержать» развитие России и, в том числе, ее вооруженных сил. Путин заявил, что им следует «прекратить раскачивать лодку, в которой мы все находимся и которая называется “Планета Земля”» (*kremlin.ru*, 2018-а). Затем прозвучала угроза: показав несколько видеороликов с новыми ракетами, Путин сказал, что «[л]юбое применение ядерного оружия против России или её союзников» вызовет «немедленное» возмездие «со всеми вытекающими последствиями». Несколько дней спустя он сделал еще одно аналогичное заявление, намекнув, что ядерная война — а «для человечества это будет глобальная катастрофа» — будет ответом на крупномасштабное нападение на Россию: «[Я] как гражданин России и глава российского государства хочу задать вопрос: а зачем нам такой мир, если там не будет России?»²¹.

В июне 2018 года Путин еще более усилил ядерную угрозу, снова подчеркнув, что войны России с США «никто не переживет» (*Vladimir Putin vs. Oliver Stone*, 2018 ; *Bloomberg*, 2017). А в октябре того же года, на заседании дискуссионного клуба «Валдай», в его речи появились еще более драматические обороты: «мы — жертвы агрессии», но «агрессор всё равно должен знать, что возмездие неизбежно, что он будет уничтожен» (*kremlin.ru*, 2018-б). Хотя ядерная война будет «всемирной катастрофой», сказал он, по меньшей мере «мы [русские] как мученики попадём в рай, а они

20. www.interfax.ru/world/565575

21. <https://meduza.io/news/2018/03/07/zachem-nam-takoy-mir-esli-tam-ne-budet-rossiiputin-o-globalnoy-katastrofe-posle-yadernogo-udara>.

просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют». Проханов, считающий Путина мессией, описал чувства, которые вызвала у него эта дискуссия. Он поведал, что, поскольку мысль о «термоядерной схватке», по-видимому, «начинает владеть умами правителей мира», многие из участников Валдайского форума, «вернувшись домой, раскрыли Евангелие и заново перечитали Откровение Иоанна Богослова²²» (*Завтра*, 2018-б²³). В конце 2018 года Путин объявил, что Россия завершила последние испытания «Авангарда», новой «непобедимой» гиперзвуковой ракеты, способной нести ядерные заряды, зловеще назвав ее «замечательным, отличным подарком стране к Новому году»²⁴. (Вера в «непобедимые» ракеты — «Авангард», «Кинжал», «Циркон» и т. д., — как и многие другие заявления Путина, находит параллели в утопии Юрьева «Третья Империя» (Юрьев, 2007), в которой Запад проигрывает России войну из-за невидимого оборонного щита России и ее непобедимых ядерных бомб.) Угрозы ядерной войны, снова озвученные Путиным 27 февраля 2022 года, когда он приказал министру обороны и начальнику Генерального штаба перевести средства ядерного сдерживания в режим повышенной готовности в ответ на якобы «агрессивные высказывания [НАТО] в адрес нашей страны», и то, что он приостановил участие России в последнем оставшемся соглашении с США о контроле над ядерными вооружениями, следует рассматривать с учетом этой предыстории (*ТАСС*, 2022).

Проведением постановочных референдумов на оккупированных территориях Луганской, Донецкой, Херсонской и Запорожской областей Украины, Путин создал новый предлог для своего шантажа — как бы готовясь к применению ядерного

22. По-видимому, под «Евангелием» подразумевается Новый Завет: «Откровение» (оно же «Апокалипсис») — не часть какого-либо из четырех евангелий, а отдельная книга.

23. https://zavtra.ru/blogs/vi_slishite_grohochut_sapogi

24. Речь идет о гиперзвуковой ракетной системе, которую Путин назвал в декабре 2018 года «неуязвимой для средств ПВО и ПРО вероятного противника» (*Радио Свобода*, 2018).

оружия для «защиты» украинской территории от возвращения под контроль украинских войск. Тем не менее, в ноябре 2022 года украинские силы успешно освободили Херсон, и никакого возмездия такого рода не последовало. До сих пор путинские «красные линии» оказывались весьма гибкими.

Ядерный шантаж Кремля основывается на двух предположениях. Во-первых, из-за своей «ответственной политики» Запад будет вынужден отступить: столкнувшись с перспективой ядерной войны, перепуганные граждане заставят свои демократически избранные правительства пойти на переговоры и умиротворение агрессора. Во-вторых, политическое единство Запада против России не устоит перед угрозой ядерного Армагеддона; вместо этого каждая страна поспешит заключить свою собственную сделку с Кремлем, лишь бы только спастись. Решение Запада не ввязываться в ссору после российского вторжения в Крым и его аннексии в 2014 году, вероятно, укрепило веру в эти идеи.

С тех пор, как началась война против Украины, к этой же теме постоянно обращаются и воодушевляемые Путиным кремлевские пропагандисты (*smotrim.ru*, 2022). Ядерным Армагеддоном грозили США и покойный лидер ультранационалистической Либерально-демократической партии России Владимир Жириновский, и «говорящие головы» путинской пропаганды Маргарита Симоньян и Владимир Соловьев, и многие другие²⁵.

Апокалиптический дискурс Путина, пропитавший постсоветскую политику, не является его собственным изобретением. Его, как и все остальные аспекты путинской политики, следует рассматривать как часть системы культурных и исторических отсылок, которые я анализирую в этой книге. Поэтому здесь следует резюмировать предпосылки, ответственные за необычайную распространенность апокалиптического мышления среди российских ультраправых.

Представление о прогрессивном историческом времени было неотъемлемой частью идеологии западничества. Лидеры

25. Обзор этих заявлений см. в: *Kasparov.ru* (2022-a).

демократических реформ в России считали, что рыночная экономика гарантирует демократию, а капиталистическое процветание Запада, манящее на горизонте, было образцом для подражания. Но Россия оказалась на пороге демократии в тот самый момент, когда кризис прогрессивной, футуристической темпоральности усугубил кризис демократии на Западе. Это стечение обстоятельств вместе с рядом других факторов внесло заметный вклад в крах прозападной идеологии в постсоветской России и усилило разочарование в социальном мировоззрении, сосредоточенном на будущем. Неомедиевальная политика памяти и рестаилинизация свидетельствуют о продолжающихся поисках общественной модели в историческом прошлом, обнажая попытки Кремля обратить время вспять за неимением по-настоящему жизнеспособного проекта, который можно было бы предложить постсоветскому обществу. Военные авантюры и имперские потуги Кремля также произрастают из этой неспособности сформулировать привлекательный образ будущего.

Как мы уже видели, союз Путина и его приспешников с российскими ультраправыми предрасположил Кремль к ультраправым взглядам на историю. Идеи пришествия нового средневековья и предвкушения апокалипсиса были достаточно примитивны, чтобы их смогли усвоить Путин и его клика. Стремление к «очищающему пламени Апокалипсиса» и вера в воскресение мертвых в конце времен всегда были существенной частью доктрины русского православия: российская церковь воспринимала их гораздо более буквально, чем другие христианские конфессии. Распространение радикально-православных сект, метко названных «политическим православием», способствовало росту популярности апокалиптических ожиданий не только у постсоветских мирян, но и среди православных иерархов.

Патриарх Кирилл, поддержавший войну против Украины (*Украинская правда*, 2022-а²⁶), склонен к пророчествам в апокалиптическом духе, и они привлекают все большее внимание,

26. www.pravda.com.ua/rus/news/2022/04/3/7336889/

особенно после аннексии Крыма (*Радио Свобода*, 2017-а). Еще в 2017 году он заявил: «Нужно быть слепым, чтобы не видеть приближение грозных мгновений истории, о которых говорил в своем Откровении апостол и евангелист Иоанн Богослов» (*Интерфакс*, 2017-д). С тех пор Кирилл неоднократно возвещал скорое наступление Судного дня. В 2020 году он призвал свою паству подготовиться к этому событию и собственной смерти (*РИА-Новости*, 2020).

Поскольку «Апокалипсис насылает сам Господь», многие представители духовенства полагают, что эти «грозные мгновения истории» следует страстно приветствовать. Так, бывший пресс-секретарь Русской православной церкви архиерей Всеволод Чаплин пропагандировал идею о том, что Бог разрешил «уничтожение масс», чтобы преподнести обществу урок²⁷. В провинциальных монастырях иногда проводятся службы для приготовления к концу света (*РИА-Новости*, 2021-в). Многие сектанты страстно жаждут «очищающего пламени Апокалипсиса»²⁸.

Вероятно, воздействию русского православия на представления российских ультраправых об историческом времени способствовало то обстоятельство, что, какое бы сильное влияние ни оказывали различные западные философские системы на русских интеллектуалов, в России так и не возникло никакой собственной светской философской традиции, которую можно было бы противопоставить православным догмам — и ультраправой идеологии. Российские религиозные философы, труды которых при советской власти либо подвергались

27. <https://echo.msk.ru/sounds/1818964.html>. «— Напомним, смертная казнь у нас отменена. Чаплин: — Не факт, что это было правильно. Посмотрите, даже Бог, если мы читаем Ветхий и Новый Заветы, прямо санкционировал и санкционирует в будущем уничтожение большого количества людей для назидания остальным. Не как наказание или месть, а в назидание. Для назидания обществ иногда необходимо некоторое уничтожение тех, кто достоин уничтожения.» (ura.ru, 2016, <https://ura.news/news/1052258463>).

28. Об апокалиптических ожиданиях Русской православной церкви и православных сект см.: Верховский (2003: 35–36, 65–69, 71, 72).

цензуре, либо вовсе запрещались (что сильно способствовало их популярности в эпоху гласности), были почти поголовно верующими православными и, в отличие от западных философов, безо всяких колебаний включали догматы своей веры в свои философские построения. Важную роль в их типично русской смеси богословия и философских рассуждений играли и апокалиптические ожидания. Апокалиптическое видение будущего не только занимало центральное место в мировоззрении Федорова и русских космистов, но также имело большое значение для Тихомирова и Бердяева, этих гуру постсоветских ультраправых. Бердяев предвидел возврат в новое средневековье как возвращение к «вечному прошлому», которое было для него категорией скорее религиозной, нежели исторической. Он утверждал, что саму идею прогресса следует отбросить, потому что она скрывает истинную цель бытия — познание Бога. Но с апокалиптизмом заигрывали и либеральные богословы — например, Павел Флоренский. Иными словами, неспособность российской интеллектуальной традиции отделить религиозное от светского создала уникальные условия для поразительной успешности неомедиевального мировоззрения в России и обеспечила господство эсхатологических взглядов на историю (Орро, 2013).

Распространение апокалиптических ожиданий сформировало новый контекст постсоветской политики, укрепив неомедиевальное мировоззрение так называемого «русского политического класса» и поспособствовало внедрению неомедиевальной темпоральности в умы постсоветских субъектов. Апокалиптические взгляды на будущее были заметны в российских правительственных кругах и СМИ с их постоянными аллюзиями на библейский Апокалипсис, задолго до войны против Украины. Например, Валерий Зорькин, цитируя Второе послание апостола Павла к Фессалоникийцам (2Фес 2:7–10), сетовал, что конец света близок, и «тайна беззакония уже в действии» (*mk.ru*, 2016). В 2011 кандидат в президенты Иван Охлобыстин сделал

апокалиптические пророчества заметной частью своей предвыборной кампании:

Наступает время последних приготовлений. Не должно быть ничего лишнего. [...] [С]лавяне, не подчинившиеся этой очевидной истине, обречены.

Правмир, 2011²⁹.

В разделе «Последняя битва» своей «Доктрины-77» Охлобыстин говорит: «А наше общество — общество ИНЫХ!», объяснив перед этим свою концепцию исключительности в следующих словах:

Мы созданы для войны. И нам нет места в обычной мирной жизни. [...] Так волею геополитических преобразований сформировался уникальный этнос. [...] [Процесс русского этногенеза — это] генетическое конструирование идеального бойца [...] [д]ля ведения пожизненных боевых действий. И что промыслительно — не вести вышеупомянутые действия для русского человека означает верную гибель. Все варианты сохранения русской нации до назначенного Господом срока ее исчезновения в огне Апокалипсиса.

Ibid.

Апокалиптическая тематика тесно переплетена в дискурсе ультраправых с образом Путина как мессии, что, в свою очередь, скорее всего повлияло на его самовосприятие. В 2007 году телеведущий и путинский пропагандист Владимир Соловьев, впоследствии прославившийся своими одиозными высказываниями о войне против Украины, опубликовал роман «Апокалипсис от Владимира», продолжение его же «Евангелия от Соловьева» (2005). Во второй книге он использует тот же прием, что и в первой: повествование ведется от лица вымышленного двойника автора, носящего его реальное имя (он тезка Путина). В романе описывается, как апостол Владимир истребляет в гневе тысячи грешников, в том числе целый город Красноярск, испепеляя их за считанные секунды. Это описание уничтожения грешников, которым даже не оставлено времени на раскаяние, звучит жутковатой прелюдией к позднейшей речи Путина, в которой он использовал сходные выражения (kremlin.ru, 2018-б). Соловьев ратует за учреждение наследственной «антиде-

29. <https://www.ppravmir.ru/doktrina-77-ivana-oxlobystina-polnyj-tekst/>

мократической монархии» с царем-Путиным во главе и называет Путина «царем и пророком», утверждая, что его миссия — подготовить Россию к «долгожданным последним временам», «светлому дню Страшного суда». Такой образ Путина широко распространен среди его сторонников, от Владислава Суркова, который однажды назвал его «человеком, который был послан России судьбой и Господом» (*Forbes*, 2011³⁰), до главы секты, известной под именем матушки Фотинии, которая считает Путина новым воплощением апостола Павла и верит, что «Бог послал Путина в Россию, чтобы подготовить Россию к пришествию Иисуса Христа», потому что «в нем есть царский дух» (*Spiegel International*, 2011).

Еще один пример таких идей можно найти во взглядах Александра Дугина. Для него и других неоевразийцев Апокалипсис — это «битва религии с псевдорелигией», то есть русского православия с западным либерализмом. Как пронциательно отмечает Эллиот Боренштейн, «русскому апокалипсису [...] необходимо, чтобы внешний мир продолжал существовать в качестве источника зла» (*Jordan Russian Center*, 2019)³¹. Хотя Дугину и случалось критиковать Путина, он, тем не менее, ожидает, что тот станет *катехоном*, и дает понять, что «жизненность христианства переносится на священную политику, царя-катехона» (*Изборский клуб*, 2016-а³²). Поскольку концепцию катехона Дугин, вероятнее всего, позаимствовал из трудов Снычева, он определяет «царство антихриста» как сочетание западных зол — «глобализация, постлиберализм, постиндустриальное общество» (Дугин, 2009-б: 22) — и утверждает, что

[д]ля православного человека (и христианина вообще) вера в Антихриста является частью общеобязательной практики. [...] Апокалипсис помещен в Священное Писание [...] Приход Антихриста происходит сейчас. [...] Никто не знает, когда придет Антихрист, но он обязательно придет. Потому что он и есть смысл христианского понимания

30. www.forbes.ru/news/70487-surkov-putin-poslan-rossii-bogom

31. <https://jordanrussiacenter.org/news/the-new-russian-and-the-american-psycho-russias-alien-nations/#.Yg7MHi-B2qA>

32. <https://izborsk-club.ru/8190>

истории [...] американские глобалисты, Сорос, либералы [...] — они в авангарде его армии.

Завтра, 2018-а³³.

На более раннем этапе своей карьеры, когда он еще стоял под знаменами российского национал-большевизма, Дугин вещал, как и многие до него, что русские — наследники Византии, — и их царь-катехон избраны сдерживать Антихриста, пока не наступит конец света. По его мнению, жизнь церкви неразрывно связана с жизнью империи и жертвами, принесенными во имя ее (Дугин, 1997: 31–65)³⁴. Дугин настаивает на необходимости поворота исторического времени вспять, понимая это как христианскую миссию: Россия должна вернуться в Византию, воссоздать Священную империю и православную монархию:

Таким образом, чтобы прийти к Христу, надо проделать экклезиологический путь в обратном направлении. [...] Качественным был бы рывок в сторону византизма, то есть в сторону Священной империи, православной монархии и полноценного греко-римского патристического богословия во всём его объёме.

Изборский клуб, 2016-а.

Такая уверенность в обратимости исторического времени характерна не только для неоевразийцев, но и для большинства нынешних российских ультраправых³⁵. Дугин твердо верит, что конец света — «это не просто мобилизующая массы метафора, это религиозный факт, *факт Апокалипсиса*» (Russia.RU, б.д.), и

33. https://zavtra.ru/blogs/tezisi_ob_antihriste. См. также: www.youtube.com/watch?v=4kBDqLMC_Mg.

34. Первая публикация: «Элементы», 1997.

35. Валерий Коровин, заместитель председателя Международного евразийского движения, главный редактор медиа-ресурса «Евразия» и бывший член Национал-большевистской партии, «приглашает» своего читателя в средневековье, утверждая, что Средние века были Золотым веком человечества. Подобно Бердяеву, которого он цитирует близко к тексту, Коровин верит в неотвратимое возвращение средневековья: как постсоветская Россия, так и нынешний Запад могут выбирать только между возвратом в собственное национальное средневековье и катастрофическим окольным путем, ведущим в ИГИЛ (*Изборский клуб, 2019-в*).

считает «царство антихриста» таким же «религиозным фактом» (Дугин, 2009-б: 22). «Пламень Его — Судия», и этот пламень должен сжечь Землю и сожжет ее³⁶. С точки зрения Дугина конца света не следует избегать, и его не следует пытаться предотвратить. Более того, неоевразийское движение должно помочь его наступлению, так как сам по себе он может и не наступить. В «Четвертой политической теории» Дугин заявляет, что считает приближение апокалипсиса «практикой»:

[К]онец времени и эсхатологическое выражение политики не будет осуществлено само по себе; напрасно мы ждем конца. Если конца ждать, он никогда не наступит [...] Конец Света должен быть осуществлен; он не приходит сам по себе: это задание, а не данность. Это активная метафизика, онтологическое действие.

Дугин, 2015: 244.

В полном соответствии с идеей о том, что апокалипсис — это практика, Дугин и его неоевразийское движение организовали в 2011 году для евразийской молодежи трехдневный лагерь под названием *Finis Mundi* [*Конец света*], девизом которого была «эсхатологическая мобилизация евразийцев»³⁷. Дугин также вел программу под названием «Finis Mundi» на популярной радиостанции FM101. Периодические выступления с декларациями вроде «Антихрист уже здесь!» (*Изборский клуб*, 2018-а³⁸). Явно помогают ему не терять этот проект из виду. Однако сейчас он, по-видимому, смешивает идею империи с концом света³⁹.

Авторы памфлета «Новейшее средневековье» (АПН, 2006) зашли в своей прагматической эсхатологии еще дальше: они предусматривают не только православный крестовый поход, но и русскую колонизацию неба. Они видят конечной целью своего «национального проекта Святой Руси» вознесение в рай

36. Дугин развивает эти идеи в нескольких публикациях.

37. <http://rossia3.ru/mer/finismundi>.

38. <https://izborsk-club.ru/14986>

39. Стремление Дугина к апокалипсису часто объясняют его обращением в старообрядчество. Однако в нынешнем контексте становится все труднее различать догмы РПЦ, староверов и других сект, так как их идеи сливаются.

«такого количества русских святых, которое de facto означало бы существование Руси в селениях райских», что созвучно философии Федорова и произведениям Шарова. Россия, провозглашают авторы этого памфлета, есть Третий Рим, «государство-империя, имеющее свою особую миссию в “последние времена”». Подобно Снычеву, они объявляют Россию катехоном, который сдерживает приход Антихриста, обеспечивая «сохранение политического порядка, основанного на справедливости, четком этическом различении добра и зла и готовности воздавать кару за зло и награду за добро». Кроме того, катехон есть «универсальная апология государства и государственности», которая обосновывает право государства на насилие. Роль катехона «предполагает определенную геополитическую миссию России как хранительницы общемирового порядка». Задачей российского государства объявляется «экспорт» русского православия и этого мирового порядка, а осуществляться он должен «в форме имперской экспансии в ее культурных, дипломатических и военных формах». Эта «эсхатологически-политическая миссия» и есть истинное предназначение российского государства-цивилизации.

Такое апокалиптическое видение будущего перекидывает мостик между российскими ультраправыми и постсоветскими писателями, увлекающимися неомедиевализмом⁴⁰. Апокалиптическое понимание истории находит явную параллель в следующих рассуждениях Владимира Шарова, которого, как помнит читатель, неотвязно занимал вопрос о смысле истории. Размышления Шарова о конце света оказываются на удивление созвучны замечаниям самого Путина на эту тему, как, например, в следующем интервью Георги Борисову:

[Шаров]: Но надо сказать, что убеждение, что с концом Руси придет конец и всему миру – равно как и вера, что настоящая жизнь есть

40. Тема апокалипсиса присутствовала и в дореволюционной русской литературе. См.: Cioran (1973), Leatherbarrow (2017: 122–133). Об апокалиптических ожиданиях и средневековом мировоззрении см.: Caruthers (2008).

только в отношениях Бога и нового избранного Им народа, а все прочее не более чем архитектурные излишества, – живы и до сего дня. Более того: каждый кризис, который у нас случался, все это лишь развивал и укреплял.

[Шаров]: Тебе все это близко?

[Шаров]: Отчасти, наверное, да. Страна, народ такие, какие они есть, и если мы хотим что-то понять, ни из чего другого исходить невозможно.

Борисов, 2020: 667.

Подобно Водолазкину, восторженно принявшему последнюю книгу Шарова, и многим другим постсоветским писателям, Шаров считает, что русские верят в избранность своего народа, и что именно эта вера определяет их понимание истории:

[С]трашные бедствия — катастрофы, голод, вражеские нашествия — с невероятной силой гонят людей из их обычной жизни (она на глазах со всей своей культурой, со всеми правилами и обычаями разрушается) в тот народ, что обращен к концу, к последним временам и Страшному суду. В народ, который испокон века живет так, чтобы всегда быть готовым предстать перед Господом.

Там же: 666.

Как отмечает Брэдли Горски, «В романах Шарова русская история предстает движимой одним всепоглощающим желанием — подготовиться к Апокалипсису и Страшному суду, которые неизбежно наступят в России» (Gorski, 2018).

Глубокую приверженность Изборского клуба эсхатологическим верованиям лучше всего отражают заявления его председателя Александра Проханова. Он верит, что «ожидание божественного царства», где «жизнь вечная», зашифровано в «волшебных кодах» русского сознания (*Изборский клуб*, 2019-г). Эти «коды» он связывает с русской мессианской идеей, проявившейся в Средние века (*Взгляд*, 2012). Почитатель Николая Федорова, Проханов с нетерпением ожидает воскрешения мертвых:

Говоря о нашей космической мощи, мы не должны забывать, что ракеты, изобретённые Циолковским, есть средство, с помощью которого воскрещённые поколения будут расселяться по другим планетам.

Так учил великий наставник Циолковского — космист Николай Фёдоров⁴¹.

Завтра, 2019.

Вместе с Егором Холмогоровым и другими адептами «русского ядерного православия» Проханов считает главным средством осуществления своей «русской мечты» «русскую православную бомбу», изготовленную «при покровительстве святого Серафима Саровского» (*Изборский клуб, 2019-г*).

Банальность постсоветских представлений о близком конце света лучше всего подытоживает утверждение рядового преподавателя одного из российских университетов:

Человечество всегда желало апокалипсиса. [...] И современный мир, как и Средневековье, тоже желает апокалипсиса, но совершенно по другой причине — просто дико скучно.

Радио Свобода, 2020-а.

Такая тривиализация гибели всего живого обнажает полное отсутствие позитивной идеологии в обществе, которым управляет циничное отрицание ценности человеческой жизни и прав личности и которое не в состоянии предложить в качестве проекта будущего ничего лучшего, чем возврат в русское средневековье.

Эсхатологическая политика и подстрекательство к террору глубоко укоренены в российской антизападной традиции, русском православии и народных верованиях, но идея обреченности человечества находит параллели и в западной культуре. Апокалиптические и постапокалиптические книги и фильмы последнего десятилетия настойчиво изображают вымирание человечества (часто уступающего место другому разумному виду) событием не только естественным, но и желательным. Однако сегодняшние апокалиптический и постапокалиптический жанры чаще всего полностью оторваны от библейской тематики надежды и искупления, которая питала апокалиптическое мышление на

41. Проханов говорит о русском космизме, теоретиком которого был Федоров, и намекает на роль Федорова как предтечи трансгуманизма.

протяжении тысячелетий⁴². В отличие от произведений, написанных до 1990-х годов, в которых «даже самые пессимистичные авторы апокалипсисов не закрывают полностью дверь к некоему продолжению через новое рождение», а «разрушение зачастую служит прелюдией к восстановлению» (Seed, 2000: 9, 10), теперь антигуманистическая парадигма этого жанра выражает все большее презрение к человеку и предлагает смотреть на гибель человечества как на желаемый исход. Публика жадно поглощает описания насилия, захлестывающего мир, — ключевой элемент апокалиптического жанра. Видение времени, которое предлагает этот жанр, отвергает саму мысль о том, что у человечества может быть будущее.

Такой взгляд на человечество созвучен философским и общественным течениям, глубоко проникших в популярную культуру. Тягу к «окончательной катастрофе» считают типичным для модернизма, который удовлетворяет «распространенному в американской культуре последнего времени постапокалиптическому восприятию» (Berger, 1999: xii–xiii). Этот диагноз сходен с провозглашением конца человечества, которое можно назвать характерной особенностью французской теории со времен Фуко и Деррида⁴³. Помимо всего прочего Апокалипсис может быть рассмотрен как конец капиталистической системы, которая, как говорит Славой Жижек, приближается к своей «апокалиптической нулевой точке» (Žižek, 2010, x). Жижек хвалит Алена Бадью за то, что тот приветствует конец света, отважно «хранит верность Истине-Событию, даже если это заканчивается катастрофой» и не желает сводить «политику к программе избегания худшего» (Žižek, 2010: xv)⁴⁴. Постгуманизм, отпочковавшийся от деконструкции, поддерживает идею исчезновения человека и искоренения антропоцентрических концепций в философии и гуманитарных науках. За конец чело-

42. См., например: Paik (2010).

43. Об утверждениях французской теории относительно «смерти человека» см.: Kharaeva (2017: 23–33).

44. О взглядах Жижека см. также: Smyth (2014).

веческой цивилизации истово ратуют некоторые влиятельные общественные движения, в том числе трансгуманизм, движение за права животных и радикальные экологисты.

За последнее десятилетие манера называть человека «эгоистичным и пагубным паразитом» стала общим местом и уже никого не удивляет, как бы ни отдавало это выражение языком ненависти⁴⁵. Классическую иллюстрацию такого этоса дает «Движение за добровольное вымирание человечества»: его цель — прекратить самовоспроизводство людей и восстановить экологическое равновесие планеты, избавив ее от человека. Однако пока что, несмотря на рост популярности этого и подобных ему движений, члены которых пользуются всей полнотой защиты, предусмотренной законами и гарантиями прав человека для граждан в западных демократиях, их проекты не получили сколько-нибудь значительной политической поддержки.

Фиксация на конце света является важным предметом обсуждения в гуманитарных науках. Среди объяснений привлекательности апокалиптической тематики часто называют (возможно, опираясь на предложенную Сьюзен Сонтаг интерпретацию апокалипсиса как зрелища, помогающего справиться со страхом перед катастрофой [Sontag, 1966]) целый ряд проблем — страх войны и общемировую неуверенность в будущем, ужас перед экологическими катастрофами и беспокойство относительно пандемий, острое социальное неравенство и нерешенные расовые и гендерные проблемы (Dixon, 2003: 105–116; Breton & Hammond, 2015; Brians, 2016; Peebles, 2017⁴⁶; Wolf, 2019: 163–73). Исследователи утверждают также, что апокалиптические и постапокалиптические нарративы, возможно, способствуют преодолению страха смерти и даже помогают нам «осмыслить мир» (Hamonic, 2017, article 36).

45. Например: «Мы — самые эгоистичные и пагубные паразиты на планете, твердо намеренные предаваться своему недолговечному гедонизму» (www.newscientist.com/letter/mg21829190-900-human-pest/). Об этом дискурсе см.: Khapaeva (2020: 15–35).

46. <https://journals.openedition.org/ejas/12283>

Наряду с этими объяснениями я полагаю, что современное увлечение концом света связано с привлекательностью коммерциализированного антигуманизма, который можно считать предельным проявлением кризиса будущего. Растущая ненависть к человечеству исключает саму возможность видения будущего, не предполагающего необратимой катастрофы. А поскольку демократический проект ориентирован на будущее, кризис будущего лишь усугубляет кризис демократии. Обратную темпоральность неомедиевализма, поддерживаемую религиозным фундаментализмом или взращиваемую радикальными светскими философскими и культурными системами, можно считать реакцией на этот кризис и главной причиной повсеместного увлечения Средними веками.

Война против Украины ясно показала, что неомедиевальная политика памяти и неомедиевальное мировоззрение с его эсхатологическими верованиями — это мощное оружие, которое можно успешно применять против демократии.

Чем дольше идет эта война, тем более мрачными становятся перспективы России. Опустошая землю Украины, путинизм уничтожает шансы России остаться единой страной и единой культурой. Но путинизм возник не 24 февраля 2022 года; Путин и его приспешники создали его не одни: это не удалось бы без значительной поддержки российского общества. Нежелание критически осмыслить и осудить преступления, совершенные русским народом в прошлом, внесло вклад в торжество памяти палачей в постсоветской России и преобразовало память о репрессиях в позитивную память о государственном терроре — мобмемори. Возможно, крепость, возведенная в умах российских граждан кремлевской неомедиевальная политикой памяти, символом которой служит Кремль, позволит сохранить путинизм и после исчезновения диктатора. Но условием существования путинизма является бесперебойное приношение ему в жертву человеческих жизней.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги, монографии, журналы

- Аверьянов Виталий, 2011-а, «Опричнина — модернизация по-русски», *новая опричнина, или модернизация по-русски*, под ред. М. Калашникова, В. Аверьянова И А. Фурсова, С. 159–180. М.: Фолио.
- Аверьянов Виталий, 2011-б, «Шизо-консерватизм и плутократия», *Новая опричнина, или модернизация по-русски*, под ред. М. Калашникова, В. Аверьянова И А. Фурсова. М.: Фолио.
- Адорно Теодор, 2005, *Что значит «проработка прошлого»*, пер. с нем. М. Г. (черновик Михаила Хорькова), *Неприкосновенный Запас*, № 2.
- Альшиц Даниил, 1988, *Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного*. Л.: Наука.
- Анисимов Е., 1989, *Время Петровских реформ*. Л.: Лениздат.
- Аптекман Марина, 2018, «Сорокин и Краснов: два взгляда на евразийскую утопию (“за чертополохом” и “день опричника”))», *«Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин. После литературы*, под ред. Е. Добренко, И. Калинина, М. Липовецкого, С. 525–538. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Артог Франсуа, 2008, «Порядок времени, режимы историчности», пер. с фр. А. Беляк, *Неприкосновенный Запас*, № 3; <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/poryadok-vremeni-rezhimy-istorichnosti.html>
- Ащеулова Ирина, 2015, «Авторская В. Шарова», *Вестник Томского Государственного Университета: филология*, № 4(36), С. 71–86.
- Бавильский Д., 2020, «Ниши Шарова», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 370–395. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Бек Ульрих, 2000, *Общество риска. на пути к другому модерну*, пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой, Посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция.

- Белкин Борис, 2020, «Мне повезло. О встречах с Владимиром Шаровым и его книгами», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 115–129. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Беляков С., 2013, «Дугин и Гумилев, или фальшивый наследник», *Гумилев сын Гумилева*. М.: АСТ.
- Бердичевская А., 2020, «Пространство Шарова и “великая шаткость”», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 156–172. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Бердяев Николай, 1991, *Новое средневековье. рассуждения о судьбе России и Европы*. М.: Феникс.
- Березин В., 1996, «Владимир Шаров: “есть образ мира, который я хочу записать”», *Дружба народов*, № 8, С. 160–177.
- Богатырев Сергей, 1995, «Грозный царь или грозное время? Психологический образ Ивана Грозного в историографии», *Russian history*, № 22, С. 285–308.
- Бордюгов Геннадий, 2019, *Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти*. М.: АИРО-XXI.
- Борев Ю., 1990, *Сталиниада*. М.: Советский писатель.
- Борисов Георги, 2020, «Отказ от детей — растянутое самоубийство». Беседа с Владимиром Шаровым», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 662–680. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Боуринг Б., 2015, «Консерватизм, национализм и “суверенная демократия” в России», *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*, № 12/1, С. 192–210.
- Булычев Андрей, 2005, *Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного*. М.: Знак.
- Быков Дмитрий, 2001, *Оправдание*. М.: АСТ.
- Велижев М., 2022, *Чаадаевское дело. Идеология, риторика и государственная власть в николаевской России*. М.: Новое Литературное Обозрение.

- Верховский Александр, 2003, *Политическое православие. Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001*. М.: Центр «Сова».
- Веселовский Степан, 1963, *Исследования по истории опричнины*. М.: Издательство Академии Наук СССР.
- Виноградов Н., 1887, *О конечных судьбах мира и человека. Критико-эзегетическое и догматическое исследование*. М.: Типография Каткова.
- Виппер Роберт, 1944, *Иван Грозный*. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР.
- Водолазкин Евгений, 2012, «Мы между реальностью и мифом», *Инструмент языка. О людях и словах*, С. 318–319. М.: Астрель.
- Водолазкин Евгений, 2012, *Лавр*. М.: Астрель.
- Володихин Дмитрий & Дмитрий Александров, 1994, *Борьба за полоцк между Литвой и Русью в XII — XVI веках*. М.: Аванта.
- Володихин Дмитрий, 1997, «Очень старый академик». *Оригинальная философия истории Р. Ю. Виппера*. М.: Издательство УРАО.
- Володихин Дмитрий, 2000, «Феномен фольк-хистори», *Отечественная история*, № 4, С. 16–24.
- Володихин Дмитрий, 2010, *Опричнина и «псы государевы»*. М.: Вече.
- Володихин Дмитрий, 2018, *Иван IV Грозный. Царь-сирота*, Т. 1884, М.: Молодая Гвардия, Серия «Жизнь Замечательных Людей».
- Габриэлова Амина, 2020, «Рифмы и рефрены. художественное время в романах Владимира Шарова», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 588–616. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Гаврилов Александр, 2020, «Ремонт провалов», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 148–151. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Горбенко Александр, 2020, «Номо conservat omnia. История как палимпсест нарративов в романах Владимира Шарова», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 447–467. М.: Новое Литературное Обозрение

- Грешилова А., 2017, «Русская архаика в романе Т. Толстой “Кысь” и в диалогии В. Г. Сорокина “День опричника” и “Сахарный Кремль”», *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, Т. 12, вып. 4, С. 29–32.
- Григорьев Л. & А. Кудрин, 2006, «Нерешенный вопрос легитимности частной собственности», *Вопросы экономики*, № 1, С. 36–62.
- Гуревич Арон, 1972, *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.
- Данилевский Игорь, 2017, «Семантика опричного дворца и смысл опричнины. К вопросу о системе доказательств в исторической реконструкции», *Вестник томского Государственного Университета*, № 48, С. 29–36.
- Данилевский Николай, 2023, *Россия и Европа*, М.: АСТ, Серия «Вся История В Одном Томе».
- Данилов А. & Л. Косулина, 2008, *История. История России. 9 класс. XX – начало XXI века*. М.: Просвещение.
- Дашевский В. & С. Чарный, 2019, «Меж наукой и мифом», *Историческая экспертиза*, № 3(20), С. 245–267.
- Дворкин Александр, 2004, «Доклад “псевдоправославная секта опричное братство и ее руководитель Н. Козлов (А. А. Щедрин)”», *Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириныя Лионского*, 25 Фев. ; [https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslaviya-i-okolopravoslavnyiesektyi/oprichnoe-bratstvo/psevdopravoslavnaya-sekta-%c2%aboprichnoe-bratstvo%c2%bb-i-ee-rukovoditel-n.-kozlov-\(A.A.-Shhedrin\).Html](https://iriney.ru/iskazhenie-pravoslaviya-i-okolopravoslavnyiesektyi/oprichnoe-bratstvo/psevdopravoslavnaya-sekta-%c2%aboprichnoe-bratstvo%c2%bb-i-ee-rukovoditel-n.-kozlov-(A.A.-Shhedrin).Html).
- Дворкин Александр, 2006, *Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования*. Нижний Новгород: изд-во «Братства во имя св. князя Александра Невского», Серия «Христианская библиотека».
- Дворниченко Андрей & Вячеслав Шапошник, 2020, «И снова Грозный Иван, или о новой книге американского ученого», *Вестник Санкт-Петербургского Университета. История*, Т. 65, Вып. 2, С. 633–645.
- Димова Полина, 2020, «Революция как космическая мистерия. Скрябин в романе “До и во время” В. Шарова», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 550–587. М.: Новое Литературное Обозрение.

- Дмитриев Александр, 2020, «Между двух платоновых, или наука “данного иного”», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 349–369. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Дондурей Даниил, 2012, «Производство мировоззренческого мусора», *Дилетант*, № 1, С. 72–75.
- Дорская Александра, 2022, *Юбилейные даты в официальной политике памяти России: Правовое измерение*, Сборник научных статей (под общ. ред.). Спб.: Астерион.
- Дугин Александр, 1997, «Катехон и революция», *Тамплиеры пролетариата. национал-большевизм и инициация*, С. 31–65. М.: Арктогея.
- Дугин Александр, 2001-а, «Иосиф Сталин: великое “да” бытия», *Русская вещь. Очерки национальной философии в 2 Т.*, Т. 1, С. 468–477. М.: Арктогея.
- Дугин Александр, 2001-б, *Магический большевизм Андрея Платонова*. М.: Арктогея.
- Дугин Александр, 2005, *Конспирология*. М.: Арктогея.
- Дугин Александр, 2009-а, «Смерть как доброе начало», *Радикальный субъект и его дубль*, С. 231–232. М.: Евразийское Движение.
- Дугин Александр, 2009-б, *Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века*. Спб.: Амфора.
- Дугин Александр, 2011, *Социология русского общества. Россия между хаосом и логосом*. М.: Академический проект, Гаудеамус, Серия «Технологии социологии» ; www.imaginaire.ru/content/dugin-ag-sociologiya-russkogo-obshchestva-chast-1.
- Дугин Александр, 2014, *Международные отношения. Парадигмы, теории, социология*. М.: Академический проект.
- Дугин Александр, 2015, *Четвертый путь. Введение в четвертую политическую теорию*, 2-е Изд. М.: Академический проект.
- Дугин Александр, *Евразийский триумф. Послесловие*, Викичтение, <https://history.wikireading.ru/153917>.
- Дука А., 2017, «Монархический соблазн российской элиты», *Власть и элиты*, С. 256–337. Спб.: Интерсоцис.

- Дунаевская Ольга, 2020, «Когда часы остановились», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 10–35. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Ермаченко И., 2003, «От “Врага на востоке” до “врага на западе”. Китайские стратагемы русского постмодерна: исторический контекст», *Неприкосновенный Запас*, № 3, С. 48–54.
- Ерусалимский Константин, 2020, «Зачем нужны памятники Ивану Грозному?», *Историческая Экспертиза*, № 1(22), С. 48–73.
- Журбин А., 2020, «Только один разговор», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 182–185. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Журженко Татьяна, 2011, «Геополитика памяти: переоценка итогов Второй Мировой Войны и борьба за гегемонию в балтийско-черноморском регионе», *Перекрестки*, № 3(4), С. 134–157.
- Зайцева А., 2012, «Кировский солдат, сбежавший из части, строил дачу майору ФСБ», *Комсомольская правда*, Июль.
- Зимин Александр, 1964, *Опричнина Ивана Грозного*. М.: Мысль.
- Зимин Александр, 1973, *Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.)*. М.: Наука.
- Злотников Роман, 2001, *Виват император!* М.: Армада.
- Иванников И., 2017, «Опричнина: причины, содержание, последствие», *Историческая и социально-образовательная мысль*, № 9/3–1.
- Илизаров Б., 2015, *Иосиф Сталин. В личинах и масках человека, вождя, ученого*. М.: АСТ.
- Ильин Иван, 2011, *Национальная Россия: наши задачи*. М.: Эксмо.
- Ильин Иван, 2017, *Сильная власть. Русская идея*. М.: Эксмо.
- Калашников Максим, 2011-а, «Опричнина — диктатура развития», *Новая опричнина, или модернизация по-русски*, под ред. М. Калашникова, В. Аверьянова и А. Фурсова, С. 227–256. М.: Фолио.
- Калашников Максим, 2011-б, «Инновационная опричнина Лаврентия Берии», *Новая опричнина, или модернизация по-русски*, под ред. М. Калашникова, В. Аверьянова и А. Фурсова, С. 199–226. М.: Фолио.

- Калашников Максим, 2011-б, «У последней черты? На пороге новых 30-х...», *Новая опричнина, или модернизация по-русски*, под ред. М. Калашникова, В. Аверьянова и А. Фурсова, С. 19-48. М.: Фолио.
- Калашников Максим, Виталий Аверьянов & Андрей Фурсов, 2011, *Новая опричнина, или модернизация по-русски* (под ред.). М.: Фолио.
- Калинин Илья, 2010, «Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт», *Неприкосновенный Запас*, № 6, С. 74.
- Каравашкин Андрей & Андрей Юрганов, 2003, «Опричнина и страшный суд», *Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности*, С. 68–115. М.: РГГУ.
- Каравашкин Андрей, 2000, *Русская средневековая публицистика. Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский*. М.: Прометей.
- Карамзин Николай, 1821, *История государства российского*, Т. IX, Спб.: Типография Греча.
- Каштанов Сергей & Людмила Столярова, 2020, *Иван Грозный и его время. Учебное Пособие*. М.: Директ-Медиа.
- Кестлер Артур, 1989, *Слепящая тьма*, М: ДЭМ [в англ.: Arthur Koestler, 1941, *Darkness At Noon*, New York: Random House].
- Клейн Лев, 2010, *Перевернутый мир*. Донецк: донецкий национальный университет, [1ое Изд.: Самойлов Лев, «Путешествие в перевернутый мир», *Нева*, 1989, № 4].
- Кловер Чарльз, 2017, *Черный ветер, белый снег. Новый расцвет национальной идеи*, пер. с англ. Л. Сумм. М.: Фантом Пресс.
- Ключевский Василий, 1988, *Курс русской истории. Сочинения в девяти томах*, под ред. В. Л. Янина, часть II, т. 2. М.: Мысль.
- Кнорре Борис & Александра Засядко, 2021, «Православный антиэкumenизм 2.0: мобилизационная модель, секьюритизация и реваншизм», *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, т. 39, Вып. 2, С. 277–317.
- Кнорре Борис, 2006, «Опричный мистицизм в религиозных практиках “царебожничества”», *Религиозные практики в современной России*, под ред. К. Русселе и А. Агаджанян, С. 384–397. М.: Новое Издательство.

- Кнорре Борис, 2011, «Движение за канонизацию Ивана Грозного и православно-монархический цезаризм», *Религия и русское разнообразие*, под ред. С. Филатова, С. 503–528. М.; Спб.: Летний Сад.
- Кобрин Владимир & Андрей Юрганов, 1991, «Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси. К постановке проблемы», *История СССР*, № 4, С. 54–64.
- Кобрин Владимир, 1989, *Иван Грозный*, М.: Московский Рабочий.
- Кобяков Андрей, Владимир Хомяков, Егор Холмогоров, Александр Елисеев, Игорь Бощенко, Сергей Алферов & др., 2011, «Дискуссия вокруг опричной идеи. горькое лекарство», *Новая опричина, или модернизация по-русски*, под ред. М. Калашникова, В. Аверьянова и А. Фурсова, С. 260–280. М.: Фолио.
- Кожевникова Галина, 2005, «Неоимперия АПН», *Пути несвободы*, С. 81–96. М.: Центр «Сова».
- Кононенко Максим, 2008, *День отличника. Утопия*. М.: Фолио.
- Копосов Николай, 2011, *Память строгого режима. История и политика в России*. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Коробьин Г., 2003, «Трактовка личности Иоанна Грозного в книге “Самодержавие духа”», *Искушения наших дней. В защиту церковного единства*, Ред.-Сост. А. Добросоцких, С. 216–234. М.: Даниловский Благовестник.
- Короленко П. & А. Голубева, 2006, «Майя Кучерская. Современный патерик», *Критическая масса*, № 1.
- Косалс Л., 2006, «Клановый капитализм в России», *Неприкосновенный Запас*, № 6 (50), С. 120–145.
- Костомаров Николай, 1905, «Личность царя Ивана Васильевича Грозного», *Собрание сочинений Н. И. Костомарова*, Т. 14–16: *Исторические монографии и исследования*, С. 395–448. Спб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым.
- Костырко Сергей & Ирина Роднянская, 1993, «Сор из избы. Вокруг Романа Владимира Шарова “до и во время”», *Новый Мир*, № 5, С. 186–189.
- Краснов Петр, 1922, *За Чертополохом*, Берлин: Издательство Ольга Дьякова И К°.

- Краснов Петр, 2000, *Сочинения*, 2 Т. М.: Интелвак.
- Краснов Петр, 2002, *За Чертополохом. Роман-фэнтези*. М.: Фавор-XXI [переиздание: изд. по требованию, 2011; М.: Директ-Media, 2014].
- Краснов Петр, 2012, *Собрание сочинений*, 10 т. М.: Книжный клуб «Книговек».
- Кремлев С., 2018, *Иван Грозный. Царь, отвергнутый царизмом*. М.: Эксмо; Яуза.
- Кром Михаил, 2004, «"Зрячий Миф", или парадоксы исторической феноменологии», *Новое Литературное Обозрение*, № 4(68), С. 309–319.
- Кром Михаил, 2010, «Вдовствующее Царство», *Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века*. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Кром Михаил, 2018, *Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков*. М.: Новое Литературное Обозрение.
- «Круглый Стол "Россия и запад"», 1992, *Вопросы философии*, № 6, С. 3–49.
- Кургинян Сергей, 2009, *Исав И Иаков. Судьба развития в России и мире*. М.: Экспериментальный творческий центр.
- Курукин Игорь & Андрей Булычев, 2010, *Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного*. М.: Молодая гвардия, серия «Живая история. Повседневная жизнь человечества».
- Кучерская Майя, 2004, *Современный патерик. Чтение для впавших в уныние*. СПб.: Библиополис.
- Лагунов А., 2018, «Четвертая российская "опричнина". Мировоззренческое противостояние», *Вестник северного арктического федерального университета*, № 5, С. 150–158.
- Левинсон А., 1996, *Массовые представления об «исторических личностях»*. *Одиссей*. М.: Наука.
- Левченко Олег, 2004, «Торговля людьми и легализация преступных доходов», *Научно-практическое пособие, Российская юстиция*, № 6, С. 28–29.
- Ленин Владимир, 1969, *Империализм, как высшая стадия капитализма, Полное собрание сочинений*, Т. 27. М.: Издательство Политической Литературы.

- Леонтьев Константин, 1992, *Записки отшельника* (1876). М.: Русская Книга.
- Липовецкий Марк, 2008-а, «"Каждый мой новый роман дополняет предыдущие". Беседа Марка Липовецкого с Владимиром Шаровым», *Неприкосновенный Запас*, № 3/59; <https://magazines.gorky.media/nz/2008/3/kazhdyj-moj-novuyj-roman-dopolnyaet-predydushhie.html>
- Липовецкий Марк, 2008-б, *Паралогии: трансформация (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов*. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Липовецкий Марк, 2020, «Теология террора. Исторический метасюжет в романах Шарова», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 310–348. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Липовецкий Марк & Анастасия де ля Фортель (под ред.), 2020, *Владимир Шаров: по ту сторону истории*. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Лихачев Вячеслав, 2003, «Антисемитизм в Российской Федерации», об Авг., Вячеслав Лихачев ; <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/antisemitism/antisemitism-trends/2003/08/d772/>
- Лоскутова Елена, 2008, *Юная политика. История молодежных политических организаций современной России*. М.: Центр «Панорама».
- Манягин Вячеслав, 2002, *Апология Грозного царя. Критический обзор литературы о царе Иоанне Васильевиче Грозном и царе Борисе*. М.: Русский Вестник.
- Манягин Вячеслав, 2006, *Правда Грозного царя*. М.: Эксмо.
- Медведев С., 2017, *Парк крымского периода. Хроники третьего срока*. М.: Bookmate.
- Мединский Владимир, 2011, *Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв.*, докторская диссертация, рос. гос. социал. Ун-т., М.
- Министерство Культуры Российской Федерации, 2018, *Комментарий главы минкультуры России Владимира Мединского в связи с отзывом прокатного удостоверения на фильм «Смерть сталина», 24 Янв.* https://culture.gov.ru/press/news/kommentariy_glavy_minkultury_rossii_vladimira_medinskogo_v_svyazi_s_otzyvom_prokatnogo_udostovereniya/.

- Мирзоев Владимир, 2020, «Все мы умираем детьми. Памяти Владимира Шарова», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 80–96. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Миронов Борис, 2003, *Социальная история России периода империи XVIII — начала XX вв.* Спб.: Дмитрий Буланин, т. 1–2.
- Митрохин Николай, 2003, *Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы.* М.: Новое Литературное Обозрение.
- Митрохин Николай, 2004, *Русская православная церковь. Современное состояние и актуальные проблемы.* М.: Новое Литературное Обозрение.
- Митрохин Николай, 2020, «Советская интеллигенция в поисках чуда. Религиозность и паранаука в СССР в 1953–1985 годах», *Новое литературное обозрение*, № 3, С. 163.
- Михайлова И., 2015, «“Долой ненастоящего царя!” Кампания против кинофильма П. С. Лунгина в Печати и Интернете», *Новейшая история России*, № 2 (13), С. 192–204.
- Михалков Никита, 2017, *Право и правда. Манифест просвещенного консерватизма.* М.: Эксмо.
- Надточий Эдуард, 2020, «Нарком небесных путей сообщения», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 533–549. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Назаров Владислав, 2014, «Опричнина», *Большая Российская Энциклопедия*, Т. 24, С. 267. М.: Большая Российская Энциклопедия.
- Никонов Вячеслав, 2017, *Молотов. Наше дело правое.* М.: Молодая Гвардия.
- Отчет о деятельности Российской Академии Наук*, 2001. М.: Наука.
- Панарин Александр, 1996, *Философия политики.* М.: Новая Школа.
- Пелевин Виктор, 2005, *Священная книга оборотня.* М.: Эксмо.
- Платонов Андрей, 2011, *Поэзия рабочих и крестьян. Собрание сочинений*, Т. 8, С. 16. М.: Время.
- Платонов Андрей, 2016, *Красный Платонов.* М.: Common Place.

- Платонов Сергей, 1923, *Иван Грозный*. Петроград: Издательство Брокгауз-Ефрон, Серия «Образы человечества».
- Платт Кевин М. Ф., 2019, «Дом на набережной» Ю. В. Трифонова и позднесоветская память о сталинском политическом насилии: дезавуирование и социальная дисциплина», *Новое Литературное Обозрение*, № 155/1, С. 229–245.
- Погодин М., 2010, *За русскую старину, избранные труды*. М.: РОССПЭН.
- Погорелая Е., 2012, «Marche funèbre на окраине Китая: Владимир Сорокин», *Вопросы Литературы*, № 1, С. 54–71.
- Портнов А., 2010, *Упражнения с историей по-украински*. М.: ОГИ, Polit. Ru, Мемориал.
- Проект Россия*, 2006, М.: Эксмо. www.e-reading.club/bookreader.php/1022840/Shalyganov_-_Proekt_Rossiia._Polnoe_sobranie.html.
- Проханов Александр, 2007, *Симфония «Пятой империи»*. М.: Эксмо.
- Прудникова Е., 2005, *Иосиф Джугашвили. Самый человечный человек. Сосо из гори*. М.: Язуа.
- Рамазашвили Г., 2004, «Центральный архив министерства обороны Российской Федерации: Проблемы доступа к документам», *Отечественные Архивы*, № 2, С. 70–75.
- Рвачева О., 2020, «Возродить память о Казаках: политика памяти и коммеморативные практики казачьего возрождения на юге России», *Политика памяти в современной России и странах восточной Европы: акторы, институты, нарративы*, под ред. А. Миллер и Д. Ефременко, С. 304–321. СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге.
- Роднянская Ирина, 2004, «Книжная полка Ирины Роднянской», *Новый Мир*, № 8.
- Русская Доктрина. Государственная идеология эпохи Путина*, 2016, под ред. А. Кобякова и В. Аверьянова, М.: Институт Русской Цивилизации.
- Рыбаков Вячеслав & Игорь Алимов, 2003, *Дело жадного Варвара*. СПб.: Азбука-Классика.
- Рыбаков Вячеслав & Игорь Алимов, 2011, *Дело лис-оборотней*. СПб.: Азбука-Классика.

- Сендеров В., 2009, «"Проект Россия" и российское общество», *Знамя*, № 12, С. 168–176.
- Сенников Б., 2004, *Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг.* М.: Посев.
- Скрынников Руслан, 1975, *Иван Грозный*. М.: Наука.
- Скрынников Руслан, 1992, *Царство Тррора*. Спб.: Наука.
- Слезкин Ю., 2019, *Дом правительства. Сага о русской революции*. М.: АСТ; Corpus.
- Снычев Иван (Митрополит Иоанн), 2014, «*Быть русским!*» *Социальное служение русской православной Церкви*, мультимедийное учебное пособие, И. Астэр. Спб.: Спбгипср.
- Снычев Иван (Митрополит Иоанн), 2017, *Самодержавие духа. Очерки русского самосознания*. М.: Институт Русской цивилизации «Родная Страна».
- Солженицын Александр, 1989, *Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования*. М.: Советский Писатель; Новый Мир.
- Сорокин Владимир, 2006, *День опричника*. М.: Захаров.
- Сорокин Владимир, 2008, *Сахарный Кремль*. М.: Астрель.
- Сорокин Владимир, 2021, «Опричина от Ивана Грозного до Владимира Путина», *Дилетант*, № 1, С. 58–62.
- Сталин Иосиф, 1947, *О политической стратегии и тактике русских коммунистов. набросок плана брошюры, сочинения*, Т. 5, М.: ОГИЗ.
- Сталин Иосиф, 2006, *Сочинения*, Т. 18. Тверь: информационно-издательский центр «Союз», С. 433–440.
- Страда В., 1993, «Западники и славянофилы в обратной перспективе», *Вопросы философии*, № 7, С. 65.
- Тихон (Шевкунов) Архимандрит, 2011, «*Несвятые святые*» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского Монастыря, «ОЛМА Медиа Групп».
- Тойменцев С., 2020, «Авторитаризм с человеческим лицом: советские герои в постсоветском байопике», *Новое Литературное Обозрение*, № 5(165), С. 129–147.

- Толстая Татьяна, 2000, *Кысь*. М.: Подкова; Иностранка [в англ. пер.: Tatyana Tolstaya, *The Slynx: A Novel*, Trans. Jamey Gambrell, Boston, MA; New York: Houghton Mifflin Company, 2003].
- Толстой Алексей, 1972, *Родина (1941), собрание сочинений*, под ред. В. П. Щербия, Т. 6. М.: Правда.
- Трефилова А., 2012, «Тень опричника. Владимир Сорокин как писатель и как предсказатель», *Дилетант*, № 1, <https://history.wikireading.ru/215325>.
- Трубецкой Николай, 1921, «Верхи и низы русской культуры (этническая основа русской культуры)», *Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*, под ред. П. Савицкого, С. 86–103. София: Балкан.
- Трубецкой Николай, 1921, «Об истинном и ложном национализме», *Исход к востоку. предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*, под ред. П. Савицкого, С. 71–85. София: Балкан.
- Трубецкой Николай, 1921, «Предисловие», *Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*, под ред. П. Савицкого. София: Балкан, С. III–VII.
- Трубецкой Николай, 1921, *Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев*, под ред. П. Савицкого. София: Балкан.
- Тучков Владимир, 1999, «Степной барин», *Русская книга людей*, Сборник. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Тюрюканова Е., 2006, *Торговля людьми в Российской Федерации. Обзор и анализ текущей ситуации по проблеме*. М.: ЮНИСЕФ, МОТ, КАМР; www.un.org/ru/rights/trafficking/human_trafficking_russia.pdf.
- Уолш Гарри, 2020, «Микрокосмография русских и культурных мифов», пер. с англ. И. Урупина и М. Жуковой, *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 646. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Успенский Борис, 1998, *Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская Модель и ее русское переосмысление*. М.: Языки русской культуры.
- Успенский Борис, 2000, *Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов*. М.: Языки Русской Культуры.

- Успенский Борис & Виктор Живов, 1996, «Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России», *Б. Успенский, избранные труды*, Т. 1, С. 205–337. М.: Языки Русской Культуры.
- Утц Ричард, 2018, «Дивные новые медиевализмы?», пер. с англ. А. Степанова, *Неприкосновенный Запас*, № 1(117), С. 164–172.
- Федеральный Закон «О внесении изменений в уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации», от 18.07.2019 N 179-ФЗ (Последняя Редакция).
- Федоров Николай, 1982, *Записка от неученых к ученым русским, ученым светским, начатая под впечатлением войны с Исламом, уже веденной (в 1877–1878 гг.), и с Западом — ожидаемой, и оканчиваемая юбилеем преп. Сергия. Сочинения*, Т. 85, С. 95–193. М.: Мысль, Серия «Философское наследие».
- Филиппов Александр, 2007, *Новейшая история России. 1945–2006 гг. Книга для учителя*. М.: Просвещение.
- Флоря Борис, 2009, *Иван Грозный*, Т. 766. М.: Молодая Гвардия, Серия «Жизнь замечательных людей».
- Фортель Анастасия де ля, 2020, «Ход коня», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 498–500. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Фроянов Игорь, 2002, *Россия: погружение в бездну*. М.: Эксмо.
- Фроянов Игорь, 2007, *Драма русской истории. На путях к опричнине*. М.: Парад.
- Фроянов Игорь, 2009-а, «А царь-то ненастоящий», *Литературная газета*, 3 июня.
- Фроянов Игорь, 2009-б, *Грозная опричнина*. М.: Алгоритм.
- Фуко Мишель, 2004, *Археология знания*, пер. с фр. М. Раковой, А. Серебрянниковой, вступ. ст. А. Колесникова. Спб.: «Гуманитарная Академия», Серия «Ars Pura. Французская коллекция».
- Фурсов Андрей, 2011, «Опричнина в русской истории — воспоминание о будущем, или кто создаст IV рим?», *Новая опричнина, или модернизация по-русски*, под ред. М. Калашникова, В. Аверьянова и А. Фурсова, С. 49–138. М.: Фолио.

- Хапаева Дина, 2002, *Время космополитизма. Очерки интеллектуальной истории*. Спб.: Звезда.
- Хапаева Дина, 2006, «Готическое общество», *Критическая масса*, № 1, С. 39–52.
- Хапаева Дина, 2007, *Готическое общество: морфология кошмара*. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Хапаева Дина, 2017, «Рабские мечты об имперском величии», *Новое Литературное Обозрение*, № 144, С. 115–135.
- Хапаева Дина, 2020, *Занимательная смерть: развлечения эпохи антигуманизма*, пер. с англ. Д. Ускова и Л. Житковой. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Хомяков Алексей, 1900, *О старом и новом, Полное собрание сочинений*, Т. 8. М.: Университетская Типография.
- Чернышова Т., 2018, «Понятие альтернативы в современной русской прозе (на примере романов Евгения Водолазкина “Авиатор”, “Лавр”, Гузели Яхиной “Зулейха открывает глаза”)», *Вестник самарского университета: история, педагогика, филология*, № 24/4, С. 139–43.
- Чубайс Игорь, 2004, *Отечествоведение, учебник для старших классов*. М.: Захаров.
- Чудакова М., 2005, «В защиту двойных стандартов», *Новое Литературное Обозрение*, № 4, С. 203–261.
- Шаламов Варлам, 1992, *Колымские рассказы*. М.: Советская Россия.
- Шапошник Вячеслав, 2006-а, *Иван Грозный. Первый русский царь*. Спб.: Vita Nova.
- Шапошник Вячеслав, 2006-б, *Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века*. Спб.: Санкт-Петербургский университет.
- Шаров Владимир, 1984, *Проблема социальной и политической истории России второй половины 16 — нач. 17 в. в трудах С. Ф. Платонова*, кандидатская диссертация. Воронеж: Воронежский государственный университет.
- Шаров Владимир, 1993, «До и во время», *Новый Мир*, № 3, С. 6–76, № 4, С. 11–77.

- Шаров Владимир, 2004, «Опричнина Ивана Грозного: что это такое?», *Археографический ежегодник за 2003 год*. М.: Наука, С. 116–130 [1-е издание: Шаров, 1991, «Опричнина Ивана Грозного: что это такое?», *Родина*, № 1, С. 23–27].
- Шаров Владимир, 2005, *До и во время*. М.; Спб.: АСТ; Астрель-Спб.
- Шаров Владимир, 2008, «Будьте как дети», *Знамя*, № 1. С. 5–96, № 2, С. 44–132.
- Шаров Владимир, 2009-а, «Памяти Пролетарской силы», *Знамя*, № 8, С. 163.
- Шаров Владимир, 2009-б, *Искушение революцией. Русская верховная власть*. М.: Arsisbooks.
- Шаров Владимир, 2013, «На чем стоим», *Неприкосновенный Запас*, № 2.
- Шаров Владимир, 2018-а, «Когда шер в форме», *Перекрестное опыление (время, место, люди)*. Сборник Эссе, С. 11. М.: Arsisbooks.
- Шаров Владимир, 2018-б, «Я прожил жизнь...», *Перекрестное опыление (время, место, люди)*. Сборник Эссе, С. 246. М.: Arsisbooks.
- Шаров Владимир, 2018-в, *Царство Агамемнона*. М.: АСТ.
- Шаров Владимир, 2018-г, *Перекрестное опыление (время, место, люди)*. Сборник Эссе. М.: Arsisbooks.
- Шаров Владимир, 2019, *Воскрешение Лазаря*. М.: Arsisbooks.
- Шишкин Михаил, 2020, «Бегун и корабль», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 36–79. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Шляпентох Владимир, 2008, *Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс*. М.: Столица-Принт.
- Шмид Ульрих, 2020, «Жизненная аскеза и стилистическое изобилие: «Лавр» Евгения Водолазкина», *Изобилие и аскеза в русской литературе. Столкновения, переходы, совпадения*, под ред. Й. Херльт, К. Цендер, С. 353–367. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Шмидт Сигурд, 1999, *Россия Ивана Грозного*. М.: Мысль.
- Шнирельман В., 2009, «Антихрист, Катехон и русская революция», *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, № 1-2, С. 488–515.

- Шокарев С., 2017, «Прение о царе Иване в Историческом музее», *Национальная память*, № 2, С. 68–74.
- Эмерсон Кэрил, 2020, «К вопросу о Шарове и Льве Толстом», пер. с англ. И. Урупина, *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 220–256. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Эмис Мартин, 2011, *Стрела времени, или природа преступления*, пер. с англ. А. Асланян. М.: АСТ, Corpus, Серия «Roman».
- Эпштейн Михаил, 2020, «Сатаноидицея. Религиозный смысл русской истории по Владимиру Шарову», *Владимир Шаров: по ту сторону истории*, под ред. М. Липовецкого & А. де ля Фортель, С. 257–285. М.: Новое Литературное Обозрение.
- Юрганов Андрей, 1991, «У истоков деспотизма», *История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в.*, С. 34–75. М.: Издательство Политической Литературы.
- Юрганов Андрей, 1998, *Категории средневековой культуры*. М.: Мирос.
- Юрьев Михаил, 2005, «Крепость Россия», *Крепость Россия. Прощание с либерализмом*, под ред. М. Леонтьева, М. Юрьева, М. Хазина, А. Уткина. М.: Эксмо.
- Юрьев Михаил, 2007, *Третья Империя. Россия, которая должна быть*. Спб.: Лимбус-Пресс.
- Ямпольский Михаил, 2018, *Парк культуры. Культура и насилие в Москве сегодня*. М.: Новое Издательство.
- Яшина Марина, 2017, «Патриарх и царь. Этапы возникновения двух ветвей власти», *Вестник южно-уральского государственного университета*, т. 17, Вып. 2, С. 65–68, Серия: социально-гуманитарные науки.

Газеты, интервью, интернет-сайты

- АПН [Агентство политических новостей], 2005, «Проект “Государство-цивилизация”», Михаил Ремизов, 9 фев.
- АПН [Агентство политических новостей], 2006, «Новейшее Средневековье. Религиозная политика России в контексте глобальной трансформации», Станислав Белковский, Роман Карев, Виктор

- Милитарев, Алексей Позин, Михаил Ремизов, Юрий Солозобов & Егор Холмогоров, 20 апр.; <https://www.apn.ru/index.php?newsid=9877>.
- Аргументы и факты*, 2010, «Феодалное сознание в России не изжито, власть нынешняя этим активно пользуется», Владимир Сорокин, 11 авг.; <https://aif.ru/culture/person/19836>.
- Аргументы и факты*, 2015, «Уроки» рабского труда. Сколько в России стоит невольник?», Е. Барова, 2 дек.; https://aif.ru/society/people/uroki_rabskogo_truda_skolko_v_rossii_stoit_nevolnik
- Аргументы и факты*, 2016, «Жириновский призвал переименовать Ленинский проспект в шоссе Ивана Грозного», А. Савин, 2 ноя. ; https://aif.ru/politics/russia/zhirinovskiy_predlozhil_nazvat_leninskiy_prospekt_v_chest_ivana_groznogo
- BeZформата*, 2019, «Европа войдет в Российскую Империю. Или достанется Халифату», Михаил Юрьев.
- Бизнес Online*, 2017-а, «Новая Ялта неизбежна», 23 янв.
- Бизнес Online*, 2017-б, «Иван Грозный, как и Сталин, — один из самых оболганных правителей России», Андрей Фурсов, 23 июля ; www.business-gazeta.ru/article/352328
- Бизнес Online*, 2019-а, «Скончался бывший вице-спикер Госдумы, один из спонсоров «Проекта Россия» Михаил Юрьев», 16 фев. ; <https://m.business-gazeta.ru/news/413661>.
- Бизнес Online*, 2019-б, «Фигура Ивана Грозного для многих народов — зловещий символ геноцида», 28 дек. ; <https://www.business-gazeta.ru/article/452098>
- Бизнес Online*, 2022, «То, что не удалось сделать Гитлеру, сегодня пытаются реализовать англосаксы», Андрей Фурсов, 28 апр. ; <https://www.business-gazeta.ru/article/548415>.
- Ведомости*, 2014, «Украинские события давно описаны в любимой книге Кремля», Снеговая, 2 мар. ; <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2014/03/02/stroiteli-tretej-imperii>
- Ведомости*, 2017, «Тихон Шевкунов отверг обвинения в оправдании Ивана Грозного», 13 дек. ; <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/12/13/745139-tihon-shevkunov>.
- Ведомости*, 2018, «Новая сословная Россия», П. Аптекарь, 26 июня.

- Взгляд*, 2012, «Сейчас рождается Пятая империя», Александр Проханов, 23 авг.
- Взгляд*, 2022, «Что делать дальше с Украиной и Новороссией», Егор Холмогоров, 24 фев. ; <https://vz.ru/opinions/2022/2/24/1145502.html>
- ВикиЧтение*, б.д., «Евразийский триумф. Послесловие», Александр Дугин ; <https://history.wikireading.ru/153917>
- Главная тема*, 2005, «Тезисы русской доктрины», № 8 ; www.rusdoctrina.ru/page95509.html
- Гласность*, 1991, «Записка секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова И. В. Сталину о пьесе А. Н. Толстого “Иван Грозный”» от 28 апреля 1942 г., 28 ноября — 4 декабря, № 48 (77) ; <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/191389-zapiska-sekretarya-tsk-vkp-b-a-s-scherbakova-i-v-stalinu-o-piese-a-n-tolstogo-ivan-groznyy-28-aprelya-1942-g>
- Голос Америки*, 2015, «Ходорковский: Запад должен думать о будущем России», А. Панов, 18 июня.
- Демократия.ru*, 2018, «Ленин как идеолог терроризма», Александр Фирсов, 22 апр. ; www.democracy.ru/article.php?id=4432.
- Демократор*, 2013, «Рабский труд в Туле и Тульской области», фев.
- Диапазон*, 2011, «Почему нам нужен царь?», Никита Михалков, 29 ноя. «Доктрина-77 Ивана Охлобыстина», *Иван Охлобыстин*, Полный текст +Видео», «Иные» — подзаголовок печатного варианта речи Охлобыстина.
- Дружба народов*, 2004, «Я не чувствую себя ни учителем, ни пророком». Интервью с Владимиром Шаровым, Н. Игрунова, № 8 ; <https://magazines.gorky.media/druzhba/2004/8/ya-ne-chuvstvuyu-sebya-ni-uchitelem-ni-prorokom.html>
- Евразийский союз молодежи*, 2005, «Метафизика опричнины ; русский орден», Александр Дугин, 2 мар. ; http://rossiaz.ru/ideolog/nashi/russ_order
- Евразия*, 2012, «Владимир Путин: Евразийство — традиция нашей политической мысли» ; <http://eurasia.com.ru/putin2012.html>.
- Евразия*, 2014, «Средний класс: идеология, семантика, экзистенция», Александр Дугин, 29 мая.

- Евразия*, 2015, «Время возвращать наши святыни: принципы и стратегия грядущей войны», Александр Дугин, 15 дек.
- Единая Россия*, 2012, «Путин встретился с активом партии “Единая Россия”», 25 апр. ; <https://er.ru/news/82334/>
- Завтра*, 2000, «Заря в сапогах. Идеальная спецслужба», Александр Дугин, 27 мар.
- Завтра*, 2009, «Царь Петр», А. Белокурова & Б. Белокуров, № 817/29.
- Завтра*, 2016, «Царь Иоанн Васильевич Грозный», Леонид Симонович-Никшич, 18 окт.
- Завтра*, 2018-а, «Тезисы об Антихристе», Александр Дугин, 27 мар. ; https://zavtra.ru/blogs/tezisi_ob_antihriste
- Завтра*, 2018-б, «Вы слышите, грохочут сапоги», Александр Проханов 22 окт. ; https://zavtra.ru/blogs/vi_slishite_grohochut_sapogi
- Завтра*, 2019, «Очищение: Россия начинает борьбу с помойками», Александр Проханов, 25 фев.
- Завтра*, 2022-а, От “спецоперации” к “войне народной”», Александр Проханов, 19 мая.
- Завтра*, 2022-б, «Интегральный суверенитет», Александр Дугин, 4 июля ; https://zavtra.ru/blogs/integral_nij_suverenitet.
- Зеркало*, 2023, «Пригожин сообщил о возвращении из Украины первой группы заключенных, завербованных ЧВК Вагнера: Получили ордена и медали», 5 янв. ; <https://news.zerkalo.io/world/29710.html>
- Знамя*, 2008, Будьте как дети, Шаров В., № ½.
- Изборский клуб*, 2009, «Похвала русскому боярству», Егор Холмогоров, 17 сен.
- Изборский клуб*, 2010, «Субъект новой опричнины», Александр Елисеев, 19 фев.
- Изборский клуб*, 2011, «Доктрина, православие и мир», Иван Охлобыстин, 13 сен.
- Изборский клуб*, 2014-а, «Путин и евразийская идеология», Валерий Коровин, 26 мар.
- Изборский клуб*, 2014-б, «Бессистемность как метод», Александр Дугин, 20 сен.

- Изборский клуб*, 2016-а, «К новым катакомбам», Александр Дугин, 14 янв. ; <https://izborsk-club.ru/8190>.
- Изборский клуб*, 2016-б, «День рождения Ивана Грозного», Александр Дугин, 26 авг.
- Изборский клуб*, 2016-в, «Царские почести», Александр Проханов, 21 окт.
- Изборский клуб*, 2017, «Я глубоко пересмотрел свой взгляд на Сталина, Максим Шевченко», 2 окт.
- Изборский клуб*, 2018-а, «Антихрист уже здесь», Александр Дугин, 28 мар. ; <https://izborsk-club.ru/14986>.
- Изборский клуб*, 2018-б, «Гражданское общество. Русская модель. Доклад Михаила Кривоносова и Вячеслава Манягина Изборскому клубу», Вячеслав Манягин & Михаил Кривоносов, 10 авг.
- Изборский клуб*, 2019-а, «Экзистенциальное Средневековье и проблема отчуждения в оптике Четвертой Политической Теории», Александр Дугин, 1 фев.
- Изборский клуб*, 2019-б, «Нужно возвращать государственную идеологию», Иван Охлобыстин, 19 фев.
- Изборский клуб*, 2019-в, «Новое средневековье — своё или чужое?», Валерий Коровин, 29 апр.
- Изборский клуб*, 2019-г, «Вернуть народу мечту», Александр Проханов, 2 окт.
- Изборский клуб*, 2019-д, «“Золотой век” Екатерины, или Проблемы догоняющей модернизации», М. Хазин, 31 окт.
- Изборский клуб*, 2019-е, «Танк “Иван Грозный”», Александр Проханов, 12 дек. ; <https://izborsk-club.ru/18363>.
- Изборский клуб*, 2022, «Украина — лишь повод для Великого События», Виталий Аверьянов, 4 апр. ; <https://izborsk-club.ru/22582>.
- Известия*, 2006, «Писатель Владимир Сорокин: Россия — очень богатое поле для альтернативной истории», 24 авг.
- Известия*, 2009, «Иван Грозный имени Тараса Бульбы», Е. Ямпольская, 22 июня.

- Известия*, 2014, «Минкультуры изложило “Основы государственной культурной политики”», *Известия* публикуют полный текст документа, направленного в администрацию президента, 10 апр.
- Известия*, 2016, «В Москве начались съемки исторического блокбастера “Коловрат”», 29 янв.
- Известия*, 2020, «Путин назвал справедливым ряд претензий к Сталину», 18 июня.
- Инопресса*, 2008, «Русские коммунисты: Объявить Сталина святым», 21 июля ; www.inopressa.ru/article/21jul2008/repubblica/communist.html
- Инопресса*, 2015, «Путинская “Крепость Россия” испытывает давление», Л. Бершидский, 5 ноя.
- Инопресса, Business Week*, 2011, «Отцы, дети и российские игрища в борьбе за власть», Г. Мейер & И. Архипов, 20 мая ; www.inopressa.ru/article/20may2011/businessweek/russia.html
- ИноСМИ*, 2015, «Помутнение умов в России — временная болезнь. Интервью Ирине Завише», Владимир Сорокин, 2 июля.
- ИноСМИ*, 2017, «Я не сторонник резких суждений о прошлом», Владимир Мединский, 8 ноя.
- Интерфакс*, 2010, «А будет ли Сталин?», 23 мар. ; www.interfax.ru/russia/129101.
- Интерфакс*, 2017-а, «Памятник Ивану Грозному собрались установить в подмосковной Рузе», 16 фев.
- Интерфакс*, 2017-б, «Патриарх Кирилл призвал раскручивать героический образ Александра Невского в соцсетях», 14 мар.
- Интерфакс*, 2017-в, «Фильм “Легенда о Коловрате” закуплен десятью странами», 19 мая.
- Интерфакс*, 2017-г, «Путин усомнился в победе США в случае войны с Россией», 6 июня ; www.interfax.ru/world/565575.
- Интерфакс*, 2017-д, «Патриарх Кирилл рассказал о признаках скорого конца света», 20 ноя.
- История РФ. Главный исторический портал страны*, 2020, «Иван IV в сказаниях иностранцев XVI–XVII веков: утверждение стереотипа»,

- 23 ноя, ; <https://histrf.ru/read/articles/ivan-iv-v-skazaniiakh-inostrant-siev-xvi-xvii-viekov-utvierzhdeniie-stierieotipa>
- Кавказ.реалии*, 2002, «В Украине заявили об использовании кадыровцев в качестве заградотрядов», 17 авг. ; www.kavkazr.com/a/v-ukraine-zayavili-ob-ispoljzovanii-kadyrovtssev-v-kachestve-zagradotryadov/31992920.html
- Коммерсантъ*, 2006, «Другая страна», А. Илларионов, 23 янв.
- Коммерсантъ*, 2007, «Не ждать милостей от истории», А. Колесников, 22 июня.
- Коммерсантъ*, 2014, «Дары мертвых вождей», И. Гулин, 4 мар.
- Коммерсантъ*, 2015, «Стране нужны дешевые рабочие ФСИНа», 25 мая.
- Коммерсантъ*, 2016, «Демонтировать памятник фашистскому пособнику Краснову», 23 янв.
- Коммерсантъ*, 2018-а, «Сергей Лавров предложил законодательно обеспечить защиту интересов россиян, работающих в ЧВК», 15 янв. ; www.kommersant.ru/doc/3521006
- Коммерсантъ*, 2018-б, «Есть ли в России средний класс?», А. Чепуренко, 11 дек.
- Коммерсантъ*, 2020, «Иван Грозный до Казани не доедет. В Татарстане выступили против идеи назвать трассу М-12 в честь русского царя», 6 мар.
- Коммерсантъ*, 2021, «Труду вышел срок», 13 июня.
- Компромат1*, 2017, «Рейдерский захват, монах с криминальным прошлым и покойный вор в законе: что связывает прокурора Крыма с Уралом», Ольга Филимонова, 17 мар. ; https://kompromat1.online/articles/54958-rejderckij_zahvat_monah_s_kriminalnym_proshlym_i_pochojnyj_vor_v_zakone_что_svjazyvaet_prokurora_kryma_s_uralom
- Комсомольская правда*, 2016, «Владимир Жириновский прочел стих про шоссе Ивана Грозного», Е. Шевцова, 2 ноя.
- Красная весна*, 2019, «“Путин: подняться с криком «За Родину, за Сталина!» — дорогого стоит», 10 мая ; <https://rossaprimavera.ru/news/7a1417ef>

- Красная весна*, 2020, «“Холоп” бьет рекорды — комедия заняла второе место в истории российского кино», 20 янв.
- Красноярская правда*, 2011, « В России по-прежнему применяется рабский труд », 30 июня ; <http://kras-pravda.ru/newspaper/2011/11/v-rossii-po-prezhnemu-primenjaetsja-rabskij-trud.html>
- Левада-Центр*, 2016-а, «Общества в России нет», 14 мар.; <https://www.levada.ru/2016/03/14/obshhestva-v-rossii-net/>
- Левада-Центр*, 2016-б, «Иван Грозный: знание и оценки», 1 ноя.; <https://www.levada.ru/2016/11/01/ivan-groznyj-znanie-i-otsenki/>
- Левада-Центр*, 2017, «Большой террор и репрессии», 7 сен.; <https://www.levada.ru/2017/09/07/16561/>
- Левада-Центр*, 2019-а «Динамика отношения к Сталину», 16.апр. ; <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>
- Левада-Центр*, 2019-б, «Прошлое как будущее», Л. Гудков, 17 мая ; <https://www.levada.ru/2019/05/17/proshloe-kak-budushhee/>
- Левада-Центр*, 2021-а, «Отношение к Сталину: Россия и Украина» ; www.levada.ru/2021/06/23/otnoshenie-k-stalinu-rossiya-i-ukraina/
- Левада-Центр*, 2021-б, «Сталин-центр и памятник Сталину» ; www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu/
- Левада-Центр*, 2021-в, «Почему россияне равнодушны к происходящим сегодня репрессиям?», Д. Волков, 1 ноя.; <https://www.levada.ru/2021/11/01/pochemu-rossiyane-ravnodushny-k-proishodyashhim-segodnya-repressiyam-otvechayut-sotsiolog-politolog-istorik-i-psiolog/>
- МБХ-ньюс*, 2020, «“Министерство памяти”: как с помощью “общественной” организации Владимир Мединский завладел прошлым», Т. Ускова, 27 янв.
- Медуза*, 2018-а, «В Москве на Пушкинской площади задержали Алексея Навального», 5 мая.
- Медуза*, 2018-б, «Amnesty International и Human Rights Watch пожаловались Путину на Кадырова», 28 авг.
- Медуза*, 2020, «У России три врага — печенег, половцы и коронавирус. Ух! Трепещите», 8 апр.
- Медуза*, 2022-а, «Политика умиротворения Путина аморальна», Джонатан Литтелл, 14 апр.

- Медуза*, 2022-б, «В Москве сформирован “собянинский полк”. В него набирают наемников для войны в Украине», 13 июля. <https://meduza.io/news/2022/07/13/v-moskve-sformirovan-sobyanskiy-polk-v-nego-nabirayut-naemnikov-dlya-voyny-v-ukraine>
- Медуза*, 2022-в, «Грубо говоря, мы начали войну», 31 июля.
- Медуза*, 2022-г, «Последний блеф Путина», Джонатан Литтелл, 5 окт.
- Медуза*, 2022-д, «Молодые должны понимать, куда идет Россия», 25 окт. ; <https://meduza.io/feature/2022/10/25/molodye-dolzhny-ponimat-kuda-idet-rossiya>
- Москва* 24, 2017, «Появится ли в Рузе памятник Ивану Грозному», 24 мар.
- Москва*, 2013, «Информационная война Запада против русских», Денис Мальцев, июнь.
- Московские новости*, 2002, «”Абсурд нашей жизни”. Беседа с Владимиром Шаровым», Елена Иваницкая, № 39, 8–14 окт. ; <http://www.litkarta.ru/dossier/absurd-nashei-zhizni>
- Московский комсомолец*, 2010, «Кто мы — холопы или налогоплательщики?», Н. Кречевский, 10 июня.
- Московский комсомолец*, 2017, «Станет ли Путин императором Российской Федерации?», 14 мар.
- Московский комсомолец*, 2020, «Путин — царь ненастоящий», 19 мар.
- Наша газета*, 2019, «Дмитрий Быков: Роман “Оправдание” был попыткой разобраться с имперским комплексом», Салимова З., 29 мая ; <https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/dmitriy-bykov-roman-opravdanie-byl-popytkoy-borbys-imperskim-kompleksom>
- Невское время*, 2001, «Империя наносит ответный удар. Пока — удар литературный», А. Гориченский, 25 июля ; https://orduss.pvost.org/old/pages/press_all.html
- Независимая газета*, 2007, «Скандалная история дойдет до школ», В. РАЗУБАЕВ-мл., 25 дек. ; www.ng.ru/politics/2007-12-25/1_uchebnik.html
- Независимая газета*, 2008-а, «Сталин непобедим», Виктория Кручинина 1 сен. ; https://www.ng.ru/politics/2008-09-01/3_stalin.html

Независимая газета, 2008-б, «Рациональный подход», Александр Филиппов & Александр Данилов, 17 сен. ; www.ng.ru/politics/2008-09-17/4_history.html.

Новая газета, 2004-а, «Крепость Россия», Михаил Юрьев, 15 мар.

Новая газета, 2004-б, «Операция “Внедрение” завершена!» Отдельный разговор, 30 авг. ; <https://novayagazeta.ru/articles/2004/08/30/21133-operatsiya-vnedrenie-zavershena>.

Новая газета, 2008, «Оперативная разработка учебника истории», Л. Рыбина, 8 сен.

Новая газета, 2010-а, «Экстремист за ради Христа», 4 фев.

Новая газета, 2010-б, «Путин: А как Вас зовут, извините? Шевчук: Юра Шевчук, музыкант», 31 мая.

Новая газета, 2011, «Государевы люди», Б. Вишнеvский, 25 апр.

Новая газета, 2015, «Людей берут под заказ», Иван Жилин, 18 авг.

Новая газета, 2016, «Опричное богословие», Борис Кнорре, 18 окт.

Новая газета, 2017, «Восстание “секты царебожников”, отец Сергей (в миру Николай Романов) и Поклонская. Почему они так влиятельны, хоть и раздражают РПЦ», Александр Солдатов, 15 авг.

Новая газета, 2020, «Стены все стерпят», 22 мая.

Новая газета, 2021-а, «План “Крепостные”: как устроена современная сословная Россия», Владислав Иноземцев, 5 июля ; <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/plan-krepostnye>.

Новая газета, 2021-б, «Где так вольно душит человек», Дина Хапаева, 3 сен.

Новая газета, 2021-в, «Суд победителей», 28 дек.

Новая газета, 2023, «Ложечку для “Вагнера”», Иван Жилин, 26 янв.

Новости Украины и мира, 2020, «И называть так три раза в год. Боевики решили переименовать Луганск и Донецк в Ворошиловград и Сталино», 24 апр. ; <https://nv.ua/ukraine/events/voroshilovgrad-i-stalino-boeviki-pe-reimenovuyayut-lugansk-i-do-neck-novosti-ukrainy-50084316.html>

Новые известия, 2017, «Доходный квартал Сергея Кургиняна. Приватизационная схема “борца с олигархами”». 15 мар. ; www.com-promat.ru/page_37824.htm

- Новый день*, 2009, «Спецрассылка “Проекта Россия” дошла до Госдумы. Депутатам понравилась книга», 22 мая ; <https://newdaynews.ru/moskcow/233279.html>
- Новый компаньон*, 2015, «Вы своими руками превратили “Пермь-36” из музея обратно в лагерь», Ю. Баталина, 24 мар. ; <https://www.newsok.ru/news/nk-2325388.html>
- Новый компаньон*, 2009, «Алексей Иванов: в России Иван Васильевич Профессии не меняет», О. Дерягина, 17 ноя.
- Огонек*, 1990, «Возвращаемся в человечество», В. Коротич, № 30, С. 3.
- Огонек*, 2007, «Атомное православие», Александр Солдатов, 16 сент.
- Панорама*, 2021, «Историки РВИО опровергли причастность Ивана Грозного к убийству сына и обнаружили британский след», Виталий Манн, 31 мар ; <https://panorama.pub/news/istoriki-rvio-oprovergli-pri-chastnost-ivana-groznogo-k-ubijstvu-svoego-syna-i-obnaruzhili-britanskij-sled>
- Перспективы*, 2007, «Русская Доктрина — это проект будущего», Аверьянов Виталий, 31 янв. ; www.perspektivy.info/rus/rus_civ/rus_doktrina_proekt_budushego.htm
- Полярная звезда*, 2004, «Сталину удалось сделать то, о чем мечтал Данилевский. Интервью проф. И. Я. Фроянова журналу “Полярная звезда”», янв. ; <https://infopedia.su/19x2918.html>
- Правмир*, 2011, «Доктрина-77 Ивана Охлобыстина», Иван Охлобыстин, 13 сент. ; <https://www.pravmir.ru/doktrina-77-ivana-oxlobystina-polnyj-tekst/>
- Правмир*, 2016, «Лекция Владимира Мединского в Государственном историческом музее», Владимир Мединский, 6 окт.
- Прессклуб*, 2021, «Онлайн-конференция, посвященная выставке в Новой Третьяковке», 28 июня.
- Радио Свобода*, 2006, «Век опричника», Б. Парамонов, 20 ноя.
- Радио Свобода*, 2008, «Рабский труд в современной России», 11 июня.
- Радио Свобода*, 2009-а, «Медведеву предложат опыт Гитлера и Берии», Кириленко Анастасия, 17 сен. ; <https://www.svoboda.org/a/1825074.html>

- Радио Свобода*, 2009-б, «Футуроблогера вызвали в Кремль», Анастасия Кириленко, 9 окт. ; www.svoboda.org/a/1847718.html
- Радио Свобода*, 2009-в, «Советчика Кремля проверяют на экстремизм», Анастасия Кириленко, 29 окт. ; www.svoboda.org/a/1863471.html
- Радио Свобода*, 2014, «Встать с колен и упасть в СССР», Л. Пальвелева, 24 мар.
- Радио Свобода*, 2015, «Лагерь-музей Пермь-36», 6 мар. ; www.svoboda.org/a/26885761.html
- Радио Свобода*, 2016, «Для Немцова Путин был личным оскорблением», М. Соколов, 11 окт.
- Радио Свобода*, 2017-а, «Сейчас вылетит Антихрист»: Рунет об интервью патриарха Кирилла», И. Беляев, 8 янв.
- Радио Свобода*, 2017-б, «В Москве установили памятник Ивану Грозному», 26 июня. ; www.svoboda.org/a/28639124.html
- Радио Свобода*, 2017-в, «Путин: Иван Грозный — не сыноубийца», В. Кара-Мурза, 20 июля.
- Радио Свобода*, 2018, «Ракета под ёлку. “Новогодний подарок стране” от В. В. Путина», А. Пономарева, 28 дек.
- Радио Свобода*, 2020-а, «Апокалипсис средневековья», Е. Фанайлова, 22 мар.
- Радио Свобода*, 2020-б, «От царя Бориса — к императору Владимиру», 1 июня.
- Радио Свобода*, 2021-а, «У царя должен быть дворец», 19 фев.
- Радио Свобода*, 2021-б, «Страна рабов, страна господ. Как в России наступило Новое Средневековье», 1 сен.
- Радио Свобода*, 2023, «Они возвращаются. Заключенные из “ЧВК Вагнера” выходят на волю», 30 янв. ; www.svoboda.org/a/oni-vozvrashchayutsa-zaklyuchennye-iz-cvk-wagnera-vyhodyat-na-volyu/32246049.html
- Радио Спутник*, 2023, «Депутат ГД рассказал, какой подарок получил от основателя ЧВК “Вагнер”», 20 янв. ; <https://radiosputnik.ria.ru/20230120/deputat-1846332087.html>
- Рамблер*, 2018, «Крестный ход “Царских дней” на Урале побил все рекорды», Виталий Мякий, 17 июля ; <https://ura.news/news/1052440518>.

- РБК*, 2014, «Свобода, равенство, рабство», Мирослава Крылова, 19 фев. ; <https://www.rbc.ru/magazine/2014/03/56bc7ee79a794701b81d2bdb>.
- РБК*, 2017, «Российские шахтеры подали в суд на главу ВЦИОМ за оскорбление протестующих», 25 июля.
- РБК*, 2020, «В Кремле посчитали некорректным называть нынешнее время сталинизмом», 10 июля ; www.rbc.ru/rbcfreenews/5f08447f9a794789da71e08b.
- РБК*, 2021-а, «На «Активном гражданине» подвели итоги голосования о памятнике на Лубянке», 26 фев.
- РБК*, 2021-б, «Под Нижним Новгородом заложили первый камень на стройке Сталин-центра», 8 мая.
- РБК*, 2021-в, «Эксперты оценили стоимость активов 500 «сверхбогатых» россиян», 10 июня.
- Регнум*, 2005, «Путин: Сталин — тиран, но не нацист», 6 мая.
- Регнум*, 2018, «Иван Грозный — основатель Российской империи», А. Петров, 25 авг.
- Регнум*, 2019, «Хочет ли Россия монархии? Кто надеется на нее?», 4 сен.
- Регнум*, 2021, «Дегуманизацию русских назвали частью борьбы Запада с Россией», 24 фев.
- Регнум*, 2022, «Новый поход на Русь: что связывает спецоперацию и Невскую битву», Е. Цоц, 15 июля.
- Религия и СМИ*, 2002, «Канонизация Иоанна Грозного, Григория Распутина и учение о русской теократии Александр», ШМЕЛЕВ, 6 дек.
- РИА-Новости*, 2002, «Владимир Путин: монархия в России невозможна», 19 дек.
- РИА-Новости*, 2008, «Александр Невский лидирует в финале проекта “Имя Россия”», 25 сен.
- РИА-Новости*, 2009, «“Российский консерватизм” стал официальной идеологией “Единой России”», 21 ноя.
- РИА-Новости*, 2012, «Новая национальная идея России формируется в муках», В. Лепехин, 4 сен.
- РИА-Новости*, 2016, «Информационная война — тоже война», В. Третьяков, 21 мар.

- РИА-Новости*, 2017-а, «Памятник Ивану Грозному в столице Опричнины не простоял и часа», 27 апр.
- РИА-Новости*, 2017-б, «Путин рассказал о своем отношении к Сталину», 16 июня ; <https://ria.ru/20170616/1496623625.html>.
- РИА-Новости*, 2020, «Патриарх Кирилл призвал верующих готовиться к «собственному» концу света», 21 авг.
- РИА-Новости*, 2021-а, «Писатели попросили власти Москвы вернуть памятник Дзержинскому на Лубянку», 8 фев.
- РИА-Новости*, 2021-б, «Российские заключенные заработают на квартирах», Виктория Никифорова, 23 мая ; <https://ria.ru/20210523/gulag-1733466440.html>.
- РИА-Новости*, 2021-в, «В монастыре РПЦ в Переславле начали “готовиться к концу света”», А. Буденный, 9 окт.
- РИА-Новости*, 2022, «В ЛНР открыли восстановленный мемориал “Князь Игорь”», 21 ноя. ; <https://ria.ru/20221121/memorial-1833069491.html>
- РИА-Новости*, 2023-а, «Песков не стал комментировать помилование осужденных, участвовавших в СВО», 27 янв.
- РИА-Новости*, 2023-б, «Россия ставит себе на службу частные армии», К. Стрельников, 29 мар.
- Росбалт*, 2015, «В Северной Осетии появился памятник Сталину», 10 мая.
- Российская газета*, 2007, «Число сектантов в России достигает миллиона человек», 27 ноя.
- Российская газета*, 2013, «Писатель Евгений Водолазкин нашел положительного героя лишь в Средневековье», 11 янв.
- Российская газета*, 2014-а, «Проект “Основ государственной культурной политики”», 15 мая.
- Российская газета*, 2014-б, «Владимир Шаров: Без работы распадается на части», К. Пульсон, 17 сен.
- Российская газета*, 2014-в, «Международное право становится сферой вольных интерпретаций», Валерий Зорькин, 25 сен.
- Российская газета*, 2015, «Труд на галерах. Почему попадают в рабство дальневосточные моряки», 25 июня.

- Российская газета*, 2017-а, «Не последний богатырь», 31 мая, № 118/7284 ; <https://rg.ru/2017/05/31/rg-vybrala-chetyre-luchshih-kinoproekta-o-rossijskih-supergeroiah.html>
- Российская газета*, 2017-б, «Владимир Мединский впервые отвечает критикам своей диссертации», Владимир Мединский, 4 июля.
- Российская газета*, 2018, «Водолазкин: В будущем литература будет двигаться к большей глубине», 11 янв.
- Российская газета*, 2021, «Почему Александра Невского так любят политики и кинематографисты», 6 апр.
- Русская линия*, 2009, «Игорь Фроянов: Лунгин оценивает эпоху Иоанна Грозного однобоко и односторонне», 6 ноя. ; <https://rusk.ru/st.php?idar=185760>.
- Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность*, 2007, «Русская доктрина — это не разделяющий документ, а собирающий», Виталий Аверьянов ; https://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/08/21/russkaya_doktrina_-_e_to_ne_razdelyayuwij_a_sobirayuwij_dokument
- Русь сидящая*, 2014, «Рабский труд заключенных в России», 11 сен.
- Свободная пресса*, 2011, «Сословное общество по-путински», 2 дек. ; <https://svpressa.ru/society/article/50424/>
- Сеанс*, 2018, «Краткий курс нулевых», Олег Кашин, 20 авг. <https://seance.ru/articles/kratkij-kurs-nulevux/>
- Север. Реалии*, 2021, «Здравствуй, ГУЛАГ!», Юлия Куликова, 24 янв. ; www.severreal.org/a/31270882.html
- Северинформ*, 2021, «В Вологде сняли фильм о легендах про Ивана Грозного», 24 июля.
- Сегодня*, 2000, «Тухлая зайчатина», Д. Ольшанский, 19 дек.
- ТАСС*, 2016, «Песков подтвердил присутствие командира ЧВК Вагнера на приеме в Кремле», 15 дек.
- ТАСС*, 2018, «Юристы Минкультуры просят отозвать прокатное удостоверение у фильма "Смерть Сталина"», 23 янв.
- ТАСС*, 2019, «Фильм "Холоп" возглавил российский прокат в выходные», 29 дек.
- ТАСС*, 2020-а, «Путин не согласен с теми, кто называет его царем», 18 мар.

- ТАСС, 2020-б, «Об общественных настроениях и планах после 2024 года (интервью ТАСС)», 19 мар. ; <http://kremlin.ru/events/president/news/63034>.
- ТАСС, 2020-в, «В РПЦ считают уместным изобразить первых лиц РФ и Сталина в главном храме Вооруженных сил», 24 апр.
- ТАСС, 2021-а, «Прокуратура признала незаконным снос памятника Дзержинскому на Лубянской площади в Москве», 26 апр.
- ТАСС, 2021-б, «Путин направил приветствие участникам форума “История для будущего. Александр Невский”», 8 июня.
- ТАСС, 2021-в, «Путин усомнился в версии убийства митрополита Филиппа Малютой Скуратовым в 1569 году. Как отметил президент РФ, “это только одна из версий”», 30 авг.
- ТАСС, 2021-г, «Путин назвал распад СССР трагедией», 12 дек.
- ТАСС, 2022, «Путин приказал перевести силы сдерживания армии РФ в особый режим несения службы», 27 фев.
- ТАСС, 2023, «Путин заявил, что украинские заградотряды расстреливают своих же в спину», <https://tass.ru/politika/16882117>
- Татьянин день*, 2010, «Боголюбово: симптом системного кризиса церковного сознания», Аркадий Малер, 3 ноя. ; www.taday.ru/text/712171.html
- Телеканал Царьград*, 2019, «Идея стратегического развития России: Русская мечта — 2050», 25 сент. ; https://tsargrad.tv/shows/aleksandr-prohanov-chto-takoe-russkaja-mechta_218555
- Труд*, 2016, «Лучше ли мы тех, кто жил 100 лет назад?», И. Смирнова, 24 дек.
- Украинская правда*, 2015, «В оккупированном Луганске установили памятник Сталину», 19 дек. ; www.pravda.com.ua/rus/news/2015/12/19/7093027/
- Украинская правда*, 2022-а, «Патриарх РПЦ Кирилл: молодые россияне «совершают подвиг», убивая украинцев», Д. Карловский, 3 апр. www.pravda.com.ua/rus/news/2022/04/3/7336889/
- Украинская правда*, 2022-б, «В оккупированном Крыму открыли выставку об “отдыхе Сталина на госдаче”» ; www.pravda.com.ua/rus/news/2022/08/3/7361657/

- Урал*, 2019, «След в след. Владимир Шаров. Царство Агамемнона», Вячеслав Курицын, № 1 ; <https://magazines.gorky.media/ural/2019/1/sled-v-sled-2.html>.
- Фома*, 2020, «Михаил Дудко и Владимир Легойда в программе “Парсуна”», 27 окт.
- Хвиля*, 2022, «Живая Украина - это смерть России: шокирующее признание рашиста Холмогорова», 19.09.2022; <https://hvylya.net/news/259381-zhivaya-ukraina-eto-smert-rossii-shokiruyushchee-priznanie-rashista-holmogorova>
- Царский опричник*, 2001, «Монархо-фашизм», Александр Елисеев, № 23 ; http://oprichnina.chat.ru/opr10/10_3.html
- Центр «Сова»*, 2003, «Антисемитизм в Российской Федерации», Вячеслав Лихачев, 06 Авг. ; <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/antisemitism/antisemitism-trends/2003/08/d772/>
- Центр «Сова»*, 2011, «Полиция — не социальная группа. Уголовное дело в отношении активистов арт-группы “Война” закрыто», М.: 16 окт.
- Центр «Сова»*, 2020, «Бывший схиигумен Сергей оштрафован за возбуждение ненависти», 21 июл.; <https://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/counter-extremism/2020/07/d42683/>
- Центр Льва Гумилева*, 2013, «Дугинское евразийство умерло. Да здравствует евразийство!», 4 июня ; <https://www.gumilev-center.ru/duginskoe-evrazijstvo-umerlo-da-zdravstvuet-evrazijstvo/>.
- Частный корреспондент*, 2008, «Если будет, то только имитация. Опасениям Сорокина не суждено сбыться», Виктор Топоров, 24 окт.
- Эхо Москвы*, 2008, «В круге СВЕТА, С. Сорокина и Ю. Кобаладзе», 26 авг.
- Эхо Москвы*, 2011, «Музейные палаты: “Владимир Шаров. Волшебники приходят к людям?” В Государственном историческом музее. Фрагмент передачи», Ксения Ларина, 31 дек. ; <https://represnews.blogspot.com/2012/01/blog-post.html>.
- Эхо Москвы*, 2012, «В эфире радиостанции *Эхо Москвы* – Олег Кашин, специальный корреспондент издательского дома Коммерсантъ», Виталий Дымарский & Ксения Ларина, 9 ноя.
- Эхо Москвы*, 2017, «Беседа», 12 мар.

- Afisha Daily*, 2022, «Актер, священник, опричник: как Иван Охлобыстин дошел до жизни такой», Андрей Мягков, 18 окт.
- BBC-Русская служба*, 2012, «Активисты обжалуют закрытие «дела о рабах в Москве», 21 ноя. ; https://www.bbc.com/russian/russia/2012/11/121121_moscow_slaves_case_closure_confirmed
- BBC-Русская служба*, 2015, «Упоминания Сталина убрали из музея ГУЛАГа», Питер Лоренс, 4 мар. ; https://www.bbc.com/russian/russia/2015/03/150304_gulag_museum_perm.
- BBC News-Русская служба*, 2017, «За веру, царя и приличия: как Поклонская осталась одна в своей борьбе», Фарида РУСТАМОВА, 13 ноя. ; <https://www.bbc.com/russian/features-41801375>.
- BBC News-Русская служба*, 2021-а, «Путин попросил запретить сравнение СССР с гитлеровской Германией», 25 янв., www.bbc.com/russian/news-55803253
- BBC News-Русская служба*, 2021-б, «“Нападки на Сталина” и другие громкие заявления Сергея Лаврова», 30 авг., www.bbc.com/russian/news-58364125
- BBC News-Русская служба*, 2023-а, «“Страшный человек”. Что известно о помилованном заключенном, воевавшем в Украине в составе “ЧВК Вагнера”», 5 янв. ; <https://sova.news/2023/01/05/strashnyj-che-lovek-что-известно-о-помилованном-zaklyuchennom-voevavshem-v-ukraine-v-sostave-chvk-vagnera/>
- BBC News-Русская служба*, 2023-б, «Экс-заключенные из “ЧВК Вагнера” возвращаются с войны», Олег Антоненко, 10 янв. ; www.youtube.com/watch?v=xgRMSfIN4yA
- Compromat.ru*, 2002, «Список из 216 криминальных депутатов Госдумы», 17 июня, www.compromat.ru/page_10134.htm
- DW*, 2014, «В Перми "репрессировали" музей истории политических репрессий», В. Кропман, 31 июля ; <https://www.dw.com/ru/%D0%B2DW>, 2016, «“Мемориал” опубликовал списки НКВД: нужно ли ворошить прошлое?», 9 дек.
- DW*, 2019, «Почти всеми богатствами России владеют 3 процента населения», Евгений Жуков, 12 апр.

- FLB*, 2020, «Муть времени. Кургинян-культ и его жрицы», Челноков Алексей, 21 янв. ; <https://flb.ru/1/4078.html>.
- fontanka.ru*, 2015, «"Славянский корпус" возвращается в Сирию», 16 окт. www.fontanka.ru/2015/10/16/118/.
- fontanka.ru*, 2016, «Вагнер в Кремле», 12 дек. www.fontanka.ru/2016/12/12/064/.
- Forbes*, 2011, «Сурков: Путин послан России богом», 8 июля ; www.forbes.ru/news/70487-surkov-putin-poslan-rossii-bogom.
- gazeta.ru*, 2011, «Милиция — не социальная группа. Прекращено уголовное преследование Леонида Николаева из арт-группы "Война"», Н. Зея, 11 окт. ; <https://www.gazeta.ru/social/2011/10/11/3797846.shtml>
- gazeta.ru*, 2015, «"Раб в Москве стоит около 50 тысяч рублей": Как выглядит рабство в современной России», В. Дергачев, 30 окт. ; https://www.gazeta.ru/politics/2015/10/23_a_7839791.shtml
- gazeta.ru*, 2016, «В запасе еще год–полтора до того, как население начнет возмущаться», Виктория Волошина, 7 фев; https://www.gazeta.ru/comments/2016/02/07_a_8058281.shtml.
- gazeta.ru*, 2017, «Богатыри и вы», Ярослав Забалуев, 29 ноя; https://www.gazeta.ru/culture/2017/11/29/a_11017364.shtml
- gazeta.ru*, 2020, «"Личная инициатива": в Кремле рассказали о словах Путина про половцев», Ангелина Мильченко, 9 апр. ; https://www.gazeta.ru/politics/2020/04/09_a_13042501.shtml
- Gefter.ru*, 2018, «Неоевразийство Александра Дугина и евразийство», М. Немцев, 28 мая.
- GoArctic.ru*, 2018, «История Архангельска, рассказанная в памятниках», 1 окт., <https://goarctic.ru/regions/istoriya-arkhangelska-rasskazanaya-v-pamyatnikakh/>
- Gorky.media*, 2018, «"Жизнь — это только испытательный срок". Писатель Владимир Шаров о литературе и смысле русской истории», О. Андреева, 20 авг. ; <https://gorky.media/context/zhizn-eto-tolko-ispytatelnyj-srok/>
- grani.ru*, 2013-а, «Елей к юбилею», Б. Соколов, 4 фев.
- grani.ru*, 2013-б, «Культ приличности», Илья Мильштейн, 27 фев. ; <https://graniru.org/opinion/milshtein/m.212036.html>.

- grani.ru*, 2013-в, «НТВ идет кратким курсом», Б. Соколов, 4 мар.; <https://graniru.org/opinion/sokolov/m.212231.html>.
- grani.ru*, 2015, «Пензозатравка. В Пензе открылся Сталинский центр», 21 дек. ; <https://graniru.org/Politics/Russia/Parties/m.247176.html>.
- grani.ru*, 2016, «Вожди и дети», 11 мая ; <http://graniru.org/blogs/funny-couple/entries/251292.html>.
- grani.ru*, 2022, «Горло бредит бритвою», 8 дек. ; <https://graniru.org/War/Arms/Nukes/m.286907.html>.
- great-country.ru*, 2011, «Он был верующим. Из мыслей священника о Сталине, 22 сентября» ; www.great-country.ru/articles/sssrf/sov_governor/stalin/00020.html.
- Ideal.реалии*, 2019, «Это плевок в душу чувашского народа!», 3. Симбирская, 26 дек.
- Ideal.реалии*, 2020, «Президента Татарстана Рустама Минниханова просят вмешаться в ситуацию вокруг памятника Ивану Грозному в Астрахани», Д. Нагаева, 26 июля.
- ii-a-rf.ru*, 2020, «Рафаил Берестов — раскольник. Открытое письмо старцу Рафаилу (Берестову)», 3 июля.
- Kasparov.ru*, 2022-а, «Когда рассеется угар войны», И. Яковенко, 24 янв.
- Kasparov.ru*, 2022-б, «Зумеры хотят жить», 6 окт.
- Kino-teatr.ru*, 2020, «Российская комедия со знаком плюс», 4 ноя.
- Korrespondent.net*, 2017, «Российскому президенту часто приходится отвечать на вопрос о возрождении монархии», 17 мар.
- Korrespondent.net*, 2017, «Российскому президенту часто приходится отвечать на вопрос о возрождении монархии», 17 мар.
- kremlin.ru*, 2006, «Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию», 10 мая, <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577>
- kremlin.ru*, 2009, «Россия, вперед! Статья Дмитрия Медведева», 10 сен. ; <http://kremlin.ru/events/president/news/5413>.
- kremlin.ru*, 2013, «Интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс», 4 сен.; <http://kremlin.ru/events/president/news/19143>

- kremlin.ru*, 2014, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173>.
- kremlin.ru*, 2016, «В день народного единства в Москве открыт памятник князю Владимиру», 4 ноя. ; <http://kremlin.ru/events/president/news/53211/photos/46177>.
- kremlin.ru*, 2017, «Посещение Лебединского горно-обогатительного комбината», 14 июля ; <http://kremlin.ru/events/president/news/55052>.
- kremlin.ru*, 2018-а, Послание Президента Федеральному Собранию, 1 марта ; <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/56957>
- kremlin.ru*, 2018-б, Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 18 октября ; <http://kremlin.ru/events/president/news/58848>.
- kremlin.ru*, 2021-а, «Статья Владимира Путина. Об историческом единстве русских и украинцев», Vladimir Putin, 12 июля ; <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.
- kremlin.ru*, 2021-б, «Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», № 400, <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
- Lebed.com*, 2001, «Мерзлая земля евразийца Дугина», Б. Режабек, 2 дек.
- lenta.ru*, 2004, «Сталинград», 23 июля.
- lenta.ru*, 2008, «И словес ваших не слушаем. Подведены итоги конкурса “Имя России”», С. Бочарова, 29 дек.
- lenta.ru*, 2009, «На станции метро Курская к Сталину добавили Ленина», 24 окт. ; <https://lenta.ru/news/2009/10/24/words/>.
- lenta.ru*, 2014, «Путин предложил провести референдум о переименовании Волгограда в Сталинград, 6 июня.
- lenta.ru*, 2016-а, «Памятник Ивану Грозному предложили поставить в Москве на Лубянке», 20 окт.
- lenta.ru*, 2016-б, «Спокойной ночи, бердыши. Кто и зачем пытается реабилитировать кровавого царя Ивана Грозного», Анастасия Чеповская, 24 окт. ; <https://lenta.ru/articles/2016/10/24/ivan/>.
- lenta.ru*, 2017-а, «Володин счел невозможным возрождение монархии в России», 15 мар.
- lenta.ru*, 2017-б, «Песков рассказал об отношении Путина к идее возрождения монархии», 15 мар.

- lenta.ru*, 2020, «В Госдуме попросили проверить *Вести недели* Киселева на экстремизм», 4 мая.
- life.ru*, 2015, «В системе ценностей России нет места равенству и братству», Александр Дугин, 8 авг.
- Livejournal*, 2008, «Максим Кононенко “День отличника”», С. Шадронов, 23 янв., <https://users.livejournal.com/-arlekin-/1066498.html>.
- m_kalashnikov*, 2010, «Письмо Максима Калашникова президенту Д. Медведеву», Максим Калашников, <https://m-kalashnikov.livejournal.com/141905.html?>
- mk.ru*, 2016, «Глава Конституционного суда испугался конца света из-за гендерной политики Европы», 1 ноя.
- mk.ru*, 2017, «Станет ли Путин императором Российской Федерации», 15 мар.
- newsru.com*, 2012, «Зюганов: между проповедью Христа и моральным кодексом строителей коммунизма нет отличий, а Сталин много сделал для православия», 20 июля ; www.newsru.com/religy/20jul2012/zyuganov.html.
- Newsru.com*, 2015, «В России используют рабский труд десятков тысяч граждан КНДР», *newsru.com*, 24 июля, <https://www.newsru.com/finance/24jul2015/runorthkoreanlabor.html>
- newtimes.ru*, 2014, «Made in ФСИН», З. Светова, 15 фев.
- noblit.ru*, 2019, «Религиозный национализм. Владимир Шаров: “До и во время”», С. Сиротин, 17 июля ; <https://noblit.ru/node/3638/>.
- Odnako.ru*, 2007, «Третья Империя», М. Юрьев ; www.odnako.org/almanac/material/tretya-imperiya-soslovnaya-struktura/
- polit.ru*, 2009, «Модернизация России как построение нового государства», И. Пономарев, М. Ремизов, Р. Карев, К. Бакулев, 29 окт.
- polit.ru*, 2010-а, «Старое Новое Средневековье», М. Захаров, 13 мая.
- polit.ru*, 2010-б, «Право и правда», Никита Михалков, 26 окт.
- polit.ru*, 2016, «Торжество исторической безответственности», Г. Корепанов, 15 окт.

- Portal-Credo.ru*, 2009, «Православные радикалы подвергнут “Царя” аутодафе. Союз православных хоругвеносцев намерен выступить против премьеры фильма Павла Лунгина “Царь”», 2 ноя.
- Portal-Credo.ru*, 2010, «Фонд святителя Василия Великого просит президента России не допустить демонстрации “Первым каналом” на Рождество кощунственного фильма “Царь”», 6 янв.
- Pravda.ru*, 2018, «Так царь нам Путин или не царь?», Л. Степушова, 8 мая.
- progorod58.ru*, 2015, «Интервью с лидером пензенских коммунистов: “Сталинский центр в Пензе создан для дискуссий”», 28 дек.; <https://progorod58.ru/news/25571>.
- prokazan.ru*, 2019, «В Чебоксарах установили памятник Ивану Грозному. В Казани от этой идеи отказались», 27 дек.
- proza.ru*, 2017, «Черный список борцов за светлое будущее», В. Выгодский, 11 мая. ; <https://proza.ru/2017/05/11/1723>
- Radio France Internationale*, 2009, «“Царь”: интервью с Павлом Лунгиным», 17 мая ; http://www1.rfi.fr/acturu/articles/113/article_3264.asp
- Republic.ru*, 2014, «Я патриот своей страны, но деньги здесь делать неудобно», Илья Шепелин, 24 апр. ; <https://republic.ru/authors/41541>
- Riddle*, 2020, «“Царь, просто царь”: Путин как объект мемомтворчества», Светлана Шомова, 5 мая.
- russian.rt.com*, 2020, «Владимир Путин не согласен с теми, кто называет его царем», В. Маслова, 19 мар.
- RUTV.ru*, 2008, «“Иван Грозный” стал для режиссера адом», Л. Хлобыстова, 12 мая.
- samlib.ru*, 2015, «Фашизм безграничный и красный», Александр Дугин, 16 янв. ; http://samlib.ru/c/cushero/dugine_nazbol.shtm
- Sankt-Peterburg.ru*, 2010, «По Невскому проспекту 9 мая пронесли портреты Сталина», 10 мая ; <http://saint-petersburg.ru/m/spb/old/236092/>.
- subscribe.ru*, 2013, «Взять Сталина по модулю. Оценка лидера без учета полярности» Александр Дугин, 13 фев. ; <https://subscribe.ru/digest/business/psychology/n890014.html>.

- Tengrinews*, 2009, «В России на фабрике использовали рабский труд детей иммигрантов», Алдияр Косенов, 23 дек. ; [https:// tengrinews.kz/accidents/rossii-fabrike-ispolzovali-rabskiy-trud-detey-immigrantov-35237/](https://tengrinews.kz/accidents/rossii-fabrike-ispolzovali-rabskiy-trud-detey-immigrantov-35237/)
- The Insider*, 2015, «Русские рабы», 18 мар. ; <https://theins.ru/longread/3850>.
- TV Rain*, 2017, «Этот роман был попыткой разобраться с моей любовью к советскому проекту»: Дмитрий Быков о своем романе “Оправдание”. «Сто лекций с Дмитрием Быковым», 16 дек. ; https://tvrain.ru/lite/teleshov/sto_lektsij_s_dmitriem_bykovym/etot_roman_byl-453037/
- ura.ru*, 2016, Протоиерей Чаплин: «Бог санкционировал уничтожение людей по воле власти». Видео, Иван Шумков ; <https://ura.news/news/1052258463>.
- ura.ru*, 2020, «Отец Сергей потребовал от Путина отдать ему власть. Обещает навести порядок за три дня», 12 июля ; <https://ura.news/news/1052440518>
- vesti.ru*, 2021-а, «В Вашингтоне полиция три часа отбивала Капитолий у протестующих», 7 янв.
- vesti.ru*, 2021-б, «На штурм Капитолия шли шаманы и викинги», 7 янв.
- Youtube*, 2018, «“Жестокая словесность”. Встреча в интеллектуальном клубе “Светлана Алексиевич приглашает...”», В. Сорокин, 13 фев., www.youtube.com/watch?v=OuVNzaF2jSs

BIBLIOGRAPHY

Books, Monographies and Reviews

- ADLER Nanci, 2012, “‘The bright past,’ or whose (hi)story? Challenges in Russia and Serbia today,” *Filozofijai društvo*, 23, no. 4: 126.
- ADORNO Theodor & ANSON G. RABINBACH, 1975, “The Culture Industry Reconsidered,” *New German Critique*, 6: 12–19.
- ADORNO Theodor, 2005, “The Meaning of Working through the Past,” in Theodor W. Adorno, *Critical Models: Interpretations and Catchwords*, trans. Henry Pickford, pp. 89–103. New York: Columbia University Press: [“Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit?” in *Stichworte. Kritische Modelle 2*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969].
- ANKERSMIT Frank, 2007, “Manifesto for an Analytical Political History,” in *Manifestos for History*, edited by Keith Jenkins, Sue Morgan & Alun Munslow, pp. 179–196. London, New York: Routledge.
- ANSELMINI Manuel, 2017, *Populism: An Introduction*. London: Routledge.
- APPLEBAUM Anne, 2004, *Gulag: A History*, Vol. XVIII. New York: Anchor Books.
- APPLEBAUM Anne, 2017, *Red Famine: Stalin’s War on Ukraine*. New York: Doubleday/Penguin Random House.
- APPLEBAUM Anne, 2020, *Twilight of Democracy: The Seductive Lure of Authoritarianism*. New York: Penguin Random House.
- APTEKMAN Marina, 2009, “Forward to the Past, or Two Radical Views on the Russian Nationalist Future: Pyotr Krasnov’s *Behind the Thistle* and Vladimir Sorokin’s *Day of an Oprichnik*,” *Slavic and Eastern European Journal*, 53, no. 2: 241–260.
- ÅSLUND Andreas, 2007, *Russia’s Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.
- ASSMANN Aleida, 2013, “Transformations of the Modern Time Regime,” *Breaking up Time: Negotiating the Borders between Present, Past and Future*, edited by Chris Lorenz and Berber Bevernage, pp. 39–56. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

- BÆKKEN Håvard & Johannes DUE ENSTAD, 2020, "Identity under Siege: Selective Securitization of History in Putin's Russia," *The Slavonic and East European Review*, 98, no. 2: 321–344.
- BAKER Sarah & Amanda RUTHERFORD, 2018, "Game of Thrones and the hidden apocalypse," *Australasian Journal of Popular Culture*, 7, no. 2: 315–25.
- BARAD Karen, 2017, "Troubling Time/s and Ecologies of Nothingness: Re-Turning, Re-Membering, and Facing the Incalculable," *New Formations*, 92: 56–86.
- BARBASHIN Anton & Hannah THOBURN, 2015, "Putin's Philosopher: Ivan Ilyin and the Ideology of Moscow's Rule," *Foreign Affairs*, September 20. <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2015-09-20/putins-philosopher>
- BASSIN Mark and Gonzalo POZO (Eds.), 2017, "Introduction," *The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy*, pp. 1–16. Washington, DC: Rowman & Littlefield International.
- BASSIN Mark, 1991, "Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space," *Slavic Review*, 50, no. 1: 1–17.
- BECK Ulrich, 1992 *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage Publications. [1st Ed.: *Risikogesellschaft — Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986].
- BELANOVSKY Sergei & Mikhail DMITRIEV, 2011, "Political Crisis in Russia and How it May Develop: Abridged Version of the Report of the Center for Strategic Research Foundation," *Lobbist*, 2: 26–42.
- BELTON Catherine, 2020, *Putin's People: How the KGB Took Back Russia and Then Took on the West*. New York: William Collins.
- BENSA Alban, 1997, "Images et usages du temps," *Terrain*, no. 29: 5–18.
- BERGER James, 1999, *After the End: Representations of Post-Apocalypse*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- BERLIN Isaiah, 1953, *The Hedgehog and the Fox: An Essay on Tolstoy's View of History*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- BETHEA David M., 1989, *The Shape of Apocalypse in Modern Russian Fiction*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- BLANRUE Paul-Éric, 2006, *Les Malveillantes: Enquête sur le cas Jonathan Littell*. Paris: Scali.

- BLUHM Katharina, 2015, *Modernization, Geopolitics and the New Russian Conservatives*, *Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts (Abteilung Soziologie)*, no. 2, Berlin: Freie Universität Berlin.
- BODIN Per-Arne, 2009, *Languages, Canonization and Holy Foolishness: Studies in Postsoviet Russian Culture and the Orthodox Tradition*, p. 155–62. Stockholm: Stockholm University.
- BOGATYREV Sergei, 2020, “Ivan the Terrible and Philip the Prudent,” *Russian History*, 47: 11–35.
- BORENSTEIN Eliot, 2008, *Overkill: Sex and Violence in Contemporary Russian Popular Culture*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- BORENSTEIN Eliot, 2019, *Plots against Russia: Conspiracy and Fantasy after Socialism*. Ithaca, NY and London: Cornell University Press; <http://plot-sagainstrussia.org/eb7nyuedu/2016/5/20/all-apocalypse-is-local>.
- BRANDENBERGER David & Kevin PLATT M.F. (Eds.), 2006, “Internal Debates within the Party Hierarchy about the Rehabilitation of Ivan the Terrible. A. Shcherbakov, ‘Memorandum to Stalin concerning A.N. Tolstoy’s Play Ivan the Terrible,’ 1941–1943,” *Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda*, pp. 170–92. Madison, WI: The University of Wisconsin Press.
- BRANDENBERGER David, 2002, *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- BRETON Hugh Ortega & Philip HAMMOND, 2015, “Eco-Apocalypse: Environmentalism, Political Alienation, and Therapeutic Agency,” *The Apocalypse in Film: Dystopias, Disasters, and Other Visions about the End of the World*, edited by Karen A. Ritzenhoff and Angela Krewani, pp. 105–116. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.
- BRIANS Paul, 2016, “Nuclear Holocausts: Atomic War in Fiction,” November 16. <https://brians.wsu.edu/2016/11/16/chapter-four/>.
- BROOKS Jeffrey, 2019, *The Firebird and the Fox: Russian Culture under Tsars and Bolsheviks*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- BROOKS Jeffrey & Boris DRALYUK, 2016, “Parahistory: History at Play in Russia and Beyond,” *Slavic Review*, 75, no. 1: 77–98.
- BROUWER Sander, 2016, “From Empire to Smuta and Back: The Mythopoetics of Cyclical History in Russian Film and TV-Documentaries,” *Contested*

- Interpretations of the Past in Polish, Russian, and Ukrainian Film*, edited by Sander Brouwer, pp. 123–141. Leiden: Brill.
- BRUDNY Yitzhak M., 1998, *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- BULL Anna C. & Hans L. HANSEN, 2015, “On Agonistic Memory,” *Memory Studies*, 9, no. 4: 390–404.
- BULL Hedley, 1977, *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London: Macmillan.
- CARRUTHERS Mary, 2008, *The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- CATRIONA Kelly, 2016, *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press.
- CAUTE David, 1973, *The Fellow-Travelers: A Postscript to the Enlightenment*. New York: Macmillan.
- CHERNIAVSKY Michael, 1968, “Ivan the Terrible as Renaissance Prince,” *Slavic Review*, 27, no. 2: 195–211.
- CHESNEAUX Jean, 1996, *Habiter le temps: Passé, présent, future: Esquisse d’un dialogue possible*. Paris: Bayard.
- CHESNEAUX Jean, 2000, “Speed and Democracy: An Uneasy Dialogue,” *Social Science Information*, 39, no. 3: 407–420.
- CHIANTERA-STUTTE Patricia, 2005, “Populist Use of Memory and Constitutionalism: Two Comments – I,” *German Law Journal*, 6, no. 2: 391–397.
- CIORAN Samuel David, 1973, *The Apocalyptic Symbolism of Andrej Belyj*. The Hague: Mouton.
- CLARK Katerina, 2011, *Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- CLEMENTS Pamela & Carol L. ROBINSON, 2009, “Living with Neomedievalism,” in *Studies in Medievalism*, XVIII: *Defining Medievalism(s) II*, pp. 55–75. Cambridge: Boydell & Brewer.
- CLOVER Charles, 2016, *Black Wind, White Snow: The Rise of Russia’s New Nationalism*. New Haven, CT: Yale University Press.

- CŒURÉ Sophie, 1999, *La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique*. Paris: Le Seuil.
- COHEN Steven F., 2014, "Distorting Russia: How the American Media Misrepresent Putin, Sochi, and Ukraine," *The Nation*, March 3. www.thenation.com/article/archive/distorting-russia/
- COHEN Stephen F., Vladimir POZNER, Anne APPLEBAUM & Garry KASPAROV, 2015, *Should the West Engage Putin's Russia?: The Munk Debates*. Toronto: House of Anansi.
- COLE Alison, 2007, *The Cult of True Victimhood: From the War on Welfare to the War on Terror*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- COMER Margaret A., 2019, *The Heritage of Repression: Memory, Commemoration, and Politics in Post-Soviet Russia*, Doctoral dissertation, Jesus College, Oxford.
- CONFINO Alon, 2006, *Germany as a Culture of Remembrance: Promises and Limits of Writing History*. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- COOTE Leslie, 2010, "A Short Essay about Neo-Medievalism," *Studies in Medievalism, XIX: Defining Neomedievalism(s)*, pp. 19–25. Cambridge: Boydell & Brewer.
- CRUMMEY Robert, 1987, *The Formation of Muscovy 1300–1613*. London and New York: Routledge.
- CURTIS Jim, 2020, *Stalin's Soviet Monastery: A New Interpretation of Russian Politics*. New York; Bern; Oxford: Peter Lang.
- D'ARCENS Louise (Ed.), 2016, *The Cambridge Companion to Medievalism*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- DALLIN David J., 1960, *Soviet Foreign Policy after Stalin*. Philadelphia: J. B. Lippincott Company.
- DANESIN Maxime, 2016, "The European Middle Ages through the Prism of Contemporary Japanese Literature: A Study of Vinland Saga, Spice & Wolf and l'Éclipse," *Mutual Images Journal*, no. 1: 95–122.
- DANILEVSKII Nikolai, 2013, *Russia and Europe: The Slavic World's Political and Cultural Relations with the Germanic-Roman West*, trans. Stephen M. Wood-burn. Bloomington, IN: Indiana University Press.

- DAWISHA Karen, 2014, *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* New York: Simon & Schuster.
- DEAN Carolyn J., 2004, *The Fragility of Empathy after the Holocaust*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- DICK Philip K., 1968, *Do Androids Dream of Electric Sheep?* Garden City, N.Y.: Doubleday.
- DINSHAW Carolyn, 2013 "All kinds of time," *Studies in the Age of Chaucer*, 35, no. 1: 3–25.
- DIXON Wheeler Winston, 2003, *Visions of the Apocalypse: Spectacles of Destruction in American Cinema*. London and New York: Wallflower Press.
- DOBOŠ Bohumil, 2020, *New Middle Ages. Geopolitics of Post-Westphalian World*. Cham, Switzerland: Springer.
- DUBROVSKIY Dmitry, 2017, "Escape from Freedom: The Russian Academic Community and the Problem of Academic Rights and Freedoms," *Interdisciplinary Political Studies*, 3, no. 1: 171–199.
- DUGIN Alexander, 2012, *The Fourth Political Theory*, trans. Mark Sleboda and Michael Miller. London: Arktos.
- DUNLOP John B., 1983, *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- EAGLESTONE Robert, 2011, "Avoiding Evil in Perpetrator Fiction," *Holocaust Studies*, 2, no. 3: 13–26.
- ECO Umberto, 1986-a, "Living in the New Middle Ages," in *Travels in Hyperreality: Essays*, trans. William Weaver, pp. 73–86. New York: Harcourt Brace.
- ECO Umberto, 1986-b, "Dreaming the Middle Ages," in Umberto Eco, *Travels in Hyperreality: Essays*, trans. William Weaver, pp. 61–79. New York: Harcourt Brace.
- ECO Umberto, 1986-c, *Art and Beauty in the Middle Ages*, trans. Hugh Bredin. New Haven and London: Yale University Press [Русский перевод позднейшего варианта этой книги: У. Эко, 2015, Искусство и красота в средневековой истории, Пер. с ит. А. Шурбелева, М.: АСТ: CORPUS].
- EINSTEIN Albert & Michele BESSO, 1972, *Correspondance 1903-1955*, ed. and trans. Pierre Speziali. Paris: Hermann.

- ELIAS Robert, 1986, *The Politics of Victimization: Victims, Victimology, and Human Rights*. New York: Oxford University Press.
- ELLIOTT Andrew, 2017, *B.R. Medievalism, Politics and Mass Media: Appropriating the Middle Ages in the Twenty-First Century*. Woodbridge, UK: D.S. Brewer.
- EMERSON, Caryl, 2019-a, "Vladimir Sharov on History, Memoir, and a Metaphysics of Ends," *Slavic and East European Journal*, 63, no. 4: 597–607.
- EMERSON Caryl, 2019-b, "'Our Own Madness, Our Own Absurd.' Andrei Platonov, Vladimir Sharov, and George Bernard Shaw," *Los Angeles Review of Books*, October 30.
- EMERSON Caryl, 2020, "The Russian Revolution as Fantastic Synaesthetic Event. Sigizmund Krzhizhanovskii and Vladimir Sharov," *Journal of European Studies*, 50, no. 1: 36–45.
- EMERY Elizabeth & Richard UTZ, 2014, "Making Medievalism: A Critical Overview," in E. Emery and R. Utz (Eds.), *Medievalism: Key Critical Terms*, pp. 1–10. Cambridge, UK: Boydell & Brewer.
- ERICSON Richard E., 1999, *The Post-Soviet Russian Economic System: An Industrial Feudalism?* <http://sintak.unika.ac.id/staff/blog/uploaded/5811998215/files/russian-economic-system.pdf>.
- ERLL Astrid, 2011, "Travelling Memory," *Parallax*, 17, no. 4: 4–18.
- EVERAERT Tinneke, 2014, *The Representation of Perpetrators in the Work of Martin Amis: A Comparative Analysis*, Master's dissertation. University of Ghent.
- FABIAN Johannes, 1983, *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Objects*. New York: Columbia University Press.
- FEDOR Julie, 2011, *Russia and the Cult of State Security: The Chekist Tradition, from Lenin to Putin*. London: New York: Routledge.
- FEIFER Gregory, 2016, "Putin's Meddling in the US Elections. How It Helps Him Back Home," *Foreign Affairs*, September 20; <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2016-09-20/putins-meddling-us-elections>.
- FELSHTINSKY Yuri & Vladimirs PRIBYLOVSKY, 2008, *The Corporation: Russia and the KGB in the Age of President Putin*. New York, London: Encounter Book.

- FILYUSHKIN Alexander, 2021, "In Search of a New Face for Muscovy," *Kritika*, 22, no. 2: 387–398.
- FITZPATRICK Kelly Ann, 2019, *Neomedievalism, Popular Culture, and the Academy: From Tolkien to Game of Thrones*. Cambridge, UK: D.S. Brewer.
- FREEDMAN Paul & Gabrielle M. SPIEGEL, 1998, "Medievalisms Old and New: The Rediscovery of Alterity in North American Medieval Studies," *The American Historical Review*, 103, no. 3: 677–704.
- FRIEDLÄNDER Saul, 1993, *Memory, History, and the Extermination of the Jews of Europe*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- FUGELSO Karl, 2010, "Editorial Note," *Studies in Medievalism, XIX: Defining Neomedievalism(s)*, pp. xi-xiv. Cambridge: Boydell & Brewer.
- FUREDI Frank, 2018, *Populism and the European Culture Wars: The Conflict of Values between Hungary and the EU*. New York: Routledge.
- FURET François, 1995, *Le passé d'une illusion. Essai sur l'idée communiste au XXe siècle*. Paris: Robert Laffont/Calmann-Lévy.
- FURET François, 1996, "Terror," *The French Revolution in Social and Political Perspective*, edited by Peter Jones, pp. 450–464. New York: Arnold.
- GIBIAN George, 1983, "Terror in Russian Culture and Literary Imagination," *Human Rights Quarterly*, 5, no. 2: 199–202.
- GILBURD Eleonory, 2018, *To See Paris and Die: The Soviet Lives of Western Culture*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- GLASER Hermann, 2020, *The Cultural Roots of National Socialism*. New York and London: Routledge, p. 208–210.
- GLISIC Iva & Marc EDELE, 2019, "The Memory Revolution Meets the Digital Age," *Geschichte und Gesellschaft: Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft*, 45, no. 1: 95–119.
- GOLDFRANK David, 2020, "Halperin's Heraclean Feat: Navigating the 'Reliable Sources' Challenge *en route* to Crafting a Book 'for all Seasons' and Modifying the 'Renaissance Prince' Paradigm," *Russian History*, 47, no. 1–2: 49–57.
- GOODRICK-CLARKE Nicholas, 1985, *The Occult Roots of Nazism: The Ariosophists of Austria and Germany 1890–1935*. Wellingborough, UK: The Aquarian Press.

- GORSKI Bradley A., 2018, "Review of Vladimir Sharov's *The Rehearsals*. Translated by Oliver Ready. Gardena: Dedalus Books," *Russian Review*, 77, no. 4: 652-653.
- GORSKI Bradley A., 2019, "The Battle for Pre-Modernity: Medieval Festivals in Contemporary Russia," *The Russian Review*, 78, no. 4: 547-568.
- GREY Ian, 1978, *Ivan, the Terrible: The History Book*. New York: MW Books. [1st Ed.: 1964, *Ivan, the Terrible*. London: Hodder & Stoughton.
- GRIFFIN Sean, 2020, "Putin's Medieval Weapons in the War against Ukraine," *Studies in Medievalism*, XXIX : *Politics and Medievalism*: 13-20.
- GRIFFIN Sean, 2022, "Russian World or Holy World War? The Real Ideology of the Invasion of Ukraine," *Public Orthodoxy*, April 19; <https://publicorthodoxy.org/2022/04/12/russian-world-or-holy-world-war/>
- GRISHAEVA Ekaterina, 2019, "'Making Europe Great Again': Anti-Western Criticism from Orthodox Conservative Actors Online," *Contemporary Russian Conservatism: Problems, Paradoxes, and Perspectives*, edited by Mikhail Suslov & Dmitry Uzlaner. Leiden: Brill, 234-256.
- GROMOV Michael N., 1991, "Medieval Natural Philosophy in Russia: Some Aspects," in eds. Albert Zimmermann & Andreas Speer, *Mensch und Natur im Mittelalter: 1. Halbbd*, pp. 356-68. Berlin, Boston, MA: De Gruyter.
- GUMBRECHT Hans Ulrich, 1997, *In 1926: Living at the Edge of Time*. Cambridge, MA: Harvard University Press: 411-436.
- HALPERIN Charles J., 2019, *Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Punish*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- HALPERIN Charles J., 2021, *Ivan the Terrible in Russian Historical Memory*. Boston, MA: Academic Studies Press.
- HAMBURG G. M., 2020, "Petr Chaadaev and the Slavophile-Westernizer Debate," *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought*, edited by Caryl Emerson, George Pattison & Randall A. Pooleeds, pp. 111-132. Oxford, New York: Oxford University Press.
- HAMONIC Wynn Gerald, 2017, "Global Catastrophe in Motion Pictures as Meaning and Message: The Functions of Apocalyptic Cinema in American Film," *Journal of Religion & Film*, 21, no. 1: article 36; <https://digitalcommons.unomaha.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1563&context=jrf>.

- HARTOG François, 2003, *Régimes d'historicité: Présentisme et expériences du temps*. Paris: Le Seuil [Артог Ф., 2008, *Порядок времени, режимы историчности*, Пер. с фр. А. Беляк, Неприкосновенный запас, no. 59 (3): 19–38]
- HARTOG François, 2020, *Chronos: L'Occident aux prises avec le Temps*, Paris: Gallimard [François Hartog, 2022, *Chronos: The West Confronts Time*. New York: Columbia University Press].
- HELLERMA Juhan, 2020, "Negotiating Presentism: Toward a Renewed Understanding of Historical Change," *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*, 24, no. 3–4: 442–464.
- HELLIE Richard, 1974, "In Search of Ivan the Terrible," *Ivan the Terrible*, Sergei Platonov, Ed. and transl. Joseph Wieczynski, pp. i–xxxiv. Gulf Breeze, FL: Academic International Press.
- HENRIETTA Mondry, 2014, "In Praise of Ethnic Dress: Konstantin Leontiev's Politics of Diversity," *The Slavic and East European Journal*, 58, no. 1: 57–75.
- HIRSCH Marianne, 1992–1993, "Family Pictures: Maus, Mourning, and Post-Memory," *Discourse*, 15, no. 2: 3–29.
- HOLLANDER Paul, 1981, *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba*. Oxford: Oxford University Press.
- HOLSINGER Bruce, 2007, *Neomedievalism, Neoconservatism, and the War on Terror*. Chicago, IL: Prickly Paradigm Press.
- HOLSINGER Bruce, 2008, "Empire, Apocalypse, and the 9/11 Premodern," *Critical Inquiry*, 34, no. 3: 468–490.
- HORKHEIMER Max & Theodor Adorno, 2002, *Dialectic of Enlightenment*, trans. Edmund Jephcott. Stanford, CA: Stanford University Press.
- HOSKINS Andrew, 2009, "The Mediatisation of Memory," in Joanna Garde-Hansen, Andrew Hoskins & Anna Reading (Eds.), *Save As... Digital Memories*, pp. 27–43. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- HUGHES Lindsey, 1998, *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven, CT: Yale University Press.
- HUNTINGTON Samuel P., 2019, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- HUSSON Édouard & Michel TERESTCHENKO, 2007, *Les Complaisantes: Jonathan Littell et l'écriture du mal*. Paris: Guibert.

- HUYSEN Andreas, 2003, *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- INOZEMTSEV Vladislav, 2017, "Putin's Russia: A Moderate Fascist State," *The American Interest*, 12, no. 4 (January 23): <https://www.the-american-interest.com/2017/01/23/putins-russia-a-moderate-fascist-state/>.
- JACOBSEN Michael Hviid, 2016, "'Spectacular Death': Proposing a New Fifth Phase to Philippe Ariès's Admirable History of Death," *Humanities*, 5, no. 2: 1–20.
- JAMESON Fredric, 1984, "Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism," *New Left Review*, 146, no. 1: 53–92.
- JAMESON Fredric, 1991, *Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, NC: Duke University Press.
- JEFFREY Alexander, 2002, "On the Social Construction of Moral Universals: The 'Holocaust' from War Crime to Trauma Drama," *European Journal of Social Theory*, 5, no. 1: 6.
- JOHNSTON Pouncy Carolyn, Ed., 1994, *The Domostroi: Rules for Russian Households in the Time of Ivan the Terrible*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- JONES Polly, 2012, "Between Post-Stalinist Legitimacy and Stalin's Authority: Memories of 1941 from Late Socialism to the Post-Soviet Era," *Canadian Slavonic Papers*, 54, no. 3–4: 357–76.
- JONES Polly, 2013, *Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953–70*. New Haven, CT, London: Yale University Press.
- KAGARLITSKY Boris, 1989, *The Thinking Reed: Intellectuals and the Soviet State, 1917 to the Present*. London: Verso Books.
- KALASHNIKOV Antony, 2018, "Stalinist Crimes and the Ethics of Memory," *Kritika*, 19, no. 3: 599–626.
- KANSTEINER Wulf, 2002, "Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies," *History and Theory*, 41, no. 2: 179–197.
- KAUFMAN Amy S., 2010, "Medieval Unmoored," *Studies in Medievalism*, XIX: *Defining Neomedievalism(s)*: 1–11.

- KAUFMAN Amy S. & Paul B. STURTEVANT, 2020, *The Devil's Historians: How Modern Extremists Abuse the Medieval Past*. Toronto: University of Toronto Press.
- KEENAN Edward L., 2006, "How Ivan Became "Terrible,"" *Harvard Ukrainian Studies*, 28, no. 1-4: 521-542.
- KELLY Catriona, 2014, *St Petersburg: Shadows of the Past*. New Haven, CT: Yale University Press.
- KHAPAEVA Dina, 1994, "Occident dans l'imaginaire russe," *Social Sciences Information*, 33, no. 1-2: 553-569.
- KHAPAEVA Dina, 1995-a, "As the Whole Civilized World," *Social Sciences Information*, 34, no. 4: 687-704.
- KHAPAEVA Dina, 1995-b, "L'Occident sera demain," *Annales: Histoire, Sciences Sociales*, 50, no. 4: 1259-1270.
- KHAPAEVA Dina, 2009-a, "Historical Memory in Post-Soviet Gothic Society," *Social Research*, 76, no. 1: 359-394.
- KHAPAEVA Dina, 2009-b, "History Without Memory: Gothic Morality in Post-Soviet Society," *Eurozine* (December 2d); <https://www.eurozine.com/history-without-memory/> [1st Ed.: Khapaeva, 2008, "Geschichte ohne Erinnerung. Zur Moral der postsowjetischen Gesellschaft," *Merkur*, 12, no. 62 (December): 1081-1091].
- KHAPAEVA Dina, 2009-c, "L'esthétique gothique. Essai de compréhension de la société postsoviétique," trad. de l'anglais par C. Martin, *Le Banquet*, vol. 26: 53-77.
- KHAPAEVA Dina, 2011, "La société poutinienne: morphologie d'un cauchemar," *Le Débat*, 165 (novembre): 40-49
- KHAPAEVA Dina, 2012, *Portrait critique de la Russie: Essais sur la société gothique*, trad. Nina Kehayan. Paris: Eds. de l'Aube.
- KHAPAEVA Dina, 2016, "Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin's Politics of Re-Stalinization," *Communist and Post-Communist Studies*, 49, no. 1: 61-73.
- KHAPAEVA Dina, 2017, *The Celebration of Death in Contemporary Culture*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

- KHAPAeva Dina, 2019-a, "Putin and the Apocalypse," *Project Syndicate*, January 24; <https://www.project-syndicate.org/commentary/nuclear-war-putin-orthodox-approval-by-dina-khapaeva-2019-01>
- KHAPAeva Dina, 2019-b, "The Gothic Future of Eurasia," *Russian Literature*, 106: 79–108.
- KHAPAeva Dina, 2020, "Eaten in Jurassic World: Antihumanism and Popular Culture," in Dina Khapaeva (Ed.), *Man-eating Monsters: Anthropocentrism and Popular Culture*. Bingley: Emerald Publishing, p. 15–35.
- KHAPAeva Dina, 2021, "Trendy Monsters: The Nazis, the Perpetrator Turn, and Popular Culture," *New German Critique*, 48, no. 3: 65–98.
- KHAPAeva Dina, 2023, *Crimes sans châtement*, trad. Nina Kehayan. La Tour-d'Aigues: Éditions de l'Aube.
- KHAPAeva Dina & Nicolai KOPOSOV, 1992, "Les demi-dieux de la mythologie soviétique," *Annales: Économies, Sociétés, Civilisations*, 47, no. 4–5: 963–989.
- KHARKHORDIN Oleg, 2018, *Republicanism in Russia: Community Before and After Communism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- KHAZANOV Anatoly M., 2004, "What Went Wrong?," *Reconstructing Post-Communist Russia*, edited by Yitzhak Brudny, Jonathan Frankel & Stefani Hoffman, pp. 21–51. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- KHAZANOV Anatoly M., 2008, "Whom to Mourn and Whom to Forget? Reconstructing Collective Memory in Contemporary Russia," *Totalitarian Movements and Political Religions*, 9: 293–310.
- KHLEVNIUK Oleg, 2004, *The History of the Gulag, from Collectivization to the Great Terror*, trans. Vadim Staklo. New Haven, CT, London: Yale University Press.
- KHLEVNIUK Oleg, 2015, *Stalin. New Biography of a Dictator*, trans. Nora Favorov, New Haven, CT: Yale University Press.
- KLIMENKO Ekaterina V., 2018, "The Politics of Oblivion and the Practices of Remembrance: Repression, Collective Memory and Nation-Building in Post-Soviet Russia," *Historical Memory of Central and East European Communism*, edited by Agnieszka Mrozik & Stanislav Holubec, pp. 141–162. New York: Routledge.

- KOBRIN Stephen J., 1998, "Back to the Future: Neomedievalism and the Postmodern Digital World Economy," *Journal of International Affairs*, 51, no. 2: 361–386.
- KOLLMANN Nancy S., 2017, *The Russian Empire, 1450-1801*. Oxford: Oxford University Press.
- KOPOSOV Nikolay, 2014, "Back to Yalta? Stephen Cohen and the Ukrainian Crisis," *Eurozine*, September 5; <https://www.eurozine.com/back-to-yalta/>.
- KOPOSOV Nikolay, 2017, *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- KOPOSOV Nikolay, 2021-a, "A National Narrative in the Post-Truth Age: How the Kremlin Struggles Against the 'Falsifiers of History,'" *Qualestoria. Rivista di storia contemporanea*, XLIX, no. 2 (December): 49–68.
- KOPOSOV Nikolay, 2021, "Review of Curtis, Jim, *Stalin's Soviet Monastery: A New Interpretation of Russian Politics*," *Slavonic and East European Review*, 99, no. 3: 585–587.
- KOPOSOV Nikolay, 2022b, "Populism and Memory: Legislation of the Past in Poland, Ukraine, and Russia," *East European Politics and Societies*, 36, no. 1: 272–297.
- KOPOSOV Nikolay, 2022a, "Holocaust Remembrance, the Cult of the War, and Memory Laws in Putin's Russia," *Memory Laws and Historical Justice: The Politics of Criminalizing the Past*, edited by Elazar Barkan & Ariella Lang, pp. 131–166. London: Palgrave Macmillan.
- KOSELLECK Reinhart, 1990, *Le futur passé: Contribution à la sémantique des temps historiques*. Paris: Éditions de l'EHESS [1st Ed.: Reinhart Koselleck, 1979, *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*, Frankfurt/Main: Suhrkamp].
- KOSELLECK Reinhart, 1997, *L'expérience de l'histoire*. Paris: Gallimard, Le Seuil.
- KOTKIN Joel, 2020, *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. New York: Encounter Books.
- KOTKINA Irina, 2017, "Geo-political Imagination and Popular Geopolitics, between the Eurasian Union and Russkii Mir," *The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy*, edited by Mark Bassin and Gonzalo Pozo, pp. 59–78. Washington, DC: Rowman & Littlefield International.

- KRAMER Mark, 2001, "Why Soviet History Matters in Russia," *PONARS Policy Memo*, Harvard, 1–5; <https://www.ponarseurasia.org/why-soviet-history-matters-in-russia/>
- KRAMER Mark, 2017, "Public Memory and the Difficulty of Overcoming the Communist Legacy: Poland and Russia in Comparative Perspective," *Totalitarian Societies and Democratic Transition: Essays in Memory of Victor Zaslavsky*, ed. Tommaso Piffer and Vladislav Zubok, pp. 385–422. Budapest: Central European University Press.
- KRYSHTANOVSKAYA Ol'ga & Stephen WHITE, 2009, "The Sovietization of Russian Politics," *Post-Soviet Affairs*, 25, no. 4: 283–309.
- KUZIO Taras, 2016, "Soviet and Russian Anti-Ukrainian Nationalism and Re-Stalinization," *Communist and Post-Communist Studies*, 49, no. 1: 87–99.
- LACOSTE Charlotte, 2010, *Séductions du bourreau : Négation des victimes*. Paris: Presses Universitaires de France.
- LANDSBERG Alison, 2004, *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press.
- LANGDON Kate C., 2020, "The Intellectual Origins of Putinism," *Putin's Totalitarian Democracy: Ideology, Myth, and Violence in the Twenty-First Century*, ed. Kate C. Langdon & Vladimir Tismaneanu, pp. 83–107. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan.
- LAQUEUR Walter, 1996, *Fascism: Past, Present, Future*. New York: Oxford University Press.
- LARUELLE Marlène, 2006, *Aleksandr Dugin: a Russian version of the European radical right?*, Woodrow Wilson Occasional Papers #294.
- LARUELLE Marlène, 2008, *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*, Woodrow Wilson Center Press.
- LARUELLE Marlène, 2013, "Conservatism as the Kremlin's New Toolkit: An Ideology at the Lowest Cost," *Russian Analytical Digest*, November 8, no. 138, pp. 2–4.
- LARUELLE Marlène, 2016, "The Izborsky Club, or the New Conservative Avant-Garde in Russia," *The Russian Review*, 75, no. 4: 626–644.
- LARUELLE Marlène, 2017, "Putin's Regime and the Ideological Market: A Difficult Balancing Game," *Carnegie Endowment for International Peace*,

- March 16; <https://carnegieendowment.org/posts/2017/03/putins-regime-and-the-ideological-market-a-difficult-balancing-game?lang=en>.
- LARUELLE Marlène, 2021, *Is Russia Fascist? Unraveling Propaganda East and West*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- LE GOFF Jacques, 1988, "Time: The Splintered Continuum," *India International Centre Quarterly*, 15, no. 2: 1-14.
- LE ROY LADURIE Emmanuel, 1974, "L'histoire immobile," *Annales : Économies, Sociétés, Civilisations*, 29, no. 3: 673-692.
- LEATHERBARROW William J., 2013, "Apocalyptic Imagery in Dostoevskij's *The Idiot* and *The Devils*," in *Shapes of Apocalypse: Arts and Philosophy in Slavic Thought*, ed. Andrea Oppo, pp. 122-133. Boston, MA: Academic Studies Press.
- LECHNER Norbert, 1991, "À la recherche de la communauté perdue : Les défis de la démocratie en Amérique latine," *Revue internationale des sciences sociales*, 43, no. 3: 577-590.
- LEMONIER Marc, 2007, *Les Bienveillantes décryptées: Carnet de Notes*. Paris: Préaux Clercs.
- LEVY Daniel & Natan SZNAIDER, 2006, *The Holocaust and Memory in the Global Age*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- LIPOVETSKY Mark & Birgit BEUMERS, 2009, *Performing Violence: Literary and Theatrical Experiments of New Russian Drama*. Bristol, Chicago, IL: Intellect.
- LITTELL Jonathan, 2006, *Les Bienveillantes*. Paris: Gallimard. [Russian transl. : Литтелл, 2012, Благоволицельницы, Пер. с фр. И. Мельниковой. М.: Ad Marginem].
- LITTELL Jonathan & Pierre NORA, 2007, "Conversation sur l'histoire et le roman," *Le Débat*, no. 144: 25-44.
- LOWENTHAL David, 1985, *The Past Is a Foreign Country*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- LUKES Daniel, 2015, "Comparative Neomedievalisms: A Little Bit Medieval," *Postmedieval: A Journal of Medieval Cultural Studies*, no. 5: 1-9.
- MADARIAGA Isabel de, 2005, *Ivan the Terrible: First Tsar of Russia*. New Haven, CT: Yale University Press.

- MAIER Charles, 1988, *The Unmasterable Past: History, Holocaust and German National Identity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- MÄLKSOO Maria, 2021, "Militant Democracy in International Relations: Mnemonical Status Anxiety and Memory Laws in Eastern Europe," *Review of International Studies*, 47, no. 4: 489–507.
- MARKEDONOV Sergey, 2012, "Putin's Eurasian Aspirations," *The National Interest*, May 29.
- MARSH Rosalind, 2007, *Literature, History and Identity in Post-Soviet Russia, 1991-2006*. Oxford, Frankfurt; Bern; Berlin: Peter Lang Publishing Group.
- MARSHALL David M. (Ed.), 2007, *Mass Market Medieval: Essays on the Middle Ages in Popular Culture*. Jefferson, NC: McFarland.
- MARTIN George R.R. & Ryan CONDAL, 2022, *House of the Dragon*, HBO, <https://www.hbo.com/house-of-the-dragon>.
- MARTIN Janet, 2020, "Pressure Cookers, Safety Valves, and Mass Terror during the Oprichnina," *Russian History*, 47, no. 1–2: 78–90.
- MASHA Gessen, 2012, *The Man Without a Face. The Unlikely Rise of Vladimir Putin*. New York: Riverhead Books.
- MATTHEWS David, 2015, *Medievalism: A Critical History*. Cambridge, UK: D.S. Brewer.
- MAYER Lauren S., 2011, "Dark Matters and Slippery Words Grappling with Neomedievalism (s)," *Studies in Medievalism, XIX: Defining Neomedievalism(s)*: 68–76.
- McFATE Sean, 2014, *The Modern Mercenary: Private Armies and What They Mean for World Order*. Oxford: Oxford University Press.
- MCGLOTHLIN Erin, 2016, "Empathetic Identification and the Mind of the Holocaust Perpetrator in Fiction: A Proposed Taxonomy of Response," *Narrative*, 24, no. 3: 251–276.
- MEARSHEIMER John, 2014, "Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin," *Foreign Affairs*, 93, no. 5: 77–127.
- MERRIDALE Catherine, 2002, *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia*. New York and London: Viking Penguin Books.
- MERRIDALE Catherine, 2006, *Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945*. New York: Metropolitan Books.

- MICHEL Johann, 2011, "L'institutionnalisation du crime contre l'humanité et l'avènement du régime victimo-mémoriel en France," *Canadian Journal of Political Science*, 44, no. 3: 663–684.
- MILLER Alice, 1983, *For Your Own Good: Hidden Cruelty in Child Rearing and the Roots of Violence*. New York: Farrar, Straus, Giroux.
- MINC Alain, 1993, *Le nouveau moyen âge*. Paris: Gallimard.
- MITROFANOVA Anastasia, 2016, "Russian Ethnic Nationalism and Religion Today," in Pål Kolstø & Helge Blakkisrud (Eds.), *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*, pp. 104–131. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press.
- MJØR Kåre Johan, 2014, "Philosophy, Modernity and National Identity: The Quest for a Russian Philosophy at the Turn of the Twentieth Century," *The Slavonic and East European Review*, 92, no. 4: 622–652.
- MONTEFIORE Simon Sebag, 2003, *Stalin: The Court of the Red Tsar*. New York: Random House/Vintage Books.
- MORENKOVA PERRIER Elena, 2018, "Memory Watch Dogs: Online and Offline Mobilizations around Controversial Historical Issues in Russia," *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia*, edited by Nicolas Bernard and Barbara Törnquist-Plewa, pp. 141–176. Leiden, Boston, MA: Brill.
- MOTYL Alexander, 2016, "Putin's Russia as a Fascist Political System," *Communist and Post-Communist Studies*, 49: 25–36.
- MÜLLER Jan-Werner, 2016, *What Is Populism?* Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- MURAT Michel, 2012, "Faut-il brûler Les Bienveillantes?" *Revue critique de fixxion française contemporaine*, 12/22. www.revue-critique-de-fixxion-francaise-contemporaine.org/rcffc/article/view/fox09.13/904.
- NADKARNI Maya & Ol'ga Shevchenko, 2014, "The Politics of Nostalgia in the Aftermath of Socialism's Collapse," *Anthropology and Nostalgia*, edited by Olivia Ange and David Berliner, pp. 61–95. New York: Berghahn Books.
- NELSON Todd H., 2019, *Bringing Stalin Back In: Memory Politics and the Creation of a Useable Past in Putin's Russia*. Lanham, MD: Lexington Books.
- NEOCLEOUS Mark, 2005, *The Monstrous and the Dead: Burke, Marx, Fascism*. Cardiff, UK: University of Wales Press.

- NEUBERGER Joan, 2018, "Not a Film but a Nightmare: Revisiting Stalin's Response to Eisenstein's Ivan the Terrible, Part II," *Kritika*, 19, no. 1: 115–142.
- NEUBERGER Joan, 2019, *This Thing of Darkness: Eisenstein's Ivan the Terrible in Stalin's Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- NORA Pierre, 1984, "Entre mémoire et histoire," in Pierre Nora, *Les Lieux de mémoire*. Vol. 1 : La République, pp. xvii–xlii. Paris: Gallimard, .
- NORA Pierre, 1989, "Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire," *Representations*, 26: 7–24.
- NOVICK Peter, 1999, *The Holocaust in American Life*. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt.
- NUZOV Ilya, 2013-2014, "The Role of Political Elite in Transitional Justice in Russia: From False Nuremberg to Failed Sovietization," *UC Davis Journal of International Law & Policy*, 20, no. 1, 273 p.
- O'BRIEN Conor Cruise, 1992, *The Great Melody: A Thematic Biography and Commented Anthology of Edmund Burke*. London: Sinclair-Stevenson.
- OLICK Jeffrey, 2007, *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. New York: Routledge.
- OPPO Andrea (Ed.), 2013, *Shapes of Apocalypse: Arts and Philosophy in Slavic Thought*. Boston, MA: Academic Studies Press.
- PAIK Peter Y., 2010, *From Utopia to Apocalypse: Science Fiction and the Politics of Catastrophe*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- PARLAND Thomas, 2004, *The Extreme Nationalist Threat in Russia: The Growing Influence of Western Rightist Ideas*. London: Routledge Curzon.
- PATYK Lynn E., 2017, *Written in Blood: Revolutionary Terrorism and Russian Literary Culture, 1861–1881*. Madison, WI: The University of Wisconsin Press.
- PEEBLES Stacey, 2017, "On Being Between Apocalypse, Adaptation, McCarthy," *European Journal of American Studies*, 12, no. 3; <https://journals.openedition.org/ejas/12283>.
- PERRIE Maureen, 2001, *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia*. New York: Palgrave.
- PETROV Nikita, 2018, "Don't Speak, Memory: How Russia Represses Its Past," *Foreign Affairs*, 97, no. 1: 16–21.

- PLATT Kevin M.F., 2010-a, "DoubleView: Pavel Lungin's Tsar," *KinoKultura*, 28; <https://www.kinokultura.com/2010/28r-tsar-kp.shtml>.
- PLATT Kevin M.F., 2010-b, "Allegory's Half-Life: The Specter of a Stalinist Ivan the Terrible in Russia Today," *Penn History Review*, 17, no. 2: 10–33.
- PLATT Kevin M.F., 2011, *Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths*. Ithaca: Cornell University Press.
- PLATT Kevin M.F., 2012, "Dress-Up Games with Russian History," *Public Books*, September 25; <https://www.publicbooks.org/dress-up-games-with-russian-history/>.
- PLATT Kevin M.F., 2019, "Gothic Ivan the Terrible in the 1920s: Iurii Tarich's Wings of a Serf and the Curious Case of Ignatii Stelletsii," *Russian Literature*, 106: 33–60.
- PLATT Kevin M.F. & David BRANDENBERGER, 1999, "Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV under I.V. Stalin," *The Russian Review*, 58, no. 4: 635–654.
- PLATT Kevin M.F. & David BRANDENBERGER, 2006, "Introduction: Tsarist-Era Heroes in Stalinist Mass Culture and Propaganda," *Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda*, edited by David Brandenberger & Kevin M.F. Platt, pp. 3–11. Madison, WI: The University of Wisconsin Press.
- POMERANTSEV Peter, 2014, *Nothing Is True and Everything Is Possible: The Surreal Heart of the New Russia*. New York: Public Affairs.
- POMIAN Krzysztof, 1984, *L'Ordre du temps*. Paris : Gallimard.
- POSPÍŠIL IVO, 2018, "The Secular, the Sacral, and the Three Stages of the Postsecular in Russian Literature: The Past and the Present," *The Experience of Faith in Slavic Cultures and Literatures in the Context of Postsecular Thought*, edited by Danuta Sosnowska & Ewelina Drzewiecka, pp. 178–88. Warsaw: Slavic Foundation.
- PRYCE Paul, 2013, "Putin's Third Term: The Triumph of Eurasianism," *Romanian Journal of European Affairs*, 13, no. 1: 25–43.
- PUGH Tison & Angela Jane WEISL, 2013, *Medievalisms: Making the Past in the Present*. New York: Routledge.
- "Putin's Asymmetric Assault on Democracy in Russia and Europe: Implications for US National Security," 2018, A Minority Staff Report Prepared

- for the Use of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, 115th Congress, Second Session, January 10.
- RAZUVALOVA Anna, 2020, "Conspiracy Theory and Neoconservative PR Strategies in the 2000–2010s: The Case of Aleksandr Prokhanov," *"Truth" and Fiction*, edited by Peter Deutschmann, Jens Herlth & Alois Woldan, pp. 145–168. Bielefeld: Transcript Verlag.
- REMINGTON Thomas F., 2018, "Russian Economic Inequality in Comparative Perspective," *Comparative Politics*, 50, no. 3: 395–416.
- ROSENFELD Gavriel D., 2015, *Hi Hitler! How the Nazi Past Is Being Normalized in Contemporary Culture*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- ROUSSELET Kathy, 2011, "Constructing Moralities around the Tsarist Family," *Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia*, Jarrett Zigon Ed., pp. 146–167. New York: Berghahn Books.
- SAVAGE Ritchie, 2012, "From McCarthyism to the Tea Party: Interpreting Anti-Leftist Forms of US Populism in Comparative Perspective," *New Political Science*, 34, no. 4: 572–573.
- SCHENK FRITHJOF Benjamin, 2004, *Aleksandr Nevskij: Heiliger-Fürst-Nationalheld: Ein Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis 1263–2000*. Köln: Böhlau Verlag.
- SCHUEYERMAN William E., 2004, *Liberal Democracy and the Social Acceleration of Time*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- SCHLÖGEL Karl, 2008, "Places and Strata of Memory: Approaches to Eastern Europe," *Eurozine*, December 19; <https://www.eurozine.com/places-and-strata-of-memory/> [1st Ed.: Karl Schlögel, 2008, "Orte und Schichten der Erinnerung. Annäherung an das östliche Europa," *Osteuropa*, 6: 13–25].
- SEDGWICK Mark, 2004, *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. New York: Oxford University Press.
- SEED David, 2000, "Introduction: Aspects of Apocalypse," *Imagining Apocalypse: Studies in Cultural Crisis*, edited by David Seed, pp. 1–14. New York: Palgrave.
- SHEIKO Konstantin & Stephen BROWN, 2017, "Empires of the Mind: Eurasianism and Alternative History in PostSoviet Russia," *The Politics of Eurasianism: Identity, Popular Culture and Russia's Foreign Policy*, edited

- by Mark Bassin & Gonzalo Pozo, pp. 121–141. Washington, DC: Rowman & Littlefield International.
- SHEKHOVTSOV Anton, 2017, *Russia and the Western Far Right: Tango Noir*. New York: Routledge.
- SHERLOCK Thomas, 2011, “Confronting the Stalinist Past: The Politics of Memory in Russia,” *The Washington Quarterly*, 34, no. 2: 93–109.
- SHIPPEY Tom, 2008, “Medievalisms and why they matter,” *Studies in Medievalism, XVII: Defining Medievalism(s)*: 45–54.
- SHTEPA Vadim, 2021, “Vladimir Putin Thinks in Terms of Empire,” *International Centre for Defense and Security*, July 16; <https://icds.ee/en/vladimir-putin-thinks-in-terms-of-empire/>.
- SILVERMAN Max, 2013, *Palimpsestic Memory: The Holocaust and Colonialism in French and Francophone Fiction and Film*. New York: Berghahn Books.
- SMITH Kathleen E., 1996, *Remembering Stalin’s Victims: Popular Memory and the End of the USSR*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- SMITH Kathleen E., 2002, *Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory during the Yeltsin Era*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- SMITH Mark, 2019, *The Russia Anxiety: And How History Can Resolve It*. New York: Oxford University Press.
- SMYTH John Vignaux, 2014, “Are Ruses Necessary to Evade Catastrophe? On Slavoj Žižek’s Endorsement of Jean-Pierre Dupuy’s ‘Faire comme si le pire était inevitable,’” *Apocalyptic Discourse in Contemporary Culture: Post-Millennial Perspectives on the End of the World*, edited by Monica Germana & Aris Mousoutzanis, p. 44–56. New York: Routledge.
- SNEGOVAYA Maria & Kirill PETROV, 2022, “Long Soviet Shadows: The Nomenclatura Ties of Putin Elites,” *Post-Soviet Affairs*, 38, no. 4: 329–348.
- SNYDER Timothy, 2014, “Ukraine: The Antidote to Europe’s Fascists?,” *The New York Review of books*, May 27.
- SNYDER Timothy, 2018-a, *The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America*. New York: Tim Duggan Books.
- SNYDER Timothy, 2018-b, “Ivan Ilyin, Putin’s Philosopher of Russian Fascism,” *The New York Review of Books*, March 16.

- SONTAG Susan, 1966, *Against Interpretation, and Other Essays*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- SPIEGEL Gabrielle, 2002, "Memory and History: Liturgical Time and Historical Time," *History and Theory*, 41: 149–162.
- STALLARD Katie, 2022, *Dancing on Bones: History and Power in China, Russia and North Korea*. New York: Oxford University Press.
- STAVRAKAKIS Yannis, 2014, "The Return of 'the People': Populism and Anti-Populism in the Shadow of the European Crisis," *Constellations*, 21, no. 4: 505–517.
- STUDIES in Medievalism, 2011, *Defining Neomedievalism II*, vol. XX, edited by Karl Fugelso; <https://doi.org/10.1017/9781846159527>
- SUSLOV Mikhail, 2016a, "The Genealogy of the Idea of Monarchy in the Post-Soviet Political Discourse of the Russian Orthodox Church," *State, Religion and Church*, 3, no. 1: 27–62.
- SUSLOV Mikhail, 2016b, "Of Planets and Trenches: Imperial Science Fiction in Contemporary Russia," *Russian Review*, 75: 562–578.
- SUSLOV Mikhail, 2019, "Conservative Science Fiction in Contemporary Russia," *The Post-Soviet Politics of Utopia: Language, Fiction and Fantasy in Modern Russia*, edited by Mikhail Suslov & Per-Arne Bodin, London: I.B. Tauris, 105–128.
- SWEET Julia, 2016, "Political Invasions into Collective Memories: Russia," *International Journal of Communication*, 10: 4512–4531.
- TOSWELL M. J., 2009, "The Tropes of Medievalism," *Studies in Medievalism, XVII: Defining Medievalism(s)*: 68–76.
- TOSWELL M. J., 2010, "The Simulacrum of Neomedievalism," *Studies in Medievalism, XIX: Defining Neomedievalism(s)*: 44–57.
- TUMARKIN Nina, 1983, *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press [в русском переводе: Тумаркин, 1997, *Ленин жив! Культ Ленина в Советской России*, пер. с англ. С. Л. Сухарева, Серия «Современная западная русистика». СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект»].
- TUMARKIN Nina, 1994, *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books of Harper Collins.

- TURDIYEVA Selbi, 2021, "Memory Production, Vandalism, Violence: Civil Society and Lessons from a Short Life of a Monument to Stalin," *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*, 28, no. 2: 1–14.
- ULAM Adam B., 1981, *Russia's Failed Revolutions*. New York: Basic Books.
- ULDRICKS Teddy J., 2009, "War, Politics and Memory: Russian Historians Reevaluate the Origins of World War II," *History and Memory*, 21, no. 2: 60–82.
- UMLAND Andreas, 2006, "Classification, Julius Evola and the Nature of Dugin's Ideology," *Fascism: Past and Present, East and West*, edited by Roger Griffin, Werner Loh & Andreas Umland. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- UMLAND Andreas, 2007, "Post-Soviet 'Uncivil Society' and the Rise of Aleksandr Dugin. A Case Study of the Extraparliamentary Radical Right in Contemporary Russia", Doctoral dissertation. Trinity College, Cambridge, UK.
- UTZ Richard, 2011, "Coming to Terms with Medievalism," *European Journal of English Studies*, 15, no. 2: 101–113.
- UTZ Richard, 2017, *Medievalism: A Manifesto — Past Imperfect*. Kalamazoo, MI: ARC Humanities Press.
- VACCA Roberto, 1973, *The Coming Dark Age*, trans. Dr. J.S. Whale. New York: Doubleday, [1st Ed.: 1971, *Il medioevo prossimo venturo*, Milano: Mondadori].
- VÄLIMÄKI Reima (Ed.), 2022, *Medievalism in Finland and Russia: Twentieth- and Twenty-First Century Aspects*. London: Bloomsbury Publishing.
- VERDERY Katherine, 1995, *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- VERDUIN Kathleen, 2009, "The Founding and the Founder: Medievalism and the Legacy of Leslie J. Workman," *Studies in Medievalism, XVII: Defining Medievalism(s)*: 1–27.
- VERKHOVSKY Alexander, 2016, "Radical Nationalists from the Start of Medvedev's Presidency to the War in Donbas: True till Death?" *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*, edited by Pål Kolstø and Helge Blakkisrud, pp. 75–103. Edinburgh, UK: Edinburgh University Press.

- VERNADSKY George, 1969, "The Mongol Impact on Russia," *Readings in Russian Civilization*, edited by Thomas Riha, vol. 1, 173–93. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- VODOLAZKIN Eugene, 2015, *Laurus*, trans. Lisa C. Hayden. London: One World Publications.
- VODOLAZKIN Eugene, 2016, "The New Middle Ages," *First Things*, 8–9; www.firstthings.com/article/2016/08/the-new-middle-ages.
- WALKER Shaun, 2019, *The Long Hangover: Putin's New Russia and the Ghosts of the Past*. New York: Oxford University Press.
- WALSH Harry, 2002, "The Microcosmographia of Russian Cultural Myths in Vladimir Sharov's Allohistorical Novels," *Slavic and East European Journal*, 46, no. 3: 565–85.
- WEINER Amir, 2001, *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- WEISS-WENDT Anton, 2021-a, *Putin's Russia and the Falsification of History: Reasserting Control of the Past*. London; New York and Oxford: Bloomsbury Academic.
- WEISS-WENDT Anton, 2021-b, "Secondhand History: Outsourcing Russia's Past to Kremlin Proxies," *The Future of the Soviet Past: The Politics of History in Putin's Russia*, edited by Anton Weiss-Wendt & Nanci Adler, pp. 48–70. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- WIJERMARS Mariëlle, 2018, *Memory Politics in Contemporary Russia: Television, Cinema and the State*. Abingdon: Routledge.
- WINTER Jay, 2000, "The Generation of Memory: Reflections on the 'Memory Boom'," *GHI Bulletin*, 27: 69–92.
- WOLF Meike, 2019, "Viral Apocalypse: Preparing for the Worst Case Scenario," *Apocalypse: Imagining the End*, edited by Alannah A. Hernandez, pp. 163–173. Leiden: Brill.
- WOOD Elizabeth, 2011, "Performing Memory: Vladimir Putin and the Celebration of World War II in Russia," *The Soviet and Post-Soviet Review*, no. 38: 172–200.
- YANOV Alexander, 1981, *The Origins of Autocracy: Ivan the Terrible in Russian History*, trans. Stephen Dunn. Berkeley, Los Angeles, CA, London: University of California Press.

- YEKELCHYK Serhy, 2002, "Stalinist Patriotism as Imperial Discourse: Reconciling the Ukrainian and Russian 'Heroic Pasts,' 1939-1945," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3, no. 1: 51-80.
- YEKELCHYK Serhy, 2004, *Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination*. Toronto: University of Toronto Press.
- YEKELCHYK Serhy, 2006, "The Civic Duty to Hate: Stalinist Citizenship as Political Practice and Civic Emotion: Kiev, 1943-53," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7, no. 3: 529-556.
- YEKELCHYK Serhy, 2014, *Stalin's Citizens: Everyday Politics in the Wake of Total War*. Oxford: Oxford University Press.
- ZAWADZKI Paul (ed.), 2002, *Malaise dans la temporalité*. Paris: Éditions de la Sorbonne.
- ZHURZHENKO Tatyiana, 2010, *Borderlands into Bordered Lands: Geopolitics of Identity in Post-Soviet Ukraine*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- ZIELONKA Jan, 2006, "Conclusions: Implications of Neo-Medievalism," *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford Academic Online, pp. 164-191.
- ŽIŽEK Slavoj, 2010, *Living in the End Times*. London: Verso.
- ZUBKOVA Elena & Fedyashin Anton, 2009, "The Filippov Syndrome," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 10, no. 4: 861-68.

Newspapers, Interviews and Internet

- AP News*, 2022, "Moscow Patriarch: Russian War Dead Have Their Sins Forgiven," Peter Smith, September 27.
- BBC News*, 2016, "Artist makes 'bloody stake' memorial to Ivan the Terrible", October 26.
- BBC News*, 2022, "Facebook deleting QAnon pages – But what is it?," Ros Atkins, October 9.
- BBC News*, 2023, "Defying Russian onslaught in city 'at the end of the world'," January 4. www.bbc.com/news/world-europe-64153581.
- Bloomberg*, 2022, "Believe It or Not, Putin's Foes Are Now Nazi Satanists," Andreas Kluth, November 16.

- CNN Politics*, 2020, "Photo of Donald Trump Jr. holding a rifle raises flags with hate group researchers," David Shortell, January 7.
- CNN*, 2021, "Decoding the extremist symbols and groups at the Capitol Hill insurrection", Simon Mallory & Sara Sidner, January 11.
- CNN*, 2022, "In Putin's Vision for the World, a Medieval Narrative Resurfaces," Delia Gallagher, March 14.
- CNN*, 2023, "Former Wagner commander describes brutality and incompetence on the frontline," Muhammad Darwish, Katharina Krebs & Tara John, January 31.
- Financial Times*, 2020, "The Russian oligarch who wants Vladimir Putin to be a Tsar," March 12.
- Financial Times*, 2022, "Writer Vladimir Sorokin: 'I underestimated the Power of Putin's madness'," June 24.
- Financial Times*, 2023-a, "Based on a lie," January 25.
- Financial Times*, 2023-b, "How Putin Blundered into Ukraine – Then Doubled Down," Seddon Max, Christopher Miller & Felicia Schwartz, February 23.
- France 24*, 2023, "Russian Patriarch Kirill Spied in Switzerland for KGB in 70s," February 6.
- Gazeta Wyborcza*, 2015, "Žižek: Nadchodzi nowe s' redniowiecze," February 7.
- Global Engagement Center*, 2020, "GEC Special Report: Pillars of Russia's Disinformation and Propaganda Ecosystem," August 6.
- Huffington Post*, 2020, "Steve Bannon: I'd Put Anthony Fauci's Head On A Pike As A 'Warning,'" Mary Papenfuss, November 5.
- Huffpost.com*, 2014, "An Alliance of Necessity: Putin's Russia Enjoys a Strategic Partnership with Israel," Jared Feldschreiber, July 1. www.huffpost.com/entry/an-alliance-of-necessity_b_5534016.
- Human Rights Watch*, 2022, "Central African Republic: Abuses by Russia-Linked Forces," May 3; <https://www.hrw.org/news/2022/05/03/central-african-republic-abuses-russia-linked-forces>
- Jordan Russian Center*, 2019, "The New Russian and the American Psycho (Russia's Alien Nations)," Eliot Borenstein, 20 June ; <https://jordanrus-siacenter.org/news/the-new-russian-and-the-american-psycho-russias-alien-nations/#.Yg7MHi-B2qA>.

- Libération*, 2006, “‘Les Bienveillantes,’ roman à controverse,” Interview with Peschanski by Claire Devarrieux & Nathalie Levisalles, November 7; https://www.liberation.fr/evenement/2006/11/07/les-bienveillantes-roman-a-controverse_56610/?redirected=1&redirected=1.
- Nouvel Obs (Le)*, 2010, “Génération Littell,” Grégoire Leménager, July 5; <https://www.nouvelobs.com/romans/20100705.BIB5425/generation-littell.html>.
- New York Times*, 2022, “We Should Say It: Russia Is Fascist,” Timothy Snyder, May 19.
- Project Syndicate*, 2017, “Russia’s Neo-Feudal Capitalism,” Andreas Åslund, April 27; <https://www.project-syndicate.org/commentary/russia-neofeudal-capitalism-putin-by-anders-aslund-2017-04>.
- Project Syndicate*, 2019, “Putin and the Apocalypse,” Dina Khapaeva, January 24; <https://www.project-syndicate.org/commentary/nuclear-war-putin-orthodox-approval-by-dina-khapaeva-2019-01>
- Quillette*, 2022, “Vladimir Putin’s Medieval Mindset,” Jonathan Kay, March 3; <https://quillette.com/2022/03/03/vladimir-putins-medieval-mindset/>
- Radio Liberty*, 2017, “Russia’s ‘Myth’-Busting Culture Minister Embroiled in Doctoral Thesis Scandal,” Tom Balmforth, October 3.
- Salon*, 2016, “Our ‘Game of Thrones’ fantasy: Democracy is almost nonexistent in Westeros – and we like it that way,” Si Sheppard, May 1; www.salon.com/2016/05/01/our_game_of_thrones_fantasy_democracy_is_almost_nonexistent_in_westeros_and_we_like_it_that_way/.
- Salon littéraire (Le)*, 2013, “Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Résumé,” Pierre Cormary, May 30; <http://salon-litteraire.com/fr/jonathan-littell/review/1837051-les-bienveillantes-de-jonathan-littell-resume>.
- Spiegel International*, 2011, “Holy Vladimir, Pray for Us: A Russian Sect Honors Putin as a Saint,” Benjamin Bidder, September 29.
- The Conversation*, 2018, “The Byzantine History of Putin’s Russian Empire,” Theodore Christou, March 15.
- The Conversation*, 2022-a, “Putin’s Not a Fascist, Totalitarian or Revolutionary — He’s a Reactionary Tyrant,” Richard Shorten, March 17.
- The Conversation*, 2022-b, “Yes, Putin and Russia are Fascist – A Political Scientist Shows How They Meet the Textbook Definition,” Alexander Motyl, March 30.

- The Guardian*, 2015, “Stalin portraits emerge in heart of Ukraine’s rebel-held territory,” October 19.
- The Guardian*, 2017, “‘We’re Taking Them Home’: Saving Russia’s Brick Slaves – Video,” March 31.
- The Guardian*, 2018, “‘Like Prisoners of War’: North Korean Labour behind Russia’s 2018 World Cup,” Alec Luhn, June 4.
- The Guardian*, 2022-a, “Putin’s Speech Harked Back to Russia’s Empire — the Threat Doesn’t Stop at Ukraine,” Giles Keir, February 22.
- The Guardian*, 2022-b, “Russia’s Genocidal Propaganda Must Not Be Passed Off as Freedom of Speech,” Peter Pomerantsev, October 16.
- The Guardian*, 2022-c, “This Is Russia’s Way of War. Putin Has No Qualm about Medieval Levels of Brutality,” Keir Giles, March 2 ; <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/02/ukraine-russia-vladimir-putin-medieval-levels-of-brutality>
- The Independent*, 2022, “Putin Wants to Turn Back the Clock to Medieval Times. NATO has to Confront Him,” Sean O’Grady, March 2.
- The Moscow Times*, 2022-a, “Goida! They Shouted. Say What?,” Michele Berdy, November 10.
- The Moscow Times*, 2022-b, “For a Troubled Russian Region, Stalin is a Local Hero,” Felix Light, January 5. or in the Press Articles Section?
- The New York Times*, 2009, “Re-Stalinization of a Moscow Subway Station,” Sophia Kishkovsky, August 27.
- The New York Times*, 2022, “We Should Say It: Russia Is Fascist,” Snyder Timothy, May 19; <https://www.nytimes.com/2022/05/19/opinion/russia-fascism-ukraine-putin.html>
- The Washington Post*, 2019, “Trump Says Medieval Walls Worked. They Didn’t,” Gabriele Matthew, January 10.
- The Washington Post*, 2019, “Why far-right nationalists like Steve Bannon have embraced a Russian ideologue,” Hawk Brandon W., April 16.
- The Washington Post*, 2022, “Putin’s Centuries-Long March into Ukraine,” Daniel Beer, September 29.

Содержание

Предисловие к русскому переводу.....	9	
Предисловие и благодарности.....	13	
◉		
Введение.....	23	
Путинизм и война.....	23	
Постсоветская история: от западничества к неомедиевализму	28	
I. Политический неомедиевализм,		
память палачей и мобмемори.....	49	
Политический неомедиевализм и политика памяти.....	49	
Неомедиевализм и кризис истории.....	59	
Может ли средневековье вернуться?	64	
Память палачей и мобмемори.....	69	
II. Неомедиевальная политика Путина.....		77
Постсоветский неомедиевализм	77	
Иван Грозный в путинском Кремле	82	
Средневековая мобилизация: Александр Невский, князь Владимир Киевский и князь Игорь	91	
Вездесущее средневековье	96	
Сословная Россия будущего.....	105	
III. Постсоветские историки и религиозные активисты		
об опричнине Ивана Грозного	129	
Опричнина как символ веры.....	130	
Митрополит Иоанн и его ребрендинг опричнины	132	
Опричный монастырь — «ключ к гармоничному обществу»	138	

Опричнина как вызов историографии	143
Мистический поворот в историографии опричнины	150
Реабилитация Ивана и коммерциализация антигуманизма	166

IV. Российские ультраправые

в ожидании новой опричнины	179
Неоевразийская «реакционная модернизация»	181
«Виртуозная политика»	186
«Единственное спасение России»	190
Тридцать миллионов «деградантов»	193
«Традиция гражданского общества»	197
Опричнина как образ жизни.....	201

V. Опричнина и крепостное право

в популярной культуре и общественных дебатах.....	209
Опричнина в «Третьей Империи»	211
Третья Империя... за чертополохом.....	217
Сопrotивление новой опричнине в художественной литературе .	224
Месть опричнины	231
Сопrotивление новой опричнине в постсоветском кино	235
Постсоветские холопы.....	241
Неомедиевальная эстетика и рабство в популярной культуре	248
Ресталинизация в путинской России.....	257
Ресталинизация России для «денацификации» Украины.....	259
Ресталинизация в образовании, архивах и историографии	278
«Сталин жив!»	
Общественное мнение и популярная культура	284
Двойники путинизма: Иван и Сталин.....	293
Ресталинизация и неомедиевализм в действии: группа «Вагнер» .	302

Проработка прошлого по-русски:

мобмемори в прозе Владимира Шарова	309
Шаровы и сталинизм	310
«Благоволительницы» в «Царстве Агамемнона»	317

Экономика террора	323
Постмодернистская ирония над сталинизмом	337
Против романтизации сталинизма: «Оправдание» Дмитрия Быкова.....	345
Заключение: Апокалипсис как практика	353
Путинизм и апокалипсис	354
Политика ретроградного времени.....	365
Библиография	383
Книги, монографии, журналы	383
Газеты, интервью, интернет-сайты.....	400
Bibliography.....	425
Books, Monographies and Reviews	425
Newspapers, Interviews and Internet	450

